

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/96

Соответствие разрешенному к печати

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

директор полиграфической фабрики

27. 09

27. 09. 1996г. Л. Сурнев

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

И. И. Жилинский — Блокадный дневник 3

СТАТЬИ

Л. И. Гинцберг — По страницам «особых папок» политбюро ЦК ВКП(б) 16

В. И. Кузицин — Трудовая этика и античный полис 31

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А. П. Богданов — Михаил Васильевич Скопин-Шуйский 46

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Ю. А. Поляков — Весна 1949 года 66

ПУБЛИКАЦИИ

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах 78

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Л. П. Карсавин — Введение в историю. Вступительная статья А. Л. Ястребицкой 101

Выходит с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

С О О Б Щ Е Н И Я

- А. Я. Шевеленко** — Драгоценности раннего средневековья в Западной Европе 128
- В. В. Похлебкин** — Кто был первым в Европе военным атташе 135

Л Ю Д И . С О Б Ы Т И Я . Ф А К Т Ы

- А. Ю. Александрова** — Из истории международного туризма 139
- Ю. Л. Епанчин** — Роль седьмого корпуса Н. Н. Раевского в Бородинской битве 144

И С Т О Р И О Г Р А Ф И Я

- Р. Е. Кантор** — Теоретические искания западных историков (заметки на полях книги П. Берке) . 147
- М. Ю. Мягков** — Д. Гланц, Дж. Хаус. Когда столкнулись титаны. Как Красная Армия остановила Гитлера 157
- А. Ф. Носкова** — СССР — Польша: механизмы подчинения. 1944—1949 159
- В. В. Корнев** — Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. 1905—1911 гг. 161
- И. С. Достян** — История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) . 162
- Б. В. Колобов** — Письма и бумаги императора Петра Великого 164
- А. А. Кислова** — Э. Л. Нитобург. Церковь афроамериканцев в США 166
- В. Н. Парфенов** — История Древнего Рима . . . 167

П И С Ь М А В Р Е Д А К Ц И Ю

- Г. М. Шварц** — Ленинградская группа рабочей демократии 169
- В. А. Андреева** — «Всего же более убогих не забывайте...» 172

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Блокадный дневник

И. И. Жилинский

Ни от кого, ни под каким видом, ни за какие деньги ждать помощи хлебом нельзя. Каждый одинаково голоден, и все окружающие, как по очереди, постепенно тают и умирают. И вот можно дома у себя, среди своих «дорогостоящих» вещей, умереть так глупо, так безвинно, так ненужно. Дикие, непростительные эксперименты творят с нами... Наша жизнь робинзоновская: у нас в ходу лучинушка (экономия спичек), забыли баню (из-за отсутствия топлива не работает), нет парикмахерских, в квартире, как, например, у нас, температура ночью минус $2-1\frac{1}{2}^{\circ}$, днем же всего около $6-8^{\circ}$ С, так что умыться не всегда можно. С ночи умывальник замерзает, днем холодно. Руки, как у кочегаров, к тому же от работы изранены, загрязнены и закоптелые, с пригорелыми конечностями. Спим мы в ватниках, не раздеваясь (снимаем лишь валенки), под одеялами и сверху — пальто.

Каждый день канонада, взрывы, разрывы дальнобойных снарядов противника, но все так атрофировались, так всем осточертелела эта жизнь, что не уделяют никакого внимания никакому грому. Убьют, так убьют — лишь бы напавал и сразу. Один конец. Надоело страдать. У людей умирают родные — мужья, матери, сестры, больные дети. Никто не проронит слезы, как будто идет все нормально. Смерть ближнего, родного в семье приносит жизнь остающимся. Умершего выдерживают в холоде до конца месяца и получают по его карточке хлеб для себя. Так вот и Серебряников, так и Усачева держит в прачечной покойника мужа, так и Сыропатов, так и Федорова. Так и по всему городу. Сколько покойников есть, но скрываемых! А сколько их ежедневно везут и везут, без гробов, на детских саночках. Какой примитив! На улице видишь: человек слаб и приседает на крыльце, так дворник просит не садиться и идти дальше, зная, что он умрет и надо потом его сплавлять в морг. Но если этот хорошо одет, то дворники относятся более почтительно и даже предлагают присесть на табурет — ведь потом он его и разделет. Сколько по городу умирают на улицах, а из морга на кладбище увозят голышами.

По газетным интервьюировкам видных «руководов» местной жизни и уклада (напр., интервью предисполкома Попкова) говорится, что самое трудное уже осталось позади; а жизнь делается хуже и хуже. В октябре, ноябре и даже декабре выдавалось хоть что-нибудь из приварка, то крупа или взамен нее мука (отрубная), то макароны, то конфеты или замена патокой или повидлом, а вот январь прожили чудом. За декабрь не выдали ничего по сахарным талонам (все у нас целы), не выдали за 2 декады жиров и в довершение в январе вовсе прекратилось снабжение. Только остался

Окончание. См. Вопросы истории, 1996, №№ 5—7.

к получению один хлеб в таком мизерном пайке, что все превратились в щепки. Ведь 200 гр. на человека в сутки, потом с 24/1 прибавили (250 гр.) — это ведь не день, не неделю, а после двух, трех голодных месяцев — дикий, ужасно голодный паек. Ведь арестанты в тюрьме в старое время получали в день кроме двух супов-бурды еще по 1½ фунта хлеба (600 гр. в день). Каторжники получали по 800 гр. в день; а мы? Будто смертники, приговоренные и ожидающие своей очереди.

Вот сегодня, и вчера, и позавчера, и, видимо, и завтра — трудности с добычей населением хлеба. Сутки надо простоять в очереди. Где же тут «самое трудное — прожито»? Что-то не так! Канонада все слышится ближе и ближе. Что будет с нами? Мы, как мыши в мешке или мышеловке. Радио нет, газет нет, трамваев нет, в город пройти нет сил, холодно, голодно... Ужас, который мало кому представляется по ту сторону блокады.

Как трудно без курева. Я уже несколько дней не курю. Все обшарил. В сундуке обнаружил махорку и нюхательный табак, что пересыпали вещи, — скурил. Больше ничего. Трудно, очень трудно в такую тоскливую пору не закурить. Вчера я стрельнул одну папиросу «Беломорканал», и сегодня мне удалось стрельнуть от уезжающих тоже одну «Флотскую». С каким удовольствием я их выкурил дома после чая. Я чувствовал, что все трепетало во мне, в ноги ушло тепло... Особенно приятно, если папироса хорошая. Я решил на будущее не курить дряни, не курить часто, а именно с наслаждением хорошую папиросу, или сигару, или трубкабак — после обеда или вечернего чая. На будущее, если Бог позволит все это кошмарное пережить. Если только переживем и доживем до нормальных условий жизни, то теперь мы так научились жить и ценить каждую крошку! Пшеничная каша — это мечта. Да что каша! Хлеба досыта, чтобы сделать тюрьму, и то блаженство...

Да, теперь наша жизнь будет построена иначе, да и голод, и людские отношения в беде научили нас многому, показали нам оборотную сторону медали. Пусть наши родные и близкие не удивляются, если увидят нас и найдут в нас перемену не только во внешности, но и в характере, поведении и в оценке родственных и дружественных отношений. Наши глаза теперь смотрят иначе на жизнь и с собственной колокольни.

Оля моя спит. Уже 12 час. ночи. В комнате тепло. Бабушка храпит на Олиной (Иван.) кровати. Чирикают часы. Светят мне две «фитюльки». Слышна канонада со стороны Кронштадта и со стороны Охты. На дворе, видимо, мороза нет, т. к. от пола не несет ужасным холодом. Глицерин кончается. Касторки осталось пять шариков-пилюль. Мы их с Олей съедим завтра. Бабушка отказалась — боится расстройства желудка. Оля подобрала сегодня на улице свежий круглый конский помет. Он замерз. Положили его морозить за окно. Будет мука. Попробуем делать лепешки. На самое голодное, безвыходное положение... Ведь сегодня днем я так испытывал голод, что хотел сушить на плите, потолочь и съесть с чаем древесных опилок, что были на полу, после пилки с мамой дров в кухне. Мы сейчас, во время морозов и личного ослабления, и пилим, и колем дрова на кухне. В квартире никого у нас нет чужого. Катя из-за холода живет с девушками в своем учрежденческом общежитии. Петушков с ноября на воен. службе. Пишет, что сейчас заболел и где-то лежит в больнице.

Завтра иду на службу. Важно добыть 2 м³ дров. В воскресенье — дома. Весь день посвящу коммерческой фотографии. Объявлено, что я снимаю для удостоверений личности, для паспортов по воскресеньям с 11 до 2-х час. дня. Надо сделать еще красный фонарь и развести химикалии и пр.

31 января 1942 г.

Мороз по-прежнему. Мы голодаем. Хлеб днем еще весь съели, что получили за 30 и 31/1.

Вечером пришел Петя, принес муку. Приготовили на воде лепешки. Оля их жарила на сковородке на воде. Петя получил муку за прожитый день, когда не было выдач в магазинах из-за аварии хлебозаводов. Пете дали 17 лепешек, мне Оля дала 10 и себе 9-ть. Прочли газету за 30/1.

Улеглись в 12^{1/2} ночи. Было очень холодно. От разрывов на кладбище наш дом совершенно растрясло. Он не держит тепла, да и внизу холод. Петя спал в пальто на сундуке. Петя принес мне мою книгу Озерова. Дрова идут к концу. Всегда вспоминаем Олю Гродскую, так легко отдавшую наши дрова на ущелья.

1 февраля 1942 г.

Мороз 18°. Оля ушла в Гастроном в 8^{1/2} ч. утра. Петя сказал, что что-то будут давать. Мы с Петей, ради воскресенья, спали до 9 час. Затем самовар, крепкий чай без хлеба, без сахара. Пришел домуправ с просьбой снять его для паспорта. Петя ушел, а я занялся фотографированием. Мама спала. Она очень и очень плохо себя чувствует. Жалуется на сердце. Говорит, что иногда у нее в глазах рябит и ноги подкашиваются. Мы с мамой за чаем провели голодными весь день. Я наносил снегу, таял его на воду на плите. Мама грелась у плиты, затем забралась на плиту и на ней сидела весь день.

Испробовал новую буржуйку, что сегодня получили от Серебряникова, который уже уехал. В его квартиру въехали сегодня, 1/II, новые жильцы: Яков Алексеевич и Александра Степановна (фам. не знаю), муж и жена без детей. Он механик без образования. Люди простые, но, кажется, будут сносными соседями и, во всяком случае, лучше Серебряниковых. Оли нет и нет, а мы голодны. Мама очень, бедняжка, истощала. Эти аварии хлебозаводов много погубят отощавших голодных людей, которые уже не в состоянии будут завтра выйти в очередь за хлебом. А очереди сейчас отнимают весь день у булочной, чтобы получить себе дневной скудный паек. Затем завтра то же. Ужас.

Внизу у Анны Васильевны умер ребенок. Она держит в секрете, чтобы продолжать получать на него хлеб. Второй ее сынишка, Толя, накануне смерти. Видимо, останется она вдвоем с Витей (12 лет). У Усачевой тоже умер сын Федя. Остался теперь один, а сам Усачев и до сих пор не похоронен, лежит у Мар. Ив. в секрете, чтобы получать его паек. В Оли Гродской шкафу я нашел в рюмочке засушенные корочки от апельсина. Какое чудное открытие! Пьем чай с этими корочками и растянем их на неделю. Прелесть.

Оля, наконец, пришла к 19 часам. Ура! Получила сахар и для Пети по рабочей карточке крупу. Решили ее украсть. Сделали кашу и с сахарком съели. Удивительно хорошо себя почувствовали. Вот теперь мы научились ценить пшенную кашу. Я на службе 31/I получил, вернее — выпросил, столярного клея граммов 400—500. Оля его вымачивала и тоже сделала к вечеру холодец. Ужин у нас получился на славу. На нов. месяц мы еще не получили новых карточек. Задержка в типографии. Мы без хлеба.

2 февраля 1942 г.

Мама чувствует себя очень плохо, но лежать не хочет. Она говорит, что если лягу, то не встану, а на ногах все проходит. Приняла касторку. Новых карточек еще нет к 12 час. Мы без хлеба. Я был на работе в надежде получить дрова. Если дров не дадут — работать им не буду. Оля добыла карточки, но очередь всюду ужасная. Оля за хлебом ушла в город.

На службе со мной был обморок. Вернулся к 1 часу дня домой. Голодали с мамой, вместе ожидая Олю. Она пришла с хлебом из города только к 18^{1/2} час. Пили чай с сахаром и хлебом, а за старый день получили мукою. Делали заболтку в стаканах. Мама охает и кричит. Она, бедняжка, совсем ослабла.

3 февраля 1942 г.

Мороз 16°. Идя на службу, с трудом Олю уговорил взять хлеб вперед на день 4/II, а сегодня мне дать кусочек на завтрак на службе. Сахару не дала. Со службы еле дошел домой. Чаепитие. Сон. Мама громко читает молитвы и кричит. Меня просила ее укрыть потеплее.

4 февраля 1942 г.

Мама умерла днем в 4½ часа. Она перешла из Олиной (Иван.) комнаты в мою, говоря, что она замерзает. Потом присела на свое место у стола с самоваром у печи и сказала мне: «Вот, Ваня, оставляю тебе после моей смерти все, что останется: серебряную столовую ложку и две чайные и серебряную чарочку — Вам для серебряной свадьбы. Дарю тебе как старшему сыну, больше ничего я тебе, хоть и хотела бы дать, но не имею. А из вещей все твое. Употреби часть на мои похороны. Потом прибавила, что какие у ней вещи? Что и зимнее старое, и осеннее пальто она получила с моего плеча, платок дала Ольга Николаевна, туфли тоже, и т. д. Потом она посмотрела на стол, похвалила самовар и добавила: «С большим удовольствием я пила чай из самовара, но если умру, то вот, Ваня, эту мою чайную кружку и блюдечко береги, если когда все соберется, то пей с гостями из нее чай и говори, что я тебе ее подарила и из этой чашки с наслаждением пила чай, когда в Лен-де был голод».

Я весь день был дома, т. к. этот день у меня посвящен коммерческой фотографии. Очень интенсивный обстрел Лен-да из дальнобойных. В ночь на 4/II я съел у Оли весь хлеб, 500 гр. 4/II утром в очереди у хлебн. магазина купил 400 гр. за 180 руб. хлеба и принес Оле. Сегодня снял домуправа; вышло хорошо, и через 2 часа отдал ему пару карточек.

Оля пришла из города к 18 час. Мама была уже холодная. А дело было так. Она со мной разговаривала часов в 15-ть, пока я делал карточки, а часов в 16-ть из кухни слышу: «Ой, ой», и мама шлепнулась на сундук у стола, взялась за сердце. Я, подбежав, предложил валерианки, и пока я вернулся из комнаты от ее аптечки, она отвалилась на сундуке навзничь и слабо, слабо дышала, а потом и перестала дышать.

Я стал ждать Олю. Когда она пришла, мы перенесли ее в комнату Оли Гродской, где ее кровать. Раздели, помыли, одели и уложили по-христиански на кровать, поставив у изголовья ее любимую икону.

Вот и мы, грешные, решили пока никому не говорить о смерти. Ведь надо собрать хлеб (ее же паек) на то, чтобы вырыть могилу, сделать гроб и т. п. Ведь на деньги ничего не делается, а только за хлеб, а где же его взять, как не таким способом? Ну, заодно решили и себя хоть немного поддержать, т. к. придется во время похорон потратить очень много энергии и сил, а силы-то этой нет.

Так. обр., у нас теперь в доме очень много покойников собралось: Усачев, Федоров, сын Усачева, Сыропатов, сын Анны Вас., наша мама и еще на очереди есть слабые, безнадежные, изголодавшиеся.

5 февраля 1942 г.

Мороз 18° с ветром — ужас. Вчера Оля принесла с базара обойный клейстер, 500 гр., а сегодня, когда я вернулся к 4 час. дня домой со службы, она мне поджарила 100 гр. мяса, что получила вчера и забыла за хлопотами сказать, и мы еще делали заболтку из обойного клейстера. Сволочи! С мелом карт. мука. Но приспособились. На службе дрова все никак не протолкнут, придется бросить работу, т. к. весь у меня смысл этой затраты сил был в дровах. Вечером пришел Петя. Принес 2 моих тома старой «Всемирной истории», «Мужч. и женщ.», 2 томика стихов, но что нужно мне, нет: «Чтец-декламатор» и 100 рус. писателей.

Хлеба не было ни у кого. За чаем мы с Петей съели всю обойную муку и по тарелке клея столярного в виде холодца. Голодны, но поели. Холодно было ужасно. Дрова кончаются. В городе масса пожаров от «буржук». Горят по 3—5 дней чудные дома... В городе процветает людоедство: так, в Политехнич. институте обнаружили группу студентов, которые уже нескольких студентов съели. Близ Поклон. горы поймали 4 женщ., занимающихся ограблением, убийством из-за мяса человека. Варят холодец. В городе одна семья решила умирающего мужа и отца не допустить до смерти и съесть, а потом таким же образом съели еще 2-х членов семьи.

6 февраля 1942 г.

Мороз около 14° днем, а утром 20°. Солнце ярко светит по-весеннему. На службе выясняется, что дров не будет, нет транспорта, на чем доставить. Я прекратил работу. Ушел.

7 февраля 1942 г.

Мороз 16°. Оля ушла в город, дают масло коровье. Стали кое-что давать по январским карточкам, когда уже миллиона 2^{1/2} народу вымерло. Теперь покойников многие из-за трудности похоронить не довозят до кладбища, а по Новой Деревне бросают. Один лежит за забором у Земск. больницы, другой — ближе к нам. Возле мастерских памятников на Серебряковом много их оставлено.

Оля удачно получила масло, 300 гр. Устроили чай с хлебом и с маслом. Причем с 5/II мы без мамы, но с маминым пайком. Горе, грешно, дико, но мы оживаем; правда, все это очень ничтожные порции, но все же. Сварили последний клей на холодец и поставили на ночь в комнату Петушкова, чтобы застыло. У мамы в сундучке на дне я нашел просыпанных граммов 20 рису. Оля одну тарелку холодца сварила с рисом, и мы съели, как суп. Хорошо. Завтра — воскресенье, работает моя коммерческая фотография с 11 час. до 2-х.

Т. к. я на службу ходить не буду, то теперь всем будем объявлять, что фотография работает ежедневно с 11 до 2. Помещение подготовили в комнате Гродских. Мама лежит на кровати у окна, заставили шкафом и пианино. Оля принесла газету, но ничего утешительного нет. Просто удивительно, что о нашей блокаде нет никаких радостных известий. Никто ничего не знает о положении на фронте! Радио у нас в Нов. Дер. не работает, Оля слыхала, что по Каменноостровскому пр-ту, близ Райсовета и Лопухинки, уже радио говорит. Видимо, доберутся починку сделать и у нас.

8 февраля 1942 г.

Мороз 12°. Приспособились пить чай со вчерашнего вечера в кухне. Топили «буржуйку», кипятили тут же чай, греемся. Тепло. Хоть одна комнатка нас согревает. Весь день мы теперь здесь. Фотография работала. Было 2 заказчика. Снял и заказы уже им сдал. Получил плату хлебом, по 100 гр. за 2 шт. карт. для паспорта. Итого мы с Олей сегодня имели дополнительно 200 граммов хлеба. Съели торжественно и с большим аппетитом. Оля говорит, что по Серебрякову переулку много брошенных покойников валяется и увеличивается с каждым часом. Что будет с нами, с ленинградцами, так дальше? Ведь чуть малейший перебой с хлебом, все так истощены, что сразу все погибнут. Правда, кто ближе к торговому делу, те все будут целы. Они, собственно, и сейчас выглядят цветущими, но основная масса лен-цев выглядит покойниками. Многие — опухшие. Я тоже с опухолью на щеках и под глазами. Сегодня мы с Олей сыты хлебом (ели с маслом и с сахаром), но хлеб у нас взят и уже съеден за 9/II. Завтра утром пойду брать на 10/II. Надемся, что что-либо сменяем на хлеб и вывернемся. Говорят, что с 10/II будет прибавка хлеба, но не верится.

9 февраля 1942 г.

Морозы по-прежнему. В ночь на 9/II я писал первую часть «Я к Вам обращаюсь, народы Германии». На кухне было тепло, и никто не мешал. После 12 ч. ночи ушел спать. Оля меня пожурила. У Оли болит желудок, приняла 20 кап. Иноземцевых. Нет табаку. Курил шалфей, теперь курю ромашку. Сегодня было 2 заказчика на фото для паспортов (по 100 граммов хлеба). Болит рука (правая), растяжение жил; смазал руку йодом и камфорным маслом. Попытка сделать какой-либо обмен на рынке не удалась, безрезультатно. Хлеба нет.

10 февраля 1942 г.

Мороз. Написал и раздаю по рукам в хлебных и проч. свой адрес как фотографа. В кухонном столике нашел 3 сморщенных, высохших, с зеленой

местами плесенью картофелины. Они превратились в бобовую величину, наполненную будто канифолью. Запах картошки. Оля их устроила на буржуйке распарить, и их мы съели с шелухой, очистив лишь от зелени и грязи. Маленькое наслаждение ароматом картофеля, который для нас лишь мечта. Там же нашли мятные капли и тоже применили (пили чай с мятн. каплями). Съели с хлебом и солью всю касторку. Хлеба нет. Голодно и холодно, две беды. Едим сен-сен, чтобы обмануть зубы и желудок. Весь хлеб съели еще днем. Предполагали, что вечером без хлеба пойдем спать; оказалось на счастье, новые жильцы в квартире Серебряникова пригласили на новоселье. Съели по 2¹/₂ кусочка хлеба и по лепешке дуранды за чаем. Вышло неожиданно чудесно. У них сменяли мясорубку на табак. Наслаждаюсь куревом. Завтра возьмут Олины (тесные) черные туфли.

11 февраля 1942 г.

Мороз. Очередь за хлебом с 7 ч. утра до 11¹/₂ ч. Оля уже волновалась и хотела идти меня разыскивать. С 11/II прибавили норму хлеба: рабочие — 500 гр., служащ. 400 гр., иждивенцы 300 гр. Радости нет конца!!!

В пятницу пойду рабочим на «Красн. Мебельщик» из-за пайка, и работа в 20 шагах от дома. Продолжал писать обращение к немцам. В саду нарвал черной смородины — заварили в чай. Можно пить. Сегодня хлеба хватило. Пришел 3-й заказчик фото (100 гр. хлеба), Оля на 25 гр. табаку принесла тоже 100 гр. хлеба.

12 февраля 1942 г.

Мороз 5°. Продали патефон за 1¹/₂ кило хлеба, карточкой по 400 гр. в день, и еще кое-что продала Оля, — всего на 2600 граммов. Еще М. И. Оля продала простыни, — материал желтый, бязь, за 800 гр. + кружева, всего за 1000 гр. Приготовили и сторговали на обмен Олино светлое крепдешин. платье за 3 кило хлеба. Продажа через Мар. Ивановну. Вересовы рассчитались со мною табаком за лекарства, починку, за мясорубку. Мы стали сытно есть хлеб. Делали Вересовым на заказ горчицу с маслом, сахаром, уксусом и т. д. Не забыли, конечно, и себя..! Завтра Оля пойдет в «Гастроном» за крупую, сахаром, и что будет? У «Нардома» в ущельях трупы убитых прохожих. Возле Мар. Ив. сарая найдена голова человека. Рано и поздно вечером опасно ходить по улицам. Едят людей. Холодец какой-то группой, под фирмой артели, сбывался даже в столовые...

13 февраля 1942 г.

Мороз. Начали ломать и сжигать Олин (Ив.) кухонный стол (в нем больше дерева).

14 февраля 1942 г.

Мороз. Топим буржуйку кух. столом. Достать дрова из ямы Ал-ра Ив-ча нет сил. Дрова от стола жжем экономно. Хлеб вышел. Взял в долг у М. И. 300 гр. хлеба + 400 гр. по карточке за патефон. Ура! М. И. принесла за крепдешинное платье 3 кило хлеба (— 300 гр.). После прибавки хлеба и налаживания водоснабжения хлебопекарен хлеб не стали люди придерживать и стали смелее делать приобретения. Приобретают же хлебные короли, как то: продавцы и кассирши их хлебных и продуктовых магазинов и т. д. В ночь на 15/II ночевал Петушков. Пили на кухне чай (трапеза с сахаром и сыром).

15 февраля 1942 г.

Потеплело. Сретенье. Мар. Никол. (молочница) предсказывает, что приметы по Покрову, что без оттепели зима и т. п., а потому будет очень ранняя и дружная весна. Будет тепло. Весь день идет обстрел Лен-да.

16—17 февраля 1942 г.

Мороз. Обстрел. То же и по Нов. Деревне. Слава Богу, с нашим домом и нами благополучно. С 18/II поступил на работу на «Белодеревец» мас-

тером сборочного цеха. С 20/II получаю рабоч. карточку. Нет денег. Почта ни у нас, ни на Кам. Острове не работает, приобрел на табак с ромашкой фотобумагу — клад. Выгодная сделка. Буду принимать заказы на увеличение портретов.

18 февраля 1942 г.

Мороз 18°. Без дров. С 15/II ждем Петра, но он не идет. Идет очень интенсивный обстрел Лен-да и Нов. Деревни.

19 февраля 1942 г.

Мороз 30°. Интенсивный обстрел Лен-да. Хлеба недостаточно. Взяли на 21/II.

20 февраля 1942 г.

Мороз 30°. Днем 6°. Вечером 4°. Со службы начал ежедневно приносить Оле дровишки, топить буржуйку. Ели чудесную редкую вещь — манную кашу! Послал сам Бог ужин. Хлеба не было, а М. И., что должна купить за 1 кило [хлеба] фланель, заболела.

21 февраля 1942 г.

Мороз 8°. Солнце днем весеннее.

22 февраля 1942 г.

Пришла с Горсткиной женщина, Паша Соловьева, и сказала, что Петр Николаевич умер 20/II. Его привели ослабевшего с улицы. Карточки у него уже украдены. Двери квартиры раскрыты и ключей нет. Воровство и мародерство. Оля пошла туда 22/II.

23/II 1942 г.

Мороз. На работе нет председателя, не у кого получить разрешение на отпуск. Был на базаре, продал к., купил свечей, трость, бензин. В «Гастрономе» получил горох и сыр вместо масла. Готовил себе сам обед, пюре-горох.

24/II 1942 г.

Обстрел. Мороз 10—18°.

25/II 1942 г.

Заболел. Желудок — понос. Эпидемическое. Бюллетень по 28/II вкл. Лечусь марганцевым раствором. Была Фаля, попрощалась с мамой. Ушла, боится обстрела.

26/II 1942 г.

Мороз 26°. Обстрел.

27/II 1942 г.

Мороз. Обстрел. Должен был идти к Фале за ответом, что сообщит Фале через санитарку Оля с Горсткиной, но болен поносом, идти не могу.

28/II 1942 г.

Мороз. Меня, как на испытат. сроке, вследствие заболевания ранее 2-х недель уволили, чтобы избавиться от лишнего больного (нагрузка). Мне просто не дали на март рабочую карточку, и мне пришлось опять в Жакте взять карточку иждивенца (т. е. 300 гр.). Днем было резкое потепление. Пришла моя радость — Оля. Ночевали с нею у Сыропатовых. Милые люди. Религиозные и гостеприимные. Было тепло спать. Оля принесла чудный кофе, одно наслаждение. Почему мы такого не пили раньше? Я получил в «Гастрономе»: шоколада 3x25 = 75 гр., овощей сухих — картофеля 450 гр., сахара-песку — 700 гр. Пили сладкий кофе. Наслаждались. Оля же сварила гречневую кашу из крупы, что она достала в обмен на Горсткиной. У Сыропатовых вечером пили чай с черемухой и там ночевали.

1 марта 1942 г.

Мороз 10°. Дома. Обедали, овощи. У Дмитрия Петровича Петрова (религиозный психопат) купили за 50 руб. чудесных сухих дров. 28/II я уже купил еще 1/2 к/м. тоже сухих дров-метровок. Нанял 2-х девушек за 50 руб., они напилили, накололи и наносили нам на кухню дрова. Теперь блаженствуем. Сделали Тоничке Сыропатовой подарки — елочные украшения и букварь. Дивные картофельные овощи, несмотря на то, что сушеные. Мы очень по ним соскучились и поэтому наслаждались за ужином у тепло натопленной плиты.

2 марта 1942 г.

Почти нет мороза. Пришла Толя Головина, и с Олей ушли на Горсткину. Я опять один. Буду оформлять смерть мамы и ждать прибытия к нам тела Петра Николаевича. Похороним их обоих вместе в могилку. Буду ждать Оленьку к 3 или 4/III. В Жакте взял справку, что мама умерла 1/III. Больница выдала свидетельство, что смерти причина — общее истощение. Первый раз за зиму потеплело. Радостное настроение.

3 марта 1942 г.

Снова мороз достиг 10°. У Оли хлебные 2 карточки на 600 гр., у меня одна на 300 гр. Часть из 300 гр. я съел вчера, взяв в долг у Сыропатовых, а потому сегодня утром, съев за чаем весь остаток хлеба, весь день был без хлеба. Хотя к вечеру продал мамины валенки за 175 гр. хлеба, 30 гр. масла и 60 руб. деньгами, все это съел в загсе при оформлении мамы. В загсе получил все похоронные документы и свидетельство. Весь день провел в хлопотах и на ногах, на ходу, начиная с базара. Мар. Ив. надулась и не покупает у меня ничего на хлеб. Голоден. Поел овощи, картофель сушеный и пил кофе. Истопил и комнатную нашу печь, и плиту. Очень, очень скучаю по моей Оле. Весь день почему-то у меня о ней болит сердце. Не случилось бы с ней чего?

Думая о Пете, о Ноне, Оле и Марфете, я решил предложить Ольгуше заменить этим детям отца. Мы бездетные, ну, и будем жить одной большой семьей. Оля и я, Марфета, Нона и Оля. Мне кажется, у нас будет дружная и радостная трудовая жизнь, а мы с Ольгушей по крайней мере станем семейными людьми. Наверное, придется из Ленинграда переехать, т. к. их обратно не пропишут. Ну, что ж?

Завтра с Олечкой на эту тему у нас будет много разговора. Вот как-то, бедная, она доберется? Дай Бог ей силы и здоровья!

Вчера прошел слух, что будто по радио сообщили, что город перед опасностью; рекомендуется запастись водой. А в чем дело? Неизвестно. Был сегодня в «Гастрономе»: мясо было, но я из загса поздно пришел. Теперь будет 5/III. Клюквы еще нет. На спички нет нормы. Остальное как будто у нас за февраль получено. Завтра надо прикрепиться к магазину. Пойду в 44 номер.

4 марта 1942 г.

Мороз 15° с сильным ветром, суровый день. Жутко холодно. Утром прикрепился к Новодеревенск. магаз. № 44 на Моск. ул. Там же получил и хлеб. Подсунул свои карточки и получил здесь же мяса 600 гр. за февр. и 450 гр. клюквы на троих. Крупу же не дали, обнаружив, что я не здесь был прикреплен. Ел дома второй раз в жизни сырое мясо, и оно очень мне понравилось. С горчицей, перцем и солью. Часть на сковородке, на воде отварил и минут 5 подержал. Сыт. За день было 4 заказчика по фото, каждый принес по 100 гр. хлеба. Вот день уже и обеспечен.

К вечеру пришла Оля. Привезли покойника Петра. В прачечной. Оля сварила мясной суп с ячневой крупой. Она принесла граммов 400 клея. Еще принесла граммов 30—40 кокосового масла. На похороны ликвидировали за 175 руб. Петины черные ботинки Вересовым. Оля отдыхает и греется на плите. Умыла на ней и ноги. Будут истоплены все печи, пойдем спать.

Говорят, что со стороны Левашево немец наших гонит. Бегут беженцы.

Это для Новодеревенцев неприятность. До сих пор на Школьной не работает радио, хотя на остальных улицах хоть слабо, но есть, и говорит. В городе мобилизовано население на очистку улиц. Особенно очищаются трамвайные пути. Провода почти исправлены. Вчера я в загсе получил все документы на маму к похоронам. У Оли есть на Петю. Завтра надо хлопотать о могиле для них. Это сложно. Будем завтра просить протекции Нины Сыропатовой.

Марта 5-го.
Мороз 12°.

Марта 6-го.
Мороз 10°. Ходил на Горсткину ул. к Петру Ник. Там ночевал по поручению Оли. Все поручения выполнил.

Марта 7-го.
Мороз 5°. Возвратился с Горсткой к 4 час. дня. Оля сообщила мне, что выкопать могилу стоит 2 кило хлеба и 500 руб. деньгами. Это значит, хлеб по 400 р. = 800 + 500 = 1300 руб. за могилу. Я уговариваю Олю и маму и Петю похоронить в общую могилу (братскую), это будет стоить всего 40 руб., т. е. по 20 руб. с покойника, но Оля неумолима. Как я ее ни уверял, что она сама похожа на покойника — один скелет, обтянутый кожей, что лучше на себя, еще живых, истратить эти 2600 руб. (1300 + 1300), но она... Дуру не переубедишь! Придется похоронить без пользы и еще 2600 руб. Могильщик Ал-др Сергеевич Тепляков, Дибуновская, 107.

8 марта.
Мороз с утра 20°. Многие ждали, что с 8/III будет прибавка хлеба, но ничего...!!! Сегодня нас выручили фотозаказчики. Их было на 1800 гр. хлеба. Мы с Олей за этот день съели незаметно 1300 гр., а 500 гр. Оля спрятала на похороны.

9 марта.
Мороз 4°. Договорилась Оля с могильщиком, что будет вырыта яма в среду 11/III к 11 час. Сменяли Петины желтые туфли на 700 гр. конины. В кооперативе получили овсяную крупу. Обедали дивно: мясной суп. Редчайшее блюдо. Был Леонид Михайлович Мазур (31 пол. почт., ... штаб бригады). Он произвел со мною полный расчет за Фэд, случайно мною приобретенный со всеми принадлежностями. Конечно, я на этом деле немного заработал. Продал ему Фэд (аппарат), увеличитель к нему, бачок для проявл., ванночек 3 шт. 13x18, 2 патр. проявит., Фэд, бумаги бром-серебр. 9x2 2 пачки по 20 листов, проявителя для бумаг на раствор 500 граммов. За это получил: 2 кило хлеба, около 500 граммов табаку (1/2 пачки) двухрублевого (дрянь), 100 граммов сахару. Особо продал руководство за 40 руб. к Фэду и к увеличителю.

Мимо нас к кладбищу и по Серебрякову переулку в особенности все везут и везут на саночках люди покойников. Сколько сотен их провозят ежедневно, не сосчитать. Теперь уже редко, очень редко попадает покойник в гробу, все больше зашитые в одеяло, в простыню или просто в тряпицы. Жуткая, бесцеремонная картина, но все так привыкли к этому безысходному явлению, что никто не задумывается... Дело поставлено как-то так, что не сразу голодом умертвляет обстановка людей, а измором, и все чувствуют, что «сегодня ты, а завтра — я», но от бессилия люди не мыслят и, покоряясь судьбе, ждут. Все внимание всех — получить хлеб без очереди, получить хоть на 5 граммов больше.

Спичек на март дали — рабочим по 2 коробки, служащим и иждивенцам — по 1 коробке. У всех дома в большом почете лучина, прикуривание, хождение за огнем. На рынке 1 кор. спичек 15 руб. или 50 гр. хлеба (кусочек, говорят). Перед милицией сейчас поставлена задача — борьба со спекуляцией, и вот теперь за деньги и спичек не купишь: стоит человек на базаре,

держит коробку спичек и говорит: «за кусочек хлеба» — если нет хлеба, то и без спичек уйдешь домой.

К вечеру Оля получила в магазине на 3 наши карточки 300 гр. кор. масла. Это величайшее счастье. Это редчайший, даже первый у нас, кажется, случай в этом году. Также получили 600 граммов (200x3) гороха.

Вечером пили чай с хлебом, намазанным маслом. Испытывали счастье и блаженство.

10 марта.

Мороз с утра 20°, к 10 часам 14°. Встал в 5 ч. 30 м. утра и ушел в очередь к магазину, который откроется в 7 часов. Прошел слух, что будет мясо. В 10¹/₂ час. меня пришла сменить Оля. Она вернулась в 14¹/₂ час. ни с чем. Сегодня мяса не будет, будут выдавать крупу, но мы уже получили (поспешили) горох.

К вечеру мороз 1°. Идет небольшой снег с перерывами. Приходил Леонид Михайлович, принес хлеб, которого у него не хватало вчера. Оля этот хлеб пускает на могилы, и вот теперь, кажется, у нее все на расход по могилам собрано. Слава Богу, с мертвыми будет «покончен вопрос; больше не надо ни песен, ни слез»...

Л. М. мы пригласили выпить чаю. Он согласился и достал свой сахар, кор. масло и хлеб. Угостил нас. Нам с Олей досталось граммов по 25 масла и гр. по 30 сахара. Мы блаженствовали. Давно не пробовали сахару. Л. М. настолько был благодарен мне за данные ему уроки по фотографии, что не пожалел щедро угостить нас и сахаром, и маслом. Он военный и, видимо, близко стоит к продовольствию.

У забора Земской больницы на улице лежит уже шестой день солдат, лицом вниз, в телогрейке, в сапогах, в ватной шапке, с пикой.

Кладбище так разбухло, что не только все занято уже полностью до линии ж. д. и до деревоотделочн. фабр., но и сзади дошло до совхоза и углубляется все дальше. До сих пор нет света (с 12/XI или, вернее, с 1/XI). Радио так и не работает на Школьной, с 1 января, хотя по всем другим улицам уже действует.

На Дибуновской ул. у помойной ямы лежит женщина, и у ног ее ребенок, уже несколько дней. Мне рассказала по пути женщина: в их общезитии семейных умерла мать, осталось 3 детей. Приехала ее родственница, забрала все вещи и, не похоронив, уехала, взяв с собою продовольствен. карточки. Дети обречены на голод. Здесь же увозили одну больную к себе родственницу, и вот голодная, лежащая в кроватке девочка лет 8-ми (что случай описан выше) громко запросила уходящих: «Тетенька, возьмите и меня, я еще жива»...

Теперь нигде нет играющих детей. Нет вообще бегающих. Все, начиная от детей и кончая стариками, тихо передвигаются. Дети больше говорят о хлебе, о карточках, о кооперативе, о том, что сегодня «будут давать». Я с ул. Горсткиной захватил куклу и елочные украшения и подарил их Тоне (девочке лет 7) Сыропатовой. Она была рада, поблагодарила, куда-то спрятала, и все. Ее день, ее внимание обращены изо дня в день на один вопрос, когда будем есть? На всех детях отпечаток озабоченности.

Сегодня был сильный обстрел Лен-да и со стороны Петергофа и, видимо, со стороны Левашово. С последнего направления слышно было передвижение танков и даже пулеметная стрельба.

11 марта 1942 г.

Мороз 20°. Похоронили Петра Николаевича и маму рядом в одну могилу. С могильщиком рассчитались.

12 марта.

Мороз 18°. Голодали без хлеба. Надеялись получить мясо. Стояли в очереди с 5 час. утра, но не получили, не хватило.

Марта 13.

Мороз 22°. Оля ушла в очередь с 4-х часов. К 11 часам получили гречневой крупы 600 гр. (200х3) и мяса 600 (200х3). Праздник... Торжество. Сегодня выручили заказчики, принесли 400 гр. хлеба.

14 марта.

Мороз 10°. Оля хотела с Ниной идти говеть к «Владимиру» (собор у Тучкова моста). Я пока отговорил, — надо поберечь себя, отдохнуть. Нина ушла одна. Мы бедствуем без дров. Никого нельзя нанять добыть их из замерзшей ямы. За деньги не берутся, а хлебом требуют много, нам не по средствам.

Я ночевал у Сыропатовых, а Оля ушла на Горсткину ул. принять меры сохранения вещей П. Н. Кудрявцева. Она хочет их развезти по другим квартирам, родных. Она сложит, упакует, что куда, а я во вторник приеду к ней с саночками и все узлы и тюки развезу, куда надо.

15 марта 1942 г.

Мороз 24°. Ветер. Сковало волю, силу, желания. Ночевал у Сыропатовых. Мы с 1/1 еще не раздевались. Так и спим в одежде, под одеялами. Наши руки в ранах, ссадинах, пригорелые, ногти жесткие, грубые.

16 марта 1942 г.

Мороз 20°. Солнце. В третий раз получили крупу, 600 гр. (овсяную). Сегодня доел все, что Оля мне оставила. Ночевал у Сыропатовых. Выменял у Котьки Федорова (внизу) 10 пласт. старинных на 15 советских (наши 15 шт. — это дублеры).

17 марта 1942 г.

Мороз 11°. Сегодня иду к Оле на Горсткину. Наварил самый большой котел овсяной каши и решил выяснить, сколько голодный человек может съесть. Задача неразрешимая. Котел весь каши я съел, и мало... В 3 часа ушел с санками. По пути зашел в парк Блохина проведать Фалю. Она меня угостила кофе с хлебом и сахаром. Получила в своей столовой, где она шефствует по санчасти. Фаля усиленно хлопочет об эвакуации во что бы то ни стало. Ей обещали уже в скором времени устроить. Меня связывают вещи Оли Ив. Жаль пианино, зерк. шкаф, письмен. стол Олега, ноты и проч. Все это трудно будет потом восстановить. Сейчас и продать трудно. Например: пианино продают за 900 руб., а перевозка стоит 1500 руб. Прибыл на Горсткину к Оле к 9 час. вечера. Ночевали у Кузьмы Семеновича Лосманова (комната в доме, в квартире, где жил и Петр Николаевич).

18 марта 1942 г.

Мороз 25°. Жакт имущество на Горсткиной ул. описал и будет опечатывать. Ну, еще и лучше. Однако Оля говорит, что все раскрадено. Нет 2-х самоваров, нет всего белья и т. д., остались мебель и кое-какой хлам.

19 марта 1942 г.

Мороз 22°. Печать на Горсткиной ул. еще не наложена, намазан лишь сургуч. Ждем Жакта. Решили было сегодня домой, но у Оли температура 38°. Знобит. Ночуем у Кузьмы Семеновича.

20 марта 1942 г.

Утром я встал на Горсткиной ул. в 6 час. вместе с К. С. Оля сладко храпела и вдруг минут через 10 замолкла. Так как К. С. должен уйти на службу в 7 час., мне надо было разбудить Олю, вставать и собираться в дорогу или решить остаться еще на сутки. Она оказалась мертва. Легкая смерть. Она истощила себя до крайности при постоянных заботах о семье П. Н., утомила себя. Вечный ей покой. Я остался еще на сутки, а потому Кузьма Семенович ушел, оставив мне свои ключи.

Со смертью Оли на двор пришла полная оттепель, о которой всю зиму

так мечтала она. Я продал меховое Олино манто и муфту. Нанял женщину выполнять все, что полагается. Зашили в простыню и уложили в крайнюю комнату, которая была у П. Н. до января (вторая, маленькая). Нет Олиного паспорта, без этого нельзя сделать оформление. Придется идти в Нов. Деревню. В случайных разговорах Оля просила ее тело на случай смерти похоронить посредством кремации. Я узнал, что на Надеждинской есть крематорий. Я очень ослабел на ноги. Еле хожу.

22 марта 42 г.

На солнце +2°, в тени -2°. Пришел домой. Заказчики по фото спасли хлебом. Принял заказов на 600 гр. хлеба. Сегодня буду сыт (200 гр. за 2 карточки). Заговорило радио с 20/III 1942 г.

23 марта 42 г.

Оттепель. Исполняю заказы фото.

24 марта 42 г.

Оттепель. Не ушел. Нашлись люди (2 военных связиста) — за 800 гр. хлеба вскрыть яму с дровами, распилить, расколоть и наносить во II этаж в квартиру. Все так и сделано. Как жаль, Оля об этом мечтала, но мы не могли найти людей. Сейчас она умерла, после ее смерти начинают исполняться все ее мечты: и оттепель появилась, и дрова напилены, и даже в квартире появилась масса заказчиков, которые вот уже третий день обеспечивают мне в среднем 600—800 граммов хлеба в день.

22 марта 42 г.

Получил за эти дни массу писем, положительно от всех и по несколько. Письма разной давности, от ноябрьских до февральских (от 11/XI по 9/II). Писем штук 35. Есть повестка на перевод от Володи 200 руб., и их уже я сегодня получил, а от Саши 700 руб. На имя Оли. Послал ему сообщение.

26 марта 1942 г.

Оттепель продолжается. Ветер. Вечером на окне в кухне морозиком подернуло. Топлю теперь печи во всю. 25/III сменил белье на кровати и себе сделал баню. Вчера вечером первый раз в этом году разделся спать до белья. Сегодня получил в коопер. мяса 300 гр., гороху 600 гр., кроме того сменял на 250 гр. мяса Олины резинов. калоши новые и туфли «беж» (ношенные) на мясо, 350 гр.+100 рублей. Всего имел сегодня мяса 900 гр. Одну треть сварил в супе с горохом, помолотил в мясорубке. Продал Я. А. фотоаппарат (коробка) гимназический за 600 гр. хлеба. Хлеб даст после 1-го апреля. Я научу его фотографировать. Сейчас 2 ч. 30 м. ночи на 27/III. Иду спать.

Получил извещение почты о получении 250 р. От Оли Гродской долг. К сожалению, на почте после 2-х часовой очереди не оказалось денег, и пригласили прийти завтра к 11 час. утра. Имел случай сегодня купить на 500 гр. хлеба+40 руб. 1 литр сладкого молока, полученного из консультации. Таким образом, я удивительно сегодня сыт и очень рационально питался. Вчера Сыропатовы продали мне 1/2 литра сиропа за 500 гр. хлеба, который отдали им 31/III. Вчера, 25/III угостил чаем с сиропом Якова Алексеевича Вересова, а сегодня угостил и даже 1 стаканом чая с молоком, остальное с сиропом.

27—31 марта 1942 г.

Погода в среднем теплая, солнечная днем, с утренними небольшими заморозками, вечером хмурится на снег. Я перечитал в своем дневнике запись за 31 декабря 1941 г. и удивился, что же это, везет или нет??? Бедная Оля! Вот ей удивительно не везло; она жаждала тепла, и оно явилось в день ее смерти, начались оттепели. У нас не было дров, а с 24 марта (см. запись 24/III) у нас в комнатах было около 3 1/2 куб. метра дров, напиленных и наколотых. В квартире стало давно тепло. Я переоделся, умылся и стал

чувствовать, что я, наконец, живу. Оля мечтала о радио, без него скучно, его разбомбило, и оно не работало по всей Школьной ул. с 1 января 1942 г. С 20-го же марта радио по всей Нов. Дер., в том числе и по Школьной ул., исправлено и заработало.

Я пришел с Горсткиной 22/III, и радио уже действовало. Мне почему-то очень повезло последние дни по обмену вещей на хлеб, мясо, табак, сахар и т. п. Я все время хорошо теперь питаюсь — мясной суп ежедневно. В суп кладу полученную по карточкам крупу. Нашлась молочница, которая приносит молоко сгущенное из консультации (по детским карточкам). Я приобретаю за 500 гр. хлеба + 40 руб. за литр. По 31/III я взял молоко 3 раза, 3 литра. Но вот 31/III мне не повезло: поллитра молока я выпил с чаем, а $\frac{1}{2}$ литра решил подогреть, но банка на плите лопнула и все молоко разлилось по плите. Я виноват, что стеклян. посуду поставил на плиту. Досадно, обидно и жаль молока. Вышел на Горсткину для похорон Оли (взял паспорт), но там, хотя Кузьма Семенович и выходной был, но дома не был, и стало известно, что будет ночевать у сына. Где же мне ночевать?пустила Соловьева Ал-ра Мих. Пришел на Горсткину, оказалось, что за час до моего прихода Жакт по требованию жильцов квартиры отправил Олю на пункт, откуда увозят в общую могилу. Завтра 1/IV; поскорей бы прошел этот день 31/III, в который у меня было столько неудач и невезений. Завтра, 1/IV отдохну на Горсткиной у Кузьмы Семеновича, схожу на квартиру Зины проведать и 2/IV пойду домой, взяв с собою рюкзак книг и шинель Петра.

(Здесь рукопись обрывается).

По страницам «особых папок» политбюро ЦК ВКП(б)

Л. И. Гинцберг

Среди всего корпуса материалов КПСС особое место занимают протоколы заседаний политбюро ЦК. Это был не только высший орган партийной иерархии, но и всей советской системы, чьи решения были общеобязательны. Политбюро вникало во все, что касалось внутренней политики, занималось внешнеполитическими и внешнеэкономическими делами. Оно опекало Коминтерн, Профинтерн и другие международные организации этого рода, ежегодно утверждало их смету (в рублях и валюте), одобряло ассигнования средств на нужды зарубежных компартий и т. д. Видное место в деятельности политбюро (что известно гораздо меньше) отводилось руководству карательной системой, что фактически превратило этот партийный орган в инстанцию, инициировавшую судебные процессы, предпринимавшую приговоры судов и во всех случаях принимавшую окончательные решения о применении высшей меры наказания.

Протоколы заседаний политбюро сохранились двух видов, — помимо «обычных», еще и «особые папки», в которые включались сверхсекретные материалы. Считать все подобные документы протоколами можно лишь условно, ибо речь идет не о записях выступлений в ходе обсуждения тех или иных вопросов повестки дня, а лишь о принятых решениях; некоторые из них дополнялись приложениями, касавшимися рассматриваемого сюжета, таблицами (если затрагивались экономические проблемы) и т. п. То, что отсутствовала фиксация прений, в некоторой степени снижает ценность данного источника, но в целом он дает весьма полное представление о политическом курсе высшего партийного руководства, которое определяло все стороны жизни общества — от самых важных государственных дел до поездки артистов МХАТа на отдых за рубеж или закупки там крючьев, используемых при ремонте подвесных линий связи.

Хронологические рамки данной статьи охватывают 1929—1934 годы. Это период, когда Сталин утвердил свое господство в партии, а стало быть и в стране, и совершил резкий поворот в ее социально-экономическом развитии — отказ от новой экономической политики и переход к форсированной индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, ликвидации кулачества как класса и т. п. Все это наглядно отражают «особые папки» политбюро.

С конца 1929 г. все явственнее усиливались репрессии, ужесточались наказания, все более широко применялась высшая мера наказания — расстрел и соответственно росли численность и влияние карательных органов, прежде всего ОГПУ.

Принято считать, что массовые репрессии развернулись только после убийства Кирова, особенно же в 1937—1938 годах. Материалы «особых папок» опровергают это представление. Террор сопутствовал большевистскому режиму с первых дней существования. Но в годы нэпа размах террора по сравнению с периодом военного коммунизма существенно уменьшился. С началом сталинских «преобразований», сигналом к которым было окончательное подавление оппозиционных сил в партии, репрессии охватили огромные массы людей, полностью утратив какие-либо обоснования в законности. В «особых папках» содержатся десятки примеров того, что приговоры к расстрелу за получение взятки, мелкую спекуляцию и аналогичные преступления выносились при полном игнорировании действующего уголовного законодательства; политбюро принимало решение о наказании «для острастки» сразу того или иного количества лиц, степень же индивидуальной вины каждого из них не имела никакого значения. Благодаря «особым папкам» мы, вероятно, впервые можем на основании документов проследить, как организовывались и проходили те «открытые» судилища над действительными и мнимыми противниками режима, которые начались известным «шахтинским делом» и были продолжены в последующие годы. В начале осени 1930 г. в протоколах политбюро появляются первые упоминания о так называемой Промпартии; само название еще отсутствует — фигурирует «Объединенный контрреволюционный центр». 2 сентября опросом членов политбюро было решено опубликовать сообщение об аресте Рамзина Л. К., Громана В. Г., Суханова Н. Н., Кондратьева Н. Д., Чайнова А. В. и др. и о том, что они признали свою вину в преступных действиях, в том числе связи с вредителями, например, с осужденными по «шахтинскому делу» 1928 года. Это выглядело весьма неправдоподобно: все обвиняемые приняли советскую власть и лояльно работали на благо страны. Но система, приводившая к самооговорам, уже действовала на полный ход, хотя еще не в тех масштабах, как 6—7 лет спустя.

Для руководства будущим процессом 21 ноября была создана комиссия в составе Литвинова М. М. (с заменой Крестинским Н. Н.), Молотова В. М., Сталина И. В., Ворошилова К. Е., Менжинского В. Р., Янсона Н. М. (нарком юстиции) и Красикова П. А. Острие данного дела было обращено вовне (отсюда и участие в комиссии Литвинова, которому было поручено ознакомиться с показаниями обвиняемых на предварительном следствии и проследить за их публикацией) и имело целью доказать, что идет конкретная подготовка антисоветской интервенции. То был ответ Сталина на резко усилившуюся в 1930 г. кампанию протеста против преследований церкви в СССР, массового применения принудительного труда и т. п.

Суд над «Промпартией» проходил с 25 ноября по 7 декабря 1930 года. Накануне политбюро приняло специальное решение о проведении широкой кампании в связи с процессом; в этот день следовало повсеместно организовать демонстрации под лозунгом сурового наказания преступников¹. Обвинения были вымышленными, но на их основании Франции был заявлен официальный протест (нота обсуждалась на заседании 15 декабря) и советское правительство потребовало отзыва из Москвы двух сотрудников французского посольства. Несостоятельность всей затеи хорошо видна из относительной мягкости приговора: ни один из подсудимых не был расстрелян (хотя, как мы увидим, в это же время политбюро санкционировало расстрелы десятками). В дальнейшем подсудимые были освобождены, а главный обвиняемый по делу «Промпартии» инженер Рамзин даже награжден орденом Ленина.

Несколько ранее был организован аналогичный процесс на Украине — суд над так называемым Союзом вызволения (освобождения) Украины (СВУ). В ноябре 1929 г., заслушав сообщения Г. И. Петровского и Г. Г. Ягоды, политбюро постановило: 1. Выделить группу из руководящего состава СВУ в 50—60 чел. и судить их открыто в Харькове (тогдашняя столица Украины), сократив по возможности судебную про-

цедуру. 2. Секретариату ЦК ВКП(б) с участием представителей ЦК КП(б)У поручить установить состав суда. Ягоду обязали познакомить Литвинова с материалами дела (возможно, имелись в виду осложнения со стороны украинской диаспоры в других странах). Следующий раз этот вопрос рассматривался в январе 1930 г., причем политбюро обязало ЦК КП(б)У представить план проведения суда². А 5 апреля было решено в основном одобрить предложенный ЦК КП(б)У приговор по делу СВУ (яркий образец того, как вершилось правосудие в сталинские времена).

Следующим сфабрикованным процессом был суд над меньшевиками. Он явился составной частью борьбы против международной социал-демократии, которую сталинская клика вела с помощью Коминтерна, стремясь по примеру большевиков в 1917 г. изолировать реформистское крыло рабочего движения в капиталистических странах и тем самым обеспечить победу мировой революции (надежды на которую вновь возродились с началом и быстрым углублением мирового экономического кризиса 1929—1933 годов). Проведя провокационный процесс, Сталин получил возможность обвинить II Интернационал в подготовке анти-советской интервенции; с этой целью использовались «достоверные» признания тех, кто хотя и были в свое время меньшевиками, уже давно не участвовали в политической деятельности, а тем более в подготовке интервенции, не имея никаких связей со своими бывшими товарищами по партии, находившимися в эмиграции. 24 февраля 1931 г. для руководства процессом над меньшевиками политбюро создало комиссию в составе Молотова, Сталина, Н. В. Крыленко, В. Р. Менжинского, А. И. Стецкого (зав. агитпропом ЦК), И. А. Пятницкого (представлял Коминтерн) и П. П. Постышева. А после завершения суда и вынесения приговора (относительно мягкого — расстрелов и здесь не было), подсудимые подали ходатайство о смягчении наказаний; политбюро, присвоившее себе функции высшей инстанции по утверждению (или отклонению) судебных и внесудебных приговоров, отказалось удовлетворить апелляцию³.

В течение нескольких последующих лет аналогичных процессов не было. Политбюро утверждало множество приговоров к расстрелу, но это делалось втайне, чтобы не привлекать общественного внимания. Ни их количество, ни существо предьявлявшихся обвинений, ни несоответствие вины (если она даже имелась) суровости наказаний часто не могут не вызвать по меньшей мере недоумений.

23 ноября 1929 г. политбюро рассмотрело вопрос об «эсеров-кулацкой повстанческой организации» в Нижнем Поволжье и поручило ОГПУ принять решительные меры для ее ликвидации, расстреляв до 50 руководителей. Такой же «количественный» подход зафиксирован в связи с хищениями продовольственных и промышленных товаров (апрель 1932 г). Решение гласило: поручить комиссии выбрать для постановки в суде четыре из представленных дел — по одному в Москве, Ленинграде, Харькове и Сталинограде — с применением высшей меры наказания, остальные же рассмотреть во внесудебном порядке⁴.

Значительное количество «расстрельных» дел было связано с постоянными разоблачениями «вредителей» в самых различных отраслях народного хозяйства и в обыденной жизни. 25 мая 1930 г. на политбюро фигурировала целая серия дел о вредительстве — в управлении шоссейно-грунтовых дорог (9 чел.), в лесной промышленности (2 чел.), в бумажной (2 чел.), в наркомате почт и телеграфа (5 чел.). А 10 сентября того же года было санкционировано решение ОГПУ расстрелять группу «вредителей», действовавших на мясокомбинатах (количество даже не указано). Тогда же утвержден вынесенный в том же, т. е. внесудебном, порядке приговор к расстрелу группы из 8 чел., спекулировавших серебряными монетами; 438 (!) чел., виновных в том же, подверглись высылке на срок до 10 лет⁵.

«Особые папки» свидетельствуют о том, какие усилия Сталин и его окружение прилагали, чтобы обеспечить закупку за рубежом огромного количества оборудования для форсированной индустриализации. Для этого все средства казались хороши. В условиях, когда в результате коллек-

тивизации сбор зерна значительно сократился, его экспорт продолжал неуклонно расти, и политбюро едва ли не на каждом заседании рассматривало текущий экспортный план, жестко требуя дальнейшего увеличения вывоза хлеба. Время от времени санкционировалась продажа за границу шедевров живописи и других ценнейших произведений искусства из Эрмитажа и иных хранилищ; политбюро настаивало на изыскании предметов антиквариата, которые могли бы быть проданы за валюту. Но всего этого не хватало, и тогда прибегали к помощи ОГПУ.

17 марта 1930 г. политбюро обязало Ягоду в срочном порядке мобилизовать не менее 2 млн. руб. в валюте для Госбанка; он должен был в трехдневный срок сообщить в ЦК о результатах. И по всей стране начались аресты людей, «подозреваемых» в наличии у них золотых монет.

Арестованных (естественно, в нарушение каких-либо законов) содержали в тяжелых условиях, лишали сна, подвергали длительным допросам, вымогая золото, которого у них чаще всего и не было. Но некоторые результаты это мероприятие все же приносило, ибо примерно два месяца спустя политбюро, вновь рассматривая вопрос о валюте, обязало ОГПУ в течение 10 дней добыть от 1 до 2 млн. руб. в валюте. И в своих квартирах арестовывались, как всегда, по ночам, новые тысячи граждан, которые то ли по доносам, то ли по анкетам должны были обладать ценностями. В решении политбюро от 10 февраля 1931 г. речь идет уже о предложении ОГПУ сдать до 25 февраля Госбанку золота минимум на 1 млн. рублей⁶. Так сказать, встречный план. Платежи зарубежным поставщикам оборудования вносились исправно, а те и не догадывались, каким путем добываются эти деньги.

В течение рассматриваемого периода произошло событие, ставшее одним из центральных в карательной политике советских властей. Имеется в виду известный декрет ЦИК СССР и СНК от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности, в соответствии с которым были расстреляны или оказались в лагерях тысячи людей (особенно много сельских жителей, в том числе женщин, «виновных» в присвоении хотя бы малейшей доли колхозного добра в виде горстки колосков). В «особых папках» отсутствует предыстория самого декрета, но есть решение политбюро от 16 сентября, которым утверждалась инструкция по его проведению. В ней, в частности, говорилось, что в отличие от существовавшего порядка приговоры к высшей мере наказания по делам, предусмотренным декретом, вступают в силу немедленно по утверждении их верховными судами союзных республик, Верховным судом СССР — по делам, рассматривавшимся транспортными судами и военными трибуналами, а также коллегией ОГПУ по приговорам, вынесенным полномочными представителями последнего в областях. Верховные суды и военные трибуналы должны были выносить решения об утверждении или отмене приговоров к высшей мере наказания в течение 48 часов; в первом случае приговор приводится в исполнение немедленно. Предписывалось дважды в месяц сообщать в центр о количестве осужденных по делам о хищении социалистической собственности.

О чудовищности происшедшего прекрасно знали авторы декрета от 7 августа 1932 г. и инструкции к нему. Поэтому одновременно с ее утверждением политбюро распорядилось прекратить печатание в газетах отчетов о судебных заседаниях по данным делам и сообщений о вынесенных приговорах⁷. Как видно, это было рассчитано на за границу, в самой же стране сведения об этом страшном произволе распространялись и без публикаций в печати.

Раз речь уж зашла о чрезвычайных мерах — изъятии каких-то «преступлений» из и без того ущербной юрисдикции, следует сказать, что такого (и иного) рода изъятия в начале 30-х годов решениями политбюро практиковались очень часто и постепенно ширились. 25 ноября 1929 г. политбюро рассмотрело «вопрос т. Ягоды» и постановило издать специальный закон, дающий ОГПУ право расстреливать уличенных в поджоге государственных сооружений и предприятий (это было связано с поджогом, если

таковой имел место, завода в Риддере). На том же заседании было поручено Янсону подготовить проект закона об изменниках из числа советских служащих за рубежом — невозвращенцах. Побудительным мотивом послужил отказ вернуться поверенного в делах во Франции Беседовского; этот казус вызвал большой переполох в верхах, и политбюро возвращалось к нему несколько раз. 5 декабря по докладу Н. М. Янсона устанавливался следующий порядок рассмотрения в судах дел по обвинению в контрреволюции. Суд направляет копию вынесенного им приговора в политкомиссию (ее характер и состав не уточнялись), последняя же дает указания кассационной инстанции. Приговоры к расстрелу (а они были наиболее вероятны для такого рода дел) поступают к прокурору республики, а тот вновь докладывает политкомиссии⁸. Система несколько сложна, но она вполне обеспечивала расправу над «контрреволюционерами».

Изъятия из «нормального» законодательства с применением высшей меры наказания резко участились с началом коллективизации и ликвидации кулачества как класса. 21 ноября 1932 г. по телеграфному (ввиду срочности) предложению Молотова, находившегося в Харькове, В. В. Чубаря и других украинских деятелей политбюро решило предоставить тройке во главе с С. В. Косиором на период хлебозаготовок право окончательного утверждения приговоров к расстрелу. Решением от 20 января 1933 г. сессии Верховного суда, проходившей в Северокавказском крае, было разрешено окончательно утверждать приговоры не только по делам о хищении социалистической собственности (это право было уже предоставлено ранее), но и в отношении актов террора и проявлений саботажа. Опросом от 9 февраля политбюро удовлетворило просьбу ЦК КП(б) Белоруссии о предоставлении тройке полномочного представительства ОГПУ права применять высшую меру наказания по делам контрреволюционных организаций и групп, состоящих из кулаков и белогвардейских элементов. Украинские власти уже имели соответствующие полномочия, но 21 марта 1933 г. новая тройка во главе с полпредом ОГПУ В. А. Балицким получила еще и право рассматривать дела о повстанческих и контрреволюционных организациях с применением высшей меры наказания. Это было в разгар страшного голода на Украине, когда умирающие вряд ли были в состоянии поднимать восстания.

Наделение местных органов ОГПУ чрезвычайными полномочиями продолжалось. Решением от 15 апреля 1933 г. право рассматривать вышеупомянутые дела с применением расстрелов получила тройка руководящих деятелей Средней Азии — К. Я. Бауман, А. И. Икрамов и соответствующий деятель ОГПУ. Одновременно аналогичная инстанция была создана в Ленинграде во главе с С. М. Кировым. 11 августа политбюро своим постановлением разрешило тройкам полномочных представителей ОГПУ Украины, Северного Кавказа, Нижневолжского края, Белоруссии, Казахстана, Урала и Западной Сибири по делам о вооруженном бандитизме применять к организаторам и бандитским главарям высшую меру наказания⁹. Тем самым на значительной части территории страны правосудие даже в его тогдашнем варианте было на деле отменено.

Помимо принятия этих особых мер, политбюро выполняло и рутинную работу по рассмотрению приговоров, вынесенных судами разного рода подчинения и внесудебными органами. Количество их велико. В первые годы (из рассматриваемых) в перечнях имелись фамилии осужденных, иногда с именами и отчествами и с данными о совершенных преступлениях (но часто и без имен, и без сведений о том, за что то или иное лицо осуждено). В 1933 г. перечни «преступников» вообще были заменены общим числом осужденных; первым к подобному методу обратилось ОГПУ. Можно ли было, при таком подходе, не располагая необходимыми сведениями, судить об обоснованности приговора? Однако постановление от 30 сентября 1931 г. гласило: «Утвердить решение коллегии ОГПУ о расстреле вредителей из Донтопа, провокатора из Югославии и И. М. Антонова». Фамилии «вредителей» и югослава не фигурировали, элементарные данные об Антонове — тоже. Столь же «содержательно» и другое решение — от 10

сентября: утвердить расстрел Солодову и главарям кабардино-балкарского восстания. Еще одно решение (от 16 мая 1932 г.) об утверждении приговоров: Сачуняк И. Ф. и Колерова П., осужденных судом в Восточной Сибири, Френкелевич В. М. и Москалюк Ф. Д., осужденных военным трибуналом, Котова (инициалы отсутствуют), Салтыкова А., Крушец Ст., Мартынова С., — по приговору суда Среднеазиатской железной дороги. Ткачева В. и Косинова А. — приговоренных судом Южной дороги, Исанкулова В. — военным трибуналом Среднеазиатского округа¹⁰. О том, что совершили осужденные к расстрелу люди — ни слова.

Но особенно тягостное впечатление оставляют, пожалуй, два решения, датированные соответственно 8 апреля и 19 мая 1934 года. Первым утверждались приговоры к расстрелу, вынесенные транспортной коллегией Верховного суда СССР Т. Брагину, дежурному по станции Хутор Михайловский Западной дороги — виновному в столкновении поездов, пом. начальника станции Попову А. В. и товарному кассиру Таран С. В., за взятки предоставлявшим товарные вагоны для внеплановых погрузок. Вторым решением утверждался аналогичный приговор диспетчеру Московско-Казанской дороги Медведеву за взяточничество. Вероятно, даже в военное время за подобные преступления не полагался расстрел. Так государство прикрывало собственную неспособность наладить нормальную работу транспорта; постоянный же дефицит подвижного состава порождал взяточничество. Над жителями СССР висела угроза расстрела за подлинное или мнимое преступление, за которое (если оно даже имело место) в любой другой стране дали бы небольшой срок тюремного заключения. В целом же масштабы расстрельных приговоров были столь значительны, что высший партийный орган 17 апреля 1934 г. признал необходимым оборудовать специальное помещение, где бы приводились в исполнение приговоры к высшей мере наказания, и ассигновать Верховному суду на эти цели 90 тыс. руб. (ОГПУ, видимо, в аналогичном — новом — помещении не нуждалось). 19 мая 1934 г. принимается решение о немедленном расстреле 45 осужденных по делу «Белорусского национального центра»; из его состава лишь братья Довнар получили по 10 лет. «Гуманизм» был проявлен и при рассмотрении опросом от 17 июня того же года дела академиков А. Д. Сперанского и В. Н. Перетца, которые якобы являлись членами контрреволюционной фашистской организации: было одобрено предложение ОГПУ об исключении этих лиц из Академии наук СССР и высылке их на 3 года¹¹.

Упомянутые ассигнования (Верховному суду) были лишь малой долей субсидий карательным органам. Львиная доля этих сумм приходилась на ОГПУ — размах его деятельности был действительно огромен. Кроме того ОГПУ осуществляло перемещение по стране невиданного дотоле числа людей — спецпереселенцев, заключенных и т. п., оно направляло всю деятельность ГУЛАГа с его миллионным «населением» и благодаря этому являлось мощной хозяйственной организацией, которая, используя даровой труд, сооружала заводы и железнодорожные магистрали, каналы и т. п. Число лишенных свободы постоянно росло — в соответствии с тезисом Сталина, что по мере построения социализма классовая борьба должна обостряться, строительная программа ГПУ расширялась, и оно нуждалось в увеличении численности своих подразделений, во все новых и новых средствах. «Особые папки» политбюро позволяют проследить эту динамику.

Постановлением политбюро от 30 января 1930 г. предусматривалось расширение штатов ОГПУ в 1929/30 бюджетном году на 800 чел., а состава войск ОГПУ на 1100 штыков и сабель. 25 августа того же года принимается новое решение — об увеличении штата сотрудников ОГПУ сразу на 3165 чел., а численности внутренних войск на 3500 человек. Бюджет ОГПУ на 1930 г. составил 88104 тыс. руб., причем отмечалось, что в случае необходимости будут предоставлены дополнительные ассигнования. Опросом от 6 ноября ОГПУ получило еще 1 млн. руб. на «особые нужды» (не сказано, какие). 14 марта 1931 г. ОГПУ ассигнуется 6457 тыс. руб. из резервного фонда Совнаркома на расходы по переселению кулацких семей.

Спустя всего 4 дня в связи с депортацией в Западную и Восточную Сибирь очередных 40 тыс. семей раскулаченных ОГПУ выделяется 3 млн. руб., а затем еще 6 миллионов. Решением политбюро от 30 июля 1931 г. на те же цели предоставляются уже значительно большие, чем ранее, средства — 28027 тыс. руб., ибо речь шла о наибольшей по численности депортации, которая должна была коснуться 153 тыс. семей. Решением от 16 сентября 1932 г. ОГПУ было отпущено из резервного фонда СНК СССР 10 тыс. руб. в валюте на расходы, не предусмотренные сметой (речь шла о внешней разведке, в частности, о слежке за «проштрафившимися» советскими гражданами)¹².

«Вопросы Ягоды» — наиболее часто встречаются в материалах «особых папок» политбюро. Могущество ОГПУ усилилось и в результате постановления от 5 ноября 1930 г. о ликвидации органов внутренних дел союзных и автономных республик; при этом уголовный розыск и милиция передавались ОГПУ. В результате этот монстр сосредоточил в своих руках основные карательные функции, резко расширившиеся в связи с острыми социальными переменами в стране, превратившими огромные массы в узников ГУЛАГа или в бесправных спецпереселенцев, обитавших в поселках под неусыпным надзором комендатур ОГПУ.

Большой интерес представляет протокол заседания политбюро от 23 октября 1932 г., обсуждавшего (по докладу Молотова и Ягоды) вопрос о строительстве Байкало-Амурской магистрали. Решение возлагало на ОГПУ реализацию этого проекта; вместе с тем отмечалось, что силами ГУЛАГа выполняется еще ряд других трудоемких проектов: канал Волга-Москва, завершающие работы на Беломорканале, строительство промышленного и жилого комплексов на Колыме и др. Поэтому политбюро запретило возлагать на ОГПУ новые задания подобного рода¹³. Очевидно, что не столько жалость по отношению к узникам ГУЛАГа, сколько опасения того, что значительная часть их перемрет от непосильного труда в условиях крайнего севера, породили это решение.

На заседаниях политбюро регулярно рассматривались планы расходования продовольствия по отдельным группам потребителей. Фигурировали и обитатели ГУЛАГа, правда, чаще всего суммированные с собственным потреблением штата ОГПУ, а подчас и с военным ведомством. Согласно решению от 10 декабря 1932 г. — для общего снабжения на 1932/1933 г. выделялось 436,5 млн. пудов зерновых, из них военное ведомство и войска ОГПУ (в том числе охранники) получали 47,5 млн. п., ГУЛАГ — 8,1 млн., спецпереселенцы — 3 млн. пудов. План использования зерновых культур урожая 1933 г., утвержденный 7 августа, предусматривал выделение на общее снабжение 1013 млн. пуд., и из них для военвезда и ОГПУ — 53,5 млн., ГУЛАГа — 7 млн., спецпереселенцев — 3 млн. пудов. В то же время экспорт зерновых планировался в 100 млн. пудов¹⁴. Специальным постановлением от 3 августа 1934 г. о снабжении лагерей в третьем квартале несколько увеличивались размеры отпускаемого для лагерников продовольствия и промтоваров, например, хлеба до 670 тыс. т. (вместо 500 тыс.), сахара — на 311 т., растительного масла на 160 т. и т. д. Но это дополнительное снабжение предназначалось не только для узников, но и для охранников и вольнонаемного персонала, а о характере распределения между теми и другими можно догадаться.

16 марта 1931 г. ОГПУ получило от политбюро задание: немедленно по открытии навигации перебросить на Колыму 5 тыс. вполне снаряженных заключенных, а в дальнейшем — еще 20 тысяч¹⁵. Так начиналась одна из наиболее трагических страниц в истории ГУЛАГа. Слова о том, что узники должны быть «вполне снаряжены» для пребывания и работы в условиях Заполярья, — об этом можно судить по другим данным — оставались словами. И один за другим на Колыму потянулись эшелоны с зарешеченными окнами.

Между тем нужда в рабочей силе (тем более даровой) была весьма остра. Это подтверждается тем, как рассматривался на политбюро вопрос об использовании заключенных на Магнитогорском металлургическом заводе. Впервые он возник 10 июля 1932 г. и решение было отрицательным.

Но уже 16 июля политбюро вернулось к нему и приняло решение противоположного характера: в двухдекадный срок перебросить в Магнитогорск 15 тыс. осужденных к исправительно-трудовым работам или ссылке. Переброске подлежали все заключенные из Центрально-Черноземной области, Нижне- и Средневолжского краев, Татарской, Башкирской и Киргизской автономных областей, Казахстана и Западной Сибири¹⁶.

Массовое этапирование заключенных было в те годы обычным явлением. «Разгружались» в особенности тюрьмы в местностях с более или менее приемлемым климатом, а их обитатели тысячами и десятками тысяч перевозились на места «великих строек». 24 января 1933 г. политбюро приняло решение о транспортировке на Север 30 тыс. осужденных с Северного Кавказа: одновременно было отвергнуто предложение секретаря Северокавказского крайкома организовать на территории края временный концлагерь. Видимо, условия Кавказа совершенно не соответствовали представлениям членов политбюро о месте, где должно было находиться подобное учреждение. 8 марта того же года следует специальное постановление о разгрузке мест лишения свободы; ОГПУ предлагалось в течение марта вывезти в свои лагеря из Украины 25 тыс. чел., осужденных на срок свыше 3 лет; приговоренных на 2 года и более (до 3-х) — их насчитывалось 15 тыс. — отправляли в спецпоселения ОГПУ. Переброске подлежали все заключенные независимо от физического состояния и возраста.

Тем же постановлением ОГПУ предлагалось немедленно принять меры для ускорения следственного производства по делам лиц, находившихся в местах предварительного заключения. Лишь на Северном Кавказе их было 35 тыс., на Украине — 25 тыс., в Центрально-черноземной области — 12,5 тыс. и т. д. При этом делался «либеральный» жест, обставленный в то же время изъятиями, которые в общем сводили его на нет. Судебно-следственным органам запрещалось брать под стражу в ходе предварительного следствия обвиняемых по всем делам, кроме дел о контрреволюционных преступлениях, хищении государственного и общественного имущества, корыстных должностных правонарушениях (растраты, взятки и т. д.), спекуляции, тяжелых преступлениях против личности (убийства, грабежи, бандитизм и пр.), мошенничестве, воровстве личной собственности (в случае рецидива), злостном хулиганстве, кулацком сопротивлении. В разделе о снабжении лиц, лишенных свободы, продуктами и вещевым довольствием характерен следующий пункт: запретить изъятие продуктов питания, полученных от собственных хозяйств исправительно-трудовых учреждений, к которому тоже имелась оговорка — за исключением товарных излишков, сдаваемых торговым организациям.

Общее число лишенных свободы на март 1933 г., установленное исходя из тогдашних норм снабжения, было огромно — 400 тыс. человек¹⁷. Подобные масштабы, естественно, благоприветствовали злоупотреблениям различного рода. Потерпевшие посылали жалобы в Верховный суд, Генеральному прокурору и другим должностным лицам, но лишь единичные из этих обращений достигали цели. В редчайших случаях жалобщики пробивались до политбюро. 6 сентября принимается решение «О Маковском»: «Признать его освобождение правильным. Иванова немедленно арестовать. Постышеву и Ярославскому допросить (!) всех, кого следует». Понять, в чем здесь дело, не зная, о ком идет речь, нельзя, но видимо, это результат дошедший до самого верха жалобы. 13 ноября — новое постановление по этому делу, где, в частности, говорилось: «Обратить внимание коллегии ОГПУ, что направленность ведения дела т. Маковского и недопустимые методы ведения допроса характеризуют недостаточность контроля членов коллегии над ведением дела вообще. Его жалоба в коллегию и посылка копии в ЦКК на незаконные методы следствия не была допущена». Политбюро решило предать следователей суду¹⁸. Все это, однако, было не ново.

Аналогичный казус имел место в июне 1934 года. 5 июня политбюро принимает решение: «Приговор в отношении Селявкина, Поляковой, Стуккарта и Смирнова по обвинению в шпионаже отменить. Стуккарта, изобличенного во взяточничестве, — на 3 года в концлагерь, остальных отпустить

на свободу» (без права проживания в 12 крупных городах). В связи с явной фабрикацией данного дела политбюро постановило «всей руководящей верхушке ОГПУ обратить внимание на серьезные недочеты в деле ведения следствия ОГПУ. Считать недопустимым, что прокуратура, несмотря на наличие жалоб со стороны Стуккарта, Смирнова, Абрамовича и Поляковой, посланных на имя прокуратуры, оставила жалобы без ответа и разбирательства»¹⁹. Но из тысяч жалоб прорывались «на Олимп» и становились предметом рассмотрения только единицы.

Наиболее разительным примером чудовищного насилия над людьми, не совершившими вообще никаких преступлений, было принудительное выселение с насиженных мест сотен тысяч «кулаков» и членов их семей в безлюдные северные районы страны. Многие из них, особенно дети, погибали уже в пути, уцелевшие подвергались невообразимым издевательствам со стороны подчиненных Менжинского и Ягоды, а также разного рода начальников и бригадиров на лесозаготовках, строительстве промышленных объектов и дорог, на действующих предприятиях, где доминировал даровой труд спецпереселенцев. «Особые папки» политбюро не оставляют сомнений, что раскулачивание и депортация его жертв в неосвоенные районы Заполярья, где развертывалось широкое индустриальное строительство, имело одной из главных целей обеспечить создание новой промышленной базы на Востоке фактически бесплатной и полностью бесправной рабочей силой. Документы на этот счет — «заявки» промышленных организаций на столько-то тысяч людей, конкуренция между ними за данный «контингент» напоминают полузабытые картины работорговли. Разница, пожалуй, лишь в численности: в сталинские времена белых невольников было гораздо больше, чем в период расцвета работорговли в XVII—XIX веках.

В русском языке появилось совершенно новое понятие — спецпереселенцы — огромная, абсолютно бесправная категория бывших сельских жителей, лишенных вековых корней, распределяемых между заказчиками из разных ведомств, особенно индустриальных, где они подвергались безудержной эксплуатации²⁰. В 1994 г. в журнале «Исторический архив» были опубликованы важные документы «особых папок» политбюро ЦК ВКП(б) по данному вопросу²¹. Это решения комиссии политбюро по спецпереселенцам, утвержденные политбюро. Комиссию возглавлял тогдашний председатель ЦКК и нарком РКИ А. А. Андреев и в нее первоначально входили лишь Г. Г. Ягода и П. П. Постышев (в качестве секретаря ЦК). Естественно, что в одной публикации нельзя было исчерпать все материалы о спецпереселенцах, содержащиеся в «особых папках».

«Основополагающее» постановление о выселении кулаков (на деле по наущению деревенской голытьбы выселялось немало середняков, а то и бедняков) и конфискации их имущества датировано 30 января 1930 года. Оно предусматривало поистине драконовские меры расправы с лучшими сельскими хозяевами; разбазаривались, а частично и уничтожались орудия производства, принадлежавшие им, что способствовало в дальнейшем сильнейшему недороду и голоду. 20 февраля принимается новое постановление — о коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных районах. Зажиточных крестьян предписывалось переселять за пределы зоны сплошной коллективизации на худшие земли в местах, отдаленных от границы. Одновременно давалась разнарядка на заключение в лагеря: Дагестан — 350 чел., Средняя Азия — 1300 (в том числе Узбекистан 1000), Бурят-Монголия — 100. 5 марта политбюро санкционировало депортацию из пограничных округов Белоруссии и Правобережной Украины польских крестьянских семей; это коснулось, в частности, осужденных за шпионаж и контрреволюционную контрабанду. Они выселялись дополнительно к общей разверстке согласно постановлению от 30 января: из Украины 10—15 тыс. семей, из Белоруссии 3—3,5 тысячи²².

18 марта 1931 г. комиссия Андреева одобрила план переселения 40 тыс. семей в северные районы Западной и Восточной Сибири. Одновременно ставилась задача еще в течение 1931 г. вселить в Акмолинский и Каракалинский округа Казахстана (самые отдаленные и в те времена совершенно

пустынные районы республики) 160 тыс. семей. Размах предстоявших депортаций был огромен: решением политбюро от 20 февраля 1931 г. ОГПУ предлагалось «в течение ближайших месяцев принять меры по устройству кулацких поселков на 200—300 тысяч семей, имея в виду прежде всего районы Казахстана южнее Караганды»²³. Руководство этой операцией было возложено на Андреева.

Отдельные решения политбюро через непродолжительный срок аннулировались. 4 мая 1932 г. было утверждено постановление комиссии по спецпереселенцам (с заменой Андреева на посту председателя ЦКК и наркома РКИ Я. Э. Рудзутаком; последний возглавил и эту комиссию) о плане высылки 38300 семей кулаков. Но уже через 4 дня последовала отмена этого решения и была повторена рекомендация о том, чтобы «отдельные контрреволюционные злостные элементы в деревне изымать в порядке индивидуального ареста». Еще 10 июля 1931 г. политбюро утвердило пункт решения комиссии по спецпереселенцам о досрочном восстановлении в правах молодежи этого контингента до истечения положенного пятилетнего срока, если она проявит себя положительно. А 10 сентября того же года политбюро отменило это решение²⁴.

План значительного расширения спецпоселков ОГПУ рассматривался 5 июля 1933 года. Было принято следующее постановление по этому вопросу: в эти поселки следовало, помимо уже выселенных и находившихся на месте, а также пребывавших в пути 124 тыс. чел., в течение 1933 г. дополнительно направить 426 тыс. человек²⁵. «Особые папки», к сожалению, не содержат более поздних упоминаний об осуществлении этого замысла.

Среди документов комиссии по спецпереселенцам есть карандашная записка, озаглавленная «Положение» и относящаяся к началу лета 1931 года. Ее основное содержание таково: «30 г. выселено 82 тысячи. По 1 мая 1931 г. — 38 тысяч. В проц/ессе/ высел. по 1 июня 57 т. 500. План до августа 110 т. + 12 т. 500 = 127 /тыс./ /Итого/ 304 т... Останутся зачистки (!)... Наш план 110 т., прос. утвердить».

Авторство этого документа неизвестно, но скорей всего он принадлежал Андрееву, являясь материалом для решения комиссии от 15 мая 1931 г. (политбюро утвердило его 20 мая). Предложение о депортации 110 тыс. семей было одобрено. Точное количество депортированных в начале 30-х годов крестьян до сих пор не подсчитано. По данным НКВД, в течение 1931—1932 гг. было выселено на север 1800 тыс. человек. Если учесть, что в крестьянской семье, помимо мужа и жены, насчитывалось 4—5 иждивенцев — детей, стариков и т. д., то и депортации 1930 г. (80 тыс. семей) охватили не менее 500 тыс. человек. Общий итог за 3 года — 2,3 млн. чел., но депортации продолжались и в последующие годы²⁶.

Центральное значение имела санкция политбюро на предложение комиссии в ее решении от 15 мая 1931 г. передать полностью в ведение ОГПУ «хозяйственное, административное и организационное управление по спецпереселенцам, а также все материальные и денежные фонды, отпущенные на спецпереселение»²⁷. Это означало, что в дальнейшем все сферы жизни многих сотен тысяч людей, и без того попавших в невиданно сложные условия, оказались в руках карательных органов, относившихся к этой массе не просто неприязненно, а с ненавистью, порожденной классовой враждой и подогреваемой соответствующими материалами в печати и в радиопередачах, всячески нагнетавшими обстановку рассказами о кулаках — вредителях, бандитах, диверсантах и т. п. (стоит упомянуть, что из своего нищенского заработка спецпереселенцы вынуждены были отчислять ОГПУ сначала 25%, позднее этот процент был снижен до 15%, затем до 5). На этой основе и возникли те «перегибы» в отношении спецпереселенцев, являвшиеся вовсе не перегибами (аналогично тем, что происходили в ходе коллективизации), а магистральным курсом ВКП(б).

Весьма примечательна мотивация передачи ОГПУ всего, что было связано со спецпереселением: ввиду безобразного использования этой рабочей силы. Действительно, в результате бесхозяйственности и неорганизованности даровые руки использовались плохо, малоэффективно. Те, кто

был заинтересован, наперебой старались заполучить побольше спецпереселенцев; в документах комиссии Андреева приводится множество заявок на них с уральских, сибирских, казахстанских новостроек и комбинатов. Лихорадочную активность проявляло «Цветметзолото», претендовавшее на то, чтобы буквально на каждом прииске имелось по несколько сот, а то и тысяч семей спецпереселенцев. Но одного такого желания было мало, чтобы подневольные рабочие трудились с необходимой отдачей. Для этого необходимы были мало-мальски приемлемые условия размещения и снабжения. Между тем в подавляющем большинстве случаев адекватной подготовки к приему человеческой массы, немалую часть которой составляли дети, не велось. Спецпереселенцы часто оказывались в условиях, противоречивших самым элементарным человеческим потребностям. Катастрофически плохо было с медицинской помощью — даже в ее простейших формах.

Признания этого содержатся и в «особых папках». В постановлении комиссии по спецпереселенцам от 28 июля 1931 г. (утверждено политбюро 2 августа) говорилось: «Констатировать, на основе ряда материалов и данных, совершенно недопустимое положение дела как с хозяйственным использованием спецпереселенцев, так и с устройством и обеспечением жильем, снабжением, выплатой зарплаты». Неудовлетворительным признавалось положение в этой области и в системе «Цветметзолота», в частности, на Алдане и Урале. Полпредам ОГПУ по Уралу, Северному краю и Западной Сибири было указано, что они плохо подготовили переселение.

В этом же решении констатировались «продолжающиеся факты извращений при раскулачивании и выселении кулаков в центральных областях (Московской, Западной и др.)». Но меры борьбы с этим злом были абсолютно недостаточны: Постышеву поручалось отобрать 3—4 работников из инструкторов ЦК и членов ЦКК для проверки ставших известными фактов. Характерен один из пунктов этого постановления: определить в детские дома детей-сирот, оставшихся после умерших или бежавших родителей. И тех, и других было достаточно, хотя число побегов было относительно низким — удерживала семья, да и условия Заполярья делали побег крайне рискованным предприятием.

Спустя полгода — новое постановление комиссии Андреева — о санитарном состоянии и культурно-бытовом обслуживании (утверждено политбюро 28 января 1932 г.). Здесь, пожалуй, о «перегибах» сказано наиболее близко к истине: «Констатировать неблагоприятное санитарное положение в местах спецпереселения, зависящее как от непроведения хозорганами необходимого строительства жилищ и подсобных учреждений (бань, прачечных, лечучреждений, дезинфекционных камер, колодцев), так и от неудовлетворительной работы органов здравоохранения. Вследствие этого имеют место крупные очаги острозаразных болезней (сыпной тиф, натуральная оспа и др.) в ряде пунктов, особенно в Северном крае (Коноша-Вельск), Казахстане (Карталстрой, Караганда) и в промышленных районах Уральской области». Отмечалось, что повышенная заболеваемость и неприспособленность спецпереселенцев к суровым условиям необжитых районов вызвали повышенную смертность. «Особенно велика, — говорилось в этом постановлении, — смертность среди детей младшего возраста (до 8-ми лет), доходящая в некоторых краях до 10% их численности в течение месяца». Подчеркивалось, что это — результат не только общих отрицательных факторов, но и недостаточного по количеству и неудовлетворительного по качеству питания.

Постановление, как обычно, предусматривало ряд «решительных мер». При создавшемся катастрофическом положении необходимо было прежде всего резко увеличить число врачей в районах спецпереселения (постановлением политбюро от 30 августа 1931 г. оно было определено — на весь гигантский регион от Урала до Якутии — в 135 чел.)²⁸. В новом решении ничего конкретного о численности врачей не говорилось (Наркомздрав лишь обязали в течение двух недель закончить их мобилизацию), пока же предписывалось перебросить из центральных областей 350 годных к самостоятельной работе фельдшеров и акушерок.

10 апреля 1932 г. комиссия Андреева вновь обсуждала вопрос о неис-

пользовании хозорганами части переданных им трудоспособных спецпереселенцев (докладчиком выступал зам. начальника ГУЛАГа М. Д. Берман). В решении (оно было утверждено политбюро 13 апреля) говорилось, что «до сего времени трудовое использование спецпереселенцев не превышает 80% от общей численности спецпереселенцев при общем напряженном балансе рабочей силы». Декларировалась необходимость принятия соответствующих мер, обратив особое внимание хозорганов на форсированное развертывание в районах расселения детских учреждений (это решение запоздало на 2 с лишним года). Один из пунктов постановления предписывал до 20 апреля (т. е. в течение недели) перестроить работу всех кооперативных союзов, ответственных за развитие кустарных промыслов²⁹.

Решения принимались, и довольно часто, но существенных сдвигов в лучшую сторону не происходило. За последние годы из печати вышло несколько документальных сборников о спецпереселенцах в различных регионах азиатской части СССР³⁰. Здесь публикуются, главным образом, материалы местных архивов, позволяющие более наглядно, чем по документам центральных хранилищ, представить себе подлинную картину происходившего. Естественно, что в периферийных сборниках шире отражены вопиющие нарушения прав и интересов спецпереселенцев (в центральные архивы такого рода документы попадали лишь в виде исключения).

Одно из них — дело о чудовищных издевательствах над людьми, повлекших за собой жертвы на лесозаготовках в Надеждинском районе Уральской области. Здесь в мае 1931 г. доведенные до отчаяния спецпереселенцы поднялись против своих мучителей, что заставило власти начать расследование. В район были посланы два оперуполномоченных ОГПУ, которые в результате ознакомления с обстоятельствами дела пришли к выводу, что выступление было вызвано недопустимыми действиями надсмотрщиков, десятников, бригадиров и т. п., назначенных райкомом ВКП(б). В докладной записке, составленной этими оперуполномоченными, говорилось, в частности: «Издевательства указанных лиц над переселенцами по своей дерзости не находило себе границ. В арестных помещениях, в домах переселенцев, на улице, в лесу на работах и даже во время отдыха переселенцев последние избивались, женщины и девицы подвергались также избиениям, понуждались и использовались в половом отношении, от переселенцев бесконтрольно отбирались вещи, деньги и продукты. Все эти беспричинные издевательства в основном сводились к физическому истреблению переселенцев, что бесспорно подтверждается показаниями десятников, некоторых комендантов и других милиционеров». Один из бригадиров, член ВКП(б), кричал: «Вас всех надо убить и уничтожить, а вместо вас скоро новых 80000 пришлют»³¹. Вдохновителем убийц был ответственный работник райкома партии.

Некоторых виновников случившегося арестовали (но еще больше — участников «бунта»). Материалы дела (а нечто аналогичное происходило и в другом районе Уральской области — Березниковском) были с довольно резким сопроводительным письмом полпреда ОГПУ в этой области переданы в обком ВКП(б), который принял достаточно расплывчатое постановление, но вместе с тем направил соответствующие документы в комиссию Андреева. Понесли ли виновники издевательства и даже убийств наказание, неизвестно.

Другое дело такого же рода рассматривалось осенью 1933 г., т. е. спустя 2½ года после описанного. На остров Назино (Западная Сибирь) высадили тысячи спецпереселенцев; никаких условий для проживания ни до этого, ни после не было создано. Между тем вскоре наступили холода и выпал снег. Не было и элементарно необходимого снабжения. Люди буквально одичали, в поисках тепла зарывались в землю. В первую очередь погибали, конечно, дети. Нашелся, однако, человек по фамилии Величко, который добился рассмотрения этого дела крайкомом ВКП(б)³². Ввиду того, что оно получило огласку и приобрело скандальный характер, пришлось принять некоторые меры. Начальнику Сиблага и его заместителю были объявлены строгие выговоры, уполномоченный Сиблага

по Нарымскому округу и ряд комендантов ОГПУ исключены из партии и отданы под суд, то же решение было принято в отношении еще 18 чел. — непосредственных виновников. Однако полпреду ОГПУ в крае и прокурору было лишь «указано на отсутствие с их стороны наблюдения за лагерями». Политбюро своим решением от 10 марта 1934 г. (запоздание на полгода) санкционировало все это, со своей же стороны указало зам. нач. ГУЛАГа Берману на отсутствие со стороны его ведомства точного «инструктажа сибирских лагерей о характере направляемых туда людей, порядке их расселения и использования и на отсутствие проверки того, проведена ли подготовка к их приему».

Инструкций было хоть отбавляй, с момента появления первых спецпереселенцев минуло без малого 3 года, так что всем все было хорошо известно и все, что творилось в отношении «классовых врагов», делалось не по незнанию, а в твердой уверенности в своей безнаказанности. Далее в решении политбюро говорилось: «Предложить ОГПУ дать строжайшее указание своим местным органам о самой тщательной проверке впредь каждой высылки и условий переселения и содержания пересылаемых, гарантировать их удовлетворительное санитарное и продовольственное состояние, а также гарантировать полностью доставку всех конвоируемых к месту назначения»³³. К моменту принятия данного решения основная масса спецпереселенцев уже давно находилась на севере, но и после этого сколь-нибудь серьезной заботы о том, чтобы все конвоируемые оставались в живых, а не умирали в дороге от голода, тесноты и холода, и чтобы то же самое не происходило на сибирской или казахстанской земле, не проявлялось. Спецпереселенцы изначально были изгоями и рассматривались, как заклятые враги, чья жизнь не имела никакой ценности.

В постановлении политбюро от 20 июля 1931 г. «О кулаках» декларировалось: «Считать, что задание политбюро о массовом выселении кулацких хозяйств комиссией в основном выполнено. В дальнейшем производить высылку из районов сплошной коллективизации в индивидуальном порядке»³⁴. Ничего общего с действительностью это однако не имело. Депортации неуклонно продолжались и отнюдь не в индивидуальном порядке (хотя не десятками и сотнями тысяч, подобно 1930—1931 гг.). Но менялась мотивация депортаций. Если прежде единственным критерием при выселении являлось имущественное положение сельского жителя, то в 1932 и последующих годах причиной служило не только это: высылали за «плохую» работу в колхозе, за «саботаж» сева или хлебозаготовок и т. п. В подобных случаях репрессивный характер режима, каравший людей при полном отсутствии правонарушений с их стороны, выступал еще более явственно, чем обычно.

Первым свидетельством «нового» подхода было решение политбюро (принятое 13 ноября 1932 г. по предложению секретаря Северокавказского крайкома Б. П. Шеболдаева) лишать единоличников, не выполняющих плана хлебозаготовок, права приобретать промтовары; в единичных случаях разрешалось и привлекать тех, кто злостно саботировал хлебозаготовки, к судебной ответственности по соответствующим пунктам ст. 61 УК РСФСР за невыполнение плана, утвержденного собранием граждан. То было время сильнейшего голода в этих краях, и «спущенный» сверху план можно было выполнить только ценой голодной смерти.

Решением от 21 ноября 1932 г. одобрялось предложение Шеболдаева и Кагановича о высылке из районов Кубани в двухдекадный срок 2 тыс. кулацко-зажиточных семей, срывающих сев. Это были далеко не последние «кулаки». Опросом от 26 декабря политбюро приняло предложение Л. М. Кагановича и В. А. Балицкого о высылке из Одесской области (без указания причин) 500 семей кулаков; под новый, 1933 год, санкционируется предложение С. В. Косиора о депортации 300 аналогичных семей из Черниговской области, а постановлением от 1 января 1933 г. на Днепропетровскую область распространяются меры, принятые в отношении Одесской области: высылка 700 семей из 20—25 сел. ОГПУ поручалось организовать депортацию на север злостных элементов (700 чел. без семей). Было также дано указание немедленно выслать в концлагерь исключенных из партии —

до 50 человек. 4 января 1933 г. было одобрено аналогичное предложение ЦК КП(б)У о депортации 400 семей из Харьковской области ³⁵.

Совершенно неясно, кого и за что выслали, непонятны карательные меры против членов партии, никоим образом не определено — ни в юридическом, ни в любом другом отношении — понятие «злостные элементы» и т. п. Ясно лишь, что положение на Украине уже в тот момент было отчаянное, и Сталин со своими подручными, как обычно, стремился переложить собственную вину за случившееся на других, в том числе на рядовых коммунистов.

24 января 1933 г. политбюро санкционирует мероприятия Северного крайкома по заселению Печоры за счет: а) переселения кулацких семей из других областей; б) высылки туда активных контрреволюционных элементов с семьями. 20 февраля принимается решение разрешить Нижневолжскому крайкому партии выселить за пределы данной территории (конечно, на север) 2000 единоличников с семьями, а также колхозников, исключенных за злостный саботаж заданий по засыпке семян.

Решения такого рода становятся все более частыми. 27 февраля — по Башкирии (1000 семей злостных единоличников), 18 марта полпреду ОГПУ на Украине Балицкому предложено выслать из Уманского и Белоцерковского районов (на Киевщине) до 1000 семей петлюровских (?) элементов, осуществив это до начала весенних полевых работ. 1 апреля 1933 г. в повестке дня политбюро вновь фигурирует Северокавказский край: в течение апреля необходимо выслать 3000 кулацких единоличных хозяйств, отказывающихся от сева, а также наиболее злостных расхитителей общественной собственности и саботажников из числа колхозников. То же постановление предусматривало и другое мероприятие, касавшееся Северного Кавказа: до начала курортного сезона, не позднее 15 апреля, выселить из Сочинского и Туапсинского районов 3000 семей, а из группы курортов Минеральных Вод 2000 семей контрреволюционных и деклассированных элементов, засоряющих курортные зоны. Все это знаменовало второй этап депортаций. То, что именовалось злостным саботажем засыпки семян, хлебозаготовок и т. п., на деле было отчаянной попыткой крестьян выжить в условиях сильнейшего недорода и голода, когда у них отбирали буквально последнее. А «очищение» курортов объяснялось ничем иным, как стремлением Сталина и партийно-государственной верхушки обезопасить себя от народного гнева в местах, облюбованных ими для отдыха.

13 апреля политбюро удовлетворило просьбу Средневолжской организации ВКП(б) — выселить в течение мая-июня не менее 6000 кулацких хозяйств и 1000 хозяйств наиболее разложившихся единоличников. Обращает на себя внимание термин «наиболее разложившиеся»; что за содержание вкладывалось в него, совершенно неясно, но, по-видимому, речь шла о тех, кто в сложившихся условиях упорно отстаивал свою самостоятельность, возможность самим решать судьбы своих семей. В этом же месяце пришла и очередь Закавказья, но здесь цифры депортируемых были существенно ниже: Азербайджан — 900 хозяйств, Восточная Грузия — 300, столько же — хлопковые районы Армении; здесь имелись в виду прежде всего «вычищенные» из колхозов. 5 июня 1933 г. было решено согласиться с телеграфным предложением Шеболдаева о снижении нормы продовольственного обеспечения депортируемых с трехмесячного запаса до месячного ³⁶. 21 июля 1933 г. санкционируется запрос Дальневосточной организации ВКП(б) о выселении 5 тыс. кулацких семей с тем, чтобы использовать их на предприятиях и в лесной промышленности ³⁷.

«Особые папки» политбюро — ценный документ при изучении истории репрессий в СССР 20—30-х годов. Этот источник раскрывает такие факты и обстоятельства, сведения о которых нельзя найти ни в каком другом источнике. И прежде всего он дает представление о том, каких масштабов достигли в советское время пренебрежение законами, абсолютная чрезвычайщина в области права, которую последовательно насаждал высший партийный орган. «Особые папки» предельно четко отражают также полное безразличие Сталина и его окружения к судьбам сотен тысяч людей, подвергавшихся чудовищным социальным экспериментам и погибавших в заведениях ГУЛАГа, в Заполярье в качестве

спецпереселенцев, на непосильных работах по сооружению каналов, железных дорог и других «великих строек». Репрессии начала 30-х годов коснулись практически всех слоев общества, но с особенной силой они ударили по крестьянству, что нанесло непоправимый урон сельскому хозяйству страны. В результате последовательного уничтожения наиболее квалифицированных и трудолюбивых кадров деревни и форсированного вывоза зерна, других хлебопродуктов производительные силы земледелия и животноводства были катастрофически подорваны, необходимые же запасы отправлялись за границу в обмен на металл, станки и т. п. Последствия этого ощущаются до сих пор.

Примечания

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 162, д. 9, л. 22, 53, 81—82.
2. Там же, д. 8, л. 51.
3. Там же, д. 9, л. 143, 161.
4. Там же, д. 7, л. 158; д. 8, л. 157—158.
5. Там же, д. 9, л. 39—40; д. 14, л. 107.
6. Там же, д. 8, л. 119, 152; д. 9, л. 134.
7. Там же, д. 13, л. 99, 100.
8. Там же, д. 8, л. 5, 17.
9. Там же, д. 14, л. 17, 52, 61, 96, 123; д. 15, л. 27.
10. Там же, д. 11, л. 17, 9; д. 12, л. 145—146.
11. Там же, д. 16, л. 36, 46, 61, 62, 102.
12. Там же, д. 8, л. 68; д. 9, л. 20, 134, 175, 177—178; д. 10, л. 104; д. 13, л. 102.
13. Там же, д. 9, л. 57.
14. Там же, д. 13, л. 132; д. 14, л. 38.
15. Там же, д. 12, л. 8.
16. Там же, д. 13, л. 12, 33—34.
17. Там же, д. 14, л. 51, 92.
18. Там же, д. 13, л. 96; д. 14, л. 10.
19. Там же, д. 16, л. 88—89.
20. См. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 гг. М. 1989; СТАРЖИНСКИЙ П. А. Взрослое детство. Записки сына раскулаченного. М. 1991; ИВНИЦКИЙ Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М. 1994.
21. Спецпереселенцы — жертвы «сплошной коллективизации». — Исторический архив, 1994, № 4.
22. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 8, л. 101, 109. Постановлением политбюро от 5 ноября 1930 г. ОГПУ и наркомат транспорта обязывались в двухдневный срок выработать в секретном порядке меры по очистке западных железных дорог от поляков и антисоветских элементов — те и другие уравнивались (Там же, д. 9, л. 58).
23. Там же, ф. 17, оп. 162, д. 9, л. 138, 177.
24. Там же, д. 11, л. 5; д. 12, л. 126; д. 13, л. 14.
25. Там же, д. 15, л. 14.
26. Там же, ф. 120, д. 26, л. 89; Дружба народов, 1993, № 8, с. 197.
27. Исторический архив, 1994, № 4, с. 155.
28. Там же, с. 167, 176.
29. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 12, л. 104.
30. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале 1930—1936 гг. Екатеринбург, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири. Вып. 1—3. Новосибирск, 1992—1994.
31. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 120, д. 26, л. 218.
32. Спецпереселенцы в Западной Сибири, вып. 3, с. 180 и сл.
33. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 16, л. 14—15.
34. Исторический архив, 1994, № 4, с. 160.
35. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 162, д. 13, л. 77; д. 14, л. 16, 44—45.
36. Там же, д. 14, л. 48, 64, 67, 101, 108—109, 122, 125, 157.
37. Там же, д. 15, л. 17.

Трудовая этика и античный полис

В. И. Кузицин

Для раннего греческого общества рассуждения о трудовой деятельности впервые известны нам из поэм Гомера, в основном созданных, видимо, на рубеже IX — VIII вв. до н. э., но содержащих реминисценции о временах более ранних. Эти рефлексии о смысле трудовой деятельности оказались направленными на осознание различий занятий разных слоев населения и распределения среди них разных функций. Так, масса народа должна была пахать землю, пасти скот, заниматься ремеслами; другая его часть должна была охранять границы и вести войну, за это ее деятельность и должна была оплачиваться трудовым народом:

Главк! Почему между всех наиболее нас отличают
Местом почетным и мясом и полной на пиршествах чашей
В крае ликийском и как на бессмертных богов на нас смотрят?
Мы и участком обширным владеем по берегу Ксанфа,
Лучшей земли, и с садом, и с пашней, родящей пшеницу.
Нужно поэтому нам и в передних рядах находиться,
Твердо стоять и без страха кидаться в кипящую битву
(«Илиада», XII, 310—316).

Выделение особого военного пласта в трудовой деятельности восходит, видимо, к началу размышлений о процессе труда и необходимости разумного разграничения разных его направлений. И дело здесь не только в некоем захвате привилегий и каком-то паразитизме аристократии. Выделение военной функции — это взаимовыгодный и рациональный процесс, обогащающий общую трудовую деятельность. Такое разделение воспринималось как богоданный, то есть справедливый феномен.

Более сложными были рефлексии о смысле трудовой деятельности основной массы населения, основных производителей благ. Кто они, для чего и как трудятся, как к ним относятся всемогущие боги? В эпоху Гомера этого вопроса в обществе, видимо, не ставили. Вернее, он воспринимался весьма элементарно: «народ земли» должен обслуживать военную аристократию во всех смыслах, не мудрствуя лукаво. Вот это и есть высший моральный смысл их жизни и трудовой деятельности.

Мораль гомеровских героев, отражавшая менталитет греческой аристократии VIII в. до н. э., впоследствии трансформируется. VII — VI вв. были временем становления греческого полиса, коллектива граждан, в составе которого заняли свое место и потомки гомеровских героев¹.

Кузицин Василий Иванович — доктор исторических наук, профессор Московского университета им. М. В. Ломоносова.

Социальный слой гомеровских басилеев превращается в сословие архаической греческой аристократии. В процессе формирования полиса происходило изменение социально-политических функций раннегреческой аристократии: на смену аристократической, в частности колесничной, военной организации приходит фаланга гоплитов, состоявшая из граждан среднего достатка. Рост политического значения народных собраний ослаблял властные функции аристократического слоя².

В этих условиях аристократия меняет и свой образ жизни, и моральные традиции. Лирические поэты VII — VI вв. Архилох, Феогнид, Алкей, Сапфо, Анакреон отражают эту новую мораль, призывая не к воинским подвигам или политическим свершениям, а к праздному времяпрепровождению, усладам любви, наслаждениям молодостью и красотой. Иными словами, в этике начинают проявляться элементы гедонизма, потребительства и паразитизма. Трудности военных походов, политические разборки, не говоря уже о земледельческой деятельности, рассматриваются как нечто, недостойное родовитого аристократа. Основные принципы аристократического этоса (совокупности нравственных представлений) сохранялись у значительной части греческой аристократии в VI — V веках.

Однако еще на рубеже VIII — VII вв., то есть на заре греческой архаики, произошел огромный сдвиг, настоящий прорыв в осмыслении более широких пластов трудовой деятельности. Была представлена определенная моральная рефлексия о смысле трудовой деятельности основного производителя, мелкого земледельца трудом которого создавались материальные блага, за счет чего и жили все слои греческого общества.

Эти размышления развивались Гесиодом в его поэтическом произведении «Труды и дни». Если Гомер — это скорее легендарный рапсод, реальное существование которого пока не подтверждено, то Гесиод — вполне реальная историческая личность, в сущности первый поэт в истории греческой литературы. Гесиод был поэтом и участвовал в состязании рапсодов, то есть был профессионалом на поэтическом поприще. Но вместе с тем он был и земледельцем, собственником земельного участка, который сам же обрабатывал и занимался продажей своих продуктов. Он являлся хозяином, который знал хозяйственную жизнь как ее непосредственный участник. Это редкое, может быть, уникальное сочетание в одном лице крестьянина с его особой психологией и поэта, склонного к философскому рефлексированию, позволило Гесиоду создать удивительно глубокое произведение — поэму «Труды и дни», в которой была предложена подлинная философия трудовой деятельности основного труженика — земледельца³.

Гесиод рассматривает земледельца как человека свободного, независимого от какого-либо другого человека, коллектива или общины в целом. Он достаточно зажиточен, во всяком случае успешно отводит угрозу голода и может позволить себе вывозить свои продукты на рынок. Он владеет участком земли, если не на правах частной собственности (это понятие в эпоху архаики, видимо, еще не сформировалось), то на правах достаточно полного распоряжения и пользования ею. У него есть дом, семья, необходимое число голов рабочего скота (без чего нельзя предотвратить голод) и несколько помощников — рабов или батраков.

В первую очередь — дом и вол работающий для пашни,
Женщина, чтобы волов подгонять: не жена — покупная!
Все же орудия в доме да будут в исправности полной,
Чтоб не просить у другого — откажет он, как обернешься?

Иначе говоря, у земледельца имеются все исходные условия для нормальной жизни. Нужно лишь использовать эти условия. Как же это сделать? У Гесиода налицо четкий ответ: следует упорно трудиться на земле:

Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о потомок богов, чтобы голод тебя ненавидел,
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом;
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжалюному трутню, который,
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои делать вовремя с рвением,

Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.
Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье.
Если ты трудишься — скоро богатым на зависть ленивцам
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.
Хочешь бывалое счастье вернуть, так уж лучше работай.
Сердцем к чужому добру перестань безрассудно тянуться
И, как советую я, о своем пропитанье подумай.
Стыд нехороший повсюду сопутствует бедному мужу,
Стыд, от которого людям так много вреда, но и пользы,
Стыд — удел бедняка, а взоры богатого смелы.
(«Труды и дни», 298—319).

Итак, труд, труд и снова труд — таков девиз Гесиода. И только в этом случае ты обретешь достаток, почет и уважение, будешь считаться добродетельным и милым всемогущим богам. В сущности, это принципиально новая постановка вопроса по сравнению со взглядами Гомера. Там — война, грабеж чужого имущества доставляли богатство и почет. А трудящийся народ вообще не принимался в расчет относительно этих понятий. Ведь он был создан не столько для собственной личной жизни, сколько для обслуживания военной аристократии.

Теперь налицо иное понимание смысла трудовой деятельности: это уже не захват чужого, а созидание материальных ценностей собственным трудом. Именно отсюда рождаются богатство, почет, уважение, любовь богов. «Бездельники мерзки», — подчеркивает Гесиод. Кого он имеет в виду? Если учесть историческую реальность VIII—VII вв., то это как раз та аристократия, которая или воевала, или проводила время в пирах, любовных утехах либо спортивных состязаниях. Гесиодовский идеал, таким образом, прямо оппозиционен гомеровскому и постгомеровскому аристократическому этосу. Тут четкая формулировка моральных, а потом и политических требований нового слоя греческого общества — слоя свободных земледельцев, составивших к концу архаики основу гражданского сообщества, коллектива свободных земледельцев, членов гоPLITской фаланги и основных участников народных собраний, руководивших делами общины.

Итак, Гесиод призывал трудиться и трудиться. Но как он понимал этот труд, как воспринимал трудовой процесс? Здесь четко выделяется несколько важнейших компонентов. Прежде всего, это личный физический труд земледельца. Он пашет землю, он собирает урожай, он ухаживает за скотом, он производит ремонтные работы. Далее, земледелец Гесиода — одновременно и торговец. У него есть небольшие суда (скорее всего, большие лодки), и на них он везет свою продукцию по морю на обмен. Он влияет, таким образом, хотя и не глубоко, на рыночные отношения. Он уже не просто производитель, а товаропроизводитель, что влечет за собой расширение его производственного кругозора.

Более того, земледелец Гесиода — хозяин нескольких рабочих единиц, во всяком случае, не менее трех, а именно: пахаря, женщины-батрачки (без сосунка, то есть ребенка), батрака для первичной обработки собранного урожая, а также мальчика (видимо, раба), отгоняющего птиц при посеве. Иначе говоря, перед земледельцем Гесиода в качестве органической части его производственной деятельности выдвигается новая функция — организаторская, предполагающая управление рабочей силой, по существу функция предпринимательская.

И еще одна очень важная и акцентированная Гесиодом часть трудовой деятельности его земледельца: он должен быть человеком, сведущим в сельском хозяйстве, знатоком природного календаря и хорошо разбираться в агрономических советах. Во всяком случае, агрономические правила, сформулированные Гесиодом применительно к требованиям природного календаря, весьма дельные, и они надолго сохранили свою ценность в греческом сельском хозяйстве. Итак, земледелец Гесиода — человек, не только опытный в силу повседневных наблюдений, обычных для традиционного крестьянского быта, но и знающий некоторые элементы научных наблюдений, произведенных другими людьми.

С этой стороной тесно связана еще одна часть трудового процесса,

а именно, соревновательность в производстве. Для Гесиода труд — не столько самодостаточное, независимое и замкнутое на себя действие, сколько соревнование с другими тружениками: конкуренция, перерастающая в зависть, в некое раздорное чувство: Гончар с гневом смотрит на гончара, плотник на плотника, нищий завидует нищему, певец — певцу (там же, 25—26). Но в этом соревновании, в этих раздорных взаимоотношениях есть и некое позитивное начало, собственно соревновательное, вызывающее здоровые стимулы к более производительному труду:

Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,
Станет и сам торопиться с посадками, с севом, с устройством
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству
Сердцем стремится...

(там же, 21—24).

Итак, для Гесиода трудовой процесс — сложное и многостороннее явление, сочетающее физический труд, агрономические знания, торговые навыки, организаторские способности и соревновательный элемент. Сам земледелец в качестве субъекта этой деятельности выступает как довольно развитая личность, которая может противостоять силе обстоятельств. Вместе с тем Гесиод подчеркивал, что такой земледелец не только искусен в земледельческом труде, но и наделен рядом высоких моральных качеств: чувством справедливости, почитанием богов, уважением к своим согражданам и особенно соседям, качествами примерного семьянина. Эти достоинства обеспечивают ему уважение сограждан и любовь богов. И еще одно качество подчеркивал Гесиод — незлобивость земледельца, неприязнь к раздорам и козням, тяга к своему дому, своей земле и семье. Все эти качества определяют жизнь земледельца, направление его существования. Высшая цель упорного труда — не получение богатства ради богатства или для обеспечения возможностей захвата власти, притеснения, демонстрации своей спеси, некоего могущества, перед которым остальные должны трепетать. Нет, цель гесиодовского хозяина — скромный достаток, рассчитанный на сытное потребление, но отнюдь не накопление, на возможность приносить обильные жертвы богам, на помощь друзьям и соседям. Скромное существование, умеренный достаток, выполнение своих религиозных и гражданских обязательств — вот высшая цель и основа существования и труда греческого земледельца.

Вместе с тем в поэме Гесиода постоянным рефреном проводится та мысль, что участь земледельца тяжела, что его труд нелегок, а его самого подстерегают бури и невзгоды. Кроме природных катаклизмов и гнева богов жизнь земледельца омрачает еще один фактор — социальная несправедливость, прежде всего несправедливые судьи, притеснения басилеев, козни различных злых людей⁴. Гесиод рассматривал этот фактор как органическую часть земледельческого труда, некоторое постоянное отрицательное начало, обременяющее трудовую этику земледельца. И хотя эта сторона дела только обозначена, а не разработана, как другие, самая заявка насчет данной социальной стороны дела делает гесиодовский анализ трудовой деятельности земледельца законченным.

Все последующее развитие крестьянского труда, вплоть до последнего времени, показало, насколько важно учитывать и преодолевать этот социальный фактор. Столь обстоятельно и глубоко разработанная моральная концепция трудовой деятельности мелкого земледельца стала основой главных моральных ценностей греческого полиса и его гражданства. Разработанная Гесиодом трудовая этика должна была рассматриваться как некая программа, ориентированная на будущее. Было бы некорректно полагать, что концепция Гесиода отражала господствующую реальность греческой жизни VII—VI веков. Напротив, насколько можно судить, положение греческих мелких земледельцев, адресатов Гесиода, было крайне тяжелым, и они едва ли могли реализовать в полном объеме принципы гесиодовой трудовой этики. Но Гесиод сделал главное: уловил нарождавшиеся тенденции и оформил их в определенную этническую концепцию, которая стала работать. К ней начали обращаться, и она превратилась в важный фактор общественной мысли и политической жизни.

Спустя 300 лет афинский комедиограф Аристофан, избравший своими главными героями рядовых афинских граждан-земледельцев — Дикеополя, Стрепсиада, Тригея и др., в сущности воспроизводил ту же концепцию в своих комедиях, выдвигая ее для обоснования достойной человеческой жизни и благополучия полиса как целого⁵. Его герои честно трудятся на виноградниках и в полях, пасут скот в горах, торгуют как на афинской агоре, так и со своими соседями — мегарцами и беотийцами, руководят работой домочадцев, располагают каждый двумя-тремя рабами-помощниками. Они примерные отцы семейства, строго соблюдающие нормы справедливости и морали, часто исполняющие общественные и государственные обязанности.

Но у Аристофана появляются и новые, сравнительно со взглядами Гесиода, черты концепции крестьянского труда. Три столетия греческой истории, в ходе которых оформился классический полис как особый феномен, внесли свои изменения. Гесиоду приходилось доказывать, что его герой, мелкий земледелец, — это личность, человек достойный и угодный богам. У него сквозила полемика с архаическими представлениями о земледельцах как о рабочем скоте, призванном обслуживать аристократов. Теперь времена изменились. За три столетия земледельцы добились тех привилегий знати, от которых так страдал Гесиод. Теперь именно они составляли основную массу фаланги, их трудом жило население Афин. Отсюда рождалось чувство гордости за себя, свой статус, труд и образ жизни. Земледельцы Аристофана четко сознают, что они-то и есть лучшие люди, соль земли, хозяева жизни, и с полным правом критикуют своих противников, будь то незадачливые военачальники вроде Ламаха, демагоги типа Клеона или глупые сутяжники.

Исчез столь громкий у Гесиода мотив незащищенности, некоторой неполноценности, тяжелой доли земледельца, страха перед голодом. Оборонительная позиция земледельца превратилась в наступательную, исполненную чувства собственного достоинства. Последнее было связано у рядового земледельца с укреплением полисных институтов. У Гесиода только труд создает богатство, а богатство является основой благополучной, устойчивой, достойной жизни. У Аристофана можно увидеть иной поворот этой рефлексии: его герои — активные участники народных собраний (как Дикеополь, смело разоблачающий вороватых военачальников), судебных заседаний (как Филоклеон в «Осах»), берущие на себя инициативу окончания общегреческой войны (Тригей в «Мире»). Активная позиция в общественной жизни стала органической частью образа жизни земледельца, превратившегося в главную ударную силу войска.

Гесиодовский крестьянин не проявлял такой активности. Его оттесняли аристократы, басилеи, несправедливые судьи, дармоедцы. Конечно, активность аристофановского земледельца опиралась на некоторый достаток, полные амбары и винохранилища, то богатство, о котором говорил Гесиод. Вместе с тем участие в работе судов, народных собраний и в военных походах отрывало земледельца от его участка. Чтобы предохранить себя от разорения, аристофановский крестьянин вынужден был активизировать свою организаторскую деятельность, так направив труд своей семьи и рабов, чтобы его хозяйство не терпело ущерба от отвлечения хозяина на общественные дела. В частности, именно поэтому у Аристофана нет таких lamentаций о тяжести труда, как у Гесиода.

Сформировавшаяся этика трудовой деятельности, обеспечивающей достойную жизнь, включала в себя центральную проблему этических систем — проблему счастья. Лучше всего определение счастья было сформулировано Геродотом, хотя и относившим свой рассказ к середине VI в. до н. э., но почерпнувшим свою концепцию, скорее всего, из собственной эпохи, настолько она гармонирует с идеалом Аристофана. Вот этот рассказ:

Афинский мудрец и прославленный реформатор Солон прибыл в столицу могущественного Лидийского царства, в Сарды, к царю Крезу. Тот оказал Солону радушный прием, а на третий или четвертый день слуги Креза по его приказу провели Солона по царским сокровищницам. После

просмотра огромных богатств царя Крез обратился к Солону: «Гость из Афин! Мы много наслышаны о твоей любви к мудрости и странствованиях, именно, что ты из любви к мудрости, чтобы повидать свет, объездил много стран. Теперь я хочу спросить тебя, встречал ли ты счастливейшего человека на свете?». Царь задал этот вопрос, надеясь, что гость назовет его самого. Солон же несколько не желал льстить Крезу и сказал правду: «Да, царь, я видел самого счастливого человека. Это — афинянин Телл». Крез очень удивился такому ответу и спросил: «Почему это ты считаешь Телла самым счастливым?». Солон ответил: «Этот Телл жил в цветущее время родного города, у него были прекрасные и благородные сыновья, и ему довелось увидеть, как у всех них также родились и остались в живых дети. Это был по нашим понятиям зажиточный человек; к тому же ему была суждена славная кончина. Во время войны афинян с соседями он выступил в поход и при Элевсине обратил врагов в бегство, но и сам пал доблестной смертью. Афиняне же устроили ему погребение на месте гибели, оказав этим великую честь» (Геродот. История, I, 30).

Несколько обобщая наши рассуждения, скажем, что к середине V в. до н. э. в Греции для граждан среднего достатка была разработана этика труда и образа жизни, которая предполагала гармонически развитую личность, сочетающую крепкое здоровье как результат физического труда и службы в фаланге, организаторские навыки, знание основ товарной экономики, активное участие в государственных делах, чувство собственного достоинства, хороший культурный уровень. Это человек энергичный, волевой, работающий. Именно этот нравственный идеал, разработанный в основном Гесиодом и завершенный в рефлексиях Аристофана и Геродота, придал мощный импульс развитию великой греческой цивилизации.

Данный идеал рядового греческого гражданина-земледела отличался от образа восточного общинника, обложенного тяжелыми поборами; от крепостного крестьянина, зависящего от своего сеньора; даже от современного фермера, барахтающегося в бурных волнах рыночной экономики. Можно ли сказать, что этот идеал распространялся и на более зажиточные слои греческого полиса, например на круги крупных землевладельцев, обладателей не скромных гоPLITских участков в 3—5 га, а владений в 20—30 га, где работали 15—20 работников^{6?} Ведь такие поместья в Греции V, а главным образом IV в. уже появились. Какие нравственные правила разделял их владелец? Исчерпывающий ответ дан в трактате Ксенофонта «Экономика», написанном скорее всего в 70-х гг. IV века⁷.

В центре рассуждений Ксенофонта — богатый и преуспевающий афинянин Исхомах, который охотно делится своими представлениями о себе, о государстве, о мире. У Исхомаха хороший дом в Афинах, солидное поместье в 20—25 га в окрестностях. Он уважаемый гражданин, покровительствующий иностранцам (скорее всего, их проксен, а возможно, и консультант по различным делам). У него много друзей, которым он охотно помогает советами и деньгами. Он исполняет литургии (религиозные церемонии и обряды) в пользу города, ведет активную деятельность в суде, прекрасный наездник, участник военных действий своего города и физически тренированный, как указывается специально, человек. Он очень богобоязнен и подчеркивает, что богатства нажиты им сугубо честным путем, то есть это совершенный во всех смыслах человек, *kalos kagathos*, своего рода образец, достойный подражания.

Создавая образ такого человека, Ксенофонт прослеживал его жизнь шаг за шагом, день за днем. А в центре всей его жизни, менталитета и нравственности находится активная, инициативная, повседневная трудовая деятельность: ни минуты безделья: «Так вот, Сократ, отвечал Исхомах, вставать с постели я привык в такой час, когда еще могу застать дома, кого мне нужно повидать. Если у меня есть такое дело в городе, то исполнение его служит мне прогулкой, а если у меня в городе нет никакой надобности, то слуга мой отводит лошадь вперед меня в деревню, а мне прогулкой служит дорога в деревню — это, пожалуй, полезнее, Сократ, чем гулять в галерее. По приходе в деревню, сажают ли там у меня, или сеют, или

подвозят хлеб, я смотрю, как идут работы, и приказываю работать по-иному, если знаю какой лучший способ. После этого я большей частью сажусь на лошадь и провожу верховые упражнения, возможно более похожие на те, что нужны на войне. По окончании этого слуга, дав лошади выкататься в песке, ведет ее домой, а вместе с тем несет из усадьбы в город, что нам нужно, а я то шагом, то бегом возвращаюсь и чищу себя скребницей, потом завтракаю и ем столько, чтобы весь день быть ни голодным, ни сытым» («Экон», II, 14—18).

После завтрака Исхомах идет по городским делам: встречается с иностранцами и магистратами, участвует в деятельности народного собрания и суда, следит за деловой ситуацией. В это время в его богатом доме проинструментированная им супруга вместе с обученной им же экономкой совершают все дела по дому, а специально обученный управляющий в поместье обеспечивает нормальное ведение необходимых работ. Поздним вечером Исхомах возвращается домой, и супруга докладывает ему, как прошел день. Итак, деятельный активный труд с раннего утра до позднего вечера. Но Исхомах не считает такую жизнь неприятной или тяжелой. Он считает ее наиболее достойной или полезной и вне нее не мыслит своего существования. С его точки зрения именно она дает ему здоровье, богатство, уважение граждан, чувство собственного достоинства, милость бога.

Есть ли темные пятна в этой благополучной, но напряженной жизни? Ксенофонт упоминал только одно — зависть злых людей, готовых таскать Исхомаха по судам. Но Исхомах считает, что это еще не самая страшная напасть: он достаточно образован, красноречив и опытен в делах (кстати, Ксенофонт писал, что Исхомах даже дома упражняется в красноречии перед своими слугами), чтобы легко опровергнуть клеветников. Трудолюбие и здесь оказывается опорой его жизненного благополучия.

Итак, и в этом случае, случае богатого землевладельца, труд воспринимается как основа основ всего этического комплекса. Можно, однако, заметить ряд различий в понимании труда по сравнению с трудом аристофановского и геродотовского крестьянина. Как указывалось, понятие трудовой деятельности мелкого земледельца многоаспектно; оно включает в наибольшей степени физический труд на земле, в меньшей — организацию чужого труда, участие в рыночных операциях и т. п. В случае богатого землевладельца соотношение этих аспектов существенно меняется: на первое место выходит организационная сторона трудовой деятельности: надо подобрать нужное число работников и начальников — управляющего, его заместителя, экономку — и не просто подобрать, а научить их самих управлять работниками. Хозяин должен знать затраты, правильно расставить людей по работам в поместье и городском доме. Наконец, хозяин каждый день лично контролирует, по нескольку часов, как выполняются его распоряжения. Иначе говоря, в деятельности крупного землевладельца практически прекращается личный, физический труд, а ведущее место занимают организация и управление производством.

Такая задача, достаточно сложная, требует больших знаний и силы воли. «Если при появлении господина на работе, — господина, который может и наказать плохого работника, и отлично наградить усердного, если при этом среди работников не произойдет никакой заметной перемены, такому хозяину я не позавидую. Напротив, если при виде господина рабочие встрепенутся, если у каждого из них пробудятся сила, взаимное соревнование, желание отличиться во всем, — про того я скажу, что в душе у него есть что-то царственное. Вот это-то и есть самое важное как во всяком деле, где что-либо исполняется человеческими руками, так равно и в сельском хозяйстве. Но, клянусь Зевсом, я уже не скажу, что этому можно научиться, взглянув или раз послушавши; нет, чтобы иметь эту силу, нужны и образование, и природные дарования, и, самое главное, милость богов» (Ксен., XXI, 10—11).

Необходимым компонентом хозяйственного труда по организации производства является знание экономической обстановки в городе и стране в целом. Ведь часть продукции продается на рынке и значительная часть

оборудования и инвентаря как в поместье, так и в городском доме покупается. Более того: Исхомах, сделавший свои поместья прибыльными, был склонен, как и его отец, продавать свои поместья и покупать другие. То есть он являлся участником сделок на земельном рынке. Вот почему Исхомах много времени посвящал деловому и дружественному общению в городе: благодаря этому он хорошо владел деловой ситуацией. И еще один важный нюанс в деятельности Исхомаха как хозяина крупного сельскохозяйственного предприятия: он знаток юридических вопросов (ведь он часто выступал в суде и упражнялся в красноречии у себя дома). «Да, Сократ, — отвечал он, — я не перестану практиковаться в произнесении речей. То, заслушав обвинение или защиту кого-либо из слуг, я стараюсь показать, что он не прав, то в разговоре с друзьями хвалю или браню кого-нибудь, то миру каких-нибудь знакомых, стараясь доказать, что им полезнее быть друзьями, чем врагами; то, собравшись у стратега, мы выражаем порицание кому-нибудь или вступаемся за кого-нибудь, если на него несправедливо жалуются; то между собою обвиняем кого-нибудь, если он не по заслугам пользуется почетом. Часто во время заседания буле мы хвалим или отвергаем проект, желательный или нежелательный нам. Много раз, Сократ, я собственной персоной попадал под суд; разбирали, какому наказанию или штрафу меня подвергнуть» (Ксен., II, 23—25).

Итак, перед нами напряженная, требующая затраты всех сил, разносторонняя деятельность владельца крупного предприятия. В этой деятельности нет четкого деления на собственно труд как тяжелое рутинное дело, требующее затрат энергии, и собственно досуг как время освобождения от труда, как это можно проследить у Гесиода или аристофановского героя, предающегося после жатвы и других срочных дел веселью и загулам. Трудовая деятельность Исхомаха — это свободная игра творческих сил человека образованного, здорового, уверенного в своих силах, исполненного чувства собственного достоинства. В таком труде покоится залог его самоуважения, своего рода реализация счастья.

«Мы пришли к заключению, что для человека благородного самое лучшее занятие и знание — земледелие, посредством которого люди добывают себе все, что нужно для жизни. Этому занятию, как мы решили, очень легко научиться и очень приятно работать при нем; оно делает тело очень здоровым и сильным, а душе оставляет много свободного времени для заботы о друзьях и отечестве. Вместе с тем, как мы решили, земледелие побуждает человека быть храбрым — тем, что вне укреплений производят полевые плоды и кормят скот — то, что нужно земледельцу. Вот почему такой образ жизни и пользуется величайшим почетом в полисах, потому что признано, что он делает людей самыми лучшими гражданами, наиболее любящими отечество» (Ксен., VI, 8—10).

Итак, этическим идеалом, воплощенным в образе *kalos kagathos*, Ксенофонт считал не крупного землевладельца вообще. Он приводил примеры нерадивых владельцев поместий, растрачивающих свое богатство ленью, пьянством, блудом и обжорством. Сократ обращается к Критобулу: «Ты считаешь пороком безделье, душевную дряблость, безразличие. Да есть и другие повелительницы и обманщицы, носящие личину радостей: азартные игры, вредные знакомства; с течением времени и самим жертвам обмана становится ясно, что это печали, лишь окруженные корочкой радости, которые подчиняют их своей власти и мешают им заниматься полезным делом». Однако, Сократ, — сказал Критобул, — другим эти госпожи не мешают работать; напротив, они выказывают много энергии в работе, много изобретательности по части доходов; и тем не менее они доводят до разорения свое хозяйство и попадают в безысходную нужду. «Да ведь и они рабы, — возразил Сократ, — и притом рабы очень суровых господ: у одних — это любовь вкусно поесть, у других — сладострастие, у иных — пьянство, у других — какое-нибудь глупое или разорительное тщеславие; эти господа властвуют над людьми, которых поработают очень сурово» («Экон», I, 20—22). Говорил Ксенофонт и не об абстрактном скопидоме — владельце богатства, а об энергичном, предприимчивом, постоянном в тру-

де, образованном, культурном человеке, умело и заботливо ведущем свое хозяйство, человеке работающем.

Несмотря на отмеченные отличия характера труда у Исхомаха от тружеников-земледельцев у Гесиода и Аристофана, между ними можно найти и сходство этических позиций. Те и другие — труженики а не ленивцы, не бездельники; те и другие — глубоко религиозные люди. «Я первым делом почитаю богов, но стараюсь поступать так, чтобы они по моим молитвам даровали мне и здоровье, и телесную силу, и уважение в городе, и любовь в кругу друзей, и благополучное возвращение с войны с честью, и умножение богатства честным путем» (Ксен., II, 8). Более того, общим выступает такое принципиальное положение, как идентичная цель занятий хозяйством. Целью тяжелого крестьянского труда является не накопление богатства вообще, а создание надежного достатка, сытой жизни. У гесиодовского крестьянина нет намерений использовать богатство в неправедных целях. Но такова же, в конечном счете, высшая цель Исхомаха. Да, его хозяйство велико, дом — полная чаша, деньгами он располагает. Но эти излишки не идут на расширение хозяйства, не используются как инструмент разгула, подкупа, коррупции, финансовых махинаций, одиозного ростовщичества или спекулятивной торговли. Сам Исхомах называет своими основными расходными статьями служение богам, помощь друзьям в случае нужды, взносы в пользу города, отправление литургий. Любопытно, что как крестьянин с небольшим достатком, так и богатый Исхомах в личной жизни ведут весьма умеренный образ жизни, их личные траты скромны и схожи.

Конечно, такое большое хозяйство, как поместье Исхомаха, не могло обойтись без рынка. Но товарные связи оставались минимальными. Подавляющая часть продукции производилась и потреблялась в пределах самого хозяйства, и товарные связи не пронизывали всё производство, бросая хозяйства в бурное море рыночной стихии. В этом отношении разница между хозяйствами аристофановского земледельца и Исхомаха налицо, однако количественная, а не принципиальная. Отсюда общность этических основ и образа жизни земледельца-труженика и предпринимателя-землевладельца. Они могли понять и понимали друг друга, что и позволяло поддерживать определенный полисный коллективизм в V — начале IV веков.

К каким реальным социальным слоям относятся земледельцы у Аристофана и землевладельцы типа Исхомаха? Если брать афинские реалии (а все обсуждаемые типы — афинские), то эти люди могут быть причислены к средним прослойкам солоновского ценза. Причем Исхомах скорее всего может быть отнесен ко второму разряду (всадники), а аристофановский герой — к зевгитам или гоплитам. За пределами указанных категорий остаются, с одной стороны члены высшего слоя — пятисотмерники, с другой стороны — представители низшего слоя афинского гражданства, феты. Согласно солоновскому цензу (который, при всей относительности своих показателей к той поре, тем не менее имел некоторое символическое значение), к категории всадников относились лица с доходом в 300—500 мер, а зевгиты-гоплиты имели доход в 200—300 мер. Разница в доходах, как видно, колебалась в соотношении 1—1,5/2, то есть была весьма незначительной. Конечно, в IV в., в связи с ростом богатств и экономическим оживлением, эта разница скорее всего возросла. Между хозяйствами Дикополя (5 га и 2—3 работника) и Исхомаха (20—25 га с 15—20 рабами) она увеличивается уже до 4—5 раз. Но это различие относительно сравнимо. Во всяком случае, здесь нет разительного контраста, тем более что политика афинской демократии увеличивала бремя общественных литургий для зажиточных слоев населения, смягчая имущественные различия. Именно этими обстоятельствами можно объяснить известную близость этических правил и, до некоторой степени, образа жизни аристофановского героя и ксенофоновского рачительного хозяина.

Теоретическим завершением и философским обобщением этических представлений данных слоев населения стал философский анализ у Аристотеля. Не углубляясь в специальный вопрос о рождении этики как

полноправной части греческой философии, можно сказать, что поворот к этическим проблемам и постановка их в центр философских рассуждений была начата Сократом и в полной мере продолжена Платоном. Однако именно у Аристотеля этика стала полноправной философской дисциплиной наряду с онтологией и гносеологией⁸. Неудивительно, что среди сочинений Аристотеля находятся такие произведения, как «Никомахова этика», «Большая этика», «Эвдемова этика». Наконец, в его «Политике» этические проблемы поставлены в центр всего изложения.

Каково же место трудовой этики в общем этическом учении? Первоначалом этического учения Аристотеля является положение о деятельности как основе человеческой жизни. Жизнь есть деятельность, а деятельность есть жизнь. Вне деятельного Аристотель не мыслит существования человека и достижения им счастья и блаженства. Причем, по Аристотелю деятельность должна быть разумной и направленной на благо, то есть сообразной с добродетелью. Если Платон признавал в качестве единственно нравственной лишь созерцательную деятельность философа, то Аристотель выделяет практическую деятельность как одно из органических направлений нравственной жизни. По Аристотелю «всякое рассуждение направлено либо на деятельность, либо на творчество, либо на умозрение» («Метаф», VI, 1, 1025, в25). В другом месте он писал: «Итак, поскольку нынешние наши занятия не ставят себе целью только созерцание (мы ведь проводим исследование не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельным, иначе от этой науки не было бы никакого проку), постольку необходимо внимательно рассмотреть то, что относится к поступкам, а именно, как следует поступать» («Ником. этика», II, 2, 1103, в25). Если счастьем должна считаться благая деятельность, то и для всякого государства вообще, и для каждого человека в частности наилучшей жизнью была бы жизнь деятельная («Пол», VII, 3, 5).

В чем же конкретно должна состоять эта деятельность? Аристотель отвечает: «Граждане не должны вести жизнь, какую ведут ремесленники и торговцы (такая жизнь неблагородна и идет вразрез с добродетелью), граждане проектируемого государства не должны быть и землепашцами, так как они будут нуждаться в досуге для развития добродетели и для политической деятельности» («Пол», VII, 8, 2). «Из добродетелей же полезны для досуга и пользования счастьем те, которые имеют применение и во время досуга, и во время работы. Ведь для того, чтобы иметь возможность наслаждаться досугом, нужно обладать многими предметами первой необходимости, поэтому государству надлежит быть и воздержанным, и мужественным, и закаленным» («Пол», VII, 13, 17). Очевидно, что высший этический идеал Аристотеля срисован с несколько идеализированных образцов греческих зажиточных земледельцев гоэлитско-зевгитского слоя и такого типа предприимчивого землевладельца из всаднического слоя, как ксенофонт Исхомах. Одним из ключевых понятий аристотелевой этики является середина как гармонизирующий фактор: «Добродетель есть сознательно избираемый склад души, состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определяет ее рассудительный человек. Серединой обладают между двумя видами порочности, один из которых от избытка, другой — от недостатка» («Ником. этика», II, 6, 1106, 1, 35—1107).

Общее учение о срединном как предельной философской рефлексии в социальном и политическом мышлении Аристотеля реализуется в решающей роли средних слоев населения, которые являются подлинным стабилизатором общественной жизни и процветания государства. «Итак, очевидно, средний вид государственного устройства наилучший, ибо только он не ведет к внутренним распрям: там, где средние граждане многочисленны, всего реже бывают группировки и раздоры... Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда они владеют слишком многим, а другие ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания» («Пол», IV, 9, 8—9).

И еще одно принципиальное начало аристотелевой концепции счастья как благой жизни, связанное с трудовой деятельностью человека. Прак-

тическая деятельность и создание известного достатка как некое основание добродетельной жизни необходимы. Такая, практическая предпринимательская деятельность необходима и с точки зрения Аристотеля. Это часть домохозяйства, или (в его терминологии) экономики. Но Аристотель знает и другой вид практической предпринимательской деятельности, который он определяет иным термином — хрематистика. Под хрематистикой подразумевается предпринимательская деятельность, ведущаяся не для создания достатка как материальной базы досуга и добродетельной жизни, что и составляет цель экономики, а деятельность по бесконечному наращиванию богатства, превращающемуся, во-первых, в самоцель и утрачивающему границы, а во-вторых, ведущемуся не согласно с природой, которая в ответ на заботу человека растит ему плоды (как в земледелии), но из внеприродных источников.

Аристотель называет следующие предосудительные источники богатства: торговлю (торговец ничего не производит, а только покупает выращенный плод и перепродает с лихвой); ростовщичество (деньги рожают деньги из себя); продажа своей рабочей силы (рабочий получает плату не за то, что сам произвел, а за то, что еще до этого продал свою рабочую силу). Очевидно, что это суждение Аристотеля имеет в виду в товарном производстве положение земледельцев и землевладельцев описанного ранее типа, который лишь частично связан с рынком, а с другой стороны, формы товарооборота, существующие отдельно от производства. В исторической действительности Греции IV в. до н. э. товарные отношения неглубоко проникли в структуру греческой экономики. Производство (особенно в земледелии), торговые операции, финансовые сделки и рынок рабочей силы существовали в значительной степени изолированно друг от друга, не составляя еще характерного для капитализма единого механизма товарно-денежных отношений.

Таким образом, можно проследить некое направление в разработке четко определенной трудовой этики, от Гесиода до Аристотеля. Оно началось с формирования основ, выдвинув на первый план прославление трудолюбия, умеренного достатка, некоторой предприимчивости и чувства достоинства. При Гесиоде все это было резко заявленной оппозицией безделью, разгулу, насилию и своеволию военно-земледельческой знати. В V в. этот идеал реализовался в образах зажиточных, уверенных в своей значимости, располагающих реальной властью и военной силой героев Аристофана. А с другой стороны, образ праздного, отдающего лишь военным делам, спортивным состязаниям и политическим интригам родовитого аристократа трансформировался к IV в. в образ энергичного, предприимчивого, создающего богатство умелым управлением рабочей силой и знающего само земледелие аристократа нового типа, образованного, физически развитого, прекрасного воина и командира. И тот, и другой образы оттеснили на задний план представителей старой родовитой аристократии, разорявшейся в новых условиях, и опустившихся крестьян, едва сводивших концы с концами, не имевших досуга и вынужденных идти в батраки, пополняя ряды низшего социального слоя — фетов.

Предельным обобщением этих глубинных процессов стала разработка Аристотелем абсолютного этического идеала, цельного этического учения, в основе которого лежали психология и мировоззрение обеих разновидностей одного и того же типа энергичного, предприимчивого, образованного, умелого, богобоязненного, уверенного в своих силах, честного в мыслях и поступках труженика. Этот труженик рассматривался не как некий сверхчеловек, создающий богатство и пользующийся досугом лишь для собственного удовольствия, а как гражданин, ориентирующий свое трудолюбие, мастерство, здоровье и богатство на пользу всего гражданского коллектива, ибо только в его составе он может реализоваться и во всех своих лучших человеческих проявлениях, достигнуть добродетели и конечного счастья. Определение такого благородного, внутренне целостного идеала стало стимулом для развития экономики, для деятельной гражданской жизни, для создания великих культурных ценностей, вообще для проявления всех лучших сторон великой древнегреческой цивилизации.

Древний Рим по социально-экономическому и государственному

устройству был довольно близок структуре греческих полисов и представлял собой по существу один из вариантов полиса вплоть до I в. до н. э. Более того, уже после кризиса, вызванного гражданскими войнами, и установления империи, когда на смену автономным и полисным структурам пришла муниципальная система, сохранились реминисценции и реальные остатки полисного устройства и мировоззрения. Близость принципиальных основ римского *civitas* и греческого *polis*, естественно, породила довольно близкие этические концепции, в том числе в столь специфической части этики, как этика труда и производства. Общеизвестно огромное воздействие греческой религии, философии и культуры в целом на римскую религию, философию и культуру. Не только образованное общество, но и среднее по достатку гражданство любило и знало греческую литературу, публицистику, философию, в том числе поэмы Гесиода, сочинения Платона, Аристотеля и греческих ораторов. Среди римских хозяев был особенно популярен Ксенофонт, в особенности его «Экономика»: она была удостоена редкой чести и переведена на латинский язык самим Цицероном. Экономические советы Ксенофонта охотно использовались такими знаменитыми аграрными писателями, как Варрон, Вергилий, Плиний Старший, Колумелла. Популярность именно этих произведений была не случайной: не столько из-за высоких литературных достоинств Ксенофонта, сколько из-за того, что этические воззрения на сущность труда, организацию жизни и хозяйства, четко сформулированные Ксенофонтом, оказались близки римским деловым людям.

Однако еще и собственно римский менталитет, каким он сформировался до тесного знакомства с греческой культурой, уже выработал этические концепции труда, довольно близкие греческому нравственному идеалу. Четко и определенно выразил искони римский этический идеал Марк Порций Катон Старший: «Иногда стоило бы дохода ради заняться торговлей, не будь это так опасно, а то и отдавать деньги в рост, будь это только почетно. А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо. Поэтому можно судить, насколько ростовщика они считали худшим гражданином против вора. И хорошего человека когда хвалили, то хвалили его так: «хороший земледелец и хороший хозяин». Считалось, что, кого так похвалили, тот взыскан высшей похвалой. Я считаю купца человеком стойким и ревностным в наживе, только жизнь его, как сказано выше, опасна и бедственна. А из земледельцев выходят самые верные люди и самые стойкие воины. И доход этот самый честный, самый верный и вовсе не вызывает зависти — люди, которые на этом деле заняты, злого не умышляют нисколько» (Катон «Земледелие», введение).

Этот идеал трудолюбивого, предприимчивого, здорового, доброго человека и стойкого воина сохранял свою силу в римском обществе вплоть до I в. империи. Он стал одним из центральных образов в поэме Вергилия «Георгики» и в энциклопедии Плиния Старшего. Вергилий подчеркивает напряженный труд зажиточного земледельца не только в течение страдных работ, приносящих в дом довольство и достаток. Даже глухие дни зимнего перерыва крестьянская семья постоянно проводит в труде: «Хозяин пред огнем светильника в бдении время проводит, точа железом факелы острым, свой тем временем труд утешая песнею долгой, звонко бегущий челнок пропускает жена по основе», «девушки сучат уроки ночные», а «молодежь терпелива в трудах, довольная малым, с почтеньем относится к отцам» (Верг. «Георгики», I, 291—474). Столетие спустя Плиний Старший рассказывал о почтенном и трудолюбивом земледельце Гае Фурии Кресиме. Этот усердный хозяин получал со своего поля очень богатые урожаи, чем вызвал зависть соседей и был обвинен в колдовстве. Ему грозило тяжелое обвинение, и он изобрел оригинальный способ защиты: «Принес на форум весь сельскохозяйственный инвентарь и привел туда своих здоровенных рабов, ухоженных, хорошо одетых, как говорит Пизон, с железными орудиями превосходной работы, с тяжеловесными кирками, увесистыми лемехами и сытыми волами, а затем сказал: «Вот мое колдовство, квириты, но я не могу показать вам или привести на форум мои ранние вставания, мое бодрствование по ночам, проливаемый мною пот» (Плин., VIII, 41—43).

Конечно, в этих отрывках содержится формулировка определенного нравственного образца. Не велось речи о реализации такого образца в реальной действительности. Насколько известно, историческая реальность Рима I в. до н. э. — I в. н. э. сильно отличалась от этого идеала. Однако в данном случае важно, что подобный идеал сохранял свою хотя бы теоретическую привлекательность и в некоторой степени играл роль парадигмы, достойной подражания. По-прежнему сохранял значение и даже стал более популярным и разработанным образ заботливого, предприимчивого, преуспевающего землевладельца, который уже не работает в поле, не встает рано и не проливает пот на ниве, как Гай Фурий Кресим, но который ведет напряженную и разнообразную деятельность по организации доходного хозяйства, изучает солидную специальную литературу, учитывает опыт удачливых соседей, знает региональный рынок трудовых ресурсов (цены на рабов разных специальностей, батраков и наемников) и цены на сельскохозяйственную продукцию. Иначе говоря, вот образ римского Исхомаха, только еще более прагматичного, более предприимчивого, более рационального.

Примером такого удачливого предпринимателя-собственника доходных поместий стал Луций Модерат Колумелла, автор первой в Европе сельскохозяйственной энциклопедии и одного из лучших произведений в мировой агрономической литературе, пожалуй вплоть до середины XIX века. «Пусть тот, кто посвятит себя хозяйству, знает, — писал он, — что важнейшее, чем он должен обладать, это знание дела, возможность тратиться, воля действовать. Только у того земля будет обработана, кто, как говорит Тремеллий, и знает, как ее обрабатывать, и может, и хочет это сделать. Недостаточно знать или хотеть, не имея средств, которых требуют работы. Но, в свою очередь, воля действовать и возможность тратиться не принесут никакой пользы, если нет знания, так как самое главное в каждом занятии — это знать, что надлежит делать. Это особенно верно для земледелия, где воля и возможность, не соединенные со знанием, часто приносят хозяину большие потери, так как на работы, выполненные без толку, деньги тратятся зря... Однако ни прилежный труд и опытность вилика, ни наличие средств и желание их расходовать не имеют такой силы, как одно присутствие хозяина: если он не будет часто появляться на работах, то все остановится, как войско, где нет полководца» (Кол., I, 1—2, 18). С точки зрения Колумеллы владелец такого поместья или нескольких поместий станет человеком богатым, влиятельным и уважаемым, ведущим здоровый и нравственный образ жизни, окажется настоящей опорой закона и государства.

Насколько можно видеть, образы предпринимателя-землевладельца у Ксенофонта и Колумеллы довольно близки. Однако заметна и разница. Предприниматель-землевладелец Колумеллы более богат, он уже владеет несколькими поместьями, расположенными по всей Италии и даже за ее пределами, эти поместья больше по затратам капитала и с большей рабочей силой, чем малое имение Исхомаха. Его владелец, как правило, человек, активнее включенный в политическую жизнь своего города или центральных органов власти, которые иногда даже на несколько лет могут оторвать его от поместий. Вот почему в новых условиях усложняются труд, организация и управление хозяйством по сравнению с исхомаховыми, где можно было ежедневно осматривать лично свое небольшое предпринимательское хозяйство.

Теперь нужно руководить, подбирать особую администрацию в составе своих помощников и координировать их деятельность. Да и степень риска возрастает. Ведь вкладываются большие средства и в земледелие, и в рабочую силу, а их утрата может вообще разорить хозяйство. Так, Плиний приводит пример сенатора и консуляра Тария Руфа, который вложил огромные средства (несколько миллионов сестерций) в обработку своих пиценских поместий, но неудачно: он не смог возратить затраченные деньги и разорился (Плин., XVIII, 41). Напротив, сам Колумелла и такой знатный вельможа, как Плиний Младший, располагали рационально устроенными поместьями, которые приносили им приличный доход, а они,

несмотря на занятость политическими и государственными делами, постоянно и заботливо занимались лично своим огромным хозяйством.

Анализируя структуру такого труда, можно заметить, что при повышении степени доходности характер использования дохода мало изменился по сравнению с доходом Исхомаха. Полученные средства не вкладывались в расширение и совершенствование производства, а шли на более утонченное или престижное потребление, политическую благотворительность, наращивание социального веса землевладельца. Зато понятие добродетели, умеренности и срединности, которое разрабатывал Аристотель, которое служило теоретическим обобщением реальной ситуации в Греции IV в. до н. э. и придавало деловой активности как средних, так и богатых граждан высокую нравственную одухотворенность, теряет на римской почве высокие этические качества, наполняясь деловым рационализмом и даже плоским прагматизмом. Деловая активность и предпринимательская деятельность теперь рассматриваются не через призму добродетельной и благой жизни, достойной настоящего гражданина, а как средство чрезмерного потребления, получения власти в муниципии, провинциальном городе или центральном аппарате, увеличения социального престижа, удовлетворения личных амбиций.

Это изменение этического образца приводило к выхолащиванию высокого нравственного начала в трудовой этике, к ее трансформации в этические категории другого типа. На место добродетельного, трудолюбивого хозяина своей судьбы с чувством собственного достоинства, гражданина-воина, приходит иной идеал — зависимого, трудолюбивого, тихого землепашца, который должен исправно платить всевозрастающие налоги и в этом видеть свой высший нравственный идеал. В то же время энергичный, предприимчивый землевладелец как умелый организатор производства и активный участник общественной жизни трансформируется в крупного вельможу-землевладельца, отходящего от руководства хозяйством и поручившего его ведение слугам, просто сибаритствующего на одной из сельских вилл-дворцов, которых у него несколько. У него уже нет ни воли, ни знаний, чтобы заниматься организацией своего хозяйства: политические интриги, борьба за власть, погоня за наследством, приятное чувство господства над зависимыми от него колонами становятся для него и целью, и смыслом его существования. Здесь уже нет места производительному труду в форме организаторской работы в своем хозяйстве.

Смена этических приоритетов, с одной стороны, отражала общее изменение социально-экономической и культурно-политической ситуации; с другой стороны, сама влияла на изменение этой ситуации, формируя новые принципы экономической, социальной и политической жизни. Не в последнюю очередь великие достижения греческой цивилизации в самых разных сферах были обязаны своим существованием формированию этического идеала трудолюбивого, предприимчивого, независимого, жизненно активного гражданина, наделенного скромным достатком, любящего свое государство и свой гражданский коллектив, разделяющего с ним его победы и поражения, его радости и печали.

Как оказалось впоследствии, этот этический образец пережил античную эпоху и в новых условиях современного мира, в трансформированном варианте, вновь становится одной из основ современной демократии и правового общества.

Примечания

1. ЛЕНСКАЯ В. С. Аристократический этос в архаической Греции. Канд. дисс. М. 1995.
2. О становлении греческого полиса существует огромная литература. Назовем лишь некоторые работы: АНДРЕЕВ Ю. В. Раннегреческий полис. М. 1976; ФРОЛОВ Э. Д. Рождение греческого полиса. Л. 1988; Античная Греция. Т. 1. М. 1983; КУРБАТОВ А. А. Аристократия в социально-экономическом развитии архаической Греции. Астрахань. 1994; FINLEY M. Early Greece: the Bronze and Archaic Ages. Lnd. 1970; JEFFERY L. Archaic

- Greece: the City-states s. 700—500 B. C. Lnd. 1976; STARR Ch. The Economic and Social Growth of Early Greece 800—500 B. C. N. Y. 1977; SAKELLARIU M. B. The Polis-state: Definition and Origin. Athens. 1989; ARNHEIM M. Aristocracy in Greek Society. Lnd. 1977; GREENHALGH P. Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in Homeric and Archaic Ages. Cambridge. 1973; SNODGRASS A. The Hoplite Reform and History. — *Journal of Hellenic Studies*, vol. 85, 1965; DAVIES J. K. Athenian Propertial Families (600—300 B. C.). Oxford. 1971.
3. Почти ни одна работа по греческой литературе, религии, культуре и истории практически не обходится без анализа творчества Гесиода. Для целей нашего исследования назовем здесь: ЗАХАРОВ А. Гесиод и его поэзия «Дела и дни». В кн.: Сб. статей в честь С. А. Жебелева. Л. 1926; НОВОСАДСКИЙ Н. И. Реализм Гесиода. М. 1928; ЛОСЕВ А. Ф. Гесиод и мифология. — *Ученые записки Московского государственного пединститута*, 1954, т. 83; ЯРХО В. Н. Религиозно-нравственная проблематика в поэмах Гесиода. — *Вестник древней истории*, 1965, № 3; BURN A. R. The World of Hesiod. Lnd. 1936; KUMANIECK K. Kompozycja Hesiadowych Prac i dni. — *Meander*, 1964, № 19; LUCE J. V. The Polis in Homer and Hesiod. Dublin. 1978; GRONINGEN B. A. Hesiod et Perses. Amsterdam. 1957.
  4. В вышеупомянутой статье В. Н. Ярхо (с. 18—20) сводит понятие социальной несправедливости прежде всего к судебному произволу басилеев. Гесиод подразумевает и другие формы угнетения (насилие, поборы, ростовщичество).
  5. Об Аристофане в связи с нашим исследованием см.: ЯРХО В. Н. Социальная позиция аттического крестьянства в отражении фрагментов древней комедии. — *Вестник древней истории*, 1954, № 2; его же. Комедии Аристофана и афинская демократия. — Там же, 1954, № 3; СОБОЛЕВСКИЙ С. И. Аристофан и его время. М. 1957; САХНЕНКО Л. И. Аристофан и афинская демократия. Канд. дисс. Л. 1983; EHRENBERG V. The People of Aristophanes: A Sociology of Old Attic Comedy. Cambridge. 1951; OKAL M. Problemy athenskey democracie a Aristofanes. Bratislava. 1969; DOVER K. J. Aristophanic Comedy. Lnd. 1972; WHITMAN C. Aristophanes and the Comic Hero. Cambridge (Mass.). 1964.
  6. Мы уже говорили, что аристократический этос VII—VI вв. не предполагал какой-либо хозяйственной деятельности. Действительно, большая часть греческой аристократии признавала это правило. Однако в ее среде формировалась новая группа знати, представителями которой были Солон, Алкмеониды, новые богачи Феогида, которые стали заниматься хозяйственной, предпринимательской деятельностью. Постепенно эта группа греческой аристократии возрастала численно и консолидировалась социально. В связи с чем отметим серию законов против роскоши, проведенных Солоном в Афинах, Периандром в Коринфе и пр., которые были направлены против расточительства знати и ориентировали аристократию на более рациональное применение имеющихся материальных и рабочих ресурсов (см. STARR Ch. Op. cit.; DAVIES J. K. Op. cit.; ЗЕЛЬИН К. К. Борьба политических группировок знати в Аттике в VI в. до н. э. М. 1964).
  7. ФРОЛОВ Э. Д. Экономические взгляды Ксенофонта. — *Ученые записки Ленинградского государственного университета*, т. 142, сер. История, вып. 21, 1956; его же. Политические тенденции трактата Ксенофонта «О доходах». В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.-Л. 1963; БОРЩ И. Е. Сведения о рабах и рабстве в трактатах Ксенофонта «Экономика» и «Меморалии». — *Вестник древней истории*, 1963, № 3; DELEVEQUE E. Sur la date et l'objet de l'«Economie» Xenophon. — *Revue des études grecques*, t. LXIV, 1957; LUCCIENI J. Les idées politiques et sociales de Xenophon. P. 1948; MOSSÈ C. Xenophon economiste. In: *Le Monde grec: pensées, littérature, histoire, documents*. Bruxelles. 1978; NOVO TONANGA S. Economica ed etica nell'Economica di Senofonte. P. 1970.
  8. Из литературы об Аристотеле назовем здесь: ЖЕБЕЛЕВ С. А. Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля. М. 1911; ДОВАТУР В. Политика и политики Аристотеля. М.-Л. 1965; БЕРГЕР А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М. 1966; ЛОСЕВ А. Ф. История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. М. 1975; ЖЕЛЕЗНОВ В. Аристотель как экономист. — *Вестник Европы*, 1917, № 7—8; FINLEY M. Aristotle and Economic Analysis. — *Past and Present*, 1970, vol. 47; MOSSÈ C. La conception du citoyen dans la «Politique» d'Aristotele. — *Eirène*, 1967, № 6; HUXLEY G. On Aristotle and Greek Society. Belfast. 1979; HARDIE W. F. Aristotle's Ethical Theory. Oxford. 1980; HAMBURGER M. Morales and Law: The Growth of Aristotle's Legal Theory. N. Y. 1965; Aristoteles als Wissenschaftstheoretiker. Brl. 1983; IRWIN T. H. Moral Science and Political Theory in Aristotle. Lnd. 1983; WHITE S. A. Sovereign Virtue: Aristotle on the Relations between Happiness and Prosperity. Stanford. 1992; PIERARD E. M. Aristotle et Athènes. P. 1993.

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский

А. П. Богданов

Россия накопила богатый опыт гражданских войн. Для «верхов» их алгоритм прост: желающие захватывают власть и... проигрывают. В начале XVII в. современники и участники гражданской войны содрогались в омерзении перед общей греховностью россиян, писали об озверении и потере человеческого обличия у огромных масс людей. Как раз о герое первой гражданской войны в России, приключившейся в начале XVII в. и названной Смутой (с большой буквы), будет рассказано в нашем очерке «без гнева и пристрастия», скорее с сочувствием и уважением к незаурядному полководцу. Речь пойдет не просто о замечательном воеводе — а о самом славном, о самом романтическом герое-победителе, нетленном образце служения «престолу и Отечеству», знакомом всем еще по школьным учебникам, — о боярине князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском.

Трагическую историю его жизни вы полностью прочтете впервые, хотя написано о князе очень много. Как и действующие лица другой, более близкой нашему времени, Гражданской войны, князь подвергся идеологической типизации столь сильной, что реальная его личность испарилась со страниц книг, а целые этапы биографии либо исчезли вовсе, либо были стыдливо прикрыты неразборчивой скороговоркой. Полководец гражданской войны стал... героем борьбы с интервентами! Правда, иноземцы, с которыми ему приходилось сражаться, служили русским претендентам на Московский престол. Правда и то, что в армии Скопина-Шуйского иноземцев было не меньше, а союзниками выступали шведские полки...

Приведенные в нашем очерке сведения о характере и трагической судьбе полководца основаны на хорошо известных и тщательно изученных источниках. Вы сами можете судить о позиции и деяниях славного воеводы, втянутого в кровавый водоворот гражданской войны и не успевшего сделать ни единого выстрела по внешнему неприятелю. Но прежде бросим взгляд на историю легенды о князе Михаиле Васильевиче. Она формировалась уже в последний год жизни героя, сражавшегося, согласно официальной версии правительства Василия Шуйского, за «очищение государства» от иноземцев и примкнувших к оным «русских воров», за освобождение России от интервентов и изменников.

«Очищение» государства при Шуйском означало то же, что и сегодня: искоренение его политических противников для блага «всей земли», «всенародного множества всяких чинов людей». Скажут, что царь Василий сел на престол в результате противозаконного свержения «царя Димитрия Ивано-

---

Богданов Андрей Петрович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

вича» и не токмо никогда не пользовался поддержкой большинства народа российского, но заставил значительную часть оного восстать против себя, что народ желал всего лишь участвовать во всеобщих выборах государя и не мог смириться с узурпатором.

Пустое! Главное — вскарабкаться на трон, а там можно хоть всех граждан объявить иноземцами и их пособниками, себя — защитником Российского государства и, поскольку оно «велико и обильно», раздать его территории соседям в обмен на наемников — основу «патриотического воинства». Народ будет страдать — облегчение его мук при победе узурпатора станет источником торжества и восхвалений «спасителя Отечества». В момент, когда прекращение гражданской войны более желанно, чем какой-либо ее результат, победитель превращается в национального героя. Ему остается только пострадать, чтобы не разделить ненависти народной к новым властям и через века пронести высокочтимый на Руси мученический венец. Все сие исполнилось с князем Михаилом Васильевичем.

Песни об отравленном придворными злодеями полководце-освободителе занимают видное место в народном творчестве времен Смуты¹. Многочисленные повести и сказания о Смутном времени драматически описывают эпопею борьбы Скопина за «очищение Москвы» начиная с поездки его в Великий Новгород для сбора русского ополчения и шведских наемников². «Новый летописец» в особенности талантливо воссоздает драматургию событий, уделяя Михаилу Васильевичу все больше и больше внимания по мере его неспешного продвижения к Москве, пока Скопин не становится единственным героем, на коего возложены все народные чаяния. Связанные с «Новым летописцем» «Летопись о многих мятежах», «Рукопись Филарета», замечательно подробная «Псковская летопись», «Русский Хронограф» 2-й редакции и иные сочинения «бунташного века» заложили основу всех последующих писаний о Скопине³.

В. Н. Татищеву, М. М. Щербатову и «последнему летописцу» Н. М. Карамзину оставалось лишь с большим или меньшим блеском перелагать устоявшиеся представления об «освободителе государства». Вместе с тем Карамзин, в отличие от большинства предшественников и эпигонов, не преминул отметить роль юного князя Михаила Васильевича в более ранних событиях борьбы с И. И. Болотниковым⁴.

С. М. Соловьев со свойственной великому историку последовательностью описал участие Скопина-Шуйского во многих «выпавших» из легенды придворных и военных событиях начиная с царствования Лжедмитрия I⁵. Наконец, один из крупнейших русских историков прошлого века Н. И. Костомаров не только нашел Михаилу Васильевичу должное место в монографии о Смуте, но и посвятил ему специальный очерк в своих «Жизнеописаниях», обратив внимание на некие «темные» дела, отраженные в известнейших источниках, но упорно не замечаемые исследователями⁶.

Авторы других общих курсов русской истории, увы, отличались меньшим вниманием к реальным обстоятельствам столь краткой и яркой жизни полководца эпохи Смуты. Д. Ф. Бутурлин, А. Ф. Быкова, К. Валишевский, Г. В. Есипов, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, А. Е. Мерцалов, В. Нечаев, П. Пирлинг, В. И. Пичета, В. Е. Романовский и автор специальной книжечки о Скопине-Шуйском П. Г. Полилов в целом вполне удовлетворились легендой XVII столетия⁷.

«Прямые и кривые в Смутное время» великого бытописателя И. Е. Забелина, вышедшие несколькими тиражами⁸, казалось, должны были обратить внимание историков на проблему личного характера князя Скопина и его отношения к событиям гражданской войны, но даже преизрядный знаток источников и литературы В. С. Иконников в книжке о Михаиле Васильевиче уклонился от этой задачи⁹.

Между тем, помимо изданий упомянутых русских повествовательных источников, в XIX в. были введены в научный оборот комплексы документов Смутного времени¹⁰ и сделался доступным широкий диапазон точек зрения на события, отраженный в записках иностранцев¹¹. Однако подлинный взрыв публикаций источников о Смуте в последние годы XIX в.

и первые 15 лет XX в., позволяющих по-новому взглянуть и на деятельность Скопина-Шуйского¹², был связан с празднованием 300-летия Дома Романовых в атмосфере «Гром победы, раздавайся!» А после большевистского переворота, когда рядом замечательных ученых был издан целый свод материалов о народных движениях эпохи Смуты и о Крестьянской войне под руководством И. И. Болотникова в особенности¹³, лучший воевода противного, правительственного, лагеря был оставлен в стороне от наиболее трагических событий как «патриотический» герой.

В послереволюционное время издавался значительный актовый материал, причем не только относительно «классовой борьбы» (особенно следует отметить продолжение публикации первоисточников для изучения Государева двора разрядных документов)¹⁴. Многие важнейшие повествовательные источники были переизданы на высоком научном уровне; в научный оборот вошли публикации малоизвестных и новооткрытых памятников¹⁵; наконец, стали более понятны история создания и источники еще не изданных крупных летописей XVII века¹⁶.

Но избыток подлинных источников не изменило общей историографической картины. И скромные «книжные писатели», усердно тружущиеся до сего времени, и такие крупные ученые, как Ю. В. Готье, С. Ф. Платонов, А. А. Зимин, И. И. Смирнов, В. И. Корецкий, известнейший автор Р. Г. Скрынников и другие историки, воссоздавая весьма интересную и полезную в нашем исследовании картину событий¹⁷, предпочли тем или иным путем отстранить героического полководца Скопина от главного конфликта времени: борьбы царской власти и восставшего народа. К князю Михаилу Васильевичу была прочно привязана драматургия, заложенная еще в «Новом летописце» и талантливо развитая Карамзиным: «Лучший из воевод, хотя и юнейший, в годину величайшей опасности с печалию удалился от рати, думая, что возвратится, может быть, уже поздно, не спасти царя, а только умереть последним из достойных Россиян!.. Так успел Герой-юноша в своем деле великом! За 5 месяцев пред тем оставив Царя почти без Царства, войско в оцепенении от ужаса, среди врагов и предателей — найдя везде отчаяние и зложелательство, но умев тронуть, оживить сердца добродетельною ревностью, собрать на краю Государства новое войско отечественное, благовременно призвать иноземное, восстановить целостность России от Запада до Востока, рассеять сонмы неприятелей многочисленных и взять одною угрозою крепкие, годовые их станы — Князь Михаил двинулся из Лавры, им освобожденной, к столице, им же спасенной, чтобы вкусить сладость добродетели, увенчанной славою»¹⁸.

С. М. Соловьев не мог столь однозначно воспеть силу Скопина-Шуйского и значение его побед, а потому задался вопросом о «причинах славы и любви народной, приобретенных Скопиным». «Общество русское, — справедливо заметил историк, — страдало от отсутствия точки опоры, от отсутствия человека, около которого можно было бы сосредоточиться». 24-летний воевода волею судеб стал этой точкой притяжения народной надежды: «В один год приобрел он себе славу, которую другие полководцы снискивали подвигами жизни многолетней, и, что еще важнее, приобрел сильную любовь всех добрых граждан, всех земских людей, желавших земле успокоения от смут, от буйства бездомовников, козаков, и все это Скопин приобрел, не ознаменовав себя ни одним блистательным подвигом, ни одною из тех побед, что так поражают воображение народа, так долго остаются в его памяти»¹⁹.

Так писал ученый, интересовавшийся в первую очередь осмыслением огромного архивного материала. К настоящему времени трудами поколений историков и археологов проблема анализа и систематизации массы разнообразных источников о событиях Смутного времени и роли в них Михаила Васильевича Скопина-Шуйского в значительной мере разрешена. Кажется странным, что в науке и литературе многие до сего дня озабочены лишь тем, как успешнее использовать столь ярко обозначенную Карамзиным легенду. Это никак не приближает к пониманию действительно незаурядной личности и трагической судьбы князя Михаила Васильевича.

Еще современник и историк гражданских распрей XVII в. Сильвестр Медведев, сравнивая общество без правдивой истории с потерявшим память безумцем, писал, что панегирическая история особенно бессмысленна и тлетворна. Скопин-Шуйский был одной из многих ярких личностей военного сословия, поставленных Смутой перед мучительным выбором. Самое время поведать правду о жизни князя Михаила Васильевича и задуматься над горькими ее уроками.

Современники единодушно отмечали достоинства самого молодого — не достигшего 24-х лет — и самого знаменитого полководца в России начала XVII века. Русские и поляки, шведы и иемцы восхищались юношей необычайно высокого роста и богатырской комплекции, статного вида, с высоким лбом, большими, широко расставленными глазами, в которых светился «великий разум не по летам». По словам врага — гетмана Станислава Жолкевского — Скопин-Шуйский «не имел недостатка в мужественном духе и был прекрасной наружности». Храбрость и решительность сочетались в Михаиле Васильевиче с добротой, приветливостью, умением обходиться с соотечественниками и иностранцами. Зрелый ум князя, позволявший ему видеть и понимать больше других, наложил отпечаток глубокого страдания на его лицо. На единственном сохранившемся портрете Скопина-Шуйского поражают глаза великомученика. Они смотрят с редкостной, пронзительной грустью, казалось бы, неуместной у молодого, знатного, богатого и славного полководца-победителя. Историки предпочитают не замечать этого взгляда, не задумываться над тем, какая мука мучила человека, изображаемого в одних только героических красках.

Так же, как и других незаурядных русских людей, Скопина-Шуйского влек неодолимый поток трагических событий, набегавших друг на друга и обращавших лучшие намерения в ничто либо в кровавую драму. Люди чести — а князь, несомненно, был из их числа — с горечью думали о цене побед, не достигавших главного: мира в разоренной и озверевшей России.

Князь Михаил Васильевич принадлежал к одному из знатнейших родов (суздальско-нижегородских князей), традиционно воспитывавшихся с сознанием ответственности за судьбу государства. Ветвь Скопиных — старшая среди Шуйских, породивших боярского царя Василия Ивановича, — издавна давала России полководцев, но щадивших себя на защите Отечества.

Княжич родился 8 ноября 1586 г., после того, как его отец, известный воевода, защитивший Псков от Стефана Батория вместе с Иваном Петровичем Шуйским, вернулся с новгородского наместничества. Через четыре года боярин князь Василий Федорович Скопин-Шуйский снова уехал в Великий Новгород — главную базу войны со шведами. Отец умер, когда Михаилу шел 11-й год.

Воспитывала княжича мать, боярыня Елена Петровна, урожденная княжна Татеева. До семи лет он, по обычаю, учился дома, затем пошел в школу. Юноша имел, разумеется, младшее придворное звание жильца, но не спешил ко двору Годунова — круто обходившегося со знатью, старого противника Шуйских. Немало родичей Михаила уже пострадало от подозрительности царя Бориса.

Князю шел 18-й год, когда ему пришлось начать опасную службу во дворце. В 1604 г. видный собою юноша в чине стольника участвовал в приеме персидского посла. Только что Россия пережила страшные голодные годы, но на Большом столе, за который отвечал Михаил Васильевич, было сказочное изобилие яств. А в стране уже шла гражданская война.

На следующий год на московском престоле оказался царь Дмитрий Иванович — как говорили, чудом спасшийся сын Ивана Грозного и Марии Федоровны Нагой (другие называли его Лжедмитрием). Восставший против Годуновых народ восторженно приветствовал государя, народной волей посаженного на трон предков, знать спешила услужить новому царю.

Новый государь весьма благоволил к Шуйским, отведя четвертым из них место в «совете его цесарской милости». Молодой Скопин получил чин боярина и почетное звание великого мечника. Однако он не только украшал своей персоной царские приемы, стоя перед троном с обнаженным

государевым мечом. Именно князя Михаила Васильевича царь послал за своей «матерью» Марией Федоровной, в иночество Марфой, которая была торжественно доставлена в Москву и признала самозванца «сыном». Не известно, открыла ли она новоиспеченному боярину истинное положение вещей; по крайней мере, Скопин хранил об этом полное молчание.

Скорее всего, Михаил Васильевич знал о самозванстве Дмитрия Ивановича. Однако князь не участвовал в попытке опорочить признанного народом царя, чуть было не приведшей на плаху старого интригана Василия Ивановича Шуйского (Василий расплатился жизнями своих сторонников и был вскоре не только прощен, но еще более приближен к самодержцу). Помимо брезгливости, которую вызывала у честных людей личность бесовестного властолюбца Василия Шуйского, соучаствовать в интригах против государя Скопину мешала благоразумная политика Дмитрия Ивановича. С его воцарением пошло на убыль страшнейшее бедствие — гражданская война. Даже с сохранявшимися островками неповиновения государь предпочитал решать дело миром.

Речи Посполитой, способствовавшей походу Дмитрия Ивановича на Русь, было отказано в обещанных (по необходимости) территориальных уступках. Более того, царь взялся утвердить признание на международной арене наивысшего, имперского статуса Российского государства. Не получила вожделенных завоеваний на востоке и католическая церковь, делавшая ставку на самозванца. Правительство Дмитрия Ивановича, в котором немаловажную роль играл Скопин-Шуйский, нашло наилучший выход из опасного конфликта соседних славянских держав и противоборствующих церквей, предложив с помощью римского папы объединить силы христианских государств против турецко-крымской агрессии в Европе.

Король Сигизмунд III был лишен возможности открыто настаивать на территориальных притязаниях к России, ибо значительная часть магнатов и шляхты была на стороне Дмитрия Ивановича, закрепившего союз с соседями браком с дочерью сандомирского воеводы Мариной Мнишек. Даже у иезуитов — ударного отряда католической церкви — были связаны руки, пока папа Павел V надеялся на установление союза с Россией в борьбе с мусульманами.

8 мая 1606 г. подданные России и Речи Посполитой торжественно праздновали в Москве брак Дмитрия с Мариной и венчание новой государыни на царство, осуществленное по православному обряду патриархом Игнатием. Особенно ликовала молодежь, мечтавшая о подвигах в предстоящей великой войне с врагами креста Христова. Князь Михаил Васильевич, выступавший с обнаженным мечом перед молодыми на царской свадьбе, рассчитывал на видное место в войске, собиравшемся, чтобы остановить неуклонное наступление мусульман на христианские страны, освободить поработанных басурманами братьев-православных на Днестре и Дунае, Неретве и в Греции. Матушка его Елена Петровна, занимавшая второе по чести место среди боярынь за царским столом, с гордостью любовалась сыном.

Но не суждено было Скопину совершить подвиги, о которых издавна мечтали православные воеводы. Он не знал, что готовый ради власти на любое предательство Василий Шуйский еще зимой 1605—1606 г. тайно сговорился с королем Сигизмундом III и иезуитами свергнуть Дмитрия Ивановича и призвать на московский престол королевича Владислава Сигизмундовича. Гордо выступая как первое лицо на свадьбе государя, Василий Шуйский уже собрал людей для цареубийства. Маленький тщедушный старикашка со слезящимися глазками и поганой бородашкой не привлекал к заговору молодого родича. А Михаил Васильевич, при всем своем уме, не подозревал, что старик одержим бешеными страстями, — жадность, похоть и невероятное властолюбие руководили интриганом, готовым предать и продать всех для достижения своей цели.

В ночь на 17 мая 1606 г., когда царь Дмитрий Иванович был убит заговорщиками, в Москве началась резня. «Караул, православные! — кричали люди Шуйского горожанам, заранее настроенным против иноземцев

и иноверцев. — Поляки убивают государя! Бей ляхов!» Кровью многих сотен приехавших на свадьбу гостей и членов их семей заговорщики отвлекли народ от совершившегося в Кремле злодеяния. Но Василий Шуйский желал большего — утопить цареубийство в волне рьяно разжигаемой ненависти к иноземцам и иноверцам.

Почтенные горожане и выпущенные из тюрем воры убивали друг друга из-за добычи, торговые люди грабили иноземных купцов, с которыми недавно заключали сделки, насильствовали их жен и дочерей. Народ бежал по улицам, волоча польские одеяла, перины, подушки, платье, содранное с мертвецов, всевозможную домашнюю утварь, словно спасая добро от пожара. Спасать же большинство гостей, захваченных врасплох, было поздно. Лишь немногих, с риском для собственной жизни, успели укрыть соседи-москвичи. Издеваясь над безоружными, толпа орала: «Наш московский народ могуч! Весь мир нас не одолеет! Не счесть у нас людей! Все должны перед нами склоняться!» Убийцы и грабители славили единственно праведную православную веру и называли себя защитниками церкви.

Для человека, любящего Отечество, страшно было видеть этот сброд, в который Шуйский превратил часть жителей Москвы. Спеша на помощь тем, кто сумел организовать сопротивление, Скопин-Шуйский с несколькими боярами стали свидетелями, как отчаявшиеся поляки использовали скотскую природу «спасителей Отечества» для мести за себя и своих близких, выбрасывая в окна добро и расстреливая бросающихся на грабеж.

Михаилу Васильевичу и другим боярам удалось защитить королевских послов и некоторых знатных поляков, наваливших вокруг себя горы трупов и навсегда усвоивших, что с русскими можно разговаривать только силой оружия. Тем временем Василий Шуйский не только организовал сбор награбленного в свою пользу, но и обобрал спасенных, а затем объявил всех подданных Речи Посполитой пленниками! Провозглашая себя спасителем веры и царства, Шуйский якобы «волей народа», а на самом деле против воли страны и немалой части москвичей, вскарабкался на трон. Крича о защите церкви, царь Василий Иванович сверг патриарха Игнатия и не спешил поставить нового.

Скопин-Шуйский понимал, что новый царь может договориться с королем, но оскорбленная шляхта и магнаты, потерявшие в России близких и друзей, будут беспощадно мстить. Еще страшнее был гнев народа, содрогнувшегося от омерзения перед совершившимся в столице предательством. Убив Дмитрия Ивановича — самозванца Лжедмитрия, новый царь не мог убить веру во всенародно признанного и народом посаженного на престол государя. Напрасно кричали по городам и весям глашатаи, объявляя убитого орудием поляков и католиков, колдуном, призванным разорить церковь и царство.

Новый самозванец еще не появился, а по стране уже катилась волна восстаний под знаменем «царя Дмитрия Ивановича». Гражданская война вспыхнула с новой силой — и у Скопина-Шуйского не было иного выбора, кроме защиты престола. Не только и не столько обязывающее родство с царем Василием Ивановичем — все воспитание князя Михаила Васильевича призывало его на защиту государственного порядка, воплощенного в самодержавном царстве.

Уже в сентябре 1606 г. Скопин-Шуйский вступил в войну с соотечественниками. Блестящий полководец, бывший холоп Иван Исаевич Болотников, сплотив разрозненные отряды крестьян, холопов, казаков, задавленных налогами горожан и обнищавших дворян, разгромив царские войска под Кромами и Ельцом, шел на Москву.

Историки не любят вспоминать о начале полководческой карьеры Михаила Васильевича и особенно о его первом боевом крещении 23 сентября 1606 г., когда спешно набранное огромное войско царских братьев Дмитрия и Ивана и молодого Скопина встретилось с повстанцами под Калугой, у впадения р. Угры в р. Оку.

Царь объявил тогда о своей победе и послал войску награды, но в Москву уже тянулись толпы раненых, избитых, изуродованных

«победителей». Жители и ратники Калуги присягнули знамени Дмитрия Ивановича и не пустили царских воевод в город. Отряды болотниковцев «повсюду с отвагою побивали в сражениях (царское воинство. — А. Б.), так что и половины не уцелело». Так писал очевидец, а в официальной разрядной книге появилась запись: «Воеводы пошли к Москве, в Калуге не сели потому, что все города Украинные и Береговые (крепости Окского рубежа. — А. Б.) отложились и в людех стала смута». Народная армия Болотникова продолжала наступление, с восторгом приветствуемая местными жителями.

Наступательный порыв повстанцев был неодолим, между царскими воеводами отсутствовало «единомыслие», а их воины не имели мужества для встречного боя. Потеряв часть людей убитыми и значительное количество сдавшимися в плен, Скопин-Шуйский с товарищами отошел к Москве, даже не пытаясь удержать Коломенское, с ходу занятое повстанцами.

Царские войска со стороны Калужских и Серпуховских ворот зацепились за Скородум — довольно слабую деревянную крепость вокруг Замоскворецкого предместья. Здесь было посажено постоянное «осадное» войско, создававшее чувство безопасности у «вылазных» полков, совершавших набеги на неприятеля.

Назначенный воеводой «на вылазке», Скопин-Шуйский наносил стремительные удары по болотниковцам и отводил войска в Скородум, так и не позволив неприятелю перейти к правильной осаде. В свою очередь восставшие, чуть ли не ежедневно дававшие бои царским ратникам, не проявляли упорства в штурме укреплений и быстро отступали. Характерно, что повстанцы не попытались пробиться в Москву в обход «осадных полков», сосредоточенных со стороны их лагеря в Коломенском. Бои велись еще только в одном районе — за р. Яузой, где они были так же скоротечны. Например, о Симонов монастырь, защищаемый небольшим отрядом стрельцов, наступавшие разбились, «яко же волны морския о камень,.. и прочь отыдоша».

Действуя таким образом, обе стороны не могли одержать решительной победы. Противники лихорадочно собирали подкрепления, их летучие отряды схватывались за отдельные города и уезды, все ждали случая, который повернет события в ту или иную сторону. Случай выпал Василию Шуйскому: восставшие раскололись прежде, чем паника разъела царское воинство. В середине ноября 1606 г. полк рязанских дворян под командой Ляпунова и Григория Сумбулова перешел на сторону Шуйского. Это был знак, что дворянство в массе своей начало осознавать, сколь далеки их интересы от намерений крестьян и холопов, всерьез принявших за истребление господ.

Убедившись в неспособности войска взять Москву прямым ударом, Болотников разумно решил «замкнуть блокаду» столицы. 26 ноября он переправил значительную часть войска через Москву-реку в обход города с востока, чтобы «около града обсесть и вси дороги отнять». У с. Карачарово, у Рогожской слободы и на берегах Яузы развернулось сражение с переброшенными из Москвы полками. Обе стороны понесли потери, но отряду восставших удалось форсировать Яузу; Пашков занял Красное село, угрожая дороге на Ярославль и Вологду — главному пути снабжения столицы во время осады. В Москве и без того были голод, тревога и великие раздоры, народ волновался, требуя от царя решить дело в сражении.

Видимо, сторонником решительных действий был и Скопин-Шуйский, еще не знавший, что такое «царский поход». 27 ноября Василий Шуйский выступил против Болотникова из Замоскворечья. Место удара, хорошо знакомое князю Михаилу Васильевичу, было выбрано верно. Однако царь долго молился, затем суматошно формировались большие полки, и не скоро еще войско вышло за стену. Болотников, сумевший собрать около 20 тыс. воинов, был сбит с поля, но день близился к концу, и восставшие после кровопролитного сражения беспрепятственно отступили к Коломенскому. Преследование организовано не было: Шуйский опасался отпускать полки, сосредоточенные вокруг его особы.

Однако превратности гражданской войны служили пока на пользу царю. Устрашенный вестями о сражении и приняв небольшой отряд двинских стрельцов за непобедимое воинство, Пашков в Красном селе последовал примеру Ляпунова. Предательство Пашкова подорвало боевой дух восставших. На помощь Шуйскому подошли смоленские и ржевские полки.

Скопин-Шуйский, оставив за спиной беспорядочное воинство царя Василия, с испытанными полками выдвинулся в Данилов монастырь, стоявший на полдороге к Коломенскому. 2 декабря он перешел в решительное наступление, соединившись по пути со смоленскими ратниками, выступившими из Новодевичьего монастыря. Этот блестяще проведенный маневр мог оказаться роковым для царской армии, ибо Болотников не дожидаясь нападения в Коломенском. Восставшие при известии о походе Скопина-Шуйского действовали быстрее и встретили противника у д. Котлы, ровно на середине пути, разделявшем войска, ночью. Еще немного, и Болотников успел бы разгромить части войска князя Михаила Васильевича поодиночке. Крестьяне и холопы бились отчаянно, но были смяты тяжелой конницей.

Скопин-Шуйский приложил все силы, чтобы не дать противнику отступить. Болотников понес крупные потери, особенно пленными, войско его

было деморализовано, но холоп-полководец сумел собрать часть сил и отступить в Коломенское. Князь Михаил Васильевич блокировал село, однако предусмотрительно не бросил войска на штурм. Не впечатляющие с виду укрепления болотниковцев могли вызвать заминку среди наступающих, способную обернуться паникой и, соответственно, разгромом. Скопин-Шуйский потребовал подтянуть сильную артиллерию. Оказалось, однако, что Болотников заблаговременно прикрыл деревянные надолбы земляными валами и построил укрытия от навесного огня.

Три дня мощные удары пушек и мортир царских воевод сотрясали мерзлую землю. Но разрушить или поджечь Коломенский острог не удалось. «Разбити же острога их не могоше, занеже в земле учинен крепко, сами же повстанцы от верхового бою огненного укрывахуся под землею, ядра же огненные удушашу кожами сырыми яловичными» (воловыми). Скопин-Шуйский применил техническую новинку — сочетание зажигательного ядра с разрывной бомбой. Защитники Коломенского «погашати их не возмогаша, самих же (стало) зле убивати, и острог их огненными ядры зажгоша». Этого оказалось достаточно, чтобы восставшие в панике бежали под мечи дворянской конницы.

Несмотря на разгром Болотников увел в Калугу более 10 тыс. воинов с огнестрельным оружием; другая часть восставших укрылась в Туле. Восставшие смогли оторваться от преследования, поскольку их товарищи продолжали держаться в дер. Заборье, занятой в самом начале московской осады. Царские воеводы не рискнули оставить этот отряд в своем тылу. Под Заборьем армия Шуйского остановилась. Хитроумные казаки, не желавшие утруждать себя тяжким по зимнему времени строительством земляных укреплений, поставили вокруг лагеря друг на друга по-двое и по-трое набитые соломой сани и облили их водой. За ледяной стеной они некоторое время оборонялись, но, отчаявшись получить помощь, сдались царским воеводам, а частью перешли на службу к Шуйскому.

Возвращаясь в Москву, князь Михаил Васильевич наблюдал последствия своих побед. Напуганные крестьянской армией дворяне зверствовали, вырезая целые села, не щадя даже искавших спасения в храмах. Каратели творили то, в чем патриарх Гермоген обличал повстанцев, называя их «ворами и хищниками», сатанинскими учениками, но не отлучая от церкви.

Около 20 тыс. захваченных в плен участников восстания по приказу Шуйского подлежало истреблению. Каждую ночь их сотнями выводили на берег Яузы, ставили в ряд, глушили дубинами и спускали под лед. Так же разделявались с пленными, отправленными в Новгород Великий. Для государства повстанцы были не военнопленными, а злодеями-бунтовщиками, не заблудшими братьями во Христе, как считал патриарх, а зверями дикими.

Пока Гермоген и Василий Шуйский старались один — увещевать, другой — устрашать восставших, часть страны отказывалась подчиниться боярскому царю, а огромная армия Ивана Ивановича Шуйского безуспешно осаждала Калугу. Отрадив большой приступ, Болотников ежедневными вылазками методично уничтожал осаждающих, почти не неся потерь. Деревянный город под руководством Болотникова стал неприступной крепостью. В январе 1607 г. царь послал на Калугу «бояр своих и воевод последних» с ратными людьми. «Особным полком», на который делал ставку Василий Шуйский, командовали Федор Иванович Мстиславский, Михаил Васильевич Скопин-Шуйский и дядя его Борис Петрович Татев. Наделенный правом самостоятельных действий, Скопин-Шуйский скоро подметил ошибки в организации осады.

Принявшие болотниковцев калужане имели большой запас продовольствия, тогда как снабжение царской армии было затруднено. Потери от вылазок росли. Пассивная осада вела к поражению. Первым делом Михаил Васильевич задействовал тяжелую артиллерию, губительную для деревянного города. Но Болотников предусмотрел эту меру.

Опередив царские войска на несколько дней, получив еще три дня под предлогом подготовки переговоров о сдаче и нанеся сильный удар авангар-

ду И. И. Шуйского, Иван Исаевич выиграл около двух недель для укрепления Калуги. Вокруг рубленой деревянной стены города на протяжении более полутора километров тянулся простой частокол. Дружно взявшись за работу, восставшие вырыли с обеих сторон частокола рвы, присыпая землю к кольям, — получился неодолимый для пушек земляной вал, прикрывший внутренние укрепления. Поэтому одновременно с массированным обстрелом Скопин-Шуйский повел на Калугу «гору древяну» — высокий вал из бревен, которые осаждающие перебрасывали вперед. День за днем грохочущий вал надвигался на укрепления, грозя засыпать рвы, снести частокол и подойти к самым стенам Калуги. Подоженный деревянный вал должен был уничтожить большой участок стены и лишить город защиты. Вал двигался по правилам фортификации, под углом к городу, защищая осаждающих и оставляя сектор для артиллерийского обстрела осажденных.

Большинству людей казалось, что Калуга обречена. Болотников дождался, когда вал подошел к палисаду и согнанных силой крестьян сменили царские войска, надеявшиеся наутро кончить дело. От взрыва мин «подняся земля, и з дровы, и с людьми, и с туры, и со щиты, и со всякими приступными хитростями. И бысть (для сторонников Шуйского. — А. Б.) беда велика, и много войска погибоша, и смятесе все войско. Во смятении же том, — продолжает автор «Иного сказания», — вси разбойницы из града напустишася сетчи без милости, яко же гладнии волцы нападше, расторгающе овцы, семо и овамо бегающе, спасания ищуще, но вси смятошася, такожде и вси воеводы устрашишася и бегству вдашася, и все воинство такожде вослед их побегоша, кто елико можаше; разбойницы же и богоотступницы — вослед их, женуще, и бьюще, и секуще без милости». Ночной взрыв породил панику, которой Болотников в полной мере воспользовался. Многократно превосходящим по численности царским войскам был нанесен такой удар, что несмотря на все усилия Скопина-Шуйского они были уже не способны к наступательным действиям.

Царские войска взяли Арзамас, но были отбиты от Венева и Тулы. Вести о стойкости болотниковцев ободряли многие восставшие города и уезды. Хитроумный царь Василий Иванович подослал к Болотникову немца со злоотравным зельем, но тот, получив плату, открыл замысел Ивану Исаевичу и был сугубо вознагражден. Скопин-Шуйский еще раз убедился, что служит злодею, который не остановится ни перед чем. Но не служить трону воевода не мог.

А на помощь Болотникову уже спешил с казаками Илья Муромец, именовавший себя «царевичем Петром Федоровичем». В свое время Лжедмитрий старался утишать движение казаков миром, попросту пригласив их командиров ко двору, но для боярского царя они были врагами, которых следовало беспощадно истреблять. Действительно, в сече на Вырке царские воеводы порубили казаков князя Василия Федоровича Мосальского и самого его раненым взяли в плен. Никто не удивился, что привезенного в Москву Мосальского вскоре «не стало». Пользуясь замешательством повстанцев, царские воеводы взяли Серебряные Пруды и разбили шедшую к осажденным «выручку». Под Калугой осаждающие кричали об этих победах болотниковцев, но Иван Исаевич не допустил колебаний, повесив «на виду московского войска» тех, кто собрался было изменить.

В Москве радовались и веселились, отправляя князя Ивана Михайловича Воротынского к Туле, чтобы захватить в плен Петра. Настроение столь же скоро перешло в панику, когда воевода самозванного царевича князь Андрей Андреевич Телятевский наголову разгромил Воротынского и предателя Истому Пашкова под Дедиловым. Царские войска бежали от Тулы, оставив и Серебряные Пруды. Недалеко от Калуги, на р. Пчельне, казаки Телятевского, ударив на деморализованные долгой осадой полки, одержали одну из крупнейших побед долгой войны. Двое из трех царских воевод были убиты, более 10 тыс. воинов пало на поле брани и еще больше перешло на сторону восставших.

Май 1607 г. оказался для Скопина-Шуйского роковым. На этот раз ему не удалось утишить вспыхнувшую в лагере под Калугой панику.

Воспользовавшись смятением при известии о битве на Пчельне, «Болотников, — по словам опытного воина Конрада Буссова, — напал из Калуги на их шанцы и доставил им столько хлопот, что они бросили свои шанцы вместе с тяжелыми орудиями, порохом, пулями, провиантом и всем, что там было, и в сильном страхе и ужасе бежали в Москву, совсем очистив поле боя». «Воеводы, — иронически заметил другой наблюдатель, — едва успели выбежать из своих палаток, как уже калужане овладели всеми пушками». Обращенное Иваном Исаевичем в паническое бегство войско сметало все на своем пути. Скопин-Шуйский мог только собрать вокруг себя верных людей для прикрытия бегства, ибо Болотников спешил нанести царской армии максимальный урон. «Аще бы не боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйский да казачей атаман Истома Павлов защищали их, — свидетельствует «Иное сказание», — то бы ни один спасся, но вси бы и до одинаго побиты были». Медленно отступая и контратакуя, воевода и атаман отсекали болотниковцев от царских войск и прикрыли «беспутное бегство их разсыпное врознь». Это была замечательнейшая победа Скопина-Шуйского, избавившего немало воинов от истребления соотечественниками.

Спасенное Михаилом Васильевичем войско стало ядром новой армии, спешно и крутыми мерами мобилизованной Василием Шуйским. Значительную часть ее составили татары, мордва, чуваша, «даточные люди» монастырей, многочисленные служащие двора. Скопина-Шуйского царь поставил первым воеводой Большого полка. На 21-м году жизни воевода стал командующим армией, с которой шел в поход сам государь. Армия Скопина-Шуйского была воодушевлена сознанием, что идет на последний и решительный бой за свои кровные интересы — интересы душевладельцев: дворян, монастырей, мурз... Напротив, у повстанцев уже не оставалось прежнего крестьянско-холопского ядра, растворившегося в разношерстном воинстве. Царь, будучи в походе, все время страхась измены, не решался выступить со всем войском и не удалялся от Москвы. В лагере Болотникова тоже хватало измены, но отсутствовала еще и система дальнего снабжения, что не позволяло долго стоять на одном месте.

В начале мая 1607 г. Болотников и князь Телятевский выступили против главных сил Шуйского в Серпухове, но свернули на Каширу, намереваясь прорваться к Москве. Со сравнительно небольшими силами Иван Исаевич азартно пытался выиграть, внезапно захватив столицу в отсутствие больших полков. Но его цели были раскрыты перебежчиками.

В «прямом бою» на р. Восме, верстах в 12 от Каширы, болотниковцы и казаки были разбиты полками воеводы Андрея Васильевича Голицына, вовремя получившего подкрепления от Скопина-Шуйского. При изобилии участников сражения его исход решали отборные отряды, причем победу Голицына обеспечили бывшие болотниковцы, а Болотников должен был рассчитывать на казаков, а не на крестьян.

В течение пяти часов армии палили друг в друга из пушек и ручного оружия. Неожиданно 1700 спешившихся казаков Болотникова с «огненным боем» форсировали Восму и, укрепившись в «буераке», открыли огонь во фланг и тыл воинства Голицына. Царские ратники уже видели «над собою победу от врагов», но рязанские дворяне Прокофия Ляпунова, оказавшиеся под обстрелом, ушли от него вперед, а не назад.

Переправившись через Восму, бывшие болотниковцы Ляпунова атаковали восставших: «И воры не устояли, побежали, а боярские полки, видя, что воры побежали, полками напустили ж и воров в погоне безчислено побили и живых поимали, а гоняли за ними тритцетъ верст». Только отряд казаков за Восмой показал, что Болотников не зря на него надеялся. Им обещали полное прощение, но казаки заявили, «что им помереть, а не здатца». Трое суток они «билися насмерть» против всех полков, конных и пеших, и были перебиты, лишь когда у них кончился порох. Пленных царские воеводы казнили.

Болотников ушел к Туле, укрепившись за топкой и грязной речкой Воронкой. Оборона опиралась одним флангом на Малиновую засеку Туль-

ской засечной черты, другим — на укрепления при Калужской дороге. Немногочисленные силы Болотникова были растянуты верст на семь. Иван Исаевич не мог уйти, бросив без защиты жителей Тулы, и делал все, чтобы предотвратить осаду.

Скопин-Шуйский не рискнул вести в бой всю армию, которую легко могла охватить паника. Зная противника, он наступал с тремя собственными отборными полками, соединившись в 20 верстах от Тулы с Рязанским и Каширским полками. Дворянские сотни пытались форсировать речку сразу во множестве мест. Под прикрытием затянувшегося сражения Михаил Васильевич прорвал оборону болотниковцев возле самой Малиновой засеки.

Семь верст отборная конница Скопина-Шуйского рубила бегущих в панике повстанцев и едва не ворвалась на их плечах в город. Резервов у Болотникова не было, но он сумел остановить бегущих и перебить дворян, прорвавшихся в городские ворота. 12 июня 1607 г. началась осада Тулы. Через две недели вокруг города сосредоточилась вся царская армия.

Располагая 5—7-кратным превосходством в численности войск и мощной артиллерией, Михаил Васильевич расстреливал и атаковал город с двух сторон. Осадные работы велись непрерывно; за месяц с небольшим царская армия 22 раза ходила на штурм. Одновременно карательные экспедиции шли по городам и уездам, заливая кровью очаги восстания. Ясно, что это была не самодеятельность военачальников. Так повелевали царские указы. Города, которые нельзя было удержать, предписывалось сжигать.

Скопин-Шуйский оказался полководцем армии, воюющей в России, как в неприятельской стране. Больше всего это было похоже на действия крымских татар — но те имели интерес в захвате рабов живьем и старались не уничтожать население подчистую. Царь Василий Шуйский ошибся, сделав ударной карательной силой войско татар, чувашей и мари под командой своего свойственника князя Петра Араслановича Урусова. В отличие от русских карателей, князь Урусов «и иные многие мурзы» не перенесли бессмысленной резни и ушли с пленными в Крым. Не прекратила резня и войну «мужиков» с господами. Насильно взятые «даточные люди», служилые и дворяне массами бежали из армии царя-злодея, справедливо видя в жестокости признак слабости. Командующему требовалось любой ценой ускорить взятие Тулы.

Не имея ни калужских больших припасов, ни прежнего ядра армии, Болотников наглядно показал Скопину-Шуйскому, что такое настоящий полководец. «Из Тулы, — писал современник, — вылоски были на все стороны на всякой день по трожды и по четырежде, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали». Болотниковцы были пешими, потому что лошади очень скоро оказались съедены. Голодные, измученные непрерывным обстрелом и боями люди роптали, все чаще предлагали сдаться царю. От бывших в Туле иностранцев известно, что «Болотников, как храбрый начальник, убеждал жителей не сдавать города (так как он имел известие, что Димитрий со всем своим войском уже выступил в поход и что он подойдет через 8 или 9 дней), говорил, что им можно и должно защищаться 3 или 4 дня, что он надеется на помощь, что они могут убить его и съесть, если не сбудется сказанное им, если они не получают помощи. Если, — говорил он, — вам нечем будет питаться, то я лучше всего сделаю, если предоставлю вам свой труп!». Хлеб и соль кончились, осажденные ели «вонючую падаль», но Россию облетали все новые и новые известия о поражениях и потерях царских войск. Болотников не обманывал своих людей, второй Лжедмитрий действительно появился в июле в Северских городах, но еще только собирал силы. Больше надежд было не на внешнюю выручку, а на распад самой осаждающей армии.

Скопин-Шуйский тоже ободрял своих, затеяв строительство дамбы на р. Упе, чтобы затопить Тулу. Правда, эта идея муромского мелкого дворянина Ивана Кровкова сначала была поднята боярами-воеводами на смех. Но, обдумав ее, Михаил Васильевич сумел наилучшим образом

организовать работы. Посменно ратники и согнанные крестьяне под руководством знающих толк в плотинах мельников «секли лес, и клали солому и землю в мешках рогозинных, и вели плоти[ну] по обе стороны реки Упы». Затем течение реки перекрыли срубам, набитыми землей. Поднявшаяся вода затопила город и крепость.

Но Болотников не сдавался. Отчаявшиеся защитники Тулы посадили в тюрьму одного из инициаторов восстания, князя Шаховского, заявив, что выдадут его, если город не освободится от осады. Приближался к концу четвертый месяц боев за город. Болотников призывал продержаться, пока не спадет вода, и тогда пробиться сквозь вражеские войска и вырваться из осады. Скопин-Шуйский знал, что от Ивана Исаевича можно ожидать и этого. Долгая осада могла оказаться бессмысленной. Войско и так становилось неуправляемым; в случае успеха Болотникова все отвернулись бы от царя Василия; Лжедмитрий II уже наступал на Брянск; Калуга, Козельск и еще ряд городов удерживались восставшими. Но благородный Болотников слишком высоко ценил жизни своих доведенных до отчаяния людей. В этом Василий Шуйский и его воеводы узрели выход. Болотникову было предложено сдаться при условии сохранения жизни и свободы ему, другим предводителям восстания и всем защитникам Тулы. Тогда царь смог бы объявить о своей победе, а повстанцы, кроме тех, кто предпочтет государеву службу, — идти на все четыре стороны.

Болотников и его товарищи-предводители не могли не понимать, что Шуйский лжет, но жертвовали собой для спасения товарищей. А Михаил Васильевич, не одолевший Болотникова в бою и еще лучше знавший характер своего родственника-царя? С какими чувствами он принимал сдачу города? Большая часть защитников Тулы действительно спаслась. Василий Шуйский объявил стране, что восставшие сами выдали своих предводителей. 10 октября 1607 г. Болотников с друзьями пришел в царский лагерь — их заковали в цепи. Илью Муромца — «царевича Петра» — показали народу в Москве и публично казнили. Болотникова отправили в Каргополь, выкололи глаза и утопили.

Василий Шуйский с воеводами распустил армию и вернулся в столицу, где на него гневно обрушился патриарх Гермоген: как смел царь успокоиться, не прекратив в стране кровопролитие?! Видно, «советницы лукавые царя уласкаху!» А Скопин-Шуйский надолго отошел от дел, женился на Александре Васильевне Головиной и вел, в основном, частную жизнь.

Весной 1608 г. столица наполнилась ратниками, разбегавшимися, как говорили, от бесчисленных войск Лжедмитрия II. Армия бездарного Дмитрия Шуйского была разбита, царские воеводы либо становились предателями, либо уносили ноги от неприятеля, в войско которого стекались россияне, казаки и тысячи разгневанных ляхов. Скопин-Шуйский должен был согласиться возглавить поспешно формируемую армию. Князь пытался задержать Лжедмитрия на Калужской дороге за Окой, укрепившись на р. Незнайке, но был обойден. В войске открылся заговор, Михаил Васильевич жестоко его подавил. Однако вынужден был отступить к Москве, куда 1 июня подошел самозванец. Бесславно было и командование Большим полком, с которым Скопин-Шуйский тем летом защищал столицу.

Лжедмитрий II прочно окопался в Тушине, принимая посланцев от переходивших на его сторону городов. Непокорных разоряли его отряды, ударной силой которых была шляхетская конница. Вскоре почти вся Россия, народ и значительная часть знати отказалась от власти московского государя, сидевшего в столице, подобно «орлу бесперу, без клюва и когтей».

Не уставая обвинять врагов в том, что они продают страну иностранцам, Василий Шуйский отправил своего родича Скопина в Новгород для переговоров со шведами, давно мечтавшими пожить на русской Смуте. Царь готов был платить и деньгами, и землями, лишь бы спасти свою власть. Пробираться на север Михаилу Васильевичу пришлось лесами и окольными дорогами. Псков уже восстал, из Новгорода князю пришлось бежать, но сторонники Шуйского победили и вновь пригласили воеводу в город. Медленно, шаг за шагом собирал Скопин-Шуйский верные госуда-

рю силы Русского Севера, координировал шедшую с переменным успехом борьбу от Среднего Поволжья до Урала, где раздраженное поборами и грабежами население поднималось не за Шуйского, а против захватчиков.

28 февраля 1609 г. был подписан договор о военной помощи со шведами, давшими солдат за ежемесячное 100-тысячное жалованье и уступку шведской стороне земель Корелы. Князь расшибался в лепешку, чтобы выплатить наемникам жалованье. Выступая из Новгорода в мае, он имел более 15 тыс. разноплеменных наемников под командой 27-летнего Якова Понтуса Делагарди и несколько тысяч ополченцев.

Чем тяжелее было в Москве и осажденном Сапегой Троице-Сергиеве монастыре, тем больше надежд возлагалось на спасителя, который должен прийти с севера. Скопин-Шуйский не мог рисковать с трудом собранной армией. Он двигался медленно, вслед за сильным авангардом. 17 июня под Торжком русско-шведский авангард был потрепан посланным из Тушина русско-польским войском Шаховского и Зборовского, но сумел отбиться, оперевшись на городские стены. Воеводы Лжедмитрия отступили.

В Торжке, получив сильную помощь от смоленского воеводы Михаила Борисовича Шеина, Скопин-Шуйский по всем правилам сформировал армию. Но просуществовала она недолго. Во второй половине июля, после кровопролитного двухдневного сражения, отбросившего рать Шаховского и Зборовского от Твери, Делагарди оставил воеводу. Князь двинулся было к Москве; узнав, что к неприятелю присоединился гетман Сапега, свернул вдоль Волги и укрепился в Калязине монастыре, собирая пополнения и обучая русских пехотному бою по нидерландскому образцу. Неоценимую помощь в этом оказывала тысяча наемников: шведов, французов и англичан под командой Христиера Зомме.

В стихии гражданской войны Скопин-Шуйский хотел опереться на постоянное, хорошо обученное и исправно получающее жалованье войско: мушкетеров, окруженных в бою несокрушимой стеной пикинеров, на способную атаковать сомкнутым строем кавалерию. Наряду с учениями воевода настойчиво добивался соответствующего вооружения и снаряжения, а главное — средств на плату воинству.

Михаил Васильевич был слишком умен, чтобы не видеть различий между иноземными профессионалами и русскими наемниками, пусть они и носили одинаковое оружие. Чтобы выдержать удар шляхетской кавалерии, недостаточно было леса пик — необходим был как минимум закаленный корпоративный дух. Ведь даже французская и немецкая конница в битве под Тверью была бы истреблена, если бы воевода сам не пришел на помощь. «Укрепляться!» — таков был девиз Скопина-Шуйского в этой войне. Треугольный лагерь под Калязином был прикрыт Волгой, р. Жбаной с топкими берегами и валом с острогом со стороны поля, по которому были разбросаны рогатки. Отдельной крепостью высился монастырь — ставка командующего.

18 августа 1609 г. литовские гусары атаковали с поля, были остановлены рогатками и расстреляны с вала. Тщетно шляхта, русская конница и казаки пытались выманить Скопина-Шуйского из лагеря притворными отступлениями. Сапега отозвал свои войска, задумав более хитроумное нападение. Во втором часу ночи 19 августа пешие ратники Лжедмитрия II начали переправляться через Жбану. Скопин-Шуйский дождался, пока они не накопились на лугу, и ударил конницей. Потеряв много убитых и затоптанных в грязь, неприятель бежал к с. Пирогово, в свой неукрепленный лагерь, куда ратники Михаила Васильевича ворвались на плечах бегущих. В беспорядочном ночном бою окрыленные первым успехом воины Скопина-Шуйского имели значительное преимущество. Опомнившись, Сапега контратаковал, но в селе его конница не могла развернуться. Вовремя подошедшие наемники и отборный полк Скопина отбросили неприятеля, бежавшего к Рябову монастырю.

Резонанс от победы был чрезвычайно велик. Противники Лжедмитрия ликовали, говорили о разгроме неприятеля, хотя военное положение изменилось мало. Только 10 сентября воеводы Головин и Валуев с наемниками

Зомме взяли Переславль — первый город на пути к Москве. Скопин-Шуйский медлил, не решаясь выступить без Делагарди, который 26 сентября привел под Калязин всего 2 тыс. солдат. 6 октября Михаил Васильевич вошел в Переславль, а через три дня Головин, Валуев и полковник Иоганн Мир выбил роты Сапеги из Александровской слободы. Путь на столицу был открыт, воевода послал туда обозы с запасами, но сам почти три месяца простоял в Александровской слободе, где к его подходу был возведен укрепленный лагерь.

Политические обстоятельства требовали спешить: польский король вторгся в Россию и осадил Смоленск, значительная часть гарнизона которого ушла на помощь Скопину-Шуйскому. Король Сигизмунд объявлял, что Россия ввергнута в гибельную смуту незаконными правителями, захватившими власть путем насилия и обмана, и обещал спасти гибнущее братское государство от самоистребления.

Смольняне, возглавляемые благородным Михаилом Борисовичем Шейным, сожгли посады и засели в крепости насмерть. Осажденные в Смоленске не верили ни Шуйскому, ни королю и решили сражаться под знаменем царя Василия потому лишь, что не ждали пощады от старинных врагов-ляхов. Войско Скопина-Шуйского было гораздо неустойчивее смольнян, защищавших свои жизни, семьи и имущество. Молодой воевода не поддавался порыву ринуться к близкой уже Москве, оберегая войско, надежда на которое поддерживала власть Василия Шуйского. Армия была дороже страдавших от войны городов и сел. Князь Михаил Васильевич неуклонно расширял подвластную ему территорию, усиливая гарнизоны в одних городах, занимая другие, сжигая те, которые не мог удерживать.

Отряды Скопина-Шуйского прорывались в осажденный Сапегой Троице-Сергиев монастырь, окапывались на важнейших дорогах, угрожали с разных сторон неприятельским станам. Раздосадованный Сапега объединился с тушинским гетманом Романом Ружинским и 28 октября атаковал противника под Александровской слободой. Конница Скопина-Шуйского была сбита с поля и «потоптана», но укрылась в лагере. Дальше произошло то, что и планировал воевода. Сапеге и Ружинскому не удалось скоординировать действия своевольной конницы, раз за разом бросавшейся на надолбы и истребляемой огнестрельным оружием из-за укрытий. Зато Михаил Васильевич все полки свои умно и быстро расставил, везде за полками сам наблюдал и сам огромную свою силу и мудрую храбрость показал, впереди полков выступая.

Каждый раз отбитого неприятеля преследовали конники Скопина-Шуйского, которые оказывались неуязвимыми за частоколом и спинами стрельцов, когда новые отряды тушинцев бросались в бой. И был бой жестокий и сеча злая у государевых людей с поляками, и бились долго. Не потерпев решительного поражения от войск Михаила Васильевича, нападавшие, как и следовало ожидать, сломались: ужаснулись и устрашились, затрепетали и побежали, и, словно дым, исчезли. И с того времени охватил все польские и литовские полки страх и ужас.

Сторонники Лжедмитрия частью ушли с Сапегой обратно под осаждаемую им Троицу, частью — в Тушино, частью рассыпались по стране. Не осилив главный лагерь Скопина-Шуйского, они терпели такие же неудачи в боях с отрядами войска Михаила Васильевича, неизменно окапывавшимися в занятых ими пунктах. В начале ноября полк лжедмитриева воеводы Микулинского был отбит от укрепленных сил Константиново и Заболотье, паны Вребский и Вилямовский потерпели поражение в бою за с. Низиново. Крупные силы Сапеги дважды штурмовали лагерь воеводы Семена Головина в с. Ботово близ Троицы.

Картина везде была одна и та же: воины Скопина-Шуйского расстреливали нападавших из «острожков», затем конница нападала на отступающих. Неприятель чувствовал себя все более и более связанным, попавшим в паутину полевых крепостей, из которых ему повсеместно наносились удары. Тем временем Михаил Васильевич посылал новые отряды на Ростов и Кашин, Бежецкий Верх и Старицу, Ржев и Белую, используя и пехоту,

и конницу. «Скопин очень теснил наших построением укреплений, — вынужден был признать гетман Станислав Жолкевский, — отрезывал им привоз съестных припасов, а в особенности тем, кои стояли с Сапегою под Троицею... Прикрываемый укреплениями,.. Скопин отражал их, избегая сражения, и стеснял их сими укреплениями, ибо в поле наши были им страшны, за этими же укреплениями, с которыми наши не знали, что делать, москвитяне были совершенно безопасны, делая безпрестанно из них вылазки... не давали нашим никуда выходить».

Другой поляк подчеркивал в своих записках, что полевые укрепления войск Скопина-Шуйского были наступательным средством — опорными пунктами наподобие тех, что принц Оранский блестяще применил в Нидерландах. Оба автора соглашались, что «успешный фортель» московского воеводы был заимствован у западных наемников. Действительно, последовательность в прикрытии войск полевыми укреплениями у Скопина-Шуйского очень напоминала деятельность Морица Оранского, но затея оказалась успешной именно потому, что опиралась на богатые отечественные традиции в этой области. Засеки, рогатки, дерево-земляные укрепления издавна использовались русскими войсками. Особые условия гражданской войны лишь выдвинули эти «хитрости» и «снасти» на первый план, причем Скопин-Шуйский активно использовал полезный отечественный опыт, например, «рогатки» — заграждения с носившимися пехотой железными остриями, которые сооружались подчас прямо в бою и заменяли пикинеров.

Стоя в Александровской слободе, Михаил Васильевич продолжал обучение войск, формирование новых отрядов из пополнения, заказывал строевое оружие и неустанно требовал со всех городов и весей «наемных денег» для ратных людей. И свои, и в особенности иноземные ратники капризничали, просили прибавки жалованья, грозили уйти, отказывались от опасных операций. Но Скопин-Шуйский с не свойственной его возрасту терпеливостью вознаграждал, обещал, уговаривал, наконец, действовал так, как наемное воинство было способно. Он получил подкрепление даже из осажденной столицы и выступил на Дмитров, не рассчитывая взять его штурмом, поскольку несмотря на немалые «штурмовые деньги» наемники отказывались приступить к стенам.

При известии о походе Скопина-Шуйского Сапега вынужден был с позором отступить от столь долго осаждавшегося Троице-Сергиева монастыря. 12 января 1610 г. он направился к Дмитрову, где сосредоточил все свои силы. Это означало для Михаила Васильевича крупную победу: Москва от осады очистилась, изо всех городов к Москве всякие люди поехали с хлебом и со всяким харчем.

С другой стороны столицы — в Тушине — осталась в основном шляхта и не слишком довольное засильем панов русское дворянство. Лжедмитрий II тайно бежал в Калугу, за ним ушли казаки. Помочь Дмитрову тушинцы уже не могли. В начале февраля город был обложен летучими отрядами Скопина-Шуйского, прибежавшими на лыжах. Тесня неприятеля острожками, уничтожая фуражиров и устраивая частые налеты на крепость «с огненным боем», ратники князя Михаила Васильевича прочно сковали инициативу Сапеги. Между тем сам воевода стоял в дер. Шепиловке по дороге из Троицы к Дмитрову и активно использовал свои не занятые в блокаде Сапеги силы.

Лисовский с казаками был заперт в Суздале, пан Млоцкий отбивался от налетов двухтысячной рати лыжников под Брянском, в Тушине шли споры, поддаваться ли польскому королю. Правда, Василий Шуйский в столице ослабел настолько, что крестьянин Сальков с ватагой «лихих людей» сумел перехватить Коломенскую дорогу и одного за другим разбить двух царских воевод; слабые тушинцы взяли изменой Красное село и сожгли часть московского Скородума; вновь оголодавшие москвичи волновались. Но стратегия Михаила Васильевича оказалась верна. 20 февраля 1610 г. его воины ворвались в лагерь казаков Сапеги и заставили гетмана дать бой, в котором неприятель понес большие потери. Скопин-Шуйский тут же отвел

назад основные силы, оставив только блокаду; он подталкивал Сапегу к решению очистить город, который не мог штурмовать.

По здравом размышлении Сапега понял, что проиграл. 27 февраля он заклепал тяжелую артиллерию, поджег Дмитров и повел остатки войска к королю Сигизмунду под Смоленск. 6 марта сторонники Лжедмитрия оставили лагерь в Тушино и ушли к Иосифо-Волоколамскому монастырю. Другие отряды самозванца очистили район Верхей Волги.

Гражданская война напоминала костер, с которого сбито пламя, хотя угли еще горячи. Оставались районы, не признающие власть московского царя; многие города и уезды подчинялись Василию Шуйскому только на словах. Массы людей в России готовы были сражаться за лучшую долю с оружием в руках — за самозванца, за Владислава Сигизмундовича, за местную выборную власть, за казачью вольницу или под иным знаменем.

Призыв вручить московский престол королевичу Владиславу, исходивший первоначально от Василия Шуйского (при царствовании Лжедмитрия I), затем — от тушинцев, имел немалую поддержку, особенно среди знати. Он успешно соперничал с лозунгом защиты веры и Отечества, порядком затасканным царем Василием Ивановичем Шуйским в войске с соотечественниками. Вторжение королевской армии способствовало патриотическому подъему против интервентов, но московское правительство не могло рассчитывать на объединение всех сил государства на своей стороне. Наемная армия Скопина-Шуйского была главным козырем Москвы в начавшейся новой войне — с Речью Посполитой.

12 марта 1610 г. полки князя Михаила Васильевича вступали в столицу, встречаемые боярами и народом, который пал на колени, со слезами славил освободителей и благодарил за «очищение Московского государства».

Как обычно, москвитяне обостряли конфликт. Насколько непопулярен был царь-узурпатор, настолько восторженная благодарность народа изливалась на молодого полководца, в апреле прошедшего под стенами столицы учение своей армии: «Все хвалили его мудрый и добрый разум, и благодеяния, и храбрость».

Казалось, над головой полководца уже сияет царский венец. Иначе и не могло быть, ибо только в Скопине-Шуйском видели объединителя россиян и защитника от интервенции. Прокофий Ляпунов из Рязани писал Михаилу Васильевичу еще в Александрову слободу, именуя полководца царем и обличая Василия Шуйского, кой «сел на Московское государство силою, а ныне его ради кровь проливается многая, потому что он человек глуп, и нечестив, пьяница, и блудник, и всячествованием неистовен, и царствования недостоин». Так думали многие, но не сам Михаил Васильевич, разорвавший послание вождя рязанского дворянства; полководец остался верен государю, не желая понимать, что верность такой власти можно доказать лишь подлостью. Скопин-Шуйский колебался: сначала велел схватить рязанских парламентаров, чтобы выдать их Москве, но затем отпустил, подписав себе приговор. Правители поняли, что князь «не свой».

Вместе с царем Василием за возвышением Скопина-Шуйского ревниво следили бояре и в особенности члены рода Шуйских, видя, что он и мудрый, и многознающий, и разумный, и сильный, и храбрый, и всеми почитаемый. Народная молва разнесла по России их тайную ненависть к полководцу и оставила потомкам память о злодействе, совершившемся 23 апреля. Царь Василий и его родичи «со многой лестию» уласкали Михаила Васильевича, приглашенного стать крестным отцом новорожденного сына князя Ивана Михайловича Воротынского. Полководец, которого друзья торопили выступить из Москвы, согласился.

Народные сказания и песни, бывальщины и летописи подробно описали хладнокровное убийство человека, на которого возлагала надежды вся Россия. Отравить Михаила Васильевича было трудно — он ел с общего блюда и почти не пил на пиру в честь крестин. Эту задачу взяла на себя боярыня Екатерина Григорьевна, жена Дмитрия Ивановича Шуйского — признанного наследника бездетного царя Василия. Екатерина, в девичестве Скуратова, дочь Малюты, провела счастливое детство у трона во время

опричной резни, юность — в интриганском окружении Бориса Годунова, замужем за которым была ее сестра Мария. При дворе Василия Шуйского, готовясь вместе с мужем стать на вершину власти, она чувствовала себя, как рыба в воде.

Скопин-Шуйский не мог не принять чашу из рук крестной матери виновника торжества — кумы Екатерины. Видя, что князь отказывается от вина и пива, отравительница наполнила чашу медом и подсыпала «зелья лютого». Прямо на пиру Михаил Васильевич упал, из носа пошла кровь. Молодой организм боролся с отравой несколько дней, но современники не сомневались, что Скопина-Шуйского травили наверняка. Преступная столица должна была пасть, погребая под собой виновных и невинных. Недаром пишущие современники единодушно говорили, что чаша греха переполнилась и на страну обрушился праведный гнев Божий...

Армия без полководца-соперника досталась Дмитрию Шуйскому, который повел ее к гибели. Известный трусостью, он действовал теперь, как безумец, разрушая все, что приносило успех Скопину: разделил силы, отказался от укреплений, оскорбил наемников задержкой жалованья, выдвинул на ударное направление не стойкую пехоту, а дворянскую конницу. 24 июня 1610 г. в сражении под Клушином 40-тысячная русская армия и 8-тысячный корпус наемников-профессионалов перестали существовать. Значительная часть воинов после разгрома перешла на сторону Речи Посполитой. Спасший часть сил Делагарди отступил на север, где шведы начали войну с Россией. Царево-Займище, Можайск, Борисов, Боровск, Иосифо-Волоколамский монастырь, Погорелое Городище и Ржев перешли на сторону королевича Владислава, с именем которого поляки шли на Москву. Прокофий Ляпунов поднял восстание в Рязани. Коломна и Кашира поддались Лжедмитрию II — тот уже 16 июля со знаменитым воеводой Дмитрием Трубецким появился под Москвой. Бояре были готовы оставить Шуйских, войска отказывались сражаться за них.

Престол царя Василия Ивановича, за который столь упорно и кровопролитно сражался князь Михаил Васильевич, зашатался и рухнул. Смута входила в новую фазу, другие герои поднимались на подвиги и погибель, чтобы власть в России была установлена «общим согласием всея земли». Московские бояре, взявшиеся организовать «всенародное избрание» российского монарха, первым делом приняли присягу самим себе, вторым — передали престол польскому королевичу, а третьим — полностью «положились на волю» его отца, короля Сигизмунда III Вазы. Правители России явили миру, что не знают пределов бессовестности в продаже Отечества. Даже гетман Станислав Жолкевский, который вел с московскими боярами переговоры, ужаснулся и отказался участвовать в столь грязном деле. Ужаснулись и выдавшие виды россияне. Стало собираться Всенародное ополчение.

Примечания

1. АЗБЕЛЕВ С. Н. Поэтизация исторического события в былинке. — Русская литература, 1983, № 1; МОИСЕЕВА Г. Н. Новый список исторической песни о Михаиле Скопине-Шуйском. — Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 18. Л. 1978; и др.
2. ВАСЕНКО П. Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. СПб. 1904; ПЛАТОНОВ С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. Изд. 2-е. СПб. 1913; и др.
3. Иное сказание о самозванцах. — Временник Московского общества истории и древностей Российских (Временник МОИДР). Кн. 16. М. 1853. Отд. 2; Летопись о многих мятежах. Изд. 2-е. М. 1788; Лицевой летописец XVII в. СПб. 1893; Новгородские летописи. СПб. 1879; Новый летописец. — Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 14. СПб. 1910; ОБОЛЕНСКИЙ М. А. Новый летописец. — Временник МОИДР. Кн. 17. 1857. Отд. 2; Памятники древнерусской письменности, относящиеся к Смутному времени. — Русская историческая библиотека (РИБ). Изд. 2-е. Т. 13. СПб. 1909; ПОПОВ А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869; Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея Руси. М. 1837; Сказание и повесть,

- еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге Гришке Отреньева и о походе его. — Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). Кн. 4, 9. М. 1847; УСТРЯЛОВ Н. Г. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Ч. 1—5. СПб. 1831—1834; ТИТОВ А. А. Угличская летопись. М. 1890; Хронографы Лобковский и Ельнинский (несколько новых сведений о Смутном времени...). Москвитянин. Ч. VI. № 21. 1850; и др.
4. ТАТИЩЕВ В. Н. История Российская. Т. VII. М.-Л. 1968; ЩЕРБАТОВ М. М. История Российская. Т. VII. СПб. 1791; КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Т. IX—XI. СПб. 1843 (репринт - М. 1989).
  5. СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. М. 1989.
  6. КОСТОМАРОВ Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Изд. 3-е. Т. 1—3. СПб. 1883—1884 (переизд. - М. 1994); его же. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. — Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 3: XV—XVI столетия. СПб. 1874 (Репринт - М. 1990).
  7. БУТУРЛИН Д. П. История Смутного времени в России в начале XVII в. Ч. 1—3. СПб. 1839—1846; БЫКОВА А. Ф. Смутное время в России (1598—1613 гг.). М. 1912; ВАЛИШЕВСКИЙ К. Смутное время. М. 1911; его же. Великая разруха 1584—1614 гг. М. 1913; ЕСИПОВ Г. В. Тушинский вор. Т. 1—2. М. 1863; ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Смутное время Московского государства. М. 1894; КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории. Ч. III. М. 1988; МЕРЦАЛОВ А. Е. Очерки по истории Смутного времени. СПб. 1895; НЕЧАЕВ В. Смутное время в Московском государстве. М. 1913; ПИРЛИНГ П. Дмитрий Самозванец. М. 1912; ПИЧЕТА В. И. Смутное время в Московском государстве. М. 1913; РОМАНОВСКИЙ В. Е. Смута в Московском государстве начала XVII в. М. 1913; ПОЛИЛОВ П. Г. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. СПб. 1903.
  8. ЗАБЕЛИН И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. Изд. 4-е. М. 1901.
  9. ИКОННИКОВ В. С. Князь М. В. Скопин-Шуйский. Критико-библиографический очерк. СПб. 1875; его же. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства. Киев. 1899.
  10. Акты исторические. Т. 1—2. СПб. 1841; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна. 1867; Собрание государственных грамот и договоров. Т. I. М. 1819, и др.
  11. МУХАНОВ П. А. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. Изд. 2-е. СПб. 1871; ПАВЕЛ АЛЕППСКИЙ. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Вып. 1—5. М. 1896—1900; ПЕТРЕЙ Петр де Ерлезунда. История о Великом княжестве Московском. М. 1867; Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во времена самозванцев. М. 1834; [ПОССЕВИН Антоний.] Повествование о достопамятном завоевании отцовской империи Дмитрием великим князем Московским в 1605 г. — ЧОИДР. № 3. 1847/48. Отд. 3 (с приложением писем Ходкевича); ПЯСЕЦКИЙ Павел. Смутное время и Московско-Польская война. — Памятники древней письменности и искусства. Вып. 68. СПб. 1887; РОЖНЯТОВСКИЙ А. Описание польских дел в Москве при Дмитрии, составленное одним из бывших там с 1605 до 1609 года. — Акты исторические, относящиеся к России. Т. 2. СПб. 1842; Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени. СПб. 1894; Сказания польского историка Кобержицкого о походах короля Сигизмунда и королевича Владислава в Россию. — Сын Отечества, 1842, № 3; ХВАЛИБОГА И. Донесение о ложной смерти Лжедмитрия I. — Временник МОИДР. Т. 23. 1855; ЧИЛЛИ А. История Московии. — Маяк современного просвещения и образования. Ч. 17. СПб. 1841; ШАМБИНАГО С. Письма королю Сигизмунду III о самозванце. — Русская старина, 1908, № 5.
  12. АЛЕКСАНДРЕНКО В. Н. Материалы по Смутному времени. — Старина и Новизна. Исторический сборник (СН). Кн. 14. М. 1911; его же. Дополнение к материалам по Смутному времени на Руси XVII в. — Там же. Кн. 17. М. 1914; БЕЛОКУРОВ С. А. Разрядные записи за Смутное время. (7113—7121). М. 1907; БОЛДАКОВ И. М. Сборник материалов по русской истории начала XVII в. СПб. 1896; ВЕРЖБОВСКИЙ Ф. Ф. Война с Польшею в 1609—1611 гг. Исторические материалы. Варшава. 1898; Бумаги посольства г. Англера, ... содержащие сведения о Смутном времени. — СН. Кн. 14. М. 1911; ГНЕВУШЕВ А. М. Акты времени правления Василия Шуйского (1606—1610). — Смутное время Московского государства. Вып. 2. М. 1914; ДМИТРИЕВСКИЙ А. А. Архиепископ еласонский Арсений и его мемуары по русской истории. Киев. 1899; История Дмитрия царя Московского и Марины Мнишек, дочери Сендомирского воеводы, царицы Московской. — Русский архив, 1906, кн. 2, № 5—6. ЛЮБАВСКИЙ М. Литовский канцлер Лев Сапега

- о событиях Смутного времени. М. 1901; Материалы для истории Смутного времени, извлеченные из разных авторов. Варшава. 1900; Московская трагедия. Рассказ о жизни и смерти Дмитрия. СПб. 1901; Памятники, относящиеся к Смутному времени. РИБ. Т. 1. СПб. 1872; Памятники истории Смутного времени. М. 1909; Польские и латинские акты, относящиеся к Смутному времени. — СН. Кн. 14. М. 1911; [ПОССЕВИН Антоний.] Историческое и правдивое повествование... — СН. Кн. 15. М. 1911; ПЯСЕЦКИЙ Павел. Материалы для эпохи Смутного времени, извлеченные из разных авторов. Хроника Пясецкого. Варшава. 1909; Сборник Русского исторического общества. Тт. 137, 142. СПб. 1912—1913; ТИТОВ А. А. Записки Станислава Немоевского. — Рукописи славянские и русские, принадлежащие... И. А. Вахромееву. Вып. 6. М. 1907; е г о ж е. Дневник Марины Мнишек. М. 1908; е г о ж е. Дневник Мартына Стадницкого. — Русский архив, 1906, № 6; ФЛЕТЧЕР Джильс. О государстве русском. СПб. 1906; ЦВЕТАЕВ Д. В. К истории Смутного времени. Собрание документов. Вып. 1. М. 1916; ЩЕПКИН Е. Н. Сборник материалов по русской истории начала XVII в. СПб. 1896.
13. АНПИЛОГОВ Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII вв. М. 1967; БИБИКОВ Г. Н. Новые данные о восстании Болотникова. Публикация. — Исторический архив. Т. 1. 1936; Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М. 1959; КОРЕЦКИЙ В. И., СОЛОВЬЕВА Т. Б., СТАНИСЛАВСКИЙ А. Л. Документы первой крестьянской войны. — Советские архивы, 1982, № 1; и др.
  14. Акты времен Лжедмитрия I. — ЧОИДР. Кн. 1. М. 1918; «Государев разряд» первой половины XVII в. — Проблемы источниковедения. Т. 8. М. 1955; «Дворцовые разряды» первой половины XVII в. — Археографический ежегодник за 1975 г. М. 1976; Разрядная книга 1559—1605 гг. М. 1974; Разрядная книга 1598—1638 гг. М. 1974; и др.
  15. Беркулабовская летопись. — ПСРЛ. Т. 32. М. 1975; БУГАНОВ В. И., КОРЕЦКИЙ В. И., СТАНИСЛАВСКИЙ А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени. — Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 28. 1971; БУССОВ Конрад. Московская хроника. 1584—1613 гг. М.-Л. 1961; ДЕРЖАВИНА О. А. Временник Ивана Тимофеева. М.-Л. 1951; ДЕРЖАВИНА О. А., КОЛОСОВА Е. В. Сказание Авраамия Палицына. М.-Л. 1955; ЕНИН Г. П. Повесть о победах Московского государства. Л. 1982; ЛИМОНОВ Ю. А. Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М. 1974; е г о ж е. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М. 1982; МАССА Исаак. Краткое известие о Московии. М. 1937; НАСОНОВ А. Н. Псковские летописи. Вып. 1—2. М. 1941—1955; Пискаревский летописец. — ПСРЛ. Т. 34. М. 1978; ПЛИГУЗОВ А. И., ТИХОНЮК И. А. Смута в Московском государстве начала XVII столетия в записках современников. М. 1989; Сокращенный временник. — Материалы по истории СССР. Т. 2. М. 1955.
  16. Для нашего очерка особый интерес представляют описанные И. Д. Беляевым и А. Н. Поповым редакции «Хронографа Русского» XVII в., исследованные А. В. Лаврентьевым рукописи Свода 1652 г. и крупные новгородские своды, изученные С. Н. Азбелевым.
  17. ГОТЬЕ Ю. В. Смутное время. М. 1921; ЗИМИН А. А. К истории восстания Болотникова. — Исторические записки. Т. 24. 1947; КОРЕЦКИЙ В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М. 1975; е г о ж е. К истории восстания Болотникова. — Исторический архив, 1956, № 2; КУЛАКОВА И. П. Восстание 1606 г. в Москве и воцарение Василия Шуйского. — Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М. 1985; МАКОВСКИЙ Д. П. Первая Крестьянская война в России. Смоленск. 1967; НАЗАРОВ В. Д., ФЛОРЯ Б. Н. Крестьянское восстание под предводительством И. И. Болотникова и Речь Посполитая. — Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М. 1974; ПЛАТОНОВ С. Ф. Смутное время. Пг. 1923; е г о ж е. Социальный кризис Смутного времени. Пг. 1924; СКЛЯР И. М. О начальном этапе первой Крестьянской войны. — Вопросы истории, № 6, 1960; СКРЫННИКОВ Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М. 1988; е г о ж е. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л. 1985; СМИРНОВ И. И. Восстание Болотникова (1606—1607). Л. 1951; ФИРСОВ Н. Н. Крестьянская революция в России в XVII в. М.-Л. 1927; ФЛОРЯ Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII вв. М. 1978; ШЕПЕЛЕВ И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск. 1957.
  18. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Т. 12. Гл. 3.
  19. СОЛОВЬЕВ С. М. История России. Т. 8, гл. 6.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Весна 1949 года

Ю. А. Поляков

«Шли годы, а я все откладывал эту работу»¹, — так начал свою книгу воспоминаний о том, как шла «борьба с буржуазным космополитизмом» в конце 40-х годов один из «героев» этой кампании Александр Борщаговский.

Точно так же мог бы сказать и я. Не раз я принимался за воспоминания об этих днях, но неизменно саднящее чувство горечи и печали останавливало перо, хотя я не был ни активистом, ни жертвой антикосмополитической кампании, а всего лишь сторонним наблюдателем.

Уроки истории, казалось бы, поучительны прежде всего для самих историков. Но мы поразительно забывчивы, и многие страницы из истории самой исторической науки забыты напрочь. Между тем очень полезно их перечитывать, да почаще. К таким страницам относится так называемая борьба с так наз. космополитизмом, развернувшаяся в 1949 г., и имевшая серьезные последствия. Об этом я и хочу рассказать, не претендуя, как и положено в воспоминаниях, на полноту картины и какие-либо обобщения.

Начало борьбы с «вредоносным космополитизмом» мне запомнилось очень хорошо по довольно случайному совпадению. В «Комсомольской правде», где я работал в конце 40-х годов, существовала, как и в большинстве других газет, практика еженедельного рецензирования. Назначался из числа ведущих журналистов дежурный критик, который более внимательно, чем обычно, просматривал вышедшие номера, а затем на планерке учинял — кто основательно, кто поверхностно — разборку накопившегося за неделю материала. Разбирали, оценивали — это было разумным и естественным — только оригинальные, подготовленные редакцией статьи, передовые, очерки, корреспонденции, рецензии.

В начале февраля 1949 г. подошла моя очередь быть дежурным критиком. Вероятно, мое выступление было не слишком глубоким, а вполне заурядным — кого-то я похвалил, кого-то пожурил, чьи-то достоинства оценил, чьи-то недостатки отметил. Я закончил, не рассчитывая на аплодисменты, довольный тем, что выполнил некую повинность, на которую затратил некое дополнительное время. Но того, что произошло, я не ожидал. Надо сказать об одной существенной детали. На той неделе, что подлежала моему рецензированию, «Комсомолка» перепечатала редакционную статью «Правды» об антипатриотической группе театральных критиков. Вот эту-то перепечатку я и обошел своим вниманием. Я не упомянул о ней по простой причине — статья для нашей газеты не была оригинальной, и ее перепечатку нельзя было отнести ни к заслугам, ни к потерям «Комсомолки».

Поляков Юрий Александрович — член-корреспондент РАН.

Но первый же выступивший вслед за мной стал говорить не о содержании газеты за неделю, а именно об этой перепечатке, и только о ней. Он страстно и убедительно говорил о значении статьи, о том, что мы должны в свете ее оценок и положений перестроить всю свою работу, что статья призывает к бдительности и т. д. в том же духе. Примерно так же выступили и другие участники летучки.

Журналистское мастерство помогало им избегать дословных повторений и изобретательно варьировать проблему важности борьбы с буржуазным космополитизмом, повышения идеологической бдительности и осуждения моей политической слепоты, но тональность была одинакова у всех выступавших.

Понятно, что эта летучка запомнилась мне надолго. Правды ради добавлю, что критика в мой адрес не имела никаких последствий, а все мои оппоненты после заседания клялись в вечной дружбе, любви и преданности. Их искренность, которую я не вправе поставить под сомнение, обязывает меня не называть их имена. «Не унывай, старик, — сказал мне Женя Рябчиков, великолепный публицист, мудрый, испытавший немало превратностей судьбы человек, — тебе в жизни еще столько накостыляют, что о сегодняшней кадрили будешь вспоминать с любовью и тоской». Далеко смотрел Евгений Иванович Рябчиков...

Административных или партийных взысканий я не получил, и никто об эпизоде на февральской летучке не вспоминал. Казалось, полетит человек вверх тормашками с шестого этажа (редакция размещалась на шестом). А нет — отряхнулся и пошел — и никаких оргвыводов. И большинство — и сами пострадавшие — были искренне убеждены, что такая критика на пользу всем. Может быть, в этом и есть сермяжная правда?

Но критика в связи с космополитами имела совсем другой характер. Тут здоровой критикой и не пахло.

Какая же статья нарушила традиционное течение летучки в «Комсомольской правде» и породила подтвердившиеся прогнозы о ее существенном влиянии на идеологическую и политическую жизнь?

Статья была напечатана 28 января 1949 г. в газете «Правда». Напечатана скромно, на третьей полосе (хотя и заняв две ее трети) без подписи, как редакционная, под интригующе-настораживающе-угрожающим заголовком: «Об одной антипатриотической группе театральных критиков»². Интриговало то, почему редакция заинтересовалась какой-то там группой театральных критиков. Настораживало то, что вдруг печатается огромная редакционная статья. Угрожающим звучало слово «антипатриотическая» — это явилось уже обвинением политического характера. Статье и в самом деле суждено было сыграть большую роль. Статья была не просто сенсационной. Она была не просто директивной, указующей. Она положила начало целому этапу массивного наступления Сталина на интеллигенцию, на ученых. Точнее сказать, это было продолжением начавшихся двумя десятилетиями ранее сталинских гонений на интеллигенцию, продолжением и расширением кампании 1946 г. против М. Зощенко и А. Ахматовой, продолжением и расширением развернувшейся осенью 1948 г. травли генетиков. Это было продолжением, но имевшим столь определенные специфические черты, что 1949 год вполне может быть выделен как самостоятельный этап.

Суть статьи была проста. Несколько театральных критиков (Ю. Юзовский, А. Гурвич, Г. Бояджиев, А. Борщаговский, Л. Малюгин и др.) на основании приводившихся в изобилии цитат обвинялись в том, что они, окопавшись в отдельных редакциях, составили «антипатриотическую группу последышей буржуазного эстетства...». Обвинение звучало более чем сурово: они «утратили свою ответственность перед народом; являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма. Они мешают развитию советской литературы, тормозят ее движение вперед. Им чуждо чувство национальной советской гордости».

Многие понимали, что статья необычна даже по тем временам. Многие

видели, как это показала летучка в «Комсомолке», что она является направляющей. Но мало кто представлял, к каким последствиям она приведет, какие действия породит редакционно-публицистический набат. Вероятно, прав К. Симонов, написавший (переосмыслив много лет спустя эти события), что сам А. Фадеев, положивший начало истории с критиками-антипатриотами, ужаснулся, увидев ее последствия ³.

Впервые слово «космополитизм», на протяжении веков наполнявшееся различным содержанием, стало звучать политическим обвинением.

Статья «Правды» была перепечатана в большинстве центральных газет.

Разнос театроведческих «безродных космополитов» стал лишь первой пристрелкой. Главные залпы были впереди. На широкий помост вызывали не только театроведов, но и режиссеров, драматургов, поэтов, искусствоведов. Чуть позже дело дошло и до ученых.

18 февраля состоялось собрание драматургов и критиков Москвы. Докладчик — К. М. Симонов подверг резкой критике уже упоминавшуюся группу (доклад был затем опубликован в «Правде» отдельной статьей). На собрании выступил ряд ведущих писателей и драматургов (В. Вишневский, С. Михалков, А. Первенцев, Н. Погодин, Б. Ромашов, А. Софронов). О стиле выступлений можно судить по таким пассажам: Мейерхольд — «зловещая фигура типичнейшего космополита и антисоветского деятеля»; «Имена критиков-космополитов с негодованием произносит наш народ», «Диверсант от театральной критики литературный подонок Борщаговский». К. Симонов, несомненно, имел все основания констатировать в заключительном слове, что собрание прошло на высоком идейном уровне ⁴.

Одновременно давались залпы по критикам-искусствоведам. Президент Академии художеств СССР А. Герасимов в статье «За советский патриотизм в искусстве» обрушился на безродных космополитов Д. Аркина, А. Эфроса и других, которые «злбно пытались дискредитировать достижения советских художников» ⁵.

Статья в «Правде» «Против космополитизма в поэзии» ⁶ отмечала, что «во главе поэтов, насаждавших и охраняющих декаданс, стал П. Антокольский». О Д. Данине говорилось, что он «унаследовал гнусные методы космополитов». Ярлыки наклеивались на М. Алигер, С. Гудзенко и других.

Критический фронт, расширяясь, неумолимо приближался к местам, где обитала муза истории.

В начале марта мне позвонил И. М. Разгон и пригласил на свою публичную лекцию в Политехническом музее. Лекция, назначенная на 10 марта, о чем извещали расклеенные на стенах афиши, посвящалась С. М. Кирову (он родился в марте 1886 г.). Хотя и не круглой была годовщина рождения, но приближалось пятнадцатилетие убийства Кирова, и поэтому молодое «Общество по распространению политических и научных знаний» мартовской лекцией хотело обозначить начало «кировского года». Разгон, как автор одной из книг о Кирове, считался крупным «кирововедом» ⁷.

Прошло 2—3 дня. Встретив Разгона, я спросил, зная его беспечный нрав: «Не забыли о лекции, готовитесь?» Разгон несколько встревоженно ответил: «Я-то готовлюсь, а общество по распространению не очень. Я позвонил туда, спросил, договорились ли с ведущим, а мне ответили, что возникла мысль о переносе лекции, и мне позвонят». Лекция в самом деле была перенесена — на долгие годы.

Реальное объяснение не заставило себя ждать. 11 марта в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) началось длившееся три дня заседание, на котором Разгон вместе с другими космополитами был подвергнут жесточайшему разному. Таковы превратности судьбы. Вместо почетной лекционной кафедры Разгон оказался на Голгофе.

11 марта я вместе с доцентом истфака МГУ Г. Н. Анпиловым и Разгоном отправился в Академию общественных наук на — так это именовалось официально — расширенное объединенное заседание кафедр истории СССР, всеобщей истории и истории международных отношений.

В большом старом здании АОН на Садовой, наискосок от двух примечательных построек — дома Чехова и дома Берии — было полно народа. Обычно строгое бюро пропусков милостиво давало добро, стоило произнести одну фразу — «Иду на заседание, где критикуют космополитов».

В зале собрались преподаватели и аспиранты АОН, историки из университета, пединституты, Академии Наук.

Заседание открыл акад. Б. Д. Греков. Странные, непонятные происходили тогда вещи. Академия общественных наук при ЦК ВКП(б) — святая святых партии, кузница элитарных партийных кадров. Здесь повышали свою квалификацию партработники высшего эшелона — заведующие отделами, секретари горкомов, райкомов и обкомов, притом уже получившие высшее образование.

И в этом партийном заповеднике кафедру истории СССР — одну из основных — было поручено возглавить человеку беспартийному, подвергавшемуся в свое время жестокой критике за буржуазность научных взглядов, далеко не безупречному с анкетно-биографической точки зрения (Греков был профессором в Крыму при «белых»). И именно ему надлежало воспитывать номенклатурную верхушку в духе коммунистической идеологии, непримиримости к малейшим отступлениям от марксизма-ленинизма. И он председательствовал на заседании, где прилюдно бичевали старых коммунистов, участников революции и гражданской войны. Наша эпоха воистину никогда не переставала — и не перестает сейчас — удивлять всех своими парадоксами.

Все же неловко было смотреть на статного, седовласого, полного достоинства ученого, ставшего при жизни чуть ли не классиком, прикрывавшего своим авторитетом неблагоприятные действия. И самому Борису Дмитриевичу, думаю, было неловко вести заседание. Нет, он не опустился до каких-либо персональных обвинений, избави бог. Но сделал все, что полагалось по ритуалу — открыв заседание, призвал повышать уровень исторической науки, бороться со всеми отклонениями от научности, стремиться к глубокому и правдивому освещению исторического процесса и т. д. и т. п. Звучали округлые, стертые, но в той ситуации грозившие острыми шипами слова: «Наш долг ученых-специалистов — бороться с вредными болезнями, где бы они и как бы они ни проявлялись...

...Наш долг бороться со всякими попытками умалить значение нашей родной истории.

...Наше собрание, несомненно, сыграет большую роль в серьезной перестройке жизни наших научных учреждений и послужит новым и мощным толчком в выполнении нашего долга перед страной».

Заседание продолжалось три дня (11, 14, 16 марта). Выступавшие без устали разоблачали враждебную сущность таких пробравшихся в историческую науку деятелей, как О. Л. Вайнштейн, Г. А. Деборин, А. М. Деборин, Л. И. Зубок, В. Лан, И. И. Минц, И. М. Разгон, Н. Л. Рубинштейн. Наиболее активными критиками были А. Л. Сидоров, Д. А. Чугаев. Наряду с маститыми профессорами большую ретивость выказали аспиранты Академии — их выступило более 10. Не скажу, что выступавшие проявили фантазию и изобретательность в подборе обвинений, и таковые не отличались разнообразием. Преобладали обвинения типа «не показал», «не отразил», «не раскрыл».

В адрес И. М. Разгона звучали слова: «Не показывает авангардной роли русского рабочего класса в мировом рабочем движении и ведущую роль русского рабочего класса в строительстве социалистического общества»; «отсутствует даже постановка вопроса»; «не подчеркнуто значение», «нет ни одного слова»; «ничего не сказал»; «обходит молчанием»; «не раскрывает».

Наряду с подобными вершинами критической мысли настойчиво звучали политические квалификации. Г. А. Деборина называли «апологетом американского империализма», говорилось и то, что он «обеляет внешнюю политику США», «сочиняет легенду». «Апологетом американского империализма» был назван и профессор В. Лан. Проводниками, проповедниками

буржуазного космополитизма были названы историограф Н. Л. Рубинштейн и ленинградский медиевист О. Л. Вайнштейн. Главварь космополитов Минц на заседание предусмотрительно не явился. Несколько недель, когда критический пожар бушевал особенно яростно, он отсиживался дома, сказавшись больным. Разгон послал записку в президиум с просьбой дать ему слово. Слова он так и не получил.

Так проходило приснопамятное заседание в Академии общественных наук. Так был положен почин борьбе с безродным космополитизмом в области истории. Сигнал прозвучал — и «волна народного возмущения» действиями буржуазных перерожденцев покатила по вузам и академическим институтам. Всюду проходили кафедральные, факультетские, институтские собрания, заседания ученых советов.

Я зашел на истфак МГУ (он располагался на ул. Герцена — ныне Большая Никитская — в старом доме под номером 5). Над лестницей у входа в актовзый зал длинной лентой тянулась истфакoвская стенгазета — «Историк-марксист». Она была заполнена разгромными статьями и заметками о космополитах — истфакoвских профессорах. Несомненно, это была замечательная педагогическая новация — легко представить, как много интересного о своих лекторах, экзаменаторах, руководителях семинаров могли почерпнуть студенты. Если студенты по наивности кого-то из профессоров числили в авторитетах, то теперь они могли убедиться в справедливости библейского наставления — «не сотвори себе кумира».

Среди статей выделялось аналитическое произведение под броским названием «А король-то голый». Аспирант А. С. Кара-Мурза давал оценку своему научному руководителю Минцу. Убедительно показывалось, что академик попросту самозванец, а как научный руководитель выше двойки не тянет. Аспирантом он не руководил, а когда руководил, то лучше бы не руководил, ибо пытался направить по ложному пути. Думаю, что никогда — ни до, ни после — ни один аспирант не сравнивал публично своего руководителя с голым королем. Кстати, автор — один из руководителей факультетского партбюро. Аспирант Кара-Мурза, доцент М. И. Стишов были в числе самых деятельных борцов против космополитизма на истфаке. Запевалой и дирижером являлся проректор университета и зав. кафедрой истории СССР А. Л. Сидоров.

На истфаке заседания, посвященные борьбе с космополитизмом, шли, как и в АОН, три вечера — 25, 26 и 28 марта. Выступили 25 человек. Набор критических замечаний и критикуемых был примерно тот же. Главный удар наносился по «группке» Минца — Разгона, по работам Л. И. Зубока и И. С. Звавича. Спектр критикуемых несколько расширился за счет университетских профессоров — А. И. Неусыхина, В. М. Лавровского, А. Ф. Миллера и других.

Особенностью университетских бдений стало то, что там оказалось много кающихся. Университетские профессора посыпали головы пеплом, признавали ошибки, отмежевывались от тех, кто покаяться не успел или каялся в других местах. Среди кающихся были достойные люди, хорошие ученые, великоленные преподаватели. Больно было слушать пользовавшегося глубочайшим уважением студентов проф. Неусыхина, когда он — маленький, лысоватый — уныло бубнил об ошибках в своей работе «Общественный строй древних германцев», признавая, что подпал под влияние австрийского буржуазного ученого Допша и чрезмерно увлекся русской буржуазной историографией по медиевистике. Но, кажется, Александр Иосифович был единственным, кто, критикуя себя, не лягнул одновременно никого из ближних своих. Другие же такой возможности не упускали. Популярнейший из профессоров факультета А. В. Арциховский (он вместо «к» произносил «т»), что десятилетиями служило предметом добродушных шуток студентов) резко критиковал недостатки собственной (изданной в 1939 г.) книги «Введение в археологию», но еще более резко критиковал ленинградского археолога В. И. Равдоникаса.

С. С. Дмитриев признал принципиальные ошибки в своем (совместно с М. Н. Тихомировым) учебнике по истории СССР, вышедшем в 1948 г., но

не забыл покритиковать работу И. Г. Блюмина «Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в.» (1940 г.)! и работу В. М. Штейна «Очерки развития русской общественно-экономической мысли в XIX—XX вв.» (1948 г.). Обе эти книги, — сказал он, — пронизаны космополитизмом и низкопоклонством».

Е. А. Косминский сурово осудил ошибки учебника по истории средних веков, выпущенного под его редакцией, но критиковал профессоров собственной кафедры А. И. Неусыхина, В. М. Лавровского, Ф. А. Коган-Бернштейн.

Е. Н. Городецкий критиковал ошибки в своих лекциях, но главное внимание он сосредоточил на критике Минца, отмежевываясь от его группы. Он каялся, что, критикуя Минца за бездеятельность, не вскрыл его порочных взглядов, не показал ущерба, нанесенного Минцем советской исторической науке.

Я, разумеется, не побывал на всех собраниях и заседаниях, посвященных проблеме, налетевшей как вихрь, — борьбе с космополитизмом. Но можно утверждать, не колеблясь, что атмосфера всюду была примерно одинаковой. Об этом более чем убедительно свидетельствуют опубликованные отчеты. Они рисуют картину поразительных по форме и по содержанию научных блдений университетско-академических заседаний.

Казалось, что с цепи спущены мрачные волкодавы догматизма, залихватистые дворняги демагогии, быстрые борзые карьеризма, брыластые бульдоги черносотенства, хорошо натренированные легавые юдофобии.

Дабы меня не упрекнули в односторонности, преувеличениях, я перескажу, цитируя, несколько журнальных отчетов. Кстати, по практически единственному тогда историческому журналу «Вопросы истории» видно, с какой потрясающей быстротой и радикальностью изменилась весной 1949 г. обстановка в исторической науке.

Вот первый номер за 1949 год. Он обычен, содержит благодушные комплиментарные пассажи в адрес целой когорты советских историков. Второго номера читатели ожидали долго. Он, февральский, подписан к печати только в июне. За это время сам журнал получил серьезный нагоняй. 21 апреля 1949 г. знаменосец борьбы за идейную чистоту газета «Культура и жизнь» опубликовала статью «За высокий идейно-научный уровень». Журнал «Вопросы истории» там был обвинен в том, что не ведет решительной борьбы с проявлениями буржуазной идеологии.

За всем этим стоял аппарат соответствующего отдела ЦК ВКП(б). За весну 1949 г., от первого до второго номера «Вопросы истории» разительно изменились.

Был существенно пересмотрен состав редколлегии⁸. Передовая второго номера признавала грубой политической ошибкой редакции опубликование в номере первой статьи Минца «Ленин и развитие советской исторической науки», в которой «совершенно обойдены вопросы борьбы с безродным космополитизмом». Передовая давала «теоретическое обоснование» необходимости борьбы с буржуазным космополитизмом, перечисляла все те же фамилии Минца, Разгона, Рубинштейна, Зубока и др. и признавала многочисленные ошибки самого журнала, который «перестал быть боевым органом марксистско-ленинской исторической науки»⁹.

В этом же номере были опубликованы отчеты о заседаниях в АОН и на истафке МГУ.

Задержка с выходом второго номера легко объяснима — сменилась редколлегия, надо было подготовить покаянную передовую — но и третий — мартовский — номер вышел тоже в июле. Эту задержку объяснить уже труднее. Думаю, дело в необходимости отработать и согласовать отчеты о новых антикосмополитических заседаниях.

Эти хроникальные, подписанные неведомыми инициалами заметки о проходивших в конце марта и начале апреля и длившихся по несколько дней заседаниях ученых советов Института истории и Тихоокеанского института многого стоят. Вместе с отчетами, опубликованными в № 2, они дают картину происходившего. Эта картина совпадает с моими

воспоминаниями. Вот несколько цитат. «Группка акад. И. И. Минца и его ученика проф. И. М. Разгона, претенциозно выдававших себя за основоположников изучения истории советского общества, нанесла большой ущерб развитию советской исторической науки». Что делали члены этой группки? «Не раскрывали», «не обобщали», «допускали антипатриотические ошибки», «монополизировали», «сорвали выпуск» «Истории гражданской войны» и учебника по истории СССР, «нанесли ущерб делу воспитания нашей молодежи в духе советского патриотизма». «Как показал в своем выступлении проф. А. Л. Сидоров, акад. И. И. Минц в качестве ученика М. Н. Покровского еще в 1928 г. культивировал преклонение перед немецкой историографией»¹⁰.

А. М. Панкратова, Э. Б. Генкина в своих выступлениях признали, что коммунисты-историки советского общества не проявили должной большевистской принципиальности и своевременно не повели борьбы с буржуазно-космополитическими ошибками группы Минца.

«Потерял партийную бдительность» и коллектив сектора новейшей истории Института истории АН СССР, которым руководил акад. А. А. Деборин. «Сектор уклонился от разоблачения порочных, антипатриотических работ В. Лана, И. Звавича. «Затхлая атмосфера способствовала протаскиванию в печать порочных работ». Среди них — книга Л. И. Зубока «Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна», «в которой автор приукрашивает политику американского империализма...»

Один за другим выступают ученые — В. Т. Пашуто, К. Н. Сербина, А. Л. Нарочницкий, А. С. Ерусалимский, А. Д. Удадьцов, В. И. Шунков, А. П. Кучкин, Р. М. Раимов, С. А. Ованесян, Г. А. Лисовский, А. С. Нифонтов, А. В. Сухомлин. Ширится перечень критикуемых. Коренные недостатки в секторе новой истории (руководитель проф. С. Д. Сказкин). «Здесь не были выявлены грубые извращения в работах проф. Ф. О. Нотовича». «Антинаучная, нигилистическая» книга Н. Л. Рубинштейна «Русская историография». Низкопоклонство перед зарубежными «авторитетами» в работах А. И. Андреева и С. А. Фейгиной, помещенных в сборнике «Петр Великий». «Руководитель сектора член-корр. С. В. Бахрушин... обошел молчанием... недостатки». Ошибки в работах проф. К. В. Базилевича. Буржуазно-космополитические ошибки в работе ленинградского проф. О. Л. Вайнштейна «Историография средних веков»; «грубые допущенные ошибки проф. Н. С. Усыхина», «тенденции смазать значение советской медиевистики в работах Б. Т. Горянова, В. М. Лавровского, акад. Е. А. Косминского». «Серьезные объективистские ошибки, допущенные М. Н. Тихомировым, С. В. Юшковым, С. С. Дмитриевым, Е. А. Косминским». Члены группки Минца Б. Г. Верховень, О. А. Шекун, Е. Н. Городецкий, примкнувшие к ним А. П. Шелюбский и А. М. Гуревич. Сползание на позиции социал-реформизма в работе З. К. Эггерт. Откровенная проповедь буржуазно-космополитических взглядов проф. С. Я. Лурье.

В Тихоокеанском институте докладчик чл.-корр. АН СССР Е. М. Жуков говорил, что проф. А. Ф. Миллер в книгах по истории Турции «отошел от марксистско-ленинских позиций», в частности пытался доказать, что Мустафа Кемаль «был именно отцом народа — «ататюрком» в самом прямом значении этого слова»¹¹.

И опять обвинения — звонкие, острые, ярлычные. Пример буржуазно-космополитических влияний в советском востоковедении — статья чл.-корр. Е. Э. Бертельса «Литература на персидском языке в Средней Азии». Книга акад. С. А. Козина «Эпос монгольских народов» — «националистическое извращение истории в духе панмонголизма». Акад. В. М. Алексеев «до настоящего времени остается на позициях типичной буржуазной ориенталистики»¹².

Новые ораторы — Б. К. Рубцов, А. М. Дьяков, В. Б. Луцкий, Л. И. Климович, А. Т. Якимов, Ф. И. Шабшина, П. П. Топеха — оттачивали свое красноречие. Назывались все новые имена, новые книги — «порочные», «буржуазно-космополитические», «объективистские». Формулировки Б. Н. Заходера квалифицируются «как близкие к концепции панарабизма,

панисламизма». Работа «проф. Х. Эйдуса не обладает достаточной научной принципиальностью, идейностью, большевистской партийностью».

Иные из обвинителей сами оказывались под огнем критики. Нарочницкий в конце марта критикует ненормальную обстановку в секторе новейшей истории Института истории, объективистские ошибки в книгах проф. С. Б. Кана «Два восстания силезских ткачей» и «Революция 1848 года в Германии». А в начале апреля Жуков громит рукопись книги «Международные отношения на Дальнем Востоке», в которой вместе с Г. Н. Войтинским, А. Л. Гальпериным, А. А. Губером, Л. И. Зубоком принимал участие и сам Нарочницкий¹³. Ерусалимский, обрушившийся в МГУ на Зубока и Звавича, был сам раскритикован в АОН.

И. М. Майский не жалеет слов, чтобы показать, что в секторе новейшей истории обстановка способствует «протаскиванию в печать порочных работ». А через несколько дней в Тихоокеанском институте обстоятельно, со вкусом разбирают «порочную книгу Майского «Современная Монголия»¹⁴.

К концу апреля 1949 г. волна разгромно-разоблачительных ученых советов и заседаний пошла на убыль. На факультетах и в институтах лихорадочное состояние мало-помалу прекратилось, напряженность, возбужденность ослабли.

Несколько «разоблаченных космополитов» были переведены на работу в отдаленные города страны: Разгон — в Томск, Гуревич, Звавич — в Среднюю Азию, кое-кто (Шелюбский) — уволен. Минц, освобожденный от руководства секретариатом Главной редакции «Истории гражданской войны» и других должностей, был определен зав. кафедрой в Московском пединституте им. Ленина.

Столь резко проявившееся в начале 1949 г. ужесточение общего курса партийного руководства на пресечение всякого вольнодумства в исторической науке сохранилось в полной мере.

Критические задачи были весьма широки и более чем остры. Они были сформулированы в передовой третьего номера «Вопросов истории». В ней говорилось: «Развертывая борьбу против гнусной идеологии буржуазного космополитизма и ее проявлений в исторической науке, нельзя в то же время ни на йоту ослаблять борьбы против всех других видов буржуазного национализма, против социал-реформистской и буржуазно-либеральной историографии...»¹⁵

И в дальнейшем «Вопросы истории» продолжали печатать мрачные статьи, в которых ученые призывались «проводить решительную борьбу со всеми враждебными советской науке теориями, с проявлениями буржуазного объективизма и космополитизма», и зубодробительные рецензии, заполненные выражениями вроде: «излюбленный прием безродных космополитов», «сползание на позиции буржуазной историографии», «написание с чуждых историку-марксисту позиций»; «пресмыкательство перед границей»¹⁶; эпитетами типа: «порочные», «антипатриотичные»; глаголами: «принижает», «извращает», «замалчивает», «умалчивая умалывает», «фальсифицирует», «замазывает», «скатывается», «обходит».

Такова забытая страница нашей историографии. На протяжении не одного десятилетия молчали учебники, молчали раскритикованные критики и поэты. Молчали мемуаристы. Пятый том труда «История исторической науки», посвященный этому периоду, претерпел немало мучений на пути к выходу в свет. Когда же он, наконец, вышел (1985 г.), в этом специальном историографическом труде о событиях в исторической науке в 1949 г. читатель не найдет ни единого слова!¹⁷

Первым нарушил заговор молчания вышедший в 1984 г. коллективный труд об исторической науке в Московском университете. С радующей сердце элегантностью изложения, четкостью мысли и тонкой принципиальностью там сказано: «В 1949 г. изучение и преподавание истории советского общества в МГУ вновь привлекло к себе большое внимание факультетского коллектива и более широких кругов университетской и столичной общественности в связи с обсуждением стоявших перед советскими историками задач по повышению роли исторических знаний в формировании научного

мировоззрения и необходимостью усиления борьбы против проявлений чуждой социализму идеологии. В центр обсуждения были поставлены ошибки, имевшие место в работе отдельных историков, в том числе профессоров и преподавателей исторического факультета МГУ. В марте — апреле 1949 г. некоторые из них были освобождены от преподавания в университете и переведены на работу в другие вузы и научные учреждения страны»¹⁸.

Совсем нетрудно ответить, почему, спустя годы, о событиях 49-го года по-прежнему умалчивали или витиевато, но неразумно изворачивались, как в вышеприведенной цитате.

Космополитическая кампания была слишком постыдна даже для тех времен. Уж больно грубо было сработано. Не думаю, что руководители идеологического фронта обладали высоко развитым чувством стыда, но элементарный разум подталкивал к фигуре умолчания. Вообще можно подметить в пропагандистских кампаниях определенную закономерность: прокрутив пластинку, ее снимают — дело сделано, можно не повторяться. Пластинка снята, но мелодия еще долго носится в воздухе. Раскритиковали в 1946 г. Зощенко и Ахматову, определенное время за ними сохранялась соответствующая характеристика, но о том, за что их критиковали, уже не вспоминалось. И что вспоминать — каждый перечитавший «Приключения обезьяны», мог убедиться в полной безобидности этого произведения. Раскритиковали Б. Пастернака, и он долго ходил в отверженных. Но суть самой истории с «Доктором Живаго» и нобелевской премией оказалась отодвинутой в тень. Фитиль сгорел, выполнил свою функцию, взрыв состоялся, запах гари долго стоял в воздухе. Так и в истории с космополитами. Обвинения прозвучали и — умолкли. Но инерционная сила продолжала долго отражаться на репутации раскритикованных и на сознании видевших, слушавших, читавших.

Второй причиной длительного молчания была многочисленность персонажей. Слишком много людей было вовлечено в водоворот. Слишком многим участникам не хотелось бы вспоминать о своих выступлениях. А среди участников было предостаточно начальников, которые могли влиять на публикацию или не публикацию материалов о 1949 годе. Потенциальные авторы это хорошо понимали.

Идеологический раскрут весны 1949 г., история которого кем-то в самом деле позабытая, кем-то сознательно задвинутая в самый дальний угол, вызывает немало вопросов. И самый главный: кому было это нужно? Кто запустил опасную шумиху, именуемую «борьбой с буржуазным космополитизмом» и озарившую общественный небосклон страны мрачным светом?

Многих уже тогда удивляла, озадачивала кажущаяся бессмысленность происходившего. Можно понять ожесточенность идейных схваток двадцатых годов, когда неистовые ревнителю марксизма нападали на адептов старой науки. Споры (хотя к ним, как это часто бывает, примешивались и личные мотивы) носили идейный характер. Революционеры тех лет искренне видели свой священный долг в ниспровержении дореволюционной историографии и «разоблачении» уцелевших представителей старой буржуазной профессуры.

Можно понять остроту борьбы и с историками эсеро-меньшевистского и троцкистского направлений. Политическая подоплека была очевидна — нападали на историков, метили в политических противников.

Но в 1949 г. громили, безусловно, «своих» — людей, в подавляющем большинстве никогда не состоявших ни в каких оппозициях, всегда выступавших «за генеральную линию», большинство которых достойно проявило себя в недавно отгремевшей войне. Они делом доказали свой патриотизм, преданность утвердившемуся в стране политическому строю. Одни были на фронте офицерами, политработниками, другие писали статьи, брошюры, разоблачавшие фашизм и прославлявшие героическую историю социалистического отечества, выступали с докладами и лекциями в воинских частях, на заводах и в колхозах. Почти все они внесли свою лепту в возвеличение Сталина и не давали ему никаких поводов сомневаться в своей искренности.

Вновь и вновь прокручивая в памяти кадры, запечатлевшие обстановку тех лет, я прихожу к выводу о многообразии негативного воздействия сталинской диктатуры на нашу жизнь, на ее различные сферы, в том числе научную. Не сомневаюсь, что антикосмополитическая кампания в исторической науке (а аналогичные кампании проходили у правоведов, философов, филологов, экономистов — т. е. у всех обществоведов) была частью общей линии Сталина на ужесточение контроля над наукой.

Космополитическая эпопея последовала непосредственно за печально знаменитой сессией ВАСХНИЛ в августе 1948 года. Отличие лишь в том, что в биологии был лидер — Лысенко. Здесь были только исполнители разных рангов. Лидера историки не вырастили.

Вспомним и то, что Сталин с 1946 г. до конца своих дней наложил вето на выборы в Академию наук — они вопреки всем правилам устава не проводились 7 лет.

Атмосфера запугивания, страха, подозрительности, нетерпимости, наклеивания ярлыков в среде общественных наук — усилилась. Видимо этого и добивался Сталин, в этом состояло назначение антикосмополитической кампании.

Нельзя не согласиться с А. Борщаговским, который связывает эту кампанию (как и другие подобные послевоенные мероприятия) с физическим закатом Сталина, когда власть вождя «вступила в последний, закатный ...этап. Здравому смыслу в такие периоды нет места». Борщаговский констатирует воздействие «осени вождя» на моральное состояние общества. Времена заката, пишет он, «отмечены моральным распадом, выходом наружу нечистых страстей. ...Шли разрушение нравственности, удушение совести; дискредитация понятий чести и порядочности выдавалась за идейную патриотическую закалку общества»¹⁹.

Да, разительные факты, которые я приводил выше, говорят вполне определенно: весна 1949 г. знаменательна тем, что культивировались, насаждались, поощрялись низменные черты, подлость, трусость. Гражданское мужество блистательно отсутствовало. Аспиранты бесстыдно поносили своих научных руководителей, отрекались от своих учителей, седовласые профессора безжалостно топтали коллег, с которыми проработали бок о бок не один десяток лет.

Безнравственность происходившего заключалась в том, что для большинства была очевидна надуманность и бездоказательность обвинений. Критика носила заведомо лживый, неубедительный характер. Она была демагогической по своей сути. Побуждения хулителей в основе были аморальными.

Такая обстановка действовала растлевающе на участников шоу — активных и пассивных, особенно на молодежь. Все это привело к снижению морального уровня, ухудшению климата в научных коллективах.

Тенденции, зародившиеся еще в 30-е годы, получили дальнейшее развитие и закрепление, более уродливое и неприглядное выражение. Нормальные дискуссии стали практически невозможны. Писать стало все труднее и опаснее. Кризис общественных наук углубился. Сейчас мы с грустью констатируем падение престижа общественных наук, в том числе исторической. Чтобы преодолеть отставание и двинуться вперед, надо возродить атмосферу доверия, взаимоуважения, самостоятельности науки, творческого ее характера. Этого не добиться, если мы не выясним, с чего начиналось унижение общественных наук, каким путем достигалось, в чем выражалось.

Наивно и глупо было бы рассматривать события 1949 г. как недоразумение, случайность. Но одновременно нельзя явления этого года оценивать как тогдашнюю норму научной жизни. Было все — и в этом сложность, противоречивость эпохи. Создавались глубокие исследования, шли нормальные научные споры (разумеется, в рамках марксистско-ленинской теории). В отношениях между научными сотрудниками, преподавателями в большинстве коллективов преобладали доброжелательность, уважительность. Сохранялась эстафетная палочка передачи профессионального — исследовательского и педагогического — мастерства.

В НИИ и вузах Москвы и Ленинграда получали научную закалку сотни аспирантов и докторантов из всех республик СССР. Стали выходить новые журналы (с 1957 г. — «История СССР», «Новая и новейшая история», «Вопросы истории КПСС»).

В то же время все последующие за сорок девятым годы сохранялась жесткая система, не позволявшая ученым забывать о необходимости неуклонно следовать марксистско-ленинскому учению. Чиновники из ЦК ВКП(б), горкома и райкомов контролировали деятельность научных институтов и вузов. Время от времени проводились проработки по поводу действительных или мнимых ошибок (вспомним хотя бы постановление ЦК о журнале «Вопросы истории» в марте 1957 г.²⁰ или «страсти по Шульгину» в апреле 1967 г.)²¹.

Из сложного и противоречивого смещения тогдашних жизненных реалий вытекает не менее противоречивая мысль: события весны 1949 не были случайностью, но и не являлись нормой.

Это была кампания, в ходе которой в концентрированной, уродливой, извращенной форме проявились все отрицательные стороны сталинского воздействия, но которая одновременно нарушила негласные «правила игры», сложившиеся нормы взаимоотношений между «инстанциями» и научной интеллигенцией.

Многие представители различных руководящих звеньев понимали вред, наносимый самой системе. Не раз инструкторы из ЦК даже при официальных разговорах (конечно, очень осторожных) о неоправданной и необоснованной резкости тех или иных персональных выводов, неопределенно покачивая головой, многозначительно показывали в потолок. В переводе с языка жестов это означало: да, конечно, решение не слишком разумно, но такова воля начальства. В доверительных же разговорах неодобрение действий «начальства» высказывалось вполне определенно.

Сила любой системы в том, что она вынуждает все персоны, систему составляющие, действовать согласно, без колебаний и возражений. Человек, входящий в систему, может иметь свое суждение, но он должен держать его при себе и неукоснительно выполнять предписанное свыше, несмотря на внутренние несогласия. И те же инструкторы со Старой площади, покачивавшие умной головой и вроде осуждавшие, показывавшие пальцем в потолок и допускавшие крепкие выражения в доверительных беседах, были ревностными исполнителями несправедливых указаний. Палец, устремленный к потолку, оставался не более, чем кукишем в кармане.

Характеристика событий 1949 г. мне представляется однозначно резко негативной. Борщаговский не жалеет слов, чтобы осудить содеянное тогда. Он называет происходившее «безумием», «истерикой», «бредом», «параноическим приступом», «разнузданной кампанией», «разбоем и палачеством», статью в «Правде» 28 января — «бредом, наваждением»²². В другой книге он называет 1949 год «лютым»²³.

В этих оценках бросается в глаза биографически понятный и естественный для автора чрезмерный эмоциональный окрас. Но, повторяюсь, я убежден, что оценка событий 1949 г. не может быть иной, кроме как резко отрицательной. Убежден, что 1949 год в истории отечества не будет забыт, как и 1937-й.

Прошло 47 лет. Это огромный временной пласт. Сравним с прошлым — ведь это период, почти равный времени от Отечественной войны 1812 г. до Крымской войны и меньший, чем время от восстания декабристов до освобождения крестьян. Немного осталось в живых участников тех баталий — обвинителей и обвиняемых. За минувшие годы удивительные превратности встречались на их пути. Многие из тех, кто тогда обвинялся во всех грехах, написали прекрасные книги, выпрямились во весь рост, получили ордена, золотые звезды и лауреатские знаки. Большинство тогдашних хулителей прошли свой жизненный путь, занимая высокие посты, получая звания и награды. Часть их и ныне, пребывая в полном почете, доказывает нечто противоположное тому, что доказывала в советское время.

Говорят, что наше нынешнее состояние — результат, следствие того скверного, что было в тридцатые, сороковые и им подобные годы. Думаю, что и тогда и теперь проявлялись худшие свойства человеческой натуры. Конечно, бытие определяет сознание. Но нет прямой, непосредственной связи между этими категориями. Современный цивилизованный человек, оказавшись в пещере, не должен превращаться по своему сознанию в троглодита. Как важно, чтобы эти качества — злоба, продажность, зависть, згоизм, готовность сподличать во имя собственного блага — не поощрялись обществом, а порицались. Когда же власти предержавшие при согласии общества сами развязывают худшие инстинкты, возводят их во благо, награждают их носителей, это ведет к разложению самого общества.

Нет, не стоит забывать уроки сорок девятого года.

Примечания

1. БОРЩАГОВСКИЙ А. Записки баловня судьбы. М. 1991, с. 3.
2. Статья, по утверждению А. Борщаговского, была написана А. Фадеевым и Д. Заславским. См. БОРЩАГОВСКИЙ А. Ук. соч., с. 74.
3. К. СИМОНОВ. Глазами человека моего поколения. Знамя. 1988, № 4, с. 73.
4. Правда, 19, 26, 27, 28. II. 1949.
5. Правда, 10. II. 1949.
6. Правда, 16. II. 1949.
7. И. М. Разгон — профессор МГУ, один из руководителей Секретариата Главной редакции истории гражданской войны, лауреат Госпремии СССР. Родной брат писателя Л. Э. Разгона. С осени 1949 г. зав. кафедрой Томского университета.
8. Из редколлегии были выведены В. П. Волгин, Е. Н. Городецкий, Е. А. Косминский, И. И. Минц, А. М. Панкратова, М. Н. Тихомиров, В. М. Хвостов. Остались только гл. редактор А. Д. Удальцов, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, А. Л. Сидоров. Были введены В. А. Андреев, И. И. Беглов, И. М. Волков, А. И. Ковалевский, М. Д. Каммари, С. Ф. Найда, Б. К. Рубцов.
9. Вопросы истории, 1949, № 2, с. 6, 11.
10. Вопросы истории, 1949, № 3, с. 152.
11. Там же, с. 153, 154, 156.
12. Там же, с. 157.
13. Там же, с. 153, 155.
14. Там же, с. 153, 158.
15. Там же, с. 13.
16. Вопросы истории, 1949, № 5, с. 128; № 6, с. 100, 111, 116 г.
17. Литературные критики, видимо, боялись простого упоминания о происходившем. К примеру: статья В. Соколова о творческом пути А. Борщаговского, предпосланная двухтомнику его избранных сочинений, совершенно обходит вопрос о трагическом для автора 1949 года. Есть лишь туманная до необычайности фраза, что «с 1949 года Борщаговский не выступает в роли театрального критика...» (АЛЕКСАНДР БОРЩАГОВСКИЙ. Избранное. Том первый. М. 1982, с. 4).
18. Историческая наука в Московском университете. М. 1984, с. 49.
19. БОРЩАГОВСКИЙ А. Записки баловня судьбы, с. 219, 221, 106—107.
20. См. Справочник партийного работника. 1957, с. 381—382.
21. См. Вопросы истории, 1994, № 3.
22. БОРЩАГОВСКИЙ А. Записки баловня судьбы, с. 74, 224, 249, 80.
23. БОРЩАГОВСКИЙ А. Обвиняется кровь. М. 1984, с. 386.

ПУБЛИКАЦИИ

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах

№ 141. Протоиерей И. И. Восторгов (Москва) — архиепископу Антонию (Харьков)

25 октября 1916 г.

Относительно моего положения вы, очевидно, неправильно осведомлены. Пишете, что если бы я не ставил никаких условий, то давно бы сидел на кафедре еп. Трофима. Скажу на это, что если бы я захотел ставить условия, то не мог бы этого сделать по простой причине. Ни митрополит, ни члены Синода, буквально никто не говорил со мною о монашестве и епископстве ни по-отечески, ни по-братски, ни просто по-человечески. Митрополит меня представил без моего ведома, ни звука мне не сказавши. Узнал я об этом в Петрограде от Волжина, который мне сообщил, что митрополит Питирим специально заезжал к Волжину, чтобы высказаться против моей кандидатуры по трем причинам: а) меня не любят газеты; б) против меня Рас[путинский] кружок в Царском Селе и в) против меня Государь. Ввиду этого Волжин посоветовал мне заблаговременно подать отказ, что я и исполнил. Прибывши в Москву, я рассказал обо всем своему митрополиту. Через неделю он вызвал меня и говорит, что снесся с кем-то и препятствия в Царском Селе устранены, а относительно газет я даю особое объяснение Синоду. Приказал не пререкать воле Божией и взять отказ обратно. Я и это сделал и уехал в Сибирь. Не знаю, почему дело тянули и тянут, но, видимо, есть какие-то препоны, ибо митрополит Питирим предлагал мне одну из сибирских епархий. И этому я не противился. Теперь выяснилось, что на место еп. Трифона готовили и теперь еще готовят соправителя митрополиту Макарию в сане архиепископа. Сначала это был архиепископ Серафим, потом для сего сделан архиепископ Варнава, имя коего определенно называл Государь именно для этой должности. Как теперь обстоит дело, не знаю. Вот и вся история. Я не ставил ровно никаких условий и никакому синодскому плану не противоречил. Вижу, что в ссылках на волю Божию сию волю смешивают иногда с попустительством. Вы боитесь, что я ожесточусь. Этого нет уже по тому одному, что я не ищу архиерейства, как какой-то захватившей меня цели. Я достаточно стар и достаточно много видел людей и дел, чтобы не видеть всей тяготы епископства. Не ожесточение, а глубокую печаль за положение церкви и расстройство иерархии — вот что я переживаю. Разве еп. Иннокентий Ястребов не одного со мною духа человек. А между тем этот хороший монах, добрый человек, любящий миссию, мне сделал больше всех зла. Вы догадываетесь, кто им играл и теперь погубил его. Но разве не тяжело видеть, что мы, немногие ортодоксалы, так топим друг друга и этим поддерживаем то владычество содомитов, которое теперь видим и которое перейдет в историю, как позор нашего времени.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1058, л. 842.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, №№ 1, 3, 4, 7.

№ 142. И. И. Восторгов (Москва) — В. Д. Гнилову (Тифлис)

26 октября 1916 г.

Печаль за Церковь и Россию гложет сердце. Мы докатились до дна, многого вы не знаете, не видите, а для меня уже в человеческих предположениях и выводах впереди не остается ровно никаких надежд на будущее доброе. Только чудо Бога спасет нас, но чудо Бога тоже надо заслужить, хотя бы смирением и признанием греха. А этого-то и нет. Наш народ сверху и донизу стал хулиганом, и высшие силы его в хулиганстве превзошли самых последних пропойц из мужиков. В несчастный час подошел я к верхам церковного управления. Прежде можно было жить хоть самообманом. Теперь нет и этого утешения. В несчастный час я ринулся отстаивать и защищать Синодскую церковь и иерархию. В последний миг я увидел, что защищаю пустое место, хотел на него опереться и, конечно, шлепнулся. Боюсь впасть в мизантропию, а как не впасть, когда руль держат Питиримы. Помните «ректора-гимназиста»? Остроумный епископ Евгений теперь мог бы и «митрополита произвести в сей ранг». И действительно, правят Церковью гимназисты, и притом вроде Шалашиных, Нечипаевских и Щербаковых.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1058, л. 849.

№ 143. Н. Д. Тальберг (Петроград) — харьковскому губернатору К. И. Келеповскому

28 октября 1916 г.

Какая мерзость — устраивать во время войны забастовки и беспорядки. Как можно было допустить их в местности, находящейся на военном положении, как в свое время не захватили и не повесили агитаторов и организаторов! Ведь эти негодяи суть государственные преступники, с которыми нужно справляться без всякой пощады.

Глубоко возмущает меня также то, что творится в области продовольственного дела. Наш министр подходит к разрешению его совершенно правильно, считая, что министерство, стоящее на страже порядка, должно иметь заботу и о состоянии желудка обывателей. Исходя из этих же оснований, необходимо на местах это дело поручить губернаторам; тех же из них, которые не способны справиться с этим делом, надо гнать. Но этот проект наносит страшный удар революции, и этого достаточно для того, чтобы против него ополчились все те, которые свои чаяния возлагают на революцию.

Дума ведет себя подлейшим образом, вступила в борьбу с Протопоповым и распространяет против него всякие гадости, особенно старается Родзянко, который не может успокоиться, что сам не попал в министры.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1058, л. 857.

№ 144. И. И. Дудниченко (Одесса) — Л. И. Самарскому-Лицкому¹ (Кишинев)

30 октября 1916 г.

Пуришкевича я считаю потерянным для монархических организаций; вообще, наши правые главари губят все дело. Однако многие из нас не спят и активно работают, ибо иначе революция неминуема. Полное безвластие губит родину, мародеры доведут страну до кровавого побоища. Всего писать не могу по известным причинам. Здесь мы работаем в Одесском союзе русских людей очень сильно, но нас тут давят и грозят всякими репрессиями. Несмотря на это, идем бодро вперед. Вообще русские люди не понимают, что нас губят и необходимо защищаться... Полное равнодушие к родине меня изумляет. До чего доживем, трудно и сказать. Готовлю обширный доклад в Ставку: авось, там отзовутся. Среди нас есть еще люди, которые позиций не сдают.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1058, л. 874.

1. Л. И. Самарский-Лицкий — дворянин, председатель бессарабской палаты Одесского народного Союза им. архангела Михаила (СМА). См. документ от 15 января 1916 года.

№ 145. Архиепископ Антоний (Харьков) — епископу Андрею¹ (Уфа)

30 октября 1916 г.

О Варнаве² вы правы, но, кажется, митрополит Макарий³ желает спорить и требует Восторгова себе в викарии, а еще навязывается Серафим Тверской⁴. О Восторгове я думаю то же, что и «Московские ведомости»: «раздутое ничтожест-

во». Он выдыхается от своего и без того неумного задора, лишь только смолкнут вокруг него аплодисменты кадетов. Не раз он намекал в печати на снятие сана, а таковых я презираю более, чем воров и прелюбодеев.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1058, л. 870.

1. *Епископ Андрей (Александр Ухтомский, 1872—1944)* — выпускник Московской духовной академии, кандидат богословия. В 1911 г. рукоположен в епископа Сухумского. С 1913 г. занимал Уфимскую кафедру, в 1921 г. назначен на Томскую кафедру, но епархией не управлял. В 1925 г. уклонился в старообрядчество. Подвергался репрессиям.
2. *Архимандрит Варнава (Василий Накропин, 1860—1921)* — бывший огородник, монах, при содействии С. Ю. Витте назначен настоятелем монастыря в Коломне, затем Олонецким викарным епископом. При содействии Распутина был назначен епископом в Тобольск. Там он в июне 1915 г. «открыл» мощи Иоанна Тобольского (Максимовича) и стал его прославлять; при помощи шапочки с этого святого Варнава «лечил» наследника Алексея. После назначения обер-прокурором Синода А. Д. Самарина в сентябре 1915 г. предпринимались шаги к удалению Варнавы с епископской кафедры (формальным поводом служило прославление мощей Иоанна Тобольского без согласия Синода), но он сохранил свое место, а Самарин вскоре получил отставку. В марте 1917 г. Синод уволил Варнаву на покой (см. Островцов А. Последние могикане старого строя. М. 1925, с. 59).
3. *Митрополит Макарий (Михаил Андреевич Невский, 1835—1926)* — с 1884 г. епископ Бийский; в 1895—1912 гг. управлял Томской епархией (с 1906 г. в сане архиепископа). В 1912 г. возведен в сан митрополита и назначен на Московскую кафедру, которую занимал до марта 1917 г., когда «по просьбе духовенства» был уволен на покой. Ему вменялась в вину зависимость от Распутина.
4. *Серафим (Л. М. Чичагов, 1856—1937)* — до 1880 г. находился на военной службе (полковник), затем принял сан священника. В 1906—1914 гг. управлял Орловской, а затем Кишиневской епархией. С весны 1914 по осень 1917 г. — архиепископ Тверской и Кашинский. В 1928—1933 гг. — митрополит Ленинградский. Расстрелян (см.: Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М. 1994. С. 412, 413).

№ 146. Г. А. Щечков (Петроград) — В. А. Образцову (Екатеринослав)

5 ноября 1916 г.

Дума держала себя эти дни вполне революционно и вызывающе. Требовала отставки Штюрмера, дел никаких не начинала. Вчера военный и морской министры заявили, что «близка победа», и этим, кажется, успели отвлечь внимание от внутренних дел к внешним. В общем дела дурны, чем дальше тем хуже. Родзянко вчера говорил, что Штюрмера убрали. Какой бы он ни был, но убирать его из-за крика Аджемова, Милюкова и Шидловского¹ — значит капитулировать перед сволочьей и выдавать сторонников порядка головой.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1059, л. 934.

1. *М. С. Аджемов* — член ЦК кадетской партии, член Государственной думы; *С. И. Шидловский* — лидер фракции октябристов в Думе, председатель бюро Прогрессивного блока.

№ 147. Председатель Совета министров [Б. В. Штюрмер]¹ — министру внутренних дел А. Д. Протопопову

6 ноября 1916 г.

Председатель Совета министров, свидетельствуя совершенное почтение Его Превосходительству Александру Дмитриевичу, имеет честь при сем препроводить копию полученной им из Самары телеграммы попечителя местной монархической школы Коренева.

Телеграмма на имя председателя Совета министров из Самары от 5 ноября 1916 г. за № 506:

«Общество патриотов г. Самары глубоко возмущенно клеветническими речами Милюкова, Керенского, Чхеидзе. Покорнейше просим доложить Самодержавному Государю Императору о привлечении их, как изменников Родины и клеветников, нетерпимых [в] настоящее скорбное время, [к] военному суду. Не разрешать по городам лекций, а также просить [о] роспуске Государственной думы до окончания войны. Пора этому позору положить конец. Попечитель Самарской монархической школы Дмитрий Коренев».

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 858, л. 68.

1. 9 ноября 1916 г. в письме на имя председателя фракции правых Государственного совета Штурмер писал, что обращается к нему как председателю группы, к которой и сам «имеет честь принадлежать» (ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 773, л. 14).

№ 148. Н. Н. Родзевич (действующая армия) — Е. А. Орловой, для Нины (Одесса)

8 ноября 1916 г.

Деятельность Гос. думы с первых же шагов приняла революционный характер. Надо всем монархическим организациям просить Государя о немедленном ее роспуске на все время войны.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1058, л. 870.

№ 149. Г. А. Щечков (Петроград) — А. С. Вязигину (Харьков)

8 ноября 1916 г.

Дума в лице Милюкова, Шингарева и Шульгина ¹ хочет использовать несчастье отечества и выторговать себе под шумок права заправского парламента. Для подчинения императорского правительства им нужны подходящие господа. Отсюда вместо разбора неотложных военных нужд у нас все эти дни идет травля министров. Найдут ли защиту верные слуги отечества или будут выданы головой, это скоро увидим.

В деревне изобилие, а в городах нужда. Нельзя безнаказанно жить при условиях военного времени, но не по законам военного времени. Мы все живем в осажденной стране. Долго ли продержался бы любой осажденный город, если бы в нем не было введено осадное положение. Все ропщут не на войну, а на безнаказанность хищников, предателей, на безвластие. Введите полевые законы, и население благословит вас, как спасителей. Но, увы, это невыгодно предателям. Это нелиберально, неконституционно.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1059, л. 979.

1. В. В. Шульгин — член Государственной думы, член бюро Прогрессивного блока.

№ 150. Н. Д. Тальберг (Петроград) — О. В. Полторацкой (Тифлис)

14 ноября 1916 г.

Последнюю неделю нахожусь в волнении, так как снова пошли слухи о смене моего министра ¹. Относясь к его назначению очень скептически, я при ближайшем наблюдении за его деятельностью должен был признать ее полезной. Он основательно взялся за самый важный для страны вопрос — продовольственный и думал разрешить его на разумных основаниях. Дело в том, что набранные из общественных деятелей различные уполномоченные сумели только создать на местах полный беспорядок. Протопопов хотел, с одной стороны, допустить свободную торговлю, теперь часто стесненную нелепой опекой уполномоченных, с другой стороны, возложить на губернаторов руководство продовольственным делом. Но против этого решительно идет большинство Думы, которое в чаянии грядущих министерских портфелей в прошлом году ставило карту на наши военные неудачи, теперь же — на отсутствие продовольствия. Кроме того им не хочется лишиться теплых мест всяких уполномоченных, занимаемых их политическими друзьями, оплачиваемыми казенными деньгами. Из этой подлой Думы никакого толку все равно не выйдет, так же как и из правительства, если оно останется столь же мягкотелым и нерешительным. Идет определенная антидинастическая кампания, и не находят сил и умения с нею справиться. Руководящие же указания по проведению кампании идут, конечно, из Германского штаба.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1060, л. 1083.

1. Речь идет о министре внутренних дел А. Д. Протопопове.

№ 151. «К. Мас...» (Бурьян Курской губ.) — Г. А. Щечкову (Петроград)

15 ноября 1916 г.

Мы переживем сейчас очень опасные дни. По-видимому, правительство находится в паническом ужасе перед левыми организациями и в своей готовности идти на уступки наделает непоправимых ошибок. Если сейчас не попадет власть в твердые руки (диктатора), то дело непременно дойдет до бунтов в тылу армии, а затем перейдет и на передовые позиции, после чего, конечно, будет много хуже, чем

в 1904—1905 годах. Разница только в том, что в случае революции усмирять будут не казаки, а немцы.

Очень было бы интересно знать, что говорили ораторы из левых в Гос. думе. Если возможно, достаньте эти речи и впоследствии покажите нам.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1060, л. 1112.

№ 152. Директор Департамента полиции — дворцовому коменданту

19 ноября 1916 г.

[Из секретных источников. Сведения о настроении и предположениях Гос. думы в связи с открытием настоящей сессии ее с 18 ноября 1916 года.]

[...] Социал-демократы и трудовики так и решили, что замена Штюрмера Б. В. Треповым А. Ф. не внесла ничего нового и долг перед избирателями властно повелевает Гос. думе продолжать борьбу, уже принесшую хотя и ничтожные, но все же реальные плоды.

Националисты и правые окончательно выяснят свое отношение после ознакомления с текстом правительства декларации, рассчитывая, что эта возможность будет им дана еще сегодня вечером. Особняком стоит депутат В. М. Пуришкевич, считающий, что с А. Ф. Треповым работать можно, но что уход А. Д. Протопопова необходим, и предполагающий выступить завтра, по его выражению, с громовой речью, с согласия фракции или без ее согласия, основным тезисом, которой явится мысль, что без твердой власти невозможно устранить нынешнюю разруху, а твердая власть невозможна, раз во главе Министерства внутренних дел стоит А. Д. Протопопов.

ГАРФ, ф. 97, оп. 4, д. 92, л. 332—332об.

№ 153. Архиепископ Антоний (Харьков) — епископу Андрею (Уфа)

20 ноября 1916 г.

Речь Милюкова давали, но я читать не хотел, получив сведения, что в немецких газетах были его собственные статьи, на которые он ссылался в своей речи.

О Штюрмере много имею сведений и несколько ему не сочувствую, а о Милюкове знаю и я и вся Россия, что он ездил в Америку (в 1908 и 1910 гг.) и возбуждал против России общественное мнение в специальных лекциях. С подобною же целью он ездил в Англию и Францию. В Англии он говорил: мы в оппозиции не его величеству, а от его величества, а во Франции, перед французскими жидами, говорил о республике в России. Известно всем и то, что он состоит директором жидовского банка и получает не фиктивно 20 000 р. в год.

Если бы среди немцев был такой подлец и предатель, то не палачи и судьи, а мирные граждане расстреляли бы его среди белого дня. Цель его речи одна — устроить в России революцию. Если Бог это попустит, то это будет карой за предпочтение хлыстовщины¹ православию.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1061, л. 1185.

1. Хлысты — сектанты, отрицавшие иконопочтение, библию, православное духовенство и всю обрядность православной церкви.

№ 154. Довесение начальника Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве А. П. Мартынова Департаменту полиции

21 ноября 1916 г.

Речь Пуришкевича, произнесенная в Гос. думе, произвела огромное впечатление во всех кругах московского общества. Толки по поводу этой речи с несомненностью показывают, что утверждения левых о крайне революционном настроении Москвы, о ее все растущем отчуждении от идеи монархизма, об ее отрицательном отношении к династии сильно преувеличены. Сочувственное отношение к речи Пуришкевича вызывается столько же ее указанием на возмутительные факты злоупотреблений, сколько и основной ее чисто монархической идеей необходимости защиты монархизма и Монарха от всего, что подрывает престиж верховной власти. В этом смысле поступают сведения из различных источников, и, что наиболее замечательно и неожиданно, не только из правых и умеренных кругов, но даже таких, которые могут быть определены как правокадетские.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 307, лит. А, т. 1, л. 189.

21 ноября 1916 г.

Завтра я отбываю снова на фронт [...]

Лично я никогда не утрачиваю присущей мне бодрости; но оторопь берет за вас, остающихся здесь и засасываемых тыловой тиной. В самом деле, что здесь творится: шайки грабителей чужого кармана душат за горло обывателя, шайки хищников власти травят всякое законное правительство, и что же — вместо решительной расправы с зловредными татями домашними принимаются только полумеры, а с Думой, идущей на приступ власти, нянчатся и мнят возможным с этими явными заговорщиками спеться на почве взаимных уступок. Да разве соответствует достоинству власти спеваться с оравой бунтовщиков, нагло хулящих всякую власть, раз только она поставлена изволением Государя? Разве простая человеческая рассудительность, не говоря уже о государственном разуме, не подсказывает, что эти крамольники, зазнавшиеся исключительно благодаря слабой власти, не удовлетворятся никакими уступками, а стремятся лишь к полной сдаче власти им? К чему тогда были самоотверженные труды и жертвы достоянием и жизнью той верноподданной рати правых, которая в 1905 г. грудью встала на защиту Престола и Отечества! И неужели полагают, что наш стан правых еще раз двинется спасать Царское правительство, которое шаг за шагом и уступка за уступкой сдает левым все те заветные твердыни, которые мы за это десятилетие смуты столь крепко отстаивали. Нам не за кем будет идти и на нас пусть не рассчитывают, если теперь, когда так проста развязка и с Думой и с ею поддерживаемую смуту, правительство уступит хотя бы пядь, ибо это будет равносильным предательству нас в руки внутренних врагов. И если власть сама идет навстречу междоусобий или она сама ведет державного венценосца на плаху? Думские мятежники вопят, что будто бы все для победы; но ведь ясно, что им не важна победа над немцами — они жаждут победы только над законным Царским правительством, одолев которое они станут хозяевами положения в стране и заключат какой угодно унижительный мир, лишь бы им не выпустить из рук власти, ради раздела коей между собою они готовы уже расчленив Россию на ряд наместничеств. Существование Думы никоим образом не способствует победе, напротив, наличность Думы мешает нам спокойно воевать, ибо сеет политическую неразбериху в сердцах солдат, долженствующих быть чуждыми политике и направленными на единую цель — одоление внешнего врага и изгнание его из пределов Родины. Нам не из-за чего тогда продолжать войну, если даже победоносное ее завершение дастся ценою изменения государственного строя на Святой Руси, что неизбежно, если принят будет путь дальнейших уступок вожделям левых кругов. Ведь и я пошел добровольцем в ряды войска, дабы явить собою пример [того], как природный барин и человек старого закала умеет служить Царю и Отечеству, когда страна родная в опасности. Но принесенная мною жертва беспцельна, если в то время, как на поле брани проявлял свою храбрость и заслужил Георгиевский крест, в это ж время внутри моей Родины попораны были те священные начала, за целокупность коих я последние 10 лет ратоборствовал и сгорал на костре патриотизма, ставя долг верноподданства своему Самодержцу выше семьи, растрачивая достояние своих детей на печатное провозвещение тех заветов, коим я столь непримиримо верен. Да и нужна ли вообще моя служба моей Родине: ныне Дон-Кихоты, подобные мне, не ко двору, ибо в наш век оппортунизма они стали пережитком. Этого вопроса мне так и не удалось разрешить в бытность мою в Петрограде; а между тем Вы знаете о моей готовности быть полезным, на ответственном ли посту административном или как глашатай национальной мысли — во главе органа правой печати, коих сейчас нет ни в народе, ни в обществе, ни в войсках, и все подчиняются мнимому общественному мнению изделия левой печати.

Мой адрес на фронт: Действующая армия, штаб 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка, мне.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 818, л. 49—50об.

22 ноября 1916 г.

Сегодня я получил письмо ваше от 16 сего месяца, в ответ на которое сообщаю, что приведенная в письме этом копия моей телеграммы о вас совершенно верна

с подлинником и была послана вам мною лично. Из того, что вы не согласны с содержанием, я вижу, что вы или не понимаете, что творите, или, как я и писал вам, — провокатор, позорящий все казачество. Одумайтесь, что говорили вы, носящий военный мундир славного Терского казачества, вспомните и присягу вашу Государю, не забудьте также, что русский офицер не может остановиться на одну доску с Аджемовым, Милоковым, Керенским и им подобными, требующими ниспровержения государственного строя. А потому повторяю, что таких лиц, как вы, следует выбрасывать из армии, потому что они вносят соблазн и могут потянуть за собой худшие и недостойные элементы ее. Совсем не ответил бы вам, так как неприятно переписываться с такими лицами, но не хочу оставлять вас сомневающимся в том, что известная вам телеграмма была моею, как председателем Астраханской народной монархической партии, послана вполне обдуманно и вызвана чувством долга, чести и присяги. Что касается интересующего вас списка лиц, которым была послана телеграмма, то нахожу излишним удовлетворить любопытство ваше в этом.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1062, л. 1217.

1. *М. А. Караулов (1878—1917) — казак ст. Терской, подъесаул, землевладелец, член II и IV Думы. В 1914 г. один из основателей Имперской народной партии, товарищ председателя петроградского отделения «Общества 1914 года». В 1916 г. выступал с позиций Прогрессивного блока в поддержку требования ответственности министров перед народным представительством. По поводу речи Караулова в Думе 1 ноября 1916 г. Тиханович-Савицкий писал некоторым членам правительства, что она «не что иное, как сознательное возбуждение народных страстей против Верховной власти» (ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1059, л. 998).*

№ 157. И. Н. Толмачев¹ (Новая Александровская почтовая контора, Кубанская обл.) — В. М. Пуришкевичу (Петроград)

23 ноября 1916 г.

С какою острой болью в сердце прочли все люди, горячо любящие Россию, вашу речь в Гос. думе². Как тяжело было сознавать, что вы сознательно проваливаете то, за что боролись много лет. Правда, вы добились пожатия руки со стороны кадета, но в этом ли состоит ваша историческая задача? В столь тревожное время, когда в государстве должна быть твердая власть, вы поддерживаете врагов Самодержавия. Этого ли ждали от вас люди, искренне любящие Россию? Разве возможны теперь какие-либо изменения в Основных законах империи? Если, по вашему мнению, Протопопов не годится быть министром, то почему же вы думаете, что Милоков, Шингарев, Керенский, Аджемов будут лучше Протопопова? Вы должны сознать, что ваша речь ведет Россию к гибели и русский народ вам этого не забудет.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1062, л. 1245.

1. *И. Н. Толмачев (1863 — после 1917 г.) — генерал-лейтенант. В бытность одесским градоначальником (1908 г.) получил всероссийскую скандальную известность попустительством бесчинствам черносотенцев; ЧСК Временного правительства обвиняла его «в подготовке к убийству» (с использованием одного из местных правых) (ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 415).*
2. *Речь идет о выступлении Пуришкевича в Думе 19 ноября 1916 г. с «громовой речью», содержавшей критику правительства, министра внутренних дел Протопопова. На предварительном заседании фракция правых не дала согласия на произнесение этой речи от ее имени.*

№ 158. Князь С. П. Урусов¹ (Петроград) — княгине В. Г. Урусовой (Екатеринослав)

28 ноября 1916 г.

Сижу целые дни на съезде объединенных дворян, и ты не можешь себе представить, что там творится. Если одна сотая правда, и то ужасно. Настроение совсем революционное, и, пока дурман не прошел, говорить с ними не стоит. Должен сказать, что правительство само во многом виновато, и нет ни малейшего отпора. Завтра вечером Совет [Объединенного дворянства] будет, и я постараюсь убедить. Нужна правда, нужна сильная, честная власть, добивающаяся победы. Нужно карать виновных немилосердно, но нельзя только критиковать и заниматься сплетнями.

1. *Предположительно автором письма, подписанного «Твой С.», являлся С. П. Урусов (г. рожд. 1859), в 1916 г. являвшийся членом совета министра внутренних дел. Письмо написано на бланке екатеринославского губ. предводителя дворянства.*

№ 159. Е. А. Шабельская-Борк¹ (Петроград) — Н. А. Маклакову (Петроград)

28 ноября 1916 г.

Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый и дорогой Николай Алексеевич.

Прочла вчера в газетах Вашу дивную речь в Гос. Совете и с гордой радостью узнала, что Вы здесь, что Вы все тот же, в чем я, впрочем, никогда не сомневалась. И вот захотелось Вас повидать. Я была у Вас в прошлом году два раза, и видела Вашу супругу, но, не получив от Вас никаких известий, не захотела надоедать. Вы знаете — не люблю и не умею я навязываться никому... Даже тем, кого так искренно люблю и уважаю, как Вас.

Но сегодня все же решаюсь еще раз о себе напомнить и сказать Вам: я еще жива, еще могу работать и, может быть, приносить хоть каплю пользы Родине и Государю... И хотелось бы поговорить с Вами, с одним из немногих, которому вполне верю (верю в то, что для меня важнее всего, — в преданность Царю и Родине), хотелось бы поговорить и посоветоваться с Вами о многом. Больше, чем когда-либо, имею сведений и сверху и снизу. Но с кем делиться ими? Кто может их использовать на благо Отечества? Вот роковая загадка.

И вот, дорогой Николай Алексеевич, хочу спросить у Вас, не найдете ли Вы слово этой загадки. Макаров² послал меня к Стишинскому³, когда говорила ему о полном разращении нашей полиции, становящейся государственной опасностью. Это было еще при Оболенском⁴, который и был творцом этого разложения полиции. Умышленно ли, сознательно ли — решать не берусь. С тех пор успел уйти, слава Богу, Оболенский, к сожалению, Хвостов-второй, показавшийся мне безусловно честным человеком.

Об эпизоде Хвостова-первого⁵ и Белецкого Вы, конечно, знаете не меньше, чем я.

И вот теперь опять вопросительный знак. Мое мнение о Протопопове, которого я не видела лично, далеко не отрицательное. Он подкупил меня смелостью называть себя слугой царским, чего после вас не решался публично сказать ни один министр внутренних дел. Затем, мне кажется, что он очень умен, гораздо умней, чем показывает и чем его считают. А это уже много.

Но в письме всего не скажешь. Хотите меня повидать, то уже не поленитесь либо прислать мне просто депешу, либо просто по телефону сказать в редакцию, когда — день и час — могу вас застать... Только попрошу назначить накануне, дабы успели меня предупредить из редакции своевременно.

Для депеши адрес простой: Ульянка, Дачное, Борк. Вот и все. А затем до свидания, дорогой Николай Алексеевич. Твердо надеюсь, что удастся повидать Вас и наговоримся по душам.

А пока храни Вас Господь, дорогой друг. О здоровье Марии Леонидовны и о Ваших сыновьях молюсь каждый день и надеюсь, крепко верю даже, что Бог мою грешную молитву исполнит, ибо она искренна и бескорытна.

Итак, до свидания, дорогой Николай Алексеевич. Жду от Вас весточки.

Искренно преданная Вашего Высокопревосходительства покорнейшая слуга
Е. А. Шабельская-Борк.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 685, л. 162—162об. На бланке: «Ответственный редактор газеты «Свобода и порядок» и «Русский рабочий». Петроград, Шпалерная, 44 б. Елизавета Александровна Шабельская-Борк».

1. *Шабельская-Борк Е. А. — писательница, антрепренерша театра в Петербурге. Издательница и редактор правительственных газет правого направления, получала субсидии от Департамента полиции. Умерла, по некоторым свидетельствам, в первой половине 1917 г. (ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 862, л. 114).*
2. *Вероятно, А. А. Макаров (1857—1919) — в 1911—1912 гг. министр внутренних дел, в 1916 г. министр юстиции.*
3. *Стишинский А. С. (1851, 21 декабря ст. ст. — 1921 г., Константинополь) — член Гос. совета, правая фракция; в 1900—1904 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1906 г. главноуправляющий земледелием и землеустройством. После февральских событий 1917 г.*

9 месяцев находился в Петропавловской крепости. Затем выехал в Полтаву, а в декабре 1918 г. — на Кубань, к Деникину, согласившись на должность по Государственному контролю. В ноябре 1920 г. переехал в Константинополь (Двуглавый орел, 15(28). I. 1922, № 24, с. 46—48).

4. Возможно, князь А. Н. Оболенский (1872—1922) — флигель-адъютант, генерал-майор, с 19 июля 1914 по ноябрь 1916 г. — Петроградский градоначальник.
5. Хвостов-первый — А. Н. Хвостов (1872—1918), камергер, с 1912 г. член Государственной думы, председатель фракции правых. В 1915 — марте 1916 г. министр внутренних дел и главноначальствующий Отдельного корпуса жандармов. Предпринимал шаги для удаления Распутина.

№ 160. Телеграмма общего собрания членов Астраханской монархической партии императрице Александре Федоровне

5 декабря 1916 г.

Общее собрание Астраханской народной монархической партии постановило выразить Тебе, Государыня, верноподданнические чувства любви и преданности.

Не огорчайся, Матушка-Царица, происходящим. Внешние враги России в союзе с внутренними ненавистниками Царя видят в Тебе, умной и сильной, мощную поддержку Государю и непреодолимую преграду для достижения гнусной цели их: первых — поколебания, а вторых — захвата в свои нечестные руки царской власти, этой опоры могущества России. Потому они и избрали Тебя средством в своей злобной борьбе за власть.

Горько нам лишь то, что в скверном деле этом принимают участие многие, которые не ведают, что творят, введенные в это страшное заблуждение ловкими интригами с мятежниками и агентами Вильгельма. Разум их помутился, и они забыли, что Ты — жена Царя нашего и мать Наследника нашего. Не огорчайся, Царица, не упади духом, поддерживай силы нашего обожаемого Царя-Труженика для довершения победы над свирепым врагом. Расти и воспитывай в лице нашего любимого мальчика, нашей надежды, Наследника-Цесаревича, сильного знанием и мощного духом Царя-Самодержца всея Великой России, которой с Божией помощью, верим, удастся ныне окончательно сокрушить самого опасного для ее будущего и для ее государственных основ исторического врага ее — злодейскую, неблагодарную Пруссию, и вместе с нею и предательскую Австрию, и тем возвеличить Престол и имя Царя и вне и внутри России.

В эту войну, видя твои сердечные заботы о наших страдотерпцах-воинах, узнали мы Тебя, Царица, и полюбили.

Пришли нам своею рукой написанное уведомление, что телеграмма эта Тобою получена.

Верноподданные Вашего Величества. Председатель партии Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 116, оп. 1, д. 618, л. 63; ф. 102, ОО, 1917 г., д. 244, л. 12.

№ 161. В. А. Образцов (Екатеринослав) — Г. А. Щечкову (Петроград)

9 декабря 1916 г.

Натиск на самодержавие мне сначала казался таким сильным, что я опасался его победы. Между тем все кончилось мудрее, чем можно было ожидать. Тут было очень тревожно; к тому же мы имеем свои источники слухов. Например, из дома Родзянко¹ шли уверенные слухи, что 6 декабря нужно ожидать событий (отречения Государя от самодержавия). Кому и чему мы обязаны, что вместо «необыкновенных событий 6 декабря» Государь просто плюнул на Думу и Совет, чего они и заслужили. Тут явно действуют какие-то светлые, а отнюдь не темные силы. Если не забудете, то спросите у Георгия Георгиевича²; прочны ли отношения правительства к правой печати?

Рассматривая дело «психологически», нахожу, что история с Николаем Евгеньевичем³ и с адресом дворянства есть начало нашего торжества.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1065, л. 1561.

1. Родзянко имел в Екатеринославской губ. имение, там жили его родственники.

2. Г. Г. Замысловский, член Думы, правый.

3. Марков 2-й был на нескольких заседаниях исключен из Думы за публичное оскорбление Родзянко.

№ 162. И. И. Восторгов (Москва) — епископу Серафиму (Челябинск)

14 декабря 1916 г.

Я спокоен тем страшным спокойствием, которое является следствием состояния и настроения [человека], потерявшего способность чему-либо удивляться. Я именно потерял такую способность. Горевал, убивался, терзался, негодовал, боролся, доказывал, силился что-то делать. Теперь все прошло. Главное: все иррационально, т. е. совсем не поддается учету здравого разума. При таких условиях чему же удивляться? Мы в царстве пьяных, невменяемых людей, и что они выкинут на следующем номере и колене — это никому не ведомо. Над всем же — шкурный, карьерный интерес и общее правило: хоть час, да мой. Не знаю, долго ли удержится в Синоде «старцево настроение»¹, но думаю, сии персонажи пока уйдут, много зла сотворят, и те, кои могут и должны бы им помешать, приемлют Пилатово положение, умывают руки и, смешивая Божью волю с Божьим попустительством, воду для умывания рук находят в софизме: «Что же? Воля Божия!». Я лично решил стать в стороне. Служу, молюсь, проповедую и, чтобы не вызвать себя на политику, объясняю Рождественский канон. Безобидно и назидательно. Пишу кое-что, печалюсь и зрю к смерти. Право, нечем жить. Все избито внутри, истерзано и нет уже активности. Это в 50 лет, когда древние римляне только начинали общественную и государственную работу. Таковы тяжкие условия русской церковной и государственной жизни.

Вижу, что и вам нелегко. Только меньше всего жалеете, что не попали в Москву: тоже плавали бы по киселю. Недалеко уплывешь и вернее захлебнешься. А кончится война, не уявится что будет. Во всяком случае, я полагаю, что на нашу долю, на долю людей нашего возраста и поколения, уже светлых дней не найдется.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1066, л. 1674.

1. Вероятно, имеется в виду линия поведения, определенная еще Распутиным и проводившаяся после его убийства его сторонниками в Синоде.

№ 163. Помощник начальника станции Болва Риго-Орловской железной дороги И. Д. Мефодьев — неустановленному адресату¹

16 декабря 1916 г.

Милостивый государь! Покорнейше прошу извинить меня за мою смелость беспокоить Вас. 11 декабря на станции Калуга я случайно встретился с каким-то господином, назвавшимся курским помещиком и который, по-видимому, состоит членом вверенного Вам Союза, фамилия же его мне неизвестна. Он сказал, что знает Вас лично, дал мне Ваш адрес и уверил меня в том, что Вы отнесетесь к моей просьбе снисходительно и таковая не будет принята Вами за дерзость, а потому беру смелость почтительнейше просить Вас, не найдете ли возможным причислить меня к числу членов вверенного Вам Союза.

Я состою на службе на Риго-Орловской ж. д. 23 года и в настоящее время занимаю должность помощника начальника станции на ст. Болва, здесь же находится Брянский завод, а местность называется Бежица.

В 1905 г., в разгар забастовок, за свои убеждения и за противодействия забастовке на своем дежурстве я едва не поплатился жизнью, впоследствии же благодаря интригам некоторых лиц я перенес массу неприятностей по службе. Возможно, что и теперь я могу встретить недоброжелательство с чьей-либо стороны, но я всецело отдаю себя под Вашу защиту.

О Вашей резолюции благоволите уведомить меня с разъяснением, как я должен поступить.

Ваш покорный слуга помощник начальника станции Иосиф Демьянович Мефодьев.

Ответ благоволите прислать заказным письмом. Две почтовые марки при сем прилагаю.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 820, л. 47—48об. Автограф.

1. Имеется приписка: «Советовал поступить в Орлов[ский] отдел... обратиться к Якову Афанасьевичу...» Я. А. Померанцев — присяжный поверенный, председатель орловского отдела СРН (см. док-т от 28 апреля 1916 г.). Адресатом, возможно, являлся Кельцев.

№ 164. Председатель Совета и Главного правления Русского монархического союза С. А. Кельцев (Москва) — директору Департамента полиции А. Т. Васильеву

24 декабря 1916 г.

Согласно желанию Вашему препровождаю при сем все три больших сочинения А. С. Шмакова по еврейскому вопросу, а также из нашего монархического Союза 8 брошюр — тоже о евреях, 4 кн. М. Н. Каткова, 3 книги В. А. Грингмута и Очерк о Союзе (малая пачка), и 80 книг и брошюр, по 1 экз., монархически-черносотенного характера.

Большинство их совсем распроданы, нужно бы повторить издания, но средств нет. Истратив из средств своих и жениных свыше 18 000 р. с июля 1914 г. по январь 1917 г. на обстановку, квартиру, канцелярию, читальню, библиотеку и книжный склад Союза, расходоваться, как уже докладывал лично, на расширение деятельности бессилён.

Нужны значительные суммы, чтобы дать ход Союзу для развития мощи былого времени, когда он с особой пользой проявил себя на страже общегосударственных задач.

При составлении программы развития деятельности в центре России и окрестных местах мечты наши сводились к тому, что изложено на следующей странице.

После праздников 8—12 января буду в Петрограде и лично представлюсь Вашему Превосходительству, а если окажется нужным, могу приехать и раньше, по телеграфному вызову.

При наступлении праздников и в преддверии Новолетия позвольте выразить Вам искренние пожелания здоровья, благополучия, бодрости сил и успехов в подавлении злонамеренного общественного течения и просить Вас принять уверение в глубоком уважении и отличной преданности покорного слуги Вашего Превосходительства С. Кельцева.

Р. S. Сегодня крайне польщены депешью А. Д. Протопопова, а раньше из ставки — гр. Фредерикса от лиц их Величеств на приветы Союза депешами.

[Приложение — программа деятельности, о которой упомянуто в письме].

1. Открытие Петроградского Русского монархического союза как филиального отделения для объединения местных почетных и действ. членов и устройства собраний — с квартирою, канцелярией и служащими — 10 000 рублей.

2. Оживление и восстановление в Москве замерших и закрывшихся 27 отделов СРН, 12 — Союза русских людей и 8 других = 47, которые, если бы действовали, дали бы противовес и при недавних городских выборах и в общем положении дел — 10 000 руб.

3. Наблюдение за общественным настроением, отчеты которого дали нам возможность обнаружить и указать администрации несколько революционных обществ и кружков — 6000 рублей.

4. Агитация: собрания и чтения в Москве и крупных пунктах, с наймом зал и выездом ораторов — 8000 рублей.

5. Оборудование чайных-столовых в рабочих кварталах (пока 4) — 8000 рублей.

6. Областной съезд в Москве — 10 000 рублей.

7. Издательская деятельность — 20 000 рублей.

8. Представительство и проезды — 5000 рублей.

Всего — 82 000 рублей.

В такой колоссальной цифре выражаются мечты широкого и быстрого расширения дел, но при затруднительности и невозможности иметь такие средства для осуществления всего Союз будет действовать в зависимости от материального положения. Особо необходимы для пользы дела меры для осуществления пунктов 1, 2, 4 и 6 вышеизложенной программы, с непременною при ходе дел экономией.

При создавшемся в последний год положении в народных союзах монархическому союзу, как и в 1905—1906 гг., выпадает удел работать в деле «единения» расколовшихся и мятущихся.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1917 г., д. 244, л. 7—8об.

№ 165. Н. Д. Тальберг (Петроград) — Г. А. Тобизену (Смоленск)

26 декабря 1916 г.

Печальные события, разыгрывавшиеся все это время, действовали, конечно, удручающим образом. Тяжело было видеть, с одной стороны, отсутствие должной

твердости и сознания собственного достоинства у власти, с другой же стороны, — разнузданность, политический шантаж и ставку на продовольственную разруху наших доморощенных жирондистов. Куда ведут нашу бедную родину? Тяжелая кара постигла одного из темных ставленников¹ той масонской клики, которая ставит себе задачей разрушение Трона и Церкви, т. е. именно того, чем держится наша обширная Матушка Русь.

Положение остается неопределенным. Вопрос о нашем министре, говорят, зависит от того, останется ли Трепов, который не хочет признавать Добровольского², которого действительно не хвалят очень. Волконский и Бальц³ подали прошение об отставке, заместителями их называют Анциферова и Менкина. Ожидают больших перемен в Гос. совете.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1067, л. 1785.

1. По-видимому, имеется в виду Распутин.
2. Н. А. Добровольский (1854—1918) — егермейстер, сенатор, а с 20 октября 1916 г. по 27 февраля 1917 г. министр юстиции.
3. М. В. Волконский и В. А. Бальц являлись товарищами министра внутренних дел; оба в начале января 1917 г. ушли в отставку, не желая служить под руководством Протопопова.

№ 166. П. С. Бобров¹ (Петроград) — Л. А. Тихомирову (Москва)

29 декабря 1916 г.

Было весьма приятно побывать на заседаниях Палаты Михаила архангела. Теперь стало совершенно ясно, что эта организация пойдет совершенно по другому пути монархизма, чем СРН. Жаль лишь одно, что Пуришкевич необдуманно подчас выступлениями в Думе значительно может навредить будущему Палаты Михаила архангела. Однако Палата занята исключительно вопросами, отличными от вопросов духовного устройства возрождения и воспитания России. Между тем я считаю этот вопрос краеугольным камнем будущего России.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1067, л. 1823.

1. П. С. Бобров — кандидат в члены Главной палаты СМА.

№ 167. Н. Н. Родзевич (действующая армия) — А. П. Родзевич¹ (Одесса)

29 декабря 1916 г.

На телеграмму московского Совецания² надо поскорее ответить. Я думаю так: Совет, узнав о его пребывании в Петрограде³, уполномочивает просить его ходатайствовать перед теми властями и учреждениями, где он найдет нужным, о прекращении крайне вредной и опасной агитации, ведомой Гос. думой, общественными организациями и печатью. Но надо немедленно, а то и без того ушло много времени.

Слава Богу, власть идет и все крепче забирает бразды в свои руки. И во всем видно влияние того лица, на которое я надеялся. Дудниченко несколько не преувеличивает серьезности положения, а ведь закрывать глаза не следует. Последние вести очень отрадные; революционным стремлениям, видно, дается отпор. Но все же надо быть настороже.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1067, л. 1813.

1. А. П. Родзевич — почетный член Одесского Союза русских людей, по-видимому, жена председателя этого союза Н. Н. Родзевича (Отчет, прочитанный на торжественном годовичном собрании 1 октября 1914 г. Одесса. 1915; ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 244, т. 2, л. 60).
2. Вероятно, имеется в виду общеземский съезд в Москве, открывшийся 9 декабря 1916 г., принявший по предложению Г. Е. Львова резолюцию о необходимости создания «правительства, достойного великого народа и сильного ответственностью перед народом и народным представительством».
3. Возможно, речь идет о председателе Астраханской народной монархической партии Тихановиче-Савицком, приехавшем в конце 1916 г. в Петроград и принятом царицей.

№ 168. Н. Н. Тиханович-Савицкий (Петроград) — Николаю П

30 декабря 1916 г.

Государь, не имея возможности лично видетсья с Вами, излагаю здесь коротко то, что заставило меня спешно выехать в Петроград.

Главный комитет Союза земств и городов, руководимый Львовым,

Челноковым, Астровым и др., пользуясь попустительством властей, откровенно готовит государственный переворот. Городские головы, председатели земских управ и др. лица, заблаговременно и специально для того подобранные, получают на московских съездах, явных и тайных, указания, как возбуждать местных гласных, а через них и население, порочат Царицу, а через Нее и Царя. Это опорочивание всего, что мешает замыслам левых, является самым верным орудием их, которое ими искусно применяется. Все правое опорочено уже давно; правительство опорочено окончательно недавно, и если правые или правительство теперь поднимут голос в защиту чего-либо, то будут встречены лишь насмешками. Остается у них последняя преграда — авторитет Царя. На эту последнюю преграду теперь направлены все усилия Союза [земств и городов], Желтого блока и печати.

Затем, в Астрахани, например, губернатор заявил городскому голове, что в Москве съезд не разрешен; Львов телеграфировал всем: «Приехать во что бы то ни стало». И приказ этот второго правительства был исполнен. Вернувшись со съезда, городской голова, собрав гласных в незаконное частное собрание, сообщил им, что несмотря на разгон съезда полицией они всю ночь совещались в доме, который он назвать не может; на совещании говорили о необходимости заранее наметить Временное правительство, а также властей на местах. Если бы это говорилось в 1905 г., то можно было бы не придавать особого значения, но теперь все, что говорят и делают левые, основано на точном расчете, и на ветер они слов не бросают. Если говорят о Временном правительстве — значит имеют опору. Рассчитывать на уличную революцию они не могут — нет нужного материала, и евреи — эти главные двигатели ее — теперь выступить не решатся. Могут поднять бунт, смуту, которую легко подавить, и это они хорошо знают. Значит они рассчитывают на другое: или на дворцовый переворот при помощи ближайших частей войск, или на военный, который подготавливает авантюрист Гучков уже давно, войдя в сношение с видными военачальниками, количество которых в его шайке, по слухам, все усиливается.

В Москве перед Рождеством все ночи шли совещания при участии Милюкова, Шингарева, Челнокова, Львова, Астрова и будущих Царей наших — «Рюриковичей» — Павлуши и Петра Долгоруких. Уже раздаются голоса об удалении Царя; громко упоминается имя Павла.

С этим надо покончить как можно скорее. Полумеры только раздражают. Надо прежде всего разогнать московскую шайку и составить Главный комитет Союза земств и городов из лиц по назначению от правительства, удалив от дел весь теперешний Комитет полностью. Опасаются, что эта мера вызовет забастовку союзов. Да, они не останутся перед тем, чтобы заморить армию, они и теперь поговаривают о такой забастовке, чтобы восстановить армию против правительства. Но, во-первых, это оружие обоюдоострое, и оно может скорее обернуться против них же; во-вторых, одновременно с удалением главарей шайки следует объявить все союзы на военном положении и это сразу отобьет охоту бастовать, так как у нас языком болтать не прочь, но под расстрел или в петлю идти не согласятся и преспокойно будут работать те самые, которые раньше мучили под влиянием Львова и К°.

Эта мера первейшая и необходимейшая и должна быть проведена или Царским приказом или по требованию главнокомандующих армиями. Если шайка не будет разогнана, она сделает свое дело.

- Окружить себя верными людьми.
- Иметь близ себя верные части войск.
- Гучковцев — Лукомского и др. — выгнать, удалить с ответственных постов.
- Если в Думе нельзя какими-либо чрезмерными мерами прекратить возбуждающие речи, то лучше Думу не собирать или собрать, но после первых же революционных речей закрыть ее с указанием в Манифесте, что такая деятельность Думы служит лишь поддержкой внешнему врагу.

— Потребовать от местных властей, чтобы они не позволяли порочить Царицу и Царя, а также возбуждать население против правительства, привлекая за это к ответу по закону. Это сразу осадит глупцов, и агитаторы останутся без слушателей.

- Приказать губернаторам открыто поддерживать правых гласных и др.

правых общественных деятелей, оказывая им особое внимание и награждая их орденами и званиями изредка. Эта мера в короткое время перетянет большинство на правую сторону.

Помните, Государь, что положение опасно необычайно, не только в смысле проигрыша войны, но опасно и для Вас и для Династии. Но в то же время помните, и крепко помните, что все в Вашей власти: допустите — все может быть, не допустите — ничего не будет. Советующие не прибегать к крутым мерам, дабы не раздражать «общественность», неправы; полумеры только раздражают и восстанавливают. Решительная мера ударяет сильно, но с ней сразу примиряются.

Не надо забывать, что общественности, о которой так много кричат, у нас нет, а есть Львовы, Гучковы, Челноковы с кучкой агентов на местах и стадо неразвитых политически и доверчивых людей, которых эти господа и ведут за собой, не имея в том противодействия при глубоком молчании правительства.

В письме я не могу высказать так, как сказал бы на словах, но думаю, что главное, что побудило меня искать видеть Вас, — подготовка Временного правительства, разговоры о Династии и о Павле, в связи с увеличивающимся количеством гучковцев в армии — изложено мною хотя не образно, но ясно.

Верноподданный Вашего Величества, председатель Астраханской народной монархической партии Нестор Тиханович-Савицкий.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 861, л. 1—2. Частично опубликовано: Союз русского народа. М.-Л. 1929, с. 354.

№ 169. Н. Д. Тальберг (Петроград) — Н. А. Маклакову (Каменка Московской губ.)

30 декабря 1916 г.

Происшедших и настоящих новостей не касаюсь по известным Вам причинам. Возглавлять Вас будет Иван Гр[игорьевич Щегловитов], помогать ему, говорят, Стишинский или Дейтрих¹; к Вам попадет, наверно, Веревкин. В общем же считаю положение очень серьезным, но продолжаю уповать на милость Божию. Кругом же продолжается глупая, а часто просто преступная болтовня. Марков на днях правильно написал в «Земщине», что теперь и в области мысли перешли к фабричному производству: каждый может не думать, а только воспринимать или выражать тот взгляд, который изложит ему газета.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1067, л. 1833.

1. Речь идет о Государственном совете, в котором с 1 января 1917 г. председателем был назначен Щегловитов. Товарищем председателя стал В. Ф. Дейтрих (рожд. 1850 г.), являвшийся в 1902 г. помощником финляндского генерал-губернатора; с 29 июля 1916 г. он был председателем Особого присутствия при Государственном совете.

№ 170. Председатель Совета и Главного правления Русского монархического союза С. А. Кельцев (Москва) — директору Департамента полиции А. Т. Васильеву

2 января 1917 г.

Созывая на 8 января соединенное собрание Совета учредителей, Главного правления и правлений отделов, при участии почтенных членов Союза, для установления программы действий на 1917 г. и выполнения намеченного, в зависимости от возможности и средств, а также соответствующих указаний правительства, — считаю долгом предварительно иметь подтверждение от Вас, в связи с последним личным разговором 15 декабря и письмом моим от 24 декабря за № 994.

Ввиду сего приеду на один день в Петроград 5 января, в четверг, и покорнейше прошу в этот день принять меня для установления предначертанного Вами и г. министром на наступивший год, в котором, судя по состоявшимся совещаниям милюковцев и [слово не разобрано] докладов Маклакова¹ и др., в ближайшем будущем нужно быть готовым к разным неожиданностям.

В надежде, что астрологическое значение сложности цифр 1917 года = 18:2 = 9:3 = 3 пророчит победу чистого («ангельского») над нечистым («аггельским»), правды над клеветой и злом, божеского над человеческим, будем верить, что не восторжествуют, а посрамятся лиходеи Трона и государственности. Таких годов — немного, особо значительно, что в этом столетии сложность 18 не была ни одним годом с 1899 г. = 27. Да благословит Господь оправдаться предуказаниям цифровых сочетаний.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1917 г., д. 2447, л. 1—2. Автограф

1. Имеется в виду член ЦК кадетской партии В. А. Маклаков, родной брат Н. А. Маклакова.

№ 171. А. Н. Нарышкина ¹ (Тамбов) — Н. А. Маклакову (Петроград)

7 января 1917 г.

Мой дорогой друг Николай Алексеевич, Вы, не медля ни минуты, должны Протопопову указать на революционный центр в Москве Астрова ². Стремоухов ³ — его [Протопопова] недоброжелатель, и все, каждый шаг министра будет известен кн. Волконскому (мерзавцу, не верному своему Царю). Вы особенно укажите, что в Москве правительственная власть — губернатор, градоначальник — мгновенно будут революционерами взяты в плен, чтобы Протопопов это понял вовремя, теперь... Мрозовский ⁴ — отличный. Начальник штаба у него слаб. Военное положение, при первом движении, должно быть объявлено. Сандецкий очень хорош. А новый военный министр ⁵, слыхала, легковесный. Это несчастье [...] Как танцовщицы, которые только пляшут у воды [...], не у огня, как мерзавка Кшесинская! Правительству, в его составе, предстоит проиграть сражение... Это ужас! Победите все свои личные чувства и рекомендуйте Коковцова ⁶ — честен безусловно. Нельзя же и финансы поручать кой-кому!! Думу закрыть — тоже себя губить, потому что во всех углах России их агенты поставлены, а у нас слуги — губернаторы, как наш протеже. Ник. Ник. Липинский куда его сильнее. Вчера была просто у меня чуть не свалка. С одной стороны, революционеры Смирнов-кадет-Магдалина без[удержно] орали за Думу, против законной власти. С другой — Липинский против жены и Страхов ⁷. Я думаю, Страхова смело можно назначить в Одессу. Он очень авторитетен, смел, умен. Последний был ведь там дрянь, с развратной женой. Храни вас обоих Господь. Обнимаю. Я помираю от волнений за царя.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 687, л. 28, 29 об. Автограф. На бланке: «Почетная попечительница Екатерининского учительского института в г. Тамбове».

1. В показаниях ЧСК от 1 мая 1917 г. Маклаков пояснял, что автором письма являлась А. Н. Нарышкина, 1839 г. рожд., урожденная Чичерина. Он называл ее «действительно старым другом» и себя — ее душеприказчиком и указывал, что ее не следует путать с «действовавшей» статс-дамой Нарышкиной (Падение царского режима. Т. 3. Л. 1925, с. 99).
2. Н. И. Астров — член Московского отдела ЦК кадетской партии, председатель прогрессивной группы гласных в Московской городской думе, член Главного комитета Всероссийского союза городов.
3. П. П. Стремоухов (г. рожд. 1865) — в 1904—1915 гг. последовательно сувалкский, саратовский, костромской и варшавский губернатор. В 1916 г. директор Департамента общих дел МВД. В 1917 г. — сенатор. Эмигрировал.
4. И. И. Мрозовский — генерал от артиллерии, главный начальник Московского военного округа.
5. Генерал М. А. Беляев был военным министром с 3 января по 27 февраля 1917 года.
6. Вероятно, речь идет о кандидатуре нового председателя Совета министров.
7. Имеется в виду, очевидно, В. М. Страхов (рожд. 1866 г.), дворянин, действительный статский советник. Окончил московское пехотное юнкерское училище, женат на вдове потомственного дворянина Ольге Аркадьевне Лисовской, владевшей имениями в Тамбовском и Кирсановском уездах Тамбовской губернии (св. 1100 десятин). В декабре 1915 г. был назначен вологодским губернатором.

№ 172. Архиепископ Антоний (Харьков) — А. А. Перекрестову (Киев)

9 января 1917 г.

Вот и Шуваева ¹ нет среди ближайших сотрудников Государя, который меняет их с небывалой и зловещей быстротой, наводящей на самые мрачные опасения. Дай Бог, чтобы последние рассеялись более светлостью действительностью грядущих дней, но России угрожает революция, а Харькову — чуть ли не с завтрашнего дня. Обидно, если войну мы проиграем, потеряв столько славных.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1917 г., д. 1068, л. 71.

1. Д. С. Шуваев (1854—1937) — генерал от инфантерии. В 1909—1916 гг. — начальник Главного интендантского управления, с марта до конца 1916 г. военный министр. В советское время преподавал в военно-учебных заведениях Красной Армии.

№ 173. Н. Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) — А. Д. Протопопову

11 января 1917 г.

Внимательно просмотрев [...] телеграмму к Царице ¹, не нахожу в ней ничего такого, что мешало бы и ее прочтению с церковных кафедр, с соответственным

разъяснением, подобным сделанному епископом Астраханским Митрофаном. Клевета на Царицу [слишком] широко распространилась в населении, чтобы бояться распространить ее еще более указанием на нее со стороны преданных людей.

Нахожу, что телеграмма эта, вызванная душевным порывом, оказалась составленною чрезвычайно удачно и содержанием своим всесторонне снимает с Царицы и гнусную клевету, и другие обвинения. Так или иначе, но обвинениям и рассказам этим необходимо дать противопоставление. И лучший способ сделать это — не путем печати, а уравновешенным, изобличающим и успокаивающим голосом пастырей, который раздастся с церковных кафедр всей России. Мотивировать чтение можно ходатайством об этом монархических организаций. Конечно, было бы много лучше, чтобы обеление Царицы в формах, указанных в нашей телеграмме, при разъяснениях, сделанных еп. Митрофаном, последовало не на основании нашей к ней телеграммы, а по непосредственному повелению Св. Синода, нашедшего недопустимым терпеть дотоле распространение этих преступных слухов, удручающих и население и армию. Дело это откладывать ни в каком случае не следует. Настроение страны и нужные меры нам отсюда виднее, чем правительству, обремененному многочисленными повседневными заботами.

С таким же письмом я обращаюсь к князю Николаю Дмитриевичу Голицыну² к Николаю Павловичу Раеву³ и к мирополитам Владимиру и Питириму.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1917 г., д. 244. л. 9—9 об.

1. Имеется в виду телеграмма от 5 декабря 1916 года (см.).

2. Кн. Н. Д. Голицын (1850—1925) — с 27 декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г. председатель Совета министров.

3. Н. П. Раев — с 1916 г. обер-прокурор Синода.

№ 174. Н. Н. Тиханович-Савицкий (Астрахань) — министру внутренних дел А. Д. Протопопову

14 января 1917 г.

Поднятый Вами вопрос об ответственности министров имеет чрезвычайно важное значение, не только принципиальное, но и в смысле обуздания провокации левых членов Государственной думы и успокоения населения, даже правую непартийную часть которого левые на этом вопросе притягивают к себе.

Еще в начале прошлого года я агитировал с целью поставить этот вопрос на очередь и предложил добавить в Основных Законах ст. 108² в следующей редакции: «Ст. 108² — Если Государственный совет или Государственная дума имеют веские основания подозревать председателя Совета министров, министров, главноуправляющих отдельными частями и других правительственных лиц в злоумышленных отдельных деяниях, то через председателя своего представляют о сем на Высочайшее усмотрение, ходатайствуя о производстве над подозреваемым судебного следствия. Следствие производится при непременно участии членов Государственной думы и Государственного совета по их выбору. Лица, над которыми производится следствие, впредь до выяснения их виновности продолжают исполнять обязанности по своей должности. Результат следствия должен быть объявлен на общем собрании возбудившего вопрос учреждения.

Примечание: Введением этой статьи отнимается у агитаторов самое могучее средство их против правительства, а главное — против Верховной власти, которым они более всего привлекают (даже правых на свою сторону). Кроме того они будут вынуждены прекратить свои необоснованные, возмутительные обвинения с целью подрыва авторитета власти, так как произведенное следствие раскроет необоснованность их нападок и поставит их перед страной в неловкое положение, одновременно подняв доверие к Правительству». Астрахань. Май 1916 года.

Я нахожу, что до окончательного выяснения результата следствия нельзя, по одному только обвинению, устранить опорочиваемого от должности, так как члены Думы будут этим пользоваться, чтобы хотя временно устранить нежелательное лицо; да и нельзя наносить обиду возможно неповинному по прихоти кучки членов Государственной думы.

Откладывать этого дела ни в коем случае не следует. Установлением указанной ответственности министров и др. должностных лиц будет вырвано

из рук агитаторов могущественное оружие. Прошу принять уверения в совершенном уважении к Вам

Н. Тиханович-Савицкий

Директор Одесской гимназии председатель одесского Союза русских людей, видный правый деятель Николай Николаевич Родзевич сидит в Бердичеве, в канцелярии, нижним чином, тогда как его можно было бы использовать по продовольственному делу, которым он интересуется, и вообще он мог бы сильно пригодиться во многом, будучи на военной службе.

Р. С. В МВД есть жалоба от него на одесское гор. самоуправление и на одесскую администрацию.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1917 г., д. 244, л. 25—26.

№ 175. Н. А. Маклаков (Петроград) — М. Л. Маклаковой¹ (Ярцево или Каменка Московской губ.)

Понедельник, 16 января 1917 г.

Милая Марьюшка.

Вчера утром приехал и уже повидался с Ш. Ш. [Алексеем Александровичем Ширинским-Шихматовым?]², два раза с князем Голицыным, с Протопоповым. Вчера же по телефону испросил разрешения и сегодня в 6 часов был там. От 6 до 7 часов 20 минут был у Г[осударя], а потом был в женской половине. Оба, как всегда, очаровательны, умны, тонки [...] Сейчас поздно. Я был у Голицына, и туда приходил до меня Протопопов, и сидели без конца долго [...] Сегодня звонил ко мне Щегл[овитов], но меня не было дома. Он стремится теперь в дамки [...]

Положение очень тревожное, но мне чувствуется, что 9-й вал сзади и что дело понемногу [поправится].

Голицын благородный, хороший человек, честный, простой и преданный Государю. Щегл. что-то все плутает.

Хочу принять в четверг участие в избрании заместителя нашему бывшему председателю³. Ш.-Ш. меня час убеждал вести агитацию за Трепова⁴ — я отказался и сказал, что это будет иметь вид демонстрации.

Как, милая, ты? Я думаю выехать в субботу домой или даже в пятницу [...]

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 685, л. 165—165 об. Автограф.

1. М. Л. Маклакова — жена Н. А. Маклакова, урожденная княгиня Оболенская.
2. А. А. Ширинский-Шихматов — член Государственного совета, группа правых.
3. Имеется в виду председатель группы правых в Государственном совете; ранее председателем был Щегловитов, назначенный с 1 января 1917 г. председателем Государственного совета.
4. А. Ф. Трепов (1864 — после 1917 г.) — егермейстер, статс-секретарь, с 19 ноября по 29 декабря 1916 г. председатель Совета министров. Уволен от всех должностей.

№ 176. Н. А. Маклаков (Петроград) — А. Н. Нарышкиной

20 января 1917 г.

Глубокоуважаемая и дорогая Александра Николаевна,

[...] Здесь я один, жену оставил в деревне, еду завтра к ней, а в начале февраля переедем сюда на сессию.

Был я у Г[осударя] и у Императрицы. У царя долго пробыл и обо всем говорил, сказал ему чистую правду. Как всегда ласков, задумчив, с виду спокойный, но усталый и бледный. Она — сильная и мужественная и очень горячо к сердцу принимающая все, что творится. Я уехал из дворца с душой, перевернутой до глубины, и очень хочется Им помочь, и так неудержимо роковым ходом всякая помощь становится все менее и менее вероятной и возможной. Когда увидимся, подробно все расскажу. В кабинете на столе, когда Г[осударь] меня принимал, лежало Ваше письмо. Г[осударь] на него, улыбаясь, мне показал и говорит: «Мне пишет А[лександра] Н[иколаевна], что это письмо мне привезет «наш Маклаков»». Это было начало разговора, который был милостив и в течение которого осведомился о Вашем здоровье, с искренним сочувствием и интересом.

Но как было, так и есть. Он совсем, совсем один, и все кругом — это люди, — кроме Голицына, которого [...], и Протопопова, которого травят не на жизнь, а на смерть, — которые не спасут Его, т. к. прежде всего будут спасать себя.

Целую ручки Ваши и шлю Вам лучшие благопожелания. Искренне Ваш Ник. Маклаков.

P. S. Владыке шлю низкий поклон и сердечный привет.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 60, л. 38—39 об. Автограф.

№ 177. А. М. Первушин (Семипалатинск) — И. Г. Щегловитову (Петроград)

23 января 1917 г.

Что в данный момент растет и развивается у нас — глупость или сплошная измена? Смена министров и назначение на их должности лиц, имеющих смутное понятие о России, непонимание ими задачи управления, корыстолюбие расшатало всякое понятие о власти. Не кончив войны, шумят о всяких пустяках и мечтают о грядущей революции, которая совсем не миф. Я близко стою к народу и впервые слышу говор об уравнивании экономическом, а не политическом. Полагаю, что у нас будет такая же бестолковая революция, с пролитием более невинной крови, как в 1905 году. В народе ропот: «Зачем, Государь, не удалишь своего министра Фредерикса». Ведь он немец, и ему приписывают много злодеяний.

В «Новом времени» прочел, что по повелению Государыни военнопленным немцам улучшается их быт и даются облегчения. Где закон, по которому Государыне дано право издавать повеления? Не говоря уже о том, что немцы мучат и издеваются над нашими пленными, мы сами, в России, испытываем большие лишения.

Петроград полон мерзавцев, спекулянтов и взяточников. Первый толчок дает правительство. В «Новом времени» от 11 января с. г. указано, что товарищ министра земледелия Глинка разрешил вывезти в Финляндию 54 млн пудов хлеба по твердым ценам и 2 млн пудов сахара по 4 р. 40 к. за пуд. Мы, русские, сами нуждаемся в хлебе и сахаре, а Глинка выпустил эти продукты в Финляндию, которой такого количества хлеба не надо и который весь должен пойти в Германию. Почему бы не повесить этого изменника. И чего церемониться с Финляндией. Выборгская губ. должна быть присоединена к общему управлению. Что в Петрограде сидят страшные мошенники, отмечаю факты. Русские чиновники, [оставившие] Гос. банк, за какие-то услуги получают в частных банках: Коншин 280 т., Давыдов 400 т. руб., новый министр Протопопов реквизирует сукна в Москве и возвратил их вновь, чем повысил цены сукна на 800 и более процентов. Создают законы против дороговизны, а не определяют правомочий на возбуждение дел. Спекулянты все.

Не глупо ли раздавать пособия, кроме жен с малолетними детьми, отцам, матерям, дядям призванных. Истрачено около 2 миллиардов, на которые можно было бы три месяца вести войну. Не глупо ли министру ездить на осмотр тела Распутина? Не глупость ли увлекаться трезво-охранительными законами и мерами и делать всех граждан преступниками и лгунами?

Будьте добры, способствуйте остановлению развивающегося идиотизма.

Предстоит важный вопрос о Польше. Несомненно, она будет для нас второй Болгарией. Надо отбросить сантиментальности и немного помнить о России. Хотя часть убытков, до 3 миллиардов, возложить на отделяемую Польшу. Мысль Шарапова¹ верна, что от этой Польши необходимо отгородиться таможнями и конвенциями о равноправии. Константинополь нам ни к чему.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1917 г., д. 1069, л. 168.

1. С. Ф. Шарапов (1856—1911) — помещик, неославянофил, деятель правого толка, публицист, уделявший значительное внимание экономическим вопросам.

№ 178. Докладная записка председателя Нижегородского Дубровинского отдела СРН И. В. Одинова на имя министра внутренних дел А. Д. Протопопова

24 января 1917 г.

По чувству искреннего патриотизма и по долгу своему как председателя одной Нижегородской монархической организации, посоветовавшись со своими единомышленниками, я осмеливаюсь доложить Вашему Высокопревосходительству следующее: истинные патриоты-монархисты находят необходимым еще раз почтительнейше просить Вас внять давнишней усердной просьбе их: ходатайствовать перед Его Величеством Государем Императором об изменении закона о Государственной думе в том отношении чтобы председатель Государственной думы был по назначе-

нию, а не по выбору самой Думы, часто переменчивой, ввиду того, что при выборном председателе Думы все больше и серьезнее при случае и без случая будут допускаться в Думе такие политические речи, какие были в последнее время относительно государственного строя. Народ полагает, что теперь председатель Думы не может иначе и поступить, как терпеть сказанные речи в Думе, потому что избрание его зависит всецело только от самой Думы. А допущение таких речей и печатание их в газетах для осведомления всего народа производит несомненно только брожение в народе и подготовку к перевороту.

Затем против газет, усиленно подготовляющих в последнее время народ к тому же перевороту, сделать тот же противовес, о котором давно твердят патриоты-монархисты, а именно: установить твердое правило о том, чтобы редакции газет обязательно помещали в своих газетах политические статьи и заметки, опровергающие любую революционную или противоправительственную статью или заметку в газете, ибо иначе народ, читающий газеты с односторонним критическим сведением, например, о существующем государственном строе, слишком легко и быстро готовится к перевороту в государственном строе, тогда как если бы он читал в газетах тут же рядом и другие, противоположные суждения по тому же предмету, то революционные статьи не могли бы иметь такой развращающей силы, какую они несомненно имеют теперь. Имеющееся же теперь для противовеса слабое издательство газет с правым направлением больше чем недостаточно потому, что теперь народу, раздраженному разными лишениями, создавшими невыносимо тяжелую жизнь, хочется найти виновников в этом, и потому читаются охотнее те газеты, где осуждаются действия или правительства, или отдельных должностных лиц, а правые скромные газеты читаются очень немногими, и все те лица, которые открыто читают их, считаются людьми отсталыми и которым подчас из-за этого не дается хода по общественной и государственной службе, что я испытал лично на себе, и оттого люди нетвердые или нуждающиеся в средствах к жизни переходят в левый лагерь. Будь же приняты в уважение оба вышесказанные пожелания патриотов-монархистов, у революционеров не осталось бы ни единого действительного средства для подготовки простого народа к перевороту.

В связи с этим патриоты-монархисты считают необходимым принятие самых крутых мер против таких крупных и средних мародеров, врагов отечества, которые, пользуясь военным временем, стараются на несчастии других нажить несметные богатства, разоряя и раздевая народ, оставляя его буквально и голодным, с затхлой мукой, и раздетым, без платья и обуви, так что народ, в высшей степени раздражаясь этим, ищет виновных в попустительстве, а революционерам это на руку, и они, раздувая события, усиливают этим ненависть к начальству. В случае же принятия правительством крутых мер против мародеров, вплоть до высылки их, какие бы результаты из этого ни были, народ был бы всецело на стороне правительства, и у революционеров отнималось бы и это самое важное средство к возмущению народа.

Наконец, в связи с этим же признается необходимым возможно спешное принятие самых решительных мер к установлению твердых цен на все без исключения предметы продовольствия и одеяния простого народа и вместе с тем твердых цен на поденную работу простого ремесленного рабочего человека и на перевозку предметов сельского производства в сельских местностях, ибо при теперешнем положении, при необузданности рабочего люда в жадности, от несообразных цен на поденную работу в сельских местностях нередко остаются некоторые дуга не скошенными, поля — не засеянными и хлеб — не убраным с поля и не обмолоченным в добрую неотложную пору, а сельскохозяйственные постройки — развалившимися, с худыми крышами, а то и без оных, что возмущает не только местных оставшихся дома жителей, но и ушедших на войну и приходивших оттуда людей, а между тем цены на все произведения сельского хозяйства оттого поднимаются ежедневно все больше и больше, становясь непосильными и для городских жителей даже со средним достатком. Все эти недовольства несомненно на руку революционерам, что я узнаю из речей единомышленников своих.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1917 г., д. 244, л. 23—24 об.

30 января 1917 г.

Комитет Астраханской народной монархической партии постановил довести до Вашего сведения следующее:

Депутаты и левые уже злорадствуют: совместными действиями московской шайки, Думы и печати, тщательно подготовленными московскими совещаниями намечен, по их словам, решительный, окончательный штурм правительства, после которого, по их мнению, капитуляция Верховной Власти неизбежна.

План этот надо разрушить решительными мерами. Только попустительством и колебанием власти сильно это, трижды преступное во время войны, движение. Печать надо заблаговременно взять под строгую военную цензуру, особенно «Русское слово», как самое распространенное. Председателя Думы предупредить, что дальнейших грубостей по отношению министерств, Его Величества, и стремлений уронить авторитет власти допущено не будет и при первой же попытке к этому, не прекращенной немедленно исключением виновных, Дума будет закрыта без указания срока ее созыва.

Председателю Совета министров и министру внутренних дел следует выступить с речами твердыми, определенными, не раздвоенными, которые объяснили бы населению значение Думы, ее желательность, ее права по закону, а также значение авторитета власти, ронять который правительство допустить не может. Разъяснить, что требуемая левыми ответственность министров не перед Царем, а перед Думой, как преступное, по нашим законам, покушение на Царскую власть, недопустима, а потому разговоры об этом надо оставить, но что правительство будет ходатайствовать перед Его Величеством о законе, чтобы в случае обвинения Думой министров и других должностных лиц в злоумышленных действиях производилось бы немедленное следствие по поводу указанного обвинения при непременно участии членов Думы и Совета, но без устранения обвиняемого от должности впредь до установления его виновности.

На случай закрытия Думы следует заблаговременно принять меры к недопущению возбуждающей агитации в печати и агитации московской шайки в городских и земских самоуправлениях или других собраниях, дав губернаторам соответствующее указание и право обязательных постановлений.

Безразлично, будет ли Дума распущена или нет, — подготовить замену комитета Земгора лицами от правительства, включив в состав его несколько видных государственных деятелей, например, Трепова, Бобринского, Макарова, Шуваева, Кривошеина, Коковцова. А на местах руководство этой деятельностью земских и городских самоуправлений вручить акцизному ведомству, как свободному, одновременно поставив Союзы на военное положение. И к роспуску Думы, и к замене комитета Земгора народ отнесется совершенно спокойно, так как он этим мало интересуется, а милитаризацию земств и городов примет с особым удовольствием. Фрондирующая часть общества, подстрекаемая распущенными членами Думы и агентами московской шайки, «вознегодует», поругается, но, не возбуждаемая печатью, успокоится не далее как через две — три недели.

Вслед за этим должны распубликовываться как можно чаще правительственные сообщения о мерах к облегчению и устройству населения и о мерах, способствующих достижению полной победы правительства, принимаемых, осуществляемых и предположенных. При этом в среду правительства необходимо привлечь лицо безусловно монархических взглядов, работоспособное, энергичное, с широкой инициативой, на деятельности которого население останавливалось бы с удовольствием. Одновременно надо приступить к объединению и организации правой части общества, которая — не мала, не запугана наглыми действиями левых и попустительством власти.

Комитет Астраханской партии настоятельно просит Ваше Превосходительство обратить на изложенное самое серьезное внимание. Мы находимся в народе, и нам лучше видны его настроения и меры, которые окажутся более действительными.

С таким же представлением Комитет обращается к г-ну председателю Совета министров, а копии сообщает некоторым членам правительства, Государственного совета и Государственной думы.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1917 г., д. 29—30.

№ 180. Мировой посредник А. Свидерский (Киев) — члену Государственной думы Г. Г. Замысловскому (Петроград)

31 января 1917 г.

Из прилагаемой копии письма Андрея Афанасьевича ¹ видно, что перевод мой обратно в Киев решен. Я глубоко тронут Вашей поддержкой. То, что говорили мне о М. Стельмашенко со слов министра и А. Т. Васильева, резко противоположно тому, что сказано в письме относительно моей партийной и политической деятельности. Мне даже совершенно непонятно положение, когда мировой посредник или земский начальник не занимается политикой в смысле укрепления у населения любви к Государю Императору и не борется с разрушающими течениями гг. Демченков, Савенок, Шульгиных и К°. «Им» можно делать разрушительную политику, а я должен смотреть сквозь пальцы на созидание этой разрухи. Вчера написал Н. Д. Тальбергу, и мне очень хотелось бы, чтобы вы познакомились с содержанием этого письма, в котором я рисую наше местное политическое положение и неустойчивость курса на месте. Все свои надежды я основываю на Ф. Н. Безаке и митрополите Владимире в предстоящую выборную кампанию [в V Гос. думу]. Но если она действительно решена, то необходимо сейчас же готовиться на местах и делать ряд съездов и выяснить силы. Травля против меня не прекращается, положение мое непрочное, и я ничем не гарантирован в том, что меня могут снова перевести завтра.

Копия с приложенной копии.

По приказанию г. министра [внутренних дел] имею честь уведомить Ваше Высокородие, что во внимание к положительным сторонам деятельности Вашей по крестьянским учреждениям Его Высокопревосходительство признал возможным удовлетворить ходатайство Ваше об оставлении во 2-м участке Киевского уезда:

С тем вместе Его Высокопревосходительство приказал предупредить Вас о недопустимости с Вашей стороны действий и поступков, подобных тем, несоответствие коих достоинству занимаемого Вами положения указано Вам лично как товарищем министра тайным советником Куколь-Яснопольским ², так и мною, и о том, что в дальнейшем служебные действия Ваши должны быть строго объективны, исходить только из требований закона и никоим образом не могут зависеть от политических, партийных или личных влияний и отношений.

Андрей Станкевич.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265. 1917 г., д. 1071, л. 11—11 об.

1. А. А. Станкевич (1868—1918) — воронежский помещик, в 1916 г. — управляющий земским отделом МВД.
2. С. А. Куколь-Яснопольский — товарищ министра внутренних дел.

№ 181. Д. Е. Куделенко ¹ (Киев) — неустановленному лицу (Киев)

31 января 1917 г.

Глубокоуважаемый Дмитрий Васильевич, если имеете время, не откажите прийти, есть очень важное дело. У меня отец Федор ждет Вас; получены известия важные, на которые надо реагировать срочно партиям.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 819, л. 148. Автограф. На бланке: «Типография Об-ва «Двуглавый орел». Киев. Сенная пл.».

1. Д. Е. Куделенко — публицистка, входила в число руководителей киевского «патриотического общества молодежи» «Двуглавый орел» (256 членов). В 1913—1914 гг. исполняла обязанности секретаря Главного совета этого общества, а в 1915 г. являлась редактором его одноименного печатного органа. Общество пользовалось определенным влиянием среди правых. В 1915—1916 гг. Куделенко была редактором газеты того же общества «Киевская копейка». Обе газеты в 1916 г. получали субсидии МВД.

№ 182. М. Олив ¹ (Чернигов) — Н. А. Маклакову (Петроград)

6 февраля 1917 г.

Здесь левые воровством довели до того, что сотни тысяч пудов муки гниют на станциях Круты, Бахмач и Конотоп. Когда удается получить хоть один вагон в Чернигов, то оказывается, что мука никуда не годна. Это все поставки Малявки и К°, за которых так хлопочет Пушкин.

Говорят, что Гревениц уходит и что «левые» его очень жалеют. Для меня это, собственно, безразлично, так как я их мало видала. Но беда в том, что в Чернигове

истинно преданных 1½ человека: Оппоков — это один, а Матвеев² — это ½. Он попросил меня написать о нем Бобринскому, и когда за это получил выговор от Волконского, то отрекся от этого моего письма. Но все же он правый и годный для дела.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1917 г., д. 1071, л. 26.

1. Личность автора письма установить не удалось; она находилась в близких отношениях с семьей Маклаковых.
2. Н. В. Оппоков — действительный статский советник, член директората реального училища в Чернигове (см. док-т от 19 марта 1916 г.). Д. Н. Матвеев — черниговский вице-губернатор.

№ 183. Телеграмма председателя Главного совета Отечественного патриотического союза В. Г. Орлова и др. (Москва) министру внутренних дел А. Д. Протопопову

8 февраля 1917 г.

Главный совет Отечественного патриотического союза почитает долгом доложить вам о нижеследующем. В последнее время к недоумению русских людей во внутреннюю жизнь страны начали вмешиваться иностранные послы держав Англии и Италии. Так, например, Александр Амфитеатров¹, который за свою антигосударственную деятельность подлежал высылке, а по-нашему — подлежал и суду, путем вмешательства итальянского посла был освобожден для продолжения своей преступной деятельности. Затем Милюков после известной речи в Государственной думе на автомобиле английского посла поехал к серу Бьюкенену, где, как писали, Милюкову был устроен банкет и два дня был кутеж. Московский городской голова Челноков, которого все русские люди считают большим злом для России, в особенности Москвы, получил высший английский орден Георгия-Михаила, чем ярко знаменуется благожелательное отношение Англии к антигосударственным элементам страны. Бывший министр иностранных дел Сазонов, после того как Монархом был признан неспособным и был отстранен от управления министерством, народ выразил недоверие [его] политике и деятельности, Сазонов получает высшие награды от английского правительства. Такое внимание со стороны Англии к Прогрессивному блоку — антигосударственным элементам России, вмешательство иностранных послов умаляет значение великой державы, вносит брожение в народные массы, порождает ненависть к Англии и Италии. Главный совет почитает долгом обратить Ваше внимание на столь ненормальные явления.

Председатель Главного совета Отечественного патриотического союза ученый археолог В. Орлов. Председатели отделов: Узлового — Максимов, Марьинского — Иванов, Лосиноостровского — Пресса, Курского — Константинов, Николаевского — Гончаров и Александровского — Козлов.

ГАРФ, ф. 102 4-е д-во, 1915 г., д. 110, л. 317—319; ф. 1467, оп. 1, д. 858, л. 70—70 об. Аналогичные телеграммы были направлены председателю Совета министров и министру иностранных дел (там же, д. 579, л. 11).

1. Журналист и редактор газеты «Русская воля» А. В. Амфитеатров опубликовал на ее страницах фельетон против А. Д. Протопопова, за что был выслан в Иркутск (см.: ДЯКИН В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967, с. 267).

№ 184. Протокол заседания Палаты Союза им. Михаила архангела

8 февраля 1917 г.

Председательствует В. М. Пуришкевич.

Присутствуют: Н. Д. Облеухов, В. А. Прокофьев, С. Л. Облеухова, К. А. Четвериков, Л. А. Балицкий, П. А. Яковлев, Д. Д. Шеин, П. С. Бобров, К. Т. Прохоров и член Союза Н. Э. Верравин [?]

Отсутствующие члены Главной палаты Г. И. Кушнырь-Кушнарев и граф Н. Н. де Рошефор сделали заявление в предыдущем заседании, что вполне присоединяются к тому, что постановит Главная палата, и просили считать в числе других и их подписи. С. Л. Облеухова читает проект заявления:

«Главная палата в сознании [своего патриот]ического долга считает необходимым довести до сведения своих о[рганизаций] о том, что:»

1) группа монарх[истов] —] Н. Марков 2-й, граф Н. Гейден, В. Соколов, Р. Трегубов — созывает в [ближайшем] будущем съезд монархист[ов], направляя от[дельным] лицам и монархическим организациям пригласительное «Окр[ужное послание]», но[сящее] характер прокламаций. Содер[ание] его тако[во], что может посеять тревогу и смуту в умах рус[ского] народа[.]»

Настоящее политическое положение России в этом «Окруж[ном посл]ании» изображается в таком виде, что чуть ли не вся Россия объединилась в заговоре с целью ниспровержения государственного строя.

Авторы послания называют крамольниками [Государ]ственный совет, Государственную [думу, объединенное дворянство], все общественные учреждения, обслуживающие армию, и всех русских людей, кто не заодно [с ними].

2) Главная палата считает подобную оценку настоящего политического положения страны заведомо ложной и злонамеренной. Все русские граждане, за небольшими исключениями (к каковым, к сожалению, приходится причислить и авторов окружного послания), дружно] объединены в общем стремлении к победе над врагом и к обеспечению для исстрадавшейся Родины блага прочного и долговременного мира. Даже крайне левые политические партии, являющиеся в других вопросах оппозиционными правительству, в вопросе войны — единомышленны со всеми.

3) Главная палата не признает ни за собой, ни за другими монархическими организациями права на монополию патриотизма, а посему полагает:

4) Всякие съезды политического характера, какого бы они ни были направления, ведущие к усилению внутренней розни в стране, совершенно недопустимы. Собрание подобных съездов в данный момент является уже не простой ошибкой, а провокацией, граничащей с государственным преступлением.

5) Главная палата считает допустимыми и даже желательными съезды военно-технического или экономического характера, имеющие целью снабжение армии боевыми и продовольственными припасами и также устранение той продовольственной разрухи, от которой стонет в настоящее время русский народ.

6) Не подлежит сомнению, что по окончании войны потребуются монархические съезды для рассмотрения вопросов внутренней русской жизни, в которой война, возможно, произведет большие изменения.

Несомненно, придется рассматривать вопрос и об отношениях русского народа к инородцам в зависимости от их отношения к русской государственности и народу во время войны. Несомненно, будет поставлен на очередь вопрос о выяснении задач монархических организаций и вопросов экономического характера, в смысле широкого развития производительных сил России для того, чтобы удешевить и устроить жизнь низших классов населения.

Все это является первейшей заботой Главной палаты тотчас же по окончании войны. Но сейчас не время пересмотра политических программ, а время войны, когда все русские люди, без различия звания, состояния, национальности, должны дружно объединяться вокруг Царя, под знаменем России, нашей общей матери, для окончательного одоления внешнего врага.

Ввиду всего вышеизложенного Главная палата в заседаниях своих 7 и 8 сего февраля единогласно постановила никакого участия в предстоящем съезде не принимать, а также безусловно предлагает и отделам своим воздержаться от посылки на съезд своих уполномоченных.

При этом отделы предупреждаются, что те из них, кои нарушат это постановление и примут участие в съезде, будут закрыты, а знамена у них отобраны. Применение этой меры Главная палата считает совершенно необходимым ввиду принципиальной важности вопроса. Сейчас пора работы, а не возбуждения в стране, путем съездов, острых политических страстей».

В. М. Пуришкавич находит проект превосходным и предлагает Главной палате высказать свое мнение. Главная палата присоединяется к председателю, изменив несколько слов в заявлении.

Постановлено: Обеспечить его в достаточном количестве и разослать по отделам СМА.

После обмена мнений постановлено: Послать И. И. Баранову от Главной палаты письмо с предложением сделать выбор между СМА и СРН. В случае неполучения ответа или в случае, если И. И. Баранов будет присутствовать на съезде, считать его выбывшим из состава членов Главной палаты.

ГАРФ, ф. 117, оп. 1, д. 282, л. 4—5 об. Документ поврежден. В газете «Новое время» (9 февраля 1917 г.) приведено изложение этого документа, позволяющее приблизительно восстановить отсутствующие в нем места).

(Окончание следует)

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Введение в историю

Л. П. Карсавин

Лев Платонович Карсавин (1882—1952) — одна из ярчайших и трагических фигур в истории российской науки. Он родился в Петербурге в артистической интеллигентной семье. Его отец, Платон Константинович, — известный танцовщик Мариинского театра, ученик Мариуса Петипа. Мать, Анна Иосифовна была склонна к серьезному чтению и философским размышлениям. Она приходилась двоюродной сестрой А. С. Хомякову, знаменитому философу и одному из основоположников славянофильства. Если сестра Карсавина, Тамара Платоновна, пошла по стопам отца и стала впоследствии прославленной балериной, то Лев Платонович избрал научное поприще. Окончив с золотой медалью гимназию, он поступил на Историко-филологический факультет Петербургского университета. «Самый блестящий из всех» учеников профессора-медиевиста Ивана Михайловича Гревса (по собственному признанию последнего) Карсавин начал свой путь ученого с изучения средневековой религиозности и шире — европейской средневековой культуры.

К тому времени, когда в 1922 г. Карсавин был принужден покинуть советскую Россию на знаменитом «корабле философов» и отправиться в эмиграцию, за плечами его было уже полтора десятилетия яркой педагогической деятельности, и солидный багаж оригинальных конкретно-исторических работ, философских сочинений и теоретических исследований, в том числе и по методологии истории, вызывавших далеко не однозначную оценку коллег благодаря неординарности его мыслей.

Возможно, в этом коренилась и одна из причин того, что Карсавин, оставленный по окончании в 1906 г. университета при кафедре всеобщей истории для приготовления к профессорскому званию, смог получить эту должность лишь весной 1918 г., несмотря на блестящую защиту им магистерской (1913 г.) и докторской (1916 г.) диссертаций и высокий профессионализм исследовательской работы, отточенный за годы его научных командировок в архивы Франции и Италии.

Карсавин читал курс истории средних веков и нового времени, вел спецсеминары по истории церкви, папства, средневековых ересей, монашества, мистики, религиозных движений и т. п. на Высших женских курсах, в Психоневрологическом и Историко-филологическом институтах; преподавал методологию истории на Высших курсах П. Ф. Лесгафта.

Берлин, затем Париж — таковы вехи эмигрантского пути Карсавина. Во Франции он сближается с евразийцами и становится одним из теоретиков этого движения. В 1926 г. в Париже он возглавил работу «Евразийского семинара», ядром которого стал цикл его лекций — «Россия и Европа». Карсавин был ведущим автором газеты «Евразия», выходившей с ноября 1928 г. по сентябрь 1929 года. В 1929 г. он порывает с евразийством, переезжает в Литву, где по приглашению

Каунасского университета занимает кафедру всеобщей истории. В этой должности он оставался и после перевода университета в 1940 г. в Вильнюс. Годы войны Карсавин провел в Литве. После утверждения там в 1944 г. советской власти, был отстранен от преподавания в университете. В 1947—1949 гг. он являлся директором Вильнюсского художественного музея. 9 июля 1949 г. был арестован по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной белоэмигрантской организации» и за «антисоветскую агитацию». Осужденный на десять лет лагерей, он умер в лагере Абезь (Коми АССР).

Глубоко трагична и творческая судьба Карсавина. Значительная часть его трудов, созданных в эмиграции, оказалась практически недоступной российскому читателю, как впрочем, и работы, написанные им еще во время пребывания на родине. Они не вписывались в идеологический контекст нового режима ни своей методологической направленностью, ни проблематикой, связанной с историей религии и средневековой религиозности. Непонимание, сдержанность, подчас враждебность ощутимы по отношению к Карсавину и со стороны его современников. Привлекая богатством конкретно-исторического материала, мастерством интерпретации, анализа, его работы, начиная с первых, по существу программных для всего его творчества «Очерков религиозной жизни в Италии XII—XIII веков» (1912 г.) и «Основ средневековой религиозности в XII—XIII веках преимущественно в Италии» (1915 г.), вместе с тем настораживали резкостью критики позитивизма, неприятием господствующей либеральной теории прогресса и социологизации исторического развития.

Идеи Карсавина о важности изучения духовного мира человека, исторической психологии, верований для понимания социальной практики, также как и собственная, подчеркиваемая историком религиозность воспринимались как эпатаж и эстетство¹. Методологические искания Карсавина, в частности в области средневековой культуры, постепенно глубоко деформировали его отношения с Гревсом, их не разделявшим, и кругом его учеников. Пропасть непонимания, обозначившаяся уже в ходе работы Карсавина над магистерской диссертацией, углубилась и стала непреодолимой после выхода в свет «Основ средневековой религиозности» с их обширным методологическим введением и резкой критики в печати теоретической части его работы Гревсом². В 20-х годах, оценки его трудов сопровождались эпитетами «средневековый фанатик», «бессмысленные теории», «сладкоречивая проповедь поповщины» и т. п.

Вспыхнувший с конца 50-х и в 60-е годы интерес к творчеству Карсавина был обусловлен общей ситуацией общественного подъема, в том числе и в области гуманитарных наук, и связанным с этим возрождением интереса к творчеству российских ученых начала и первых десятилетий XX в., оказавших мощное влияние на интеллектуальную жизнь послевоенной Европы (труды М. Бахтина, Г. Шпета, Б. Проппа, О. Фрейденберг и др.). Работы Карсавина в эти годы сыграли важную роль в становлении многих историков, а также философов и литературоведов. Однако первая попытка концептуального анализа его творчества приходится лишь на конец 80-х годов³.

Высоко оценивая значение этого опыта, прорвавшего завесу молчания вокруг Карсавина, не могу согласиться с общим выводом насчет того, что его творчество эволюционировало от истории к философии и в конечном счете обрело исключительно религиозно-философский характер. Подобный подход неправомерно раздробляет на редкость цельную в концептуальном отношении, органичную по своей центральной творческой идее научную практику этого выдающегося ученого.

Конкретно-исторические исследования Карсавина и его «метафизика», осмысление им сущности исторического процесса, отношения истории к Космосу, Абсолюту, природы религиозности и т. п. исходят из одной и той же идеи: истории как истории культурной и культурно-исторического синтеза как единственно научного метода познания исторического развития человечества и человека. Развертываемая в разных ракурсах идея эта пронизывает и его работы по истории церкви и средневековой культуры, и публицистические эссе, в частности, такое известное, как «Восток, Запад и русская идея» (1922 г.), и цикл его так наз. малых философских сочинений, не говоря уже о фундаментальной монографии «Философия истории». (Берлин. 1923).

Развитие мировой науки за последние полвека, в том числе таких ее новых

направлений, как историческая антропология и культурантропология, освоение историками плюридисциплинарных методик исследования, наконец, наш собственный социокультурный опыт резко высвечивают ускользавшее от современников, да и сегодня еще не всегда осмысленное в полной мере эпистемологическое новаторство идей и приемов Карсавина именно как историка культуры по преимуществу. И думается, что далеко не случайно свой последний, обобщающий труд, над которым Карсавин работал в годы пребывания в Литве и изданный недавно на литовском языке (в пяти томах), он озаглавил «История культуры».

Творчество Карсавина, пользуясь его же собственной терминологией, можно было бы обозначить как «всеединство», своеобразно реализующееся в каждом исследовании, будь-то конкретно-историческом или теоретическом.

«Введение в историю. Теория истории», публикацию которого журнал предлагает читателям — одно из звеньев этого органического «всеединства». Небольшая по объему эта работа увидела свет в 1920 г. — вскоре после общего, синтезирующего очерка «Культура средних веков» (1918 г.) и незадолго до «Философии истории»⁴. Как и обе названные работы, «Введение» было ответом Карсавина на критику его взглядов и фактически первой попыткой последовательной систематизации своих методологических воззрений на историю и ее изучение, так или иначе сформулированных им уже в более ранних публикациях. Но в отличие от «Культуры средних веков» или «Философии истории», «Введение в историю» осталось практически неизвестным широкому читателю и недооцененным сегодня даже специалистами.

Публикуемая работа имеет ключевое значение для понимания творчества Карсавина и его метода как историка культуры. Изложенная им здесь система идей и концепция исторического процесса сложились в ходе конкретных исследований культуры западноевропейского средневековья, а также под влиянием осмысления социальных катаклизмов современной ему революционной России. Работа Карсавина позволяет ощутить уровень научно-исторической мысли в России начала века и первых революционных лет, присущее ее представителям высокое сознание своей общественной ангажированности и вместе с тем включенности в европейскую интеллектуальную жизнь и в круг проблем, волновавших мировую науку.

Эта работа представляет собой актуализацию подспудно развивавшейся с конца XIX и в начале XX столетия тенденции к переосмыслению традиционных схем историописания, вошедших в непреодолимое противоречие, с одной стороны, с массой нового фактического материала, накопленного в результате открытого позитивизмом экономического и социального измерения прошлого, потребность в его систематизации и новом синтезе, а с другой, с социальным опытом, обретенным в результате первой мировой войны и революционных потрясений.

Трагические события этой эпохи похоронили многие мифы, владевшие сознанием историков, в том числе и один из наиболее стойких — о рационалистическом начале в истории. Они высветили несостоятельность, псевдоисторичность априорных конструкций о высшем регулирующем принципе в истории, будь то вера, мировой дух, философия, или эволюционистские схемы типа теории прогресса или направляющего действия объективных социально-экономических законов и процессов.

Те, кто пережил войну и революцию и сохранил, несмотря ни на что, интерес и способность к историческому творчеству, не могли не задуматься о подспудно действующих силах, истоках «стихий» исторического процесса, коренящихся в глубинах человеческого сознания. Но это, в свою очередь, не могло не утверждать и мысли о непригодности методов историописания, отводящих историку роль либо рассказчика, повествователя, регистратора сообщений, почерпнутых из источников, либо «прокурора» или «адвоката» истории. Это побуждало к переосмыслению самих ключевых понятий, таких как историческая наука, ее предмет, исторический факт и источник, историческое сознание, наконец, самой специфики методов исторической науки и ее отличия от наук естественных.

Только в таком историко-культурном смысловом контексте может быть понято и оценено в должной мере значение карсавинской работы «Введение в историю», ибо это — не кабинетные измышления «историографа», но манифест ученого, ангажированного своей наукой и временем. Показательно, что вышла работа в серии «Введение в науку. История», основанной по инициативе таких энтузиастов исторической науки, как С. А. Жебелев, М. Д. Приселков и сам

Карсавин, возглавивших ее редакционный совет. Сам состав историков, привлеченных к работе над ее последующими выпусками, как и планируемая тематика указывали на то, что целью ее было утверждение нетрадиционных концепций изучения всеобщей и отечественной истории. Среди авторов отдельных выпусков значились Б. А. Тураев, В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Е. В. Тарле, В. М. Алексеев и др.

Автор «Введения в историю» видит свою задачу не столько в ознакомлении с существующими концепциями истории и подходами к ее изучению, сколько в воспитании самостоятельного исторического сознания и умения выработать собственную позицию. Это — приглашение к дискуссии, включение в полемику, развертывавшуюся вокруг коренных проблем исторического познания в начале столетия в европейской науке.

Этой задаче подчинена вся структура работы. Публикуемая в настоящем номере «Вопросов истории» первая — главная — часть ее посвящена основным проблемам теории истории (концепция исторического процесса, предмет исторической науки, методы исторического познания, приемы ремесла историка, их специфика и т. п.). Вторая часть — аннотированный обзор работ по методологии истории. Библиографический характер имеет и третья часть.

Сам отбор рекомендуемых автором работ, как и сопровождающие их комментарии и методические замечания, свидетельствуют о карсавинской открытости к накопленному мировой историографией опыту. В центре внимания Карсавина работы, развивающие монистический взгляд на историю, в той или иной степени ориентированные на изучение исторического процесса в его «всеобщности» и «тотальности», т. е. в органическом внутреннем синтезе, в единстве всех сфер человеческого бытия, труды, способствующие уяснению важности этой линии развития исторических исследований. В этой связи важно отметить интерес Карсавина к книге А. Берра «Синтез в истории»⁵. Издаваемый Берром журнал «Revue de synthèse historique», предтечу знаменитых «Анналов», Карсавин рекомендует как один из важнейших источников информации о новой европейской историографии.

В своей совокупности материалы второй и третьей частей работы дают общую панораму состояния исторической мысли, выделяя основные противоборствующие тенденции и силы, как в европейской, так и в российской современной Карсавину науке. Но одновременно это также и своего рода подтверждение и иллюстрация развиваемого автором тезиса о специфике исторической науки и природе творчества историка. В истории нет и не должно быть места бесспорным и неизменным истинам, утверждал Карсавин: «Всякий (историк) сам должен искать ответы на свои запросы». Историческая наука, по мысли Карсавина, — форма самопознания общества, и здесь, как ни в одной другой области научного знания, важен субъект познания — личность самого исследователя, ориентированность его мышления и, соответственно, «вопросов», ответы на которые он ищет. Восприятие теоретических сочинений, пишет Карсавин, всегда субъективно: «объективного изложения чужих взглядов на самом деле не существует: оно всегда подчинено запросам и задачам исследователя».

Каждая новая концепция не есть истина в последней инстанции, но приглашение к продолжению дискуссии — мысль, которая через 19 лет после Карсавина прозвучит в «Апологии истории» М. Блока⁶. Сравнение работы Карсавина с этой книгой, одного из основателей школы «Анналов» не случайно. В обоих случаях речь фактически идет о «ремесле историка», предполагающем критическое осмысление идей долгого ряда предшественников о человеке как субъекте истории и творце исторической культуры.

Карсавин четко обозначает круг имен и теорий, в полемике с которыми он развивает собственную концепцию истории и методологии ее изучения. Он не приемлет юмовско-кантовское механистическое понимание развития и причинности в истории, выступает против ограниченности риккертской теории ценностей и дильтейевского метода «вживания» в историю, подвергает критике и распространенные идеи о роли личности в истории (в том числе Н. Кареева и Вл. Соловьева), и господствующую позитивистскую теорию прогресса и т. д.

Автор последовательно утверждает идею «всеобщей», «единой» («тотальной», согласно сегодняшней терминологии) истории. По Карсавину, история — это не совокупность обособленных «фактов» и «факторов», связуемых внешними по от-

ношению к ним причинными зависимостями, но органически целостный, связный процесс развития «социально-деятельного человечества». Карсавинская концепция «всеобщей» истории, таким образом, антропологична по преимуществу, ибо подлинный ее субъект и творец — «всевременное и всепространственное человечество», а содержание ее и соответственно предмет изучения исторической науки — социальная практика человечества и человека в ее развитии и в единстве всех ее форм — «общественного, политического, материально- и духовнокультурного развития». При этом моментом, обеспечивающим единство системы и ее своеобразие на том или ином этапе ее развития является момент «психический», поскольку, считает Карсавин, всякая социальная деятельность — прежде всего «душевная», социально-психическая, ибо «ею движут потребности, желания, то есть факты порядка психического».

Оперируя широко распространенными в то время в исторической науке почерпнутыми из традиционной психологии терминами «психический», «духовный», «душевная жизнь», Карсавин вкладывал в них иное, социально-историческое, содержание. Он имел в виду состояние общественного сознания во всем его спектре, включая и неотрефлексированные его формы, т. е. то, что современная социальная психология называет коллективными автоматизмами общественного сознания, а историки — ментальностью, менталитетом. Карсавинские термины «психическая», «душевная» жизнь подразумевали также и то, что современная историческая культурантропология называет «социальными навыками мышления». Что же касается психологии в том смысле, как ее понимает «естественная наука о душевных явлениях», то между нею и историей нет никакой связи», — писал Карсавин в «Философии истории». «На самом же деле, чем историк подлиннее, тем далее он от такой «научной» психологии»⁷.

«Психическая жизнь» в терминологии карсавинской концепции «всеобщей» истории охватывает феномен человеческих представлений, желаний, устремлений, этики исторических обществ, влияющий на изменения общества, мотивирующий экономическую, политическую, философскую, религиозную и другие формы социальной деятельности человека, человечества.

Карсавин подвергает острой критике «манию» классификации, поиска и выявления филиаций общественных форм и институтов. «Генетической истории», столь широко рекламируемой в начале века, как последнее слово научной мысли, он противопоставляет историю «статическую», конструктивным принципом которой считает выявление «истинной», имманентной, а не привносимой историком извне взаимосвязи в собранных им фактах. Понятие «статической истории», как истории «всеобщей» впервые было сформулировано Карсавиным в «Основах средневековой религиозности», причем с принципиальными, четко обозначенными характеристиками ее как истории культурной. Для историка-статика, писал Карсавин, главное — выявить и изучить тот «общий фонд», на котором покоилось «культурное состояние эпохи и который существовал в каждом члене исследуемых групп». Это определение «статической» («всеобщей») истории как истории культурной было затем детализировано им в общем очерке «Культуры средних веков»⁸. Из этого же понимания исходит Карсавин и во «Введении в историю», определяя предмет исторической науки, как и при рассмотрении, в частности, проблемы личности в истории и понятий «средний» («типический») человек, а также и в трактовке такой основополагающей для истории и наук об обществе категории, как «развитие».

Карсавин не приемлет упрощенное, механическое толкование исторического развития и исторической закономерности, как протекающих где-то «вовне», в отрыве от человека, как неуклонно прокладывающего путь «прогресса», как эволюции от простых форм к более сложным. Для Карсавина, развитие — диалектически-противоречивый единый процесс самораскрытия, в котором непрерывно пребывает исторический человек, общество, человечество. Оно (развитие) — в самом человечестве, как «исторической коллективности», в свободе воли и «целеполагающей» деятельности человека.

Из определения процесса истории как непрерывного, взаимосвязанного социально-психического развития человечества, предполагающего включенность каждого человека в цепь сменяющих друг друга поколений — в поток истории, вытекают, согласно Карсавину, и особенности механизма его познания, и метода изучения. В познании прошлого, пишет Карсавин, соединяются два «психических процесса» —

две «психологии» (ментальности, как сказали бы мы сегодня): познающего (т. е. историка) и изучаемого им исторического субъекта (индивида, общности, группы). Что же касается историка, то здесь включается двуединый механизм — «самопознание» (ибо обращаясь к прошлому, люди стремятся найти ответ на свои проблемы) и «познание». Из этого вытекает, утверждал Карсавин, с одной стороны, неизбежная ограниченность всякого исторического знания, а с другой, то, что он определял как «необходимость сопереживания, вживания (историка) в чужую душевную жизнь».

Констатируя это, Карсавин дистанцировался от чрезвычайно популярной в начале века концепции немецкого философа неокантианца Г. Риккерта, видевшего в истории исключительно построения «нашего ума» и исключавшего саму возможность познания и адекватной реконструкции прошлого. «Ограниченность» знания историка, о которой говорит Карсавин, — нечто совсем иное. Карсавин понимает ее как относительность возможностей изучающего, коренящуюся в специфике его сознания как человека другой культуры, другого исторического времени, проблемы которого диктуют историку определенный ракурс изучения прошлого и его вопросы к нему. Вместе с тем, прошлое открыто исследователю, который стремится познать его в категориях сознания, ценностных представлений («душевных процессов», по терминологии Карсавина), свойственных людям того времени.

Именно такой смысл (составляющий, между прочим, один из тезисов современной «Новой исторической науки», так же как и формирующегося сегодня ее направления — «культурной истории») вкладывает Карсавин в термины «сопереживание», «вживание в чужую душевную жизнь», к которым он призывал историков. И это не имело ничего общего с теми теориями о «параллелизме» душевных и телесных явлений и поисками соответствующих аналогий в истории, которыми так увлекались его современники.

Новые задачи диктуют историку выработку и нового исследовательского инструментария. И не случайно и во «Введении в историю» и в «Философии истории» большое внимание уделяется проблеме работы с источниками и самому принципу их отбора. «Цель историка, — пишет Карсавин во «Введении в историю», — не в простом описании развития, но и в объяснении его, в понимании его необходимости». Прямое сообщение документа, утверждал Карсавин, полемизируя с традиционным представлением, это еще не доказательство того, что так было на самом деле. Для того, чтобы документы «заговорили», историку необходимо выявить связь их и их свидетельств с «единством», с «социальной организацией, чувствованиями, психологией» изучаемой эпохи или коллективности. Наибольшей надежностью, считал Карсавин, обладают в этом отношении литературные памятники. Но историк, писал он, не должен игнорировать и такие документы, которые описывают обычаи, обряды, убранство храмов, архитектурные памятники и археологические материалы, так как они проливают свет не только на материальные условия и технические возможности, но и социальную организацию и психологию общества и человека.

Акцентировка Карсавиным важности изучения специфики социально-психического содержания исторических эпох и обществ давала повод недоброжелательной критике обвинять его в идеалистическом подходе к изучению истории, в отрыве им «субъективной» стороны исторического процесса от «объективной», «материальной» и т. п. В действительности, напротив, Карсавин подчеркивает органичность и неразрывность сочетания «субъективного» и «объективного» и в истории и в процессе ее познания, как воплощений единой социальной практики человека. Эта мысль последовательно проводится им и во «Введении в историю», и в развивающей ее положения «Философии истории». То, против чего он выступает — «механистическая причинная связь», посредством которой обе эти сферы сводятся вместе в историческом исследовании.

Методически полезное в целях более полного изучения выделение «факторов» — экономического, политического, идеологического, религиозного и т. п., утверждал Карсавин, онтологически вредно, так как сплошь и рядом ведет к постановке вопроса об их причинных взаимодействиях и к возникновению материалистических, идеалистических и т. п. теорий; при этом совершенно забывают о единстве социальной жизни, стремясь ее атомизировать.

Карсавин не умалял значения материальных основ общественного бытия и важности изучения истории хозяйства, экономических отношений. Но утверждая

это, он выступал против абсолютизации их роли в историческом процессе и концентрации исследовательских усилий исключительно на связанной с этим тематике, как открывающей, якобы, единственно правильный путь к пониманию истории. Бессмысленно отрицать параллелизм развития «субъективного» и «объективного» рядов, писал он в «Философии истории». Но важно здесь не то, что один ряд «причиняет другой», а то, что в обоих проявляется «одна и та же фаза социально-психического развития», что они в некотором отношении «составляют единство и укоренены в единстве».

И это единство для Карсавина — главное. Конкретно-историческая общность, культура — категория ключевая для понимания его концепции и метода познания исторического процесса. Не оперируя этим термином во «Введении в историю», он, тем не менее, раскрывает здесь саму суть этого понятия, ибо культура для Карсавина в его концепции — «история целиком» и историк — одновременно и историк культуры. Карсавин понимает культуру историко-антропологически. Она не сводима для него к традиционным трактовкам, как воплощения творческого духа избранных. «Во всех своих выражениях культура неповторимо-своеобразна, специфична, — пишет он в «Философии истории». — Она по-своему преобразует материальную среду, выбирая себе соответствующую, раскрывается в своем материальном быте, в своем социально-экономическом и политическом строе, в своих эстетике, мировоззрении, религиозности». Понимаемая таким образом культура это и определенная фаза всемирно-исторического развития и каждое конкретное историческое общество.

История, по мысли Карсавина, суть диалектическое взаимодействие культур. Он не оперирует привычным для нас сегодня понятием «диалог», «диалогичность культур», но эта мысль является центральной в его рассуждениях о развитии и движении истории: «Полное исчезновение какой-нибудь культуры — явление чрезвычайно редкое, а может быть и небывалое, — пишет он в той же «Философии истории». — Каждая, после своей видимой гибели, переживает себя в том, что связано с ее вещественными остатками, в ее традициях, продолжающих свое существование в лоне других культур, в памяти-знании их о ней. Для исторического процесса характерно сосуществование ряда культур, иногда в полном расцвете, не только их смена». Именно из этого положения исходит Карсавин и во «Введении в историю», когда обращает свою критику на искусственность, условность периодизаций исторического процесса историками, игнорирующих его целостность и единство.

В «Философии истории» получает разностороннее развитие, исключаящее какие-либо иррациональные истолкования, и другой методологически важный вопрос, во «Введении истории» лишь обозначенный Карсавиным: что может служить исходным для характеристики и понимания культуры? В принципе, считает Карсавин, им может быть любой момент данной культуры. В одних случаях «идея культуры» — «основная психическая стихия жизни», как он ее еще называет, или «основные моменты развития», — ярче сказывается в экономической или политической истории, в других — в философской мысли. Вместе с тем есть и «предпочтительные» моменты. Это, по мысли Карсавина, то, что отражает «отношение идеи культуры к идее человечества, к абсолютной истине, к абсолютному благу, бытию, красе». С этой точки зрения, наиболее плодотворным для понимания специфики культуры, он считал изучение «ее религиозных, в широком смысле слова, качественных», ибо в них отражается самоосмысление исторической общности, понимание ею проблем мироздания и собственной идентичности.

Говоря о предпочтительности уяснения историком именно господствующего «религиозно-метафизического понимания», присущего той или иной культуре, исторической общности, Карсавин, таким образом, как подчеркивает это и он сам, не имел целью объяснение истории «воздействием Промысла» или сведение идеи культуры к Божеству, как высшей ценности и т. п. Дело в том, пишет он в «Философии истории», что самоосмысление по отношению к Абсолюту и другим культурам вообще присуще и человечеству в целом, как «исторической индивидуальности», и каждой исторической цивилизации как культуре.

Иными словами, выдвигая на первый план при изучении культуры «ее религиозные качественности», Карсавин тем самым указывал на элемент, структурировавший (особенно в традиционных обществах) коллективное и индивидуальное

сознание и соответственно образ жизни и поведенческие формы. В этой постановке вопроса нет ничего мистического, трансцендентного. Ее новаторство заключалось в частности, в том, что она открывала простор для изучения религиозности как наиболее константной формы массового социального сознания.

Не содержит ничего иррационального и карсавинское определение человечества как «всеединого, всевременного и развивающегося всепространственного субъекта» истории — определение, приводившее в замешательство, и приводящее до сих пор, его критиков. Оно, по существу, тождественно его концепции культуры, как «истории целиком». Применительно к области конкретно-исторической, оно означает лишь то, что каждая коллективность и каждый относящийся к ней индивид обладают, если воспользоваться современной терминологией, той общей «картиной мира», той системой ценностей и «умственных привычек», которые моделируют их социальную практику и повседневную жизнь, создавая «всеединство», и определяют специфику, неповторимость их времени, эпохи как исторической культуры. Диалектическое взаимодействие культур, их «взаимопроникновение» — это то, что обеспечивает «всевременность и всепространственность» понимаемого таким образом «всеединства» человечества, как творца истории, культуры.

Идея «всеединства» писал Карсавин, отвечая на обвинения своих оппонентов в метафизичности, в умалении свободы индивида и т. п., «несколько пугает привыкшее мыслить в категориях позитивизма сознание. И при крайней его пугливости и подозрительности трудно убедить его в том, что как раз идея всеединства и только она и освобождает от всякой необоснованной метафизики; от таинственных трансцендентных сил, как бы их не называли: душою, разумом, энергией или еще как-нибудь... Можно, мне кажется, показать, что в научной истории нельзя обойтись без категории всеединства, все равно изучаем ли мы историю человечества или историю социальной группы, существующей в эмпирически ограниченном пространстве времени...»⁹.

Таким образом, идея «всеединства» карсавинской концепции истории суть утверждение самоценности человека и его истории. Человечество, доказывал Карсавин, «не растворяется и не теряет своего смысла во всеединстве Космоса, момент которого оно является»; оно имеет «собственный идеал и действительность всеобщей истории»¹⁰.

Но констатируя это, Карсавин решительно расходился с господствовавшими концепциями исторического процесса (в том числе и с философско-христианскими), так же как и с глобальными теориями о мироздании (религиозными и естественно-философскими), широко распространенными в начале века. Говоря об абсолютной тождественности природы, естественного мира и человека, они не оставляли последнему практически места для свободной творческой инициативы. Об остроте дискуссий вокруг этой проблемы свидетельствует полемический тон карсавинских работ, особенно тон «Введения в историю» и «Философии истории», присущий им глубокий подтекст, явные, но уже не всегда понятные сегодня аллюзии, и страстная защита их автором творческих возможностей человека и истории как науки.

Иррациональность чужда Карсавину — трезво и остроумно мыслящему ученому, во всех своих работах отталкивавшемуся от эмпирии. Но то, что интересовало его прежде всего и главным образом, связано с человеческим сознанием и самосознанием в истории, с исторической социальной психологией — индивидуальной и коллективной (именно этот аспект доминирует в его исследованиях средневековой религиозности и религиозности вообще), социокультурный механизм действия которой он стремился постичь, с ментальностью, в том числе и исследовательской. Карсавина интересовала проблема функционирования «психического» в социальном целом, роль его в становлении как целостности и исторической культуры, так и в обеспечении культурно-исторической преемственности, непрерывности исторического развития человечества, понимаемого им как самораскрытие.

Карсавин опустил историка с метафизических высот на землю — к деятельному человеку и его социокультурной практике, возвысив тем самым одновременно историю до уровня подлинно научной особой дисциплины, оперирующей специфической системой понятий и методов, учитывающих своеобразие именно ее предмета изучения, к которому, как стремился он показать, не приложимы приемы «естественно-научного материализма».

Концепция истории и подхода к ее изучению, выдвинутая Карсавиным, антропологична, в том смысле, какой вкладывает в это понятие современная историография. Он был одним из тех, кто осознал насущные потребности науки и принял «вызов» времени. В этом отношении Карсавин с полным правом занимает место в ряду тех, кто, как М. Блок и Л. Февр во Франции, стоит у истоков европейской «Новой исторической науки», мотором которой и центром притяжения творческих сил становится школа «Анналов». Карсавин один из российских предшественников того ее направления, которое сегодня называют «исторической антропологией», а в последние годы все чаще — «культурной историей»¹¹.

Оценка наследия Карсавина с позиций современного научного знания способствует разворачиванию живого диалога культур и поколений, который составляет нерв развития мировой науки и истории как ее неотъемлемой части.

Публикация осуществлена по изданию «Введение в науку. История. Л. П. Карсавин. Введение в историю (Теория истории)» (Изд-во «Наука и школа». Петербург. 1920). Вступительная статья — А. Л. ЯСТРЕБИЦКОЙ.

Примечания

1. См. АНЦИФЕРОВ Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М. 1922, с. 177—178.
2. Российская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л. П. Карсавина. Письма И. М. Гревсу (1906—1916). М. 1994.
3. ХОРУЖИЙ С. С. Карсавин и де Местр. — Вопросы философии, 1989, № 3. По инициативе Хоружего и ряда других петербургских философов была создана Комиссия по творческому наследию Карсавина и развернута публикация его основных трудов в серии «Памятники религиозно-философской мысли. Русская религиозная философия».
4. «Философия истории» была написана Карсавиным еще до высылки из советской России и развивала на другом уровне идеи, сформулированные им во «Введении в историю». Изданная уже в Берлине, она вызвала резкую реакцию эмигрантской прессы. «В этом парадоксальном эссе, — писал А. Кизеветтер в обзоре работ российских ученых в эмиграции, — автор развивает собственную философскую систему, которую называет философией «всеединства» («панмонизма»); в свете этой концепции жизнь человечества представляется как происходящая вне закона каузальности». Это был, пожалуй, один из наиболее нейтральных отзывов, не отказывавший автору, во всяком случае, в оригинальности.
5. BERR A. La synthèse en histoire. P. 1911.
6. БЛОК М. Апология истории или Ремесло историка. М. 1986, с. 119.
7. См. КАРСАВИН Л. П. Философия истории. Берлин. 1923, с. 26—27.
8. КАРСАВИН Л. П. Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках. Пг. 1915, с. 1—17. В книге «Культура Средних веков» (Пг. 1918) он пишет: «Историю культуры автор понимает, как изображение развития или раскрытия некоторой основной психической стихии, проявляющейся через индивидуальные осуществления во всех сферах жизни изучаемой коллективности — от социально-экономических отношений до высот мистико-философского умозрения» (с. 1).
9. См. КАРСАВИН Л. П. Философия истории, с. 19, 87, 170; см. также с. 163—165, 171, 172.
10. Там же, с. 357.
11. BURKE P. Die «Annales» im globalen Kontext. — Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1990, № 1; SCHARTIÈR R. Le monde comme representation. — Annales E. S. C. 1989, № 6.

* * *

Приступающему к занятиям историей необходимо, прежде всего, получить ответы на вопросы: что такое история? Каковы ее цели и каковы методы изучения исторического материала? В чем заключаются особенности, а, следовательно, и значение исторического мышления? В области остальных наук все подобные вопросы решаются в общем легко и единообразно, делаясь спорными и сложными лишь при

Ястребицкая Адель Львовна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

дальнейшем, более глубоком их изучении. В истории же именно они и вызывают самые сильные разногласия и между историками-специалистами, и между философами, занимающимися теорией истории¹, и между теми и другими. Обычно историк находит ответы на все указанные вопросы лишь после долгой специальной работы, но и эти ответы удовлетворяют очень немногих. Отсюда следует, что всякий сам должен искать ответы на свои запросы, и все «введения» могут быть ему полезны лишь как первоначальные ориентирующие указания и советы, а отнюдь не представляют собою изложение бесспорных общепринятых положений.

Разумеется, лучшим из путей к самостоятельному решению намеченных вопросов является приобщение занимающегося к самой исторической работе, т. е. внимательное изучение классических трудов по истории, еще более того изучение специальных исторических исследований, главным же образом — исторических источников. Только таким путем приобретает достаточно обширный материал для критики чужих взглядов и для самостоятельных построений в области теории истории, а руководящие принципы исторической науки получают свое обоснование и раскрывают свой смысл. Однако, чтобы уловить самые эти принципы, знакомства, хотя бы и основательного, с образцовыми трудами и специальными исследованиями недостаточно, а потому параллельно необходимо также изучение литературы по теории истории, где упомянутые принципы выдвинуты на первое место. Но, ввиду обширности «методологической» литературы, спорности и пестроты высказываемых в ней мнений и теорий простые ссылки на нее, даже сопровождаемые критическими отзывами (к тому же неизбежно субъективными), почти бесполезны. Нужны первоначальные ориентирующие в ней или, точнее, вводящие в круг ее проблем указания, а такие указания, как ясно из сказанного, по необходимости должны определяться индивидуальными взглядами того, кто их дает, и носить догматический характер. Ориентируясь в литературе, приходится исходить из той или иной, старой или оригинальной, точки зрения на историю, отдавая себе вполне ясный отчет в невозможности так называемого «объективного» изложения чужих взглядов (на самом деле и не существующего) и в единственной полезности подхода к самостоятельному построению чрез критику одной из теорий, взятой за исходную. Для этого необходимо, прежде всего, изложить такую «систему» теории истории, и подобному изложению автор придает несравнимо большее пропедевтическое значение, чем обзору теорий, неизбежно сжато и, следовательно, неясному <...>

Цель этого очерка не в том, чтобы дать читателю готовую схему и систему бесспорных истин, которые бы читатель мог раз навсегда усвоить и ею руководствоваться. Подобное отношение к нему может быть для самостоятельной работы только вредным. Автор стремится выдвинуть систему основных проблем теории истории, указать на их природу и тем самым подвести читателя к самостоятельной работе в сфере этих проблем и критике его, автора, взглядов <...>

Предметом истории является человечество в его социальном (т. е. общественном, политическом, материально- и духовно-культурном) развитии. Развитие же, понимаемое нами отнюдь не в смысле прогресса (о чем будет сказано ниже), представляет собою непрерывный процесс изменений, в котором для нас нечто обладает полной актуальностью, как настоящее, нечто утратило ее, перейдя в прошлое, нечто еще не наступило. В противность некоторым из новейших теоретиков истории, мы настаиваем на понятии развития и развития непрерывного, отвергая замену его понятием «изменений», и не усматриваем в «развитии» ничего отрицающего свободу воли и целенаправленную деятельность человека; и то и другое может быть в пределах развития оправдано и философски и простым указанием на тот факт, что история изучает лишь прошлое человечества. Действительно, как бы ни был свободен человек и какие бы цели себе ни ставил, все его поступки мотивированы и входят в органическую связь со средою, со всем единством исторического процесса, а потому и не могут быть восприняты в обособленности или оторванности от окружающего, хотя в настоящем, полагая себе цели и отвлекаясь от порождающего эти цели единства нашего душевного процесса и мира, мы и представляем себе их именно в такой оторванности от всего.

Как непрерывный и единый процесс, развитие мыслимо только в смысле развития единого, всегда себе по существу тождественного субъекта, «социально-деятельного человечества»²; и в этом субъекте должны сразу заключаться, как не погибающее для него прошлое, так и уже существующее для него будущее. Иначе бы

он не являлся основанием или принципом единства процесса и развития быть не могло. Развитие без субъекта существовать не может, потому что тогда невозможно сохранить единство и непрерывность самого развития. Тогда придется отказаться от идеи развития или понимать его в смысле внешней совокупности отделенных друг от друга моментов, так сказать, атомизировать его, что уже является его отрицанием. Выдвигая начало развития, как основание истории, мы тем самым отказываемся от такого понимания исторического процесса, какое обычно применяется к рассмотрению внешнего мира, т. е. от понимания механического, и от применения к этому процессу юмовски-кантовского понятия причинности. Нам придется подробнее коснуться этого ниже, но уже теперь следует отметить, что идея развития резко отделяет нас от всяких попыток понимать и строить исторический процесс, исходя из представления о внешней совокупности обособленных друг от друга и естественно-причинно связуемых друг с другом «фактов» и «факторов», точка зрения, свойственная и обычному взгляду на историю и, в значительной мере, риккертской теории. Идея развития несомненно — и это будет ясно в дальнейшем — связана с определенной метафизикой. Но со столь же определенной, хотя и другой метафизикой связано и атомистически-механистическое понимание общества и совершающихся в нем изменений. Теория истории возможна только на почве той или иной метафизической теории; убеждение же в возможности позитивной теории, чуждой всяких метафизических предпосылок, свидетельствует не о «научности» или «критичности» высказывающих подобное убеждение, а о непродуманности и незавершенности системы их взглядов. Даже отказ от высказывания решительных суждений по основным вопросам в смысле пресловутого «агностицизма» по существу своему уже содержит в себе некоторые решительные высказывания и, следовательно, метафизические предпосылки. И, разумеется, не к чести агностициста служит то, что он своей метафизики не опознает. Всеми этими соображениями и объясняется, почему настоящий очерк, ограниченный проблемами теории истории, дает в значительной степени догматическое их изложение.

Итак, чтобы могли существовать развитие и наука о нем, субъект развития должен быть всевременным и всепространственным единством, по крайней мере, в пределах всего исторического процесса, от начала его и до конца. В то же самое время это единство субъекта должно совмещаться с многообразием его проявлений, т. е. быть именно единством, так как развивается он сам, а не что-то иное, по отношению к нему внешнее; и проявления, как бы ни разнообразны они были, должны быть реальными, а не иллюзорными, т. е. уничтожающими само развитие. Такое понимание субъекта социального развития, намеченное до известной степени, уже в метафорах кантовского «позитивизма»³, может показаться противоречивым. Обосновать и объяснить его — дело философии. Для историка же и для теоретика истории необходимо принять его в качестве неизбежного основоположения, если только они не хотят отказаться от идеи развития. Мало этого. Если не могут быть иллюзией видоизменения субъекта развития, то и сам субъект, социально-деятельное человечество, не может быть ни абстракцией, ни простою совокупностью бесконечного числа индивидуумов. Он — вполне реальное единство, проявляющееся в деятельности всякого исторического индивидуума, в том числе и индивидуумов коллективных, как народ, семья и т. п., — но не уничтожающее этим индивидуума в реальности его и его проявлений. Если бы социально-деятельное человечество было абстракцией, исторический процесс не обладал бы реальностью; если бы оно было простою совокупностью всех людей, не было бы ни его самого, ни развития. Понятно, что, поскольку возможны «истории» народа, государства, класса, семьи и т. д., мы должны и в них предположить подобное же реальное единство или реального субъекта развития, не предрешая, однако, вопроса о степени и полноте индивидуализации этих реальных субъектов.

Из единства субъекта развития вытекает и единство его социальной деятельности. Таким образом, различные формы социальной деятельности — экономическая, политическая, философская, религиозная и т. д. — будучи и оставаясь в некотором отношении различными, должны в то же самое время быть одною деятельностью. В каждой форме ее целостно проявляется единый субъект, который не может проявляться частично, т. е. не целостно, именно как единый. Точно также в моей жизни весь я целостно мыслю, хочу и т. п., а не то, чтобы хотела одна часть моего я, мыслила другая, чувствовала третья и т. д. Нельзя представлять себе соотношение

различных форм социальной деятельности так, будто они обособлены, отдельно друг от друга и только слагают единство социальной деятельности. Нельзя потому, что единство не есть нечто слагаемое из частей: из сложения атомов единства не получится, как не получится ничего, кроме кучи из собранных в одно место песчинок. Единство мыслимо лишь как единство множества, но это оно ставит множество, а не множество его созидает. Многообразные формы социальной деятельности, реальные каждая в своей отличности, укоренены в единстве этой деятельности, являясь ее формами, аспектами и проявлениями. Установленное выше в применении к вертикальному разрезу исторического процесса, неизбежно применимо и к горизонтальному его разрезу.

Если приведенные рассуждения правильны, является весьма существенным в историческом исследовании не упускать из поля зрения единства различных форм социальной деятельности. Но единство так называемой материальной деятельности с психической можно усмотреть только в психическом моменте, так как всякая социальная деятельность прежде всего душевна, руководствуемая не материей, а потребностями, желаниями и т. д., т. е. фактами порядка психического. Настаивать на этом тем более излишне, что даже для самых правоверных «исторических материалистов», вроде Каутского, ныне психичность исторического процесса сомнению не подвержена: они спорят только о том, какие из душевных потребностей важнее — голод или жажда истины. Итак, социальная деятельность есть социально-психическая деятельность, и истории по праву принадлежит оспариваемое у нее теперь некоторыми место в ряду «наук о духе», *Geisteswissenschaften*, на чем в последнее время столь энергично настаивал Дильтей.

Определяя историю как психически-социальное развитие человечества мы уже вскрываем специфические особенности исторического понимания явлений, т. е. исторического метода. Психичность и непрерывность позволяют сближать исторический процесс с нашим собственным душевным развитием, с непрерывным видоизменяющимся потоком нашей душевной жизни. Поскольку мы рассматриваем этот поток в нем самом, отвлекаясь от взаимоотношения его с другими процессами: от его воздействия на них и их воздействия на него, он определяется в своем развитии или развертывании собственной своей природой. Он не слагается из разнородных элементов, не составляется из атомов, а целостно течет изнутри себя самого. В нем все непрерывно переливается, принимая многообразнейшие формы, но не перестает быть единством, охватывается всевременным единством Я. Он безусловно свободен в смысле отсутствия какой бы то ни было внешней необходимости и отсутствия внутренней раздвоенности и безусловно необходим в смысле совпадения его свободы с самою его природой. Ни о какой причинной связи внутри этого душевного процесса говорить нельзя, так как причинное взаимоотношение предполагает разьединенность, «первое» и «второе», А и В, а в едином непрерывном процессе нет перерывов и моментов, нет атомов и пустоты, но есть только вечные переливы. Поэтому и убедительность или необходимость психического процесса покоится не на причинности, а на непосредственном переживании его, как свободно-необходимого моего процесса.

Однако психический процесс видоизменяется, не переставая быть самим собою, отклоняется от своего пути под влиянием воздействия на него извне; с другой стороны, он и сам меняет свой путь, воздействуя на внешний для него мир. Собственно говоря, только в таком виде душевный процесс и дан нам во всей своей конкретности. Но это ни в коем случае не позволяет предполагать его нереальность и считать приведенное выше описание его существа чистою абстракцией. Только признав реальность душевного процесса в том виде, как он изображен нами, только усмотрев в этих чертах, а не во внешних воздействиях и скрещающихся влияниях его подлинное существо, можно понять и объяснить личность, неповторимое в своеобразии своею единство. Ведь ее не объяснить, как случайный (и даже неслучайный) результат взаимодействия пересекающихся в одной точке простую бескачественную среду влияний, как эффект столкновения бессмысленно несущихся атомов. Или мы ошибаемся, но тогда не должно быть ни душевного процесса, ни единства душевной жизни и самосознания, ни познания; или мы правы, но в таком случае вся душевная жизнь в основе своей и в своем течении и есть тот самый душевный процесс, о котором мы говорим.

В конкретной душевной жизни находящиеся во взаимодействии «я» и «не-я»

противостоят друг другу, как две особых величины, две субстанции, и мы говорим о душе — причине телесных явлений и о телесных явлениях — причинах изменений в течении душевного процесса. Но в душевном опыте причинное взаимоотношение дано нам богаче и полнее, чем во внешнем мире. В себе мы непосредственно переживаем и наше действие (причинение) и испытывание действия («страдание»), о которых во внешнем мире часто принуждены лишь гадать. Психическая причинность отнюдь не последовательность или сосуществование двух «явлений», условно намечаемых и обособляемых «А» и «В», каковое понимание причинности обычно, хотя и неправильно, применяется к объяснению внешнего мира. В душевном опыте нам дано влияние (в точном смысле этого слова, требующем предлога «в») в наш душевный поток иной, отличной от него силы или, наоборот, изливание этого потока (моего «акта») во вне на другую, лучше — в другую субстанцию. И мы в связи с этим переживаем если и не первичное единство «я» и «не-я», без которого невозможно описанное их взаимодействие, то их объединение или — обнаружение их первичного единства в процессе взаимодействия-слияния. Здесь, в этом единстве, нам дан конкретный исходный факт для понимания единства мира, как включающего мой частный процесс развития, факт, чрезвычайно существенный и для истории, потому что без установления первичной связи «я» и «не-я» невозможно установить и единство социального процесса (в котором «не-я» является «другими» я). Равным образом, еще раз получает подтверждение выдвинутая нами точка зрения о первичности и первоосновности процесса развития, как такового, потому что и причинные взаимоотношения оказываются объяснимыми лишь в смысле проявлений более объемлющего процесса.

Пока и поскольку естественные науки и обычное сознание довольствуются внешним или механическим, юмовски-кантовским пониманием причинности, мы вправе говорить о психической причинности. Однако оговоримся, что это понятие не совпадает с тем, что обозначает этим термином Вундт и что подхвачено рядом теоретиков истории. В частности, необходимо подчеркнуть, что вундтовский «закон творческого синтеза», т. е. появления в следствии или действии нового, невыводимого из причин, объясняется, на наш взгляд, не особенностями психической причинности, а природою самого процесса развития, которое объемлет в прошлое и будущее и мыслимо только как их единство. То же самое, конечно, следует сказать и о «законе творческого синтеза» в применении к историческому процессу.

Таким образом, для изучающего развитие причинение воспринимается лишь в связи с процессом развития, ощущаемом непосредственно. Исходным моментом и основанием для него является сам, вполне реальный и единый, процесс развития, делающий возможным всякое взаимодействие и причинение. Поэтому для исследователя душевного развития все вопросы о взаимодействии данного процесса с иными внешними ему процессами или явлениями должны стоять на втором месте, и он, конечно, отказался бы от своей задачи, пытаясь объяснить само развитие из причинного взаимодействия. Однако этим вовсе не уничтожается вспомогательное значение причинного объяснения, необходимого постольку, поскольку мы ограничиваем поле изучения данным единичным процессом в его отрыве от всеединства. Только путем восхождения на высшую точку зрения, усматривающую единство причиняющего с объектом причинения и позволяющую видеть в причинно-связуемых процессах разные формы основного высшего процесса развития, мы все более преодолеваем объяснение причинное. Пока этого нет, некоторая двойственность понимания конкретной душевной жизни и конкретного социально-психического процесса неизбежна и необходима.

Теперь нам должна быть ясна задача изучения социально-психического процесса. Она заключается в понимании и изображении его как внутренне-необходимого, что является тем же, по природе своей, пониманием, которое мы наблюдаем при объяснении душевного развития вообще. Но понимание и чужого душевного развития и развития социально-психического возможно лишь путем сопереживания или вживания в них, вчувствования (*Einfühlung*). На этом моменте или на этом основании исторического метода с особенною энергиею настаивает Дильтей, в чем и заключается одна из его главных заслуг перед теорией истории. О том же в своих «Проблемах философии истории» писал и Зиммель⁴. Сопереживание лежит в основе исторического мышления. Тем более следует остерегаться толковать его, как «перенесение из полноты собственных переживаний» (Дильтей), как конструирование

инного душевного процесса по аналогии с моим и только из моего. Подобное толкование позволит сблизить историю с поэзией (и то относительно — в поэтическом творчестве свободы менее, чем мы предполагаем), но не даст возможности серьезно отнестись к выводам истории и обосновать ее, как науку. Для историка необходимою предпосылкою его науки является не только и не главным образом его субъективное переживание, а реальное проникновение в иной душевный процесс, подлинное слияние с ним, как бы такое вживание в чужую индивидуальную и коллективную душу ни объяснялось. Для него оно факт, и всякое объяснение, сводящее этот факт на иллюзию или самообман, им признано быть не может. Ниже нам еще придется коснуться условий и природы вживания, хотя мы и устраним от себя задачу философского его объяснения. Пока заметим, что, на наш взгляд, этот чрезвычайно тонкий и глубоко проникающий метод, который позволяет улавливать малейшие извивы чужой душевной жизни и по обрывкам воспроизводить целое, совершенно не объясним путем вульгарного сведения его на «законы» подражания и параллелизма душевных и телесных явлений. Подобное объяснение тем менее удовлетворительно, что «закон» параллелизма вовсе не закон, а все более подвергаемая сомнению гипотеза, «законы» же подражания в применении к области душевной жизни оказываются слишком грубыми и внешними.

Во всяком случае, если история, как наука, возможна, в переживании нам даны подлинные душевные процессы других индивидуумов (личностей и коллективностей) и подлинный социально-психический процесс в его целостности. Иными словами: воспринимая действительность, мы воспринимаем ее в ее реальности, а не преобразуем ее, как полагает новокантианец Риккерт. Всякое преобразование (*Umformung*) есть уже искажение преобразуемого и таким путем знания о действительности мы получить не можем: создаваемый нами, хотя бы из элементов действительности, фантастический образ, «построение» нашего ума, конечно, не удовлетворяют и никогда не удовлетворят нашей потребности в знании. Поэтому нельзя утверждать вместе с Риккертом, что в естественных науках мы обобщаем или «генерализуем», а в исторических — «индивидуализуем». Если даже, о чем речь будет ниже, Риккерт и прав в своем различении истории и естествознания по признаку общего-индивидуального, общее и индивидуальное могут и должны быть не плодом нашей умственной работы, но полне реальными аспектами действительности, являющей нам то ту, то иную свою сторону.

Итак, задача историка заключается в постижении и изображении необходимого процесса развития человечества в его социально-психической деятельности чрез посредство сопереживания. И здесь основанием и главным объектом изучения будет сам единый процесс развития; такие же факты, как географические условия, биологические изменения и т. п., являются внешними, хотя и неустранимыми и существенными. В меру их неустранимости и существенности историку приходится прибегать к вспомогательным средствам объяснения — к понятию психической причинности и к условному понятию о факторах. Но и то и другое берется историком только по связи с самим процессом развития, т. е. как переживаемое именно в данной связи со всем историческим целым. «Историческая причина» или «исторический фактор», взятые абстрактно, оказываются бледными, ничего не говорящими понятиями и уводят в сферу нескончаемых словопрений. Что касается так называемой естественно-научной причинности, т. е. причинности в понимании Юма и Канта, она к историческому процессу неприменима совершенно, и не в силу присущих ей элементов до-научного мышления, как думает проф. Виппер — эти элементы легко устранимы — а потому, что в истории немыслимы эксперимент и измерения, необходимые условия для внешнего установления причинной связи.

Применение к историческому процессу двойственного до некоторой степени метода — эволюционного и причинного — может быть устранено, если объектом изучения будет более общий процесс развития земли и жизни на ней, как целого, или даже развития мира. В пределах собственно истории оно неустранимо. Однако, и здесь не следует без необходимости расширять сферу причинного объяснения, что обычно ведет лишь к недоразумениям и спорам. Так условное, но в целях исследования вполне законное и полезное выделение «факторов» (экономического, политического, идеологического и т. д.) — ясно, что в данном случае речь идет о различных сторонах социально-психического процесса и применимы приведенные выше на этот счет соображения — сплошь да рядом ведет к постановке проблемы о их причинных

взаимодействиях и к возникновению материалистических, идеологических и т. п. теорий⁵. При этом совершенно забывают о единстве социальной жизни, стремясь ее атомизировать⁶. Несомненно, существует своеобразный параллелизм развития указанных рядов и, например, религия в эпоху феодального строя не только отлична от религии капиталистического общества, а и обнаруживает глубокое сродство со всеми современными ей и «параллельными» рядами развития. Но дело тут не в том, что один ряд причиняет другой — такая постановка вопроса, как показывает историография, совершенно безнадежна, — а в том, что в обоих проявляется одна и та же «фаза» (со всеми оговорками об условности и этого термина) социального развития, в том, что оба они в некотором отношении составляют единство или укоренены в единстве. И вполне естественно — при сосредоточении на исследовании одного какого-нибудь ряда и при недостаточном внимании к существу проблемы, одинаково убедительными представляются и доводы историков-материалистов и доводы историков-идеалистов, а споры их оказываются бесконечными и бесплодными.

Всякая частная история, все равно — будет ли это история какого-нибудь культурного мира, народа, эпохи, учреждения, системы идей и т. д. — ограничивая объект своего изучения и до известной степени условно выделяя частный процесс, необходимо сталкивается с той же проблемой двойственности объяснения. По мере ограничения объекта исследования и сужения поля зрения, количество фактов, которые являются внешними, все увеличивается, а вместе с тем умножаются и так называемые «факторы». К сожалению, слишком часто упускают из виду их смысл и чисто-методологическое значение и говорят об «исторических факторах» вообще, относя к их числу и географические условия, и «культурную традицию», и расу, и «среду», идею государства, классовое самосознание, личность и т. д., и т. д. При этом составители общих книг по теории и методологии истории останавливаются в недоуменном колебании перед непосильною задачею перечислить и классифицировать факторы и выяснить существо каждого, при ближайшем знакомстве оказывающегося чрезвычайно многозначным и неопределенным. Для историка же специалиста, сосредоточившегося на изучении мелких процессов, часто все историческое развитие представляется не чем иным, как причинною комбинацией разных факторов, что, конечно, вполне естественно, но глубоко неисторично и лишает историка всякой возможности понять исторический процесс, даже тот частный, который он изучает. После всего сказанного нет необходимости входить в подробный анализ разных учений о факторах и смущаться взглядами такого мастера истории, как И. Тэн. Достаточно и здесь указать на многочисленные попытки причинно-исторических объяснений и построений со всею их спорностью и беспомощностью, особенно ясными там, где приходится иметь дело с рядом сложных и разнообразных явлений. И если будущие историки будут держаться оспариваемых нами взглядов, их, несомненно, приведет в отчаяние безнадежность вопроса о причинах только что пережитой нами великой европейской войны.

Проблема влияния того или иного фактора решается сравнительно легко в каждом отдельном конкретном случае, в связи с данным моментом исторического процесса, разумеется, только в том случае, если природа и реальность фактора выяснены. Трудным и запутанным вопрос о факторах становится тогда, когда его пытаются разрешить в отвлеченно-общей, неисторической постановке, как «общее учение о факторах», столь излюбленное многими теоретиками истории. Эти же вопросы применимы и к одному из наиболее дебатированных, в частности в русской литературе, вопросов: к вопросу о роли личности в истории. В том или ином конкретном случае влияние личности легко уловимо, хотя, конечно, и не поддается измерению. О нем, как о таковом, не приходится даже и спорить. Никто не станет излагать политики Карла Великого или Наполеона, развития протестанства или новой Германской империи, не принимая во внимание Карла, Наполеона, Лютера и Бисмарка. Сомнения и споры начинаются тогда, когда стремятся определить влияние личности количественно, когда, за неимением реального эксперимента, пытаются поставить воображаемый и задают едва ли плодотворные вопросы: а что случилось бы, если бы вместо Наполеона был Ош (Noche) или Журдан, если бы Бисмарк умер в молодости? и т. п. Подобные рассуждения недопустимы уже потому, что мы изучаем данный исторический процесс, в котором захватил власть именно Наполеон, а Бисмарк в молодости не умирал, и которого мы изменить не

в силах. В конце концов, за такими вопросами скрывается другой, более общий: заменима ли данная личность другою, влияла ли она именно своею неповторимую индивидуальностью, только ей свойственными чертами? Очевидно, положительный ответ на первый вопрос и отрицательный на второй позволяют, пренебрегши данною личностью, как совершенно ничтожною величиной, сводить изучаемые факты к влияниям групп или масс и в действиях их усматривать единственную причину изменений. Но почему тогда не поставить того же вопроса и о влиянии групп? — Ответ может быть лишь один: потому что данные группы есть нечто определенно-конкретное с явно усматриваемыми влияниями их на составляющих их индивидуумов. Но есть ли тогда основание отрицать ту же определенность и конкретность и такие же очевидные влияния личности? Попытки отвергнуть значение личности принимают далее иную, более тонкую форму. Личность пытаются объяснить из среды, рассматривая ее, как своеобразный пункт пересечения разных влияний среды. Не говоря уже о невозможности подобным образом объяснить индивидуальность, сведение личности на среду не опровергает, и, напротив, утверждает ее значение и роль в историческом процессе. Ведь если личность — причинно-необходимый продукт среды, и как раз данная конкретная личность, она тем самым входит необходимым элементом в исторический процесс и именно своеобразием своим должна воздействовать на него. Повторяем, в конкретной связи исторического процесса влияние личности самоочевидно и неоспоримо: никакие теории здесь устранить этого влияния не могут. Но как только вопрос о роли личности в историческом процессе ставится в общей и отвлеченной форме, он — так же, как и вообще вопрос о факторах — становится источником не приводящих ни к какому результату споров. Это и естественно — в такой общей постановке вопроса выпадает целый ряд необходимых для его решения фактов. И, прежде всего, утрачивается восприятие реального процесса развития во всей его конкретности, по связи с которым постигается и определяется влияние на него личности. Затем, сама личность искусственно изымается из той исторической связи, из того единства или исторического организма, в которых оно только и воспринимается нами. Личность вне исторического процесса чистая абстракция, нереальное и непонятное. Подменить Наполеона Ошем можно только изменив весь исторический процесс, все, грубо и условно говоря, предпосылки их развития, всю окружающую их среду. Проблема роли личности, разумеется, весьма существенна, но разрешаться она должна или в конкретности данного процесса, где решение не представляет особых трудностей, или, в связи с общефилософской проблемой о бытии и взаимоотношении субстанций во всеединстве, на чем здесь останавливаться мы не можем⁷.

Следует воздерживаться от резкого различения и противопоставления друг другу разных сторон исторического развития и от пренебрежения к его единству. Та же осторожность необходима по отношению к моментам или периодам исторического процесса. Нельзя забывать о частой условности наших периодизаций, требуемых целями специальных исследований, и о необходимости намечать периоды и моменты, исходя из исторического процесса в его целостности и единстве. Особенною искусственностью отличается обычно выделение того или иного частного процесса, а затем искание его генезиса. В искании генезиса хотят даже видеть отличительную черту новой научной истории, «генетической», в отличие от «прагматической» и повествующей. Разумеется, изучая данный процесс (всемирно-исторический или частный), историк обязан проследить его на всем его протяжении, так как он может быть понят лишь в целостности своего единства. Но, во-первых, для этого понимания начало, «зарождение» процесса ничуть не существеннее, чем его конец и чем любой из его моментов, тем более, что именно в темных, не дифференцировавшихся началах несравненно труднее схватить подлинную природу самого процесса. Таким образом, предпочтение генезиса ничем не оправдано и новое наименование истории, как науки, по меньшей мере, односторонне и неудачно. Во-вторых, единство частного процесса органически включено в единство процесса общеисторического, а потому искание генезиса первого легко ведет к чрезмерному его обособлению и нарушению основного принципа исторического понимания. В-третьих, при изучении генезиса историк, слишком часто увлекается причинными объяснениями и условно и относительно значимыми отвлечениями. Так вполне исторично изучение развития феодализма, но ничего, кроме общих рассуждений, не дают попытка найти «зарождение» его в «натуральном хозяйстве», «военном строе»

и т. д., не дают уже потому, что слишком часто принимаемое за причины не что иное, как самый процесс или те либо иные стороны его, проецируемые в прошлое. Более удачным решением проблемы генезиса является «юридическая» постановка ее, т. е. искание момента, когда возникает данное точно определенное понятие или учреждение или система (например, тот же феодализм). Но, по самому существу своему, такой подход к вопросу, классическим образцом которого может служить V том большого труда Фюстель де Коланжа, должен оставаться внешним и не может объяснить самого факта зарождения, потому что указание элементов синтеза не есть объяснение самого синтеза и его принципа. Опять-таки и здесь верным спутником ошибочности подхода к проблеме или ее постановки является безрезультатность споров; и с этой точки зрения весьма показательным умиранием целого ряда «генетических» проблем, например — идеи римской традиции в применении к средневековому городскому строю.

Единство социального развития, выясняемое нами, как основной принцип истории, не привносится в это развитие извне в виде постороннего упорядочивающего или даже созидającego его момента. Оно — организующее начало социального развития и — более того — само социальное развитие, сам развивающийся социально-психический субъект. В противном случае, как уже неоднократно указано, не могло бы существовать никакого развития. Будучи самым развивающимся субъектом, единство как бы пронизывает все развитие. Оно целостно выражается в каждом из его моментов и выражает в нем все прочие его моменты. Поэтому в развивающемся организме всякая его сторона, всякий его момент понятны только в связи целого, делая, в свою очередь, понятным это целое, а весь организм понятен только как единство всех своих моментов и сторон. Единство — полное взаимопроникновение всех составляющих его элементов (если только можно говорить об элементах единства даже условно), не уничтожающее их, как частные и включенные в него единства, но, напротив, созидающее и ставящее их. Если отказаться от такого понимания единства, придется отказаться и от развития и от возможности всякого его понимания и объяснения. Тогда развития просто нет, а, следовательно, и наука истории должна строиться на каком-то совершенно ином принципе.

Единый процесс развития может быть понят только в одном случае — именно, если нам каким-то образом ведом он весь, даже еще не наступивший конец его. В этом легко убеждает нас самое беглое наблюдение над развивающимся субъектом и организмом, особенно, когда мы изучаем развитие, имея перед глазами его цель. Действительно, в данный момент, в данном, так сказать, разрезе развития никакое самое тщательное наблюдение не в силах нам указать, что существенно для дальнейших стадий жизни организма, а что отомрет. Какая-нибудь еле заметная точка разрастается в существеннейший орган, а то, что нам казалось существенным, быстро регрессирует и отмирает. Цель развития является путеводною нитью, позволяющей разобратся в бесконечном многообразии его проявлений или форм. Всякое развитие постигается целесообразно или телеологически, соответственно внутренней своей структуре. На это в свое время настойчиво указывали и Кант и немецкие идеалисты начала XIX в. и в этом еще нет ничего «метафизического». Но, хотя мы и склонны смешивать цель развития с концом его, на самом деле цель от конца отлична, и я затруднился бы видеть цель жизни какого-нибудь гениального философа в слабоумии и дряхлости его старческих дней. Цель или смысл развития — нечто, не связанное с тем или иным моментом его или, точнее, связанное со всеми его моментами. А потому и для уразумения развития недостаточно знать только его конец, но необходимо как-то знать все его моменты. И если многое уясняет и многое позволяет объяснить знание конца, то столь же многое в данной фазе развития уясняется другими, непосредственно за нею следующими и открывающими в ней иным путем неуловимые темные зародыши грядущего.

Очевидно, для понимания развития, для понимания самого частного и ограниченного процесса, включенного в него, надо обладать знанием об историческом процессе в его целом и, во всяком случае, знанием о его цели или смысле. А это возможно лишь в том случае, если каждая фаза развития выражает в себе его целокупность, благодаря чему и сама она становится понятною. Конечно, в данном частном процессе, в данном явлении мы познаем целое не в полноте его осуществленности, а в его принципах и основаниях, но все же мы его познаем и должны познавать для уразумения самого частного. Изучая историю какой-нибудь системы

идей или учреждений, мы, следовательно, изучаем и познаем в них и единое социальное развитие, весь исторический процесс. Разумеется, такое познание не дает и не может нам дать возможности предвидеть и предсказывать конкретное будущее, потому что и познаем мы не конкретность всего исторического процесса, а — в данном конкретном единстве его общие основания. Можно смягчить видимую парадоксальность этих утверждений и сделать их более приемлемыми, указав на доступное наблюдению всякого аналогичное явление. При понимании чужой душевной жизни, как целого, при постижении чужой индивидуальности в ее единстве накопление наблюдений само по себе дает еще очень мало: можно знать о другом весьма большое количество фактов и все-таки его не понимать. Напротив, часто одна какая-нибудь черта, даже незначительная частность: тон голоса, движение, поворот головы и т. п. позволяют сразу охватить и понять всю личность, всю индивидуальность человека, почти чудесным и неожиданным образом постичь необходимость его внутреннего развития, подлинно понять его, хотя и не в том смысле, чтобы раскрылось его конкретное будущее или прошлое. Такое понимание другой индивидуальности возможно и при малом с нею знакомстве, по «первому впечатлению», но, как правило, оно появляется в процессе наблюдения, освещая и объединяя познанное подробно и отрывочно.

Чрезвычайно трудно ответить на вопрос: что именно из единого исторического процесса указанным образом постигается в данном конкретном и частном процессе? Сделанная выше ссылка на «общие принципы» его, на его «основания» довольно неопределенна и не выводит нас за пределы смутной интуиции. Мы не можем производить здесь специальное исследование по этому пункту и должны ограничить себя несколькими замечаниями. Прежде всего, несомненно, что, изучая данный конкретный процесс, мы постигаем строение единого исторического процесса, как единства, и постигаем не путем отвлечения от данной конкретности, а путем вживания в само это единство. Мы познаем «всеобщую значимость» данного, изучаемого нами процесса, не в смысле причинной его связанности с другими, а в смысле укорененности его в общеисторическом. Наблюдение, вполне согласующееся со всеми высказанными выше соображениями. Далее, усматривая в частном процессе общеисторическое единство, мы вместе с тем переживаем связь этого процесса со всеми сторонами или моментами единого обще-исторического, переживаем и связь его с нами, находя себя самих в далеком прошлом и само всплывающее снова прошлое в нас самих. Иначе говоря, чрез постижение самого частного и ограниченного процесса происходит приобщение наше к нему и в нем к единому общеисторическому процессу развития или, вернее, опознание нами нашего с ним и в нем единства. Этою живою связью нашей со всем прошлым и со всем социально-психическим развитием и объясняются обогащение нашего сознания в исторической работе и тот интерес, с каким мы относимся к фактам минувшего. Вполне естественно, что многие считают интерес, наше субъективное состояние, принципом исторических изысканий и построений, часто даже преувеличивая его субъективность и заявляя: «я занимаюсь в истории тем, что мне нравится, что родственно и близко моей психике», «историк понимает только родственное ему», т. е. интриган везде ищет интриги, идеалист — идеалы, материалист — «организацию производства». Точно что-нибудь человеческое может быть чуждым человеку! Видоизменением такой «эстетически-анархической» или вульгарной точки зрения являются попытки наметить «общезначимые интересы», которые, оставаясь субъективными в смысле наличности их только в изучающем и познающем субъекте, в то же самое время обладали бы объективным общеобязательным значением. За такими интересами, с легкой руки Риккерта, установилось наименование «ценностей». Однако, общеобязательные ценности должны быть действительно объективными и составлять, к чему и приходит Риккерт, особое царство, являющееся бледным и искаженным отображением платоновского мира идей. Это царство так же лежит вне познающего субъекта, как и сам исторический процесс: познающий субъект словно поставлен между ними для того, чтобы с помощью ценностей или «отнесения к ценностям» упрощать или индивидуализировать реальный исторический процесс и таким образом создавать еще нечто четвертое — «преобразованную» реальность. Совершенно очевиден субъективизм Риккерта, позволяющий сближать его точку зрения с вышеуказанным вульгарным субъективизмом. Не вдаваясь в критику риккертства (наша задача не критика, а указание отношения его к развиваемой

здесь точке зрения), отметим, что оно превращает исторический процесс в нечто абсолютно-иррациональное, в бескачественную материю нереального, субъективно-го значения и делает излишними всякие вопросы о цели или смысле развития. Далее, представляется ничем, кроме субъективистических предпосылок, не оправданным и бесполезным создание оторванного от реальности, чисто-идеального царства ценностей; тем более, что все имеющие значение для истории ценности, как общество, государство, религия, гуманность и т. п., воспринимаются нами в реальном мире и реальными. Отвлеченные от реальности и привносимые в нее извне ценности или идеи не могут стать внутренне-организующими принципами реальности, не могут создать единства, потому что единство не привносится в единое извне. Они в состоянии лишь дробить мир, вырывать из него «относящееся к ним» и разрывать единое тело развивающегося субъекта. В каком бы отношении к нашей душевной жизни стояла картина ее, написанная на основе отнесения отдельных душевных явлений (если такие существуют) к идеям, в нашей духовной жизни не существующим и не действующим? Разумеется, и сам Риккерт не может отрицать связи между реальным историческим процессом и «индивидуализирующими» его ценностями. Но в таком случае надо сделать еще только один шаг и признать, что ценности, несмотря на всю их абсолютность, заключены в самом историческом развитии (хотя и не только в нем), являясь его принципами и двигателями. Они определяют наш субъективный интерес к «историческому» не воздействием на нас из какого-то третьего места, а тем, что, единые с нами, увлекают нас с собою в конкретной данности истории. Но тогда падают предпосылки субъективизма и необходимость в дроблении мира путем «отнесения к ценностям». Равным образом, тогда получает единство и исторический метод, единство, вполне соответствующее единству самого исторического развития. Наконец, становится возможным объяснить возникновение «исторического интереса»: он не что иное, как опознание факта становления в конкретности реального и относительного развития человечества (а в нем и познающего), идеальных и абсолютных идей.

Отвлечение наше в сторону теории Риккерта, одной из господствующих теперь в области теории истории, помогает дополнить ответ на поставленный выше вопрос о том, что из общеисторического процесса постигается в познании каждого единичного процесса. Помимо строения или структуры общеисторического процесса, как единства, и нашей органической в нем укорененности, мы познаем еще раскрывающиеся, индивидуализирующиеся и конкретизирующиеся в нем абсолютные идеи, его основания и принципы. Эти идеи сами представляют собою органическое единство, укорененное в Абсолютном, и определяют смысл или цель исторического развития, сохраняя свою абсолютность, но не отдельные от самого единства процесса. Во всей конкретности и индивидуализированности своей они могут быть познаны лишь по завершении или «исполнении» истории. В отвлеченности своей они постигаются, как система или единство путем философского и религиозного умозрения, но до завершения истории не могут быть познаны вполне, ибо и философия и религия входят в исторический процесс. Невозможность полного постижения единства идей, а, следовательно, и каждой из них, с одной стороны, и ценность их для историка именно в их индивидуализированной конкретности, с другой, до известной степени объясняют факт отсутствия у подавляющего большинства занимающихся историей «системы исторических понятий», а часто даже и системы мировоззрения. Историк обычно постигает путем интуиции, более или менее им неопознаваемой и довольствуется ею, как предпосылкою дальнейших своих работ. Он называет ее «чутьем», «дивинацией» и другими неопределенными терминами, до некоторой степени оправдываемый тем, что ему приходится исходить из не поддающегося определению абсолютного. Однако, общение с живущим в реальности единством идей все-таки сказывается. Его легко усмотреть в чрезмерно опороченной современной историографией так называемой «прагматической» истории, в которой такое значение получают моральные идеи. Оно еще яснее в средневековых религиозных концепциях исторического процесса, тоже незаслуженно забытых нами, в рассуждениях о Божьем Промысле и в философско-религиозных построениях истории у Фихте, Шеллинга, Гегеля. В несколько иной форме сказывается оно у Л. фон-Ранке⁸. Однако, нельзя забывать, что всякое определение есть ограничение и что построение действующей в истории системы идей, помимо неизбежных условности и относительности такой системы, угрожает весьма опасными косвенными послед-

ствиями. Такое построение часто приводит к замене непосредственного и беспристрастного восприятия стремлением оправдать историческими «фактами» свою систему. Кроме того, подобная система, как отвлеченная, остается обычно вне реального исторического процесса и не в силах определять конкретную работу историка. Каррикатурным пояснением этой несоединимости отвлеченной системы с исторической реальностью служат попытки найти «исторические законы» или приложить к историческому процессу социологические схемы.

Из сказанного ясно, почему в истории наряду с исследованием социального развития человечества в его целом могут существовать исследования частных процессов и этим нисколько не нарушается единство исторического метода. В истории всякое, даже самое частное исследование, даже исследование взаимоотношений между несколькими рукописями одного источника само собою будет исследованием общеисторического характера и значения и возможно только на почве его связи с познанием целокупности социального развития. Но отсюда вытекают весьма печальные последствия для излюбленного историками-позитивистами суррогата метафизических предпосылок истории — для теории прогресса. Идея прогресса связана с более или менее бессознательным отрицанием единства развития, и теорию прогресса процесс развития представляется в виде прерывного ряда сменяющих друг друга фаз или периодов. Лучшее для него лежит в будущем, настоящее и прошлое навсегда умирают. Данный момент развития, данная эпоха обладают значением не сами по себе, а только как средство или этап к будущему. Это особенно ясно сказывается в отношении к прошлому, в пренебрежительном взгляде на умственное развитие, науку и общественную жизнь наших предков и в погоне за «последними словами». Так закрывается единственный путь в понимание прошлого, в котором уже не усматривают ничего всевременно ценного и важного, и утрачивается всякое оправдание исторического интереса. Зачем, действительно, изучать прошлое, если законов и правил для будущего историк найти не может, а вместо каких-нибудь фантастов и метафизиков, вроде Платона, Плотина, Николая Кузанского, полезнее изучать самоновейшие системы Когена, Авенариуса или Бергсона? Беда только в том, что при отдаленности прогресса, пожалуй, не стоит изучать и их, так как настоящее тоже станет прошлым и в глазах наших потомков будет заслуживать лишь забвения. Так, обесценивая историю, теория прогресса неизбежно обесценивает и современность; лишая смысла все минувшее, лишает смысла и нашу социальную деятельность и низводит весь наш труд на степень жалкой работы червяка, удобряющего землю для неведомых и безразличных ему существ. Раскрывая природу теории прогресса, мы легко усматриваем в ней противоречивое сочетание морального пафоса и мечты о светлом будущем других с безнравственнейшим и жестоким восхвалением факта гибели и страданий бесчисленных поколений ради недолгого счастья немногих счастливых. Впрочем, и долгое счастье и счастье многих не смогут оправдать мимолетной горести одного.

Теория прогресса не только отрицает (по крайней мере, в обычном понимании ее) исторический процесс и науку о нем, не только впадает в противоречие со своим исходным нравственно-альтруистическим мотивом, пытаясь оправдать безнравственный факт, но и оказывается совершенно необоснованной. Как бы мы ни определяли понятие прогресса — как процесс дифференциации общества и координации его частей, или как рост человеческой культуры вообще и ее распространение — это понятие, по существу своему, субъективно или, в лучшем случае, выражает в относительной формуле наши идеалы. Однако, нельзя привести никаких объективных доказательств того, что наши идеалы будут осуществляться и осуществляться; невозможно даже доказать, что они осуществлялись до сих пор. Оставим в стороне вопрос о нравственном совершенствовании человечества, как очевидно спорный и сомнительный. Указывают в подтверждение прогресса на развитие современной техники, науки, политической жизни и т. д. Все это так. Но, во-первых, указанные явления обладают и своими отрицательными сторонами, по-видимому, столь же неизбежно связанными с ними, как скажем, экономическая дифференциация связана с классовыми противоречиями и борьбой. Во-вторых, если в данном отношении прогресс несомненен, он касается лишь некоторых из сторон социального развития, некоторых из наших ценностей или идеалов; другие стороны жизни столь же несомненно полнее и совершеннее обнаружались в прошлом. Есть реальные основания в вечно повторяющихся жалобах на то, что в старину жилось лучше, что деды

были счастливее своих внуков. Обострение борьбы за существование, вне всякого сомнения, заставляет предпочитать прошлое. В области научно-философской мысли мы слишком часто встречаемся с возвратом к эпохам и философам, казалось бы, навсегда отжившим, с призывами: «назад к Платону». Не вдаваясь в спорные частности, не защищая средневековой теософии, не касаясь даже области религиозной жизни и религиозного умозрения, мы смело и с полным основанием можем утверждать, что в прошлом обнаруживается расцвет таких сторон жизни, которые теперь, если и не совершенно отмерли, то до крайности убледнены, но тем не менее остаются ценными и должны входить в систему наших идеалов.

Итак, позитивистическая теория прогресса, будучи необоснованной и отличаясь невыясненностью и недодуманностью основных своих предпосылок, несовместима с природою исторического процесса и исторической наукой, основанными на принципе единства развития. Чрезвычайно, с этой точки зрения, показательно, что христианская религиозно-философская мысль, впервые выдвинувшая идею единого развития и целостности исторического процесса, чужда идее прогресса. И суть дела не в том, что христианство переносит идеал в трансцендентное, а в том, что, по природе своей, оно глубоко исторично: т. е. понимает единство человечества, которое все должно быть причастным идеалу во всевременном и всепространственном бытии, и умеет в целостном единстве исторического процесса оценить непреходящее значение каждого из его моментов и всякой индивидуальности. Не было идеи прогресса и в античной древности, переносившей идеал не в будущее, а в прошлое, в минувший «золотой век». Это отношение древности к проблеме прогресса много дает для уразумения современной теории, раскрывая ее, как позитивистический суррогат метафизического идеала. Теория прогресса, усиленно защищаемая и разрабатываемая целыми поколениями, должна обладать некоторым основанием; ее недостатки объяснимы ограниченностью и невыясненностью ее исходных точек зрения⁹. Это основание мы усматриваем в ее исходном морально-идеалистическом мотиве. Но идеал теоретиков прогресса — полнота жизни человечества во всех ее проявлениях и счастье его — достигим только путем осуществления его во всем историческом процессе. Для того, чтобы стать нравственно приемлемым, идеал должен сделаться достоянием всех людей, как еще не рожденных, так и нас, и умерших. С другой стороны, из него нельзя устранить ни одного из достижений прошлого, которые, в силу их неповторимой и конкретной индивидуальности, не могут быть так же воспроизведены грядущим поколением и должны быть реальностью, а не образами воспоминания. Все это достижимо лишь во всевременном и всепространственном реальном синтезе исторического развития. Развертывающийся ныне перед нами и воспринимаемый нами во времени и пространстве процесс, процесс, удручающий нас видимым погибанием и умиранием, должен стать для нас реальным во всей своей конкретности, во всех своих сторонах и моментах. А это возможно только, если «мы изменимся», если преодолеем пространство, если «небеса совьются в свиток», а время преобразится в вечность. И такое понимание идеала или «прогресса» не только согласуется с принципами истории, из них вытекая, но и устраняет все отмеченные нами противоречия. Оно, вместе с тем, оправдывает смысл и значение всякого момента истории и всякого индивидуального труда, осуществляющего идеал и не могущего погибнуть. Оно, наконец, позволяет понимать историческое познание как приближение к истинному всевременному познанию и приобщению ко всевременному единому бытию.

История изучает единичный процесс социального развития во всей его конкретности и единичности, не как экземпляр развития родового и не как родовой или общий процесс, проявляющийся в частных и являющийся для них «законом». Но точно так же и с теми же задачами изучает история и любой частный процесс развития, ибо всякий частный процесс существует и познается лишь на почве его укорененности в общем. Объект исторического исследования всегда представляет собою некоторое органическое единство, как таковое, отличное от окружающего и в своеобразии своем незаменимое, неповторимо-ценный индивидуальный момент развития.

В естественных науках нам важны общие понятия или законы (не построения нашего ума, как полагает Риккерт, а реально-общее), из которых каждый является реально-общим единством, отличным от прочих законов в своей системности или индивидуальности, но вместе с тем и общим для неопределенно большого

количества частных случаев правилом, под которое все они могут быть подведены и частными проявлениями которого все они являются. Познание закона и выражение его в формуле всегда есть познание определенной индивидуальной системы отношений или индивидуального, хотя и общего процесса. Однако, для целей естествознания существенна применимость закона к частным случаям, его обобщающее значение. И, несомненно, познание индивидуального представляет собою стремление к отысканию стройной иерархической системы законов, управляющей данною сферою бытия, хотя и здесь выдвигается не сама система, а ее объединяющая и субсумирующая деятельность. В истории, наоборот, в центре наших интересов стоит именно индивидуально-неповторимое, как таковое и как укорененное в целом развитии, потому что вне связи с этим целым мы никогда не сможем возвыситься от интереса «антикварного» до интереса исторического. Данная эпоха, данная война или революция, данное единичное событие, данная личность — таковы характерные объекты истории, при условии опознания укорененности их в единстве развития. Однако, наряду с этими объектами изучения надо отметить и другие.

Уже многими и неоднократно указывалось, что история оперирует с понятием «среднего человека»¹⁰. Мы говорим о французском буржуа XVIII в., французском якобинце, о гуманисте, сектанте XVI в. и т. п. Каждое такое понятие индивидуально и в своей индивидуальности неповторимо и незаменимо. Французский буржуа XVIII в. одинаково отличен и от современных ему дворянина или крестьянина и от своего отдаленного предка в XVI в. или потомка в XX-м. В то же время это не конкретный, в конкретной своей обособленности данный нам образ, а «отвлеченное», хотя и реальное органическое единство или система черт, исторический (хотя и отвлеченно-исторический) «индивидуум». Он включается историком в высшее органическое единство эпохи, занимает в ней совершенно определенное место и необходим для ее понимания. Но, с другой стороны, историк мыслит отношение между ним и любым конкретным буржуа той же эпохи так же, как естествовед мыслит отношение между законом и его частным случаем. В каждом конкретном буржуа историку видим его «средний буржуа». Он пользуется понятием «среднего» для понимания и объяснения конкретного, для того, чтобы пополнить недостаток своих знаний об эпохе, истолковать слова и поведение конкретных людей и т. д. Подобные приемы объяснения, освященные классиками исторической науки (ср., например, Буркхардта), ни в коем случае не могут быть рассматриваемы, как наивный самообман историков, сначала строящих путем индукции «среднего человека», а потом применяющих это понятие к тем самым случаям, от которых оно отвлечено. Принцип нахождения «среднего», как ясно будет из дальнейшего, весьма далек от «индукции через простое перечисление».

Очень близко к понятию «среднего человека» понятие типа или «типического человека». «Типический человек» соединяет в себе два момента. Во-первых, он тот же «средний человек», то же индивидуальное органическое единство черт, в некотором отношении общее для всей данной группы, класса, общества, эпохи, во-вторых, он гипертрофированное, а потому резко выделяющееся единство черт «среднему человеку» и тем более рядовому обывателю не свойственное. Сюда присоединяется, в-третьих, еще и то, что типический человек представляет собою, в отличие от среднего, конкретную, живую индивидуальность. Обычно это «великий человек», «герой» или «гений», рассматриваемый в его связи с окружением и в его показательности для эпохи. Едва ли надо настаивать на том, что вопрос о показательности гения для «среды» и эпохи, не имеет ровно ничего общего с вопросом о роли личности в истории¹¹. Как и «средний человек», тип важен для историка не только в его индивидуальности, но и в его типичности или показательности, позволяющей заключать от него ко всем людям данной группы и эпохи.

Итак, в истории наряду с индивидуальными понятиями мы встречаем и аналогичные понятиям естественных наук понятия индивидуально-общие. Указывая на «среднего человека» и на «тип», мы привели лишь наиболее резкие примеры. В том же смысле историк часто употребляет такие термины, как «основы государственного строя» данной эпохи, «феодалное поместье», «средневековый город» и т. д. Однако, индивидуально-общие понятия обладают для историка в общности своей, хотя и существенным, но чисто вспомогательным значением. Целью исторической науки является изображение единичного процесса социально-психического развития человечества, все равно делается ли объектом изучения само это развитие в его целом

или более либо менее частный и ограниченный процесс. В последнем случае процесс рассматривается в его индивидуальной отличности, но не иначе, как на почве общеисторического; и чем большая и более глубокая связь усматривается между частным единством и общим процессом, тем историчнее исследование.

Цель историка не в простом описании процесса развития, но и в объяснении его, в понимании его необходимости. Это, как указано выше, достигается не путем причинного объяснения, а особого рода вживанием историка в процесс, сопереживанием процесса, подобным сопереживанию чужой душевной жизни. Чтобы понять и объяснить историческую личность, я должен слиться с ее психической жизнью и, отвлекаясь от всего индивидуально-моего, жить ее стихией, внутренне свободной и необходимой, но до известной степени определяемой в своем течении пронизывающими ее влияниями иных процессов. Только этим путем доступна мне чужая индивидуальность, т. е. чужое органическое единство; только этим путем я постигаю его, как необходимое и не могущее быть иным. И сами внешние факты уже являются для меня моими внутренними: я живу и действую в другом. Тот же самый прием применяется историком и тогда, когда он изучает коллективную душу группы, класса, народа или эпохи. Всегда и везде задачей является переживание некоторой системы черт, некоторого органического единства. Благодаря этому, становится возможной историческая дивинация, восстановление целого по немногим разрозненным его чертам и фрагментам. Но тот же самый процесс обнаруживается и тогда, когда по отрывочным фактам и немногим психическим «элементам» мы воссоздаем систему черт или органическое единство «среднего человека», необходимость которого покоится вовсе не на повторяемости его в конкретных индивидуумах, а на его внутреннем единстве или органичности. В это единство достаточно войти для того, чтобы постичь его целостно, а войти в него возможно и с помощью немногих данных. Тем же приемом определяется, наконец, и «тип», признаваемый за таковой именно потому, что его органическое единство оказывается связанным и внутренне-переплетенным с такими-то и такими-то внешними фактами эпохи, как бы вехами, определяющими русло его жизни. В данной системе фактов мыслимо лишь это органическое единство, познаваемое нами изнутри его самого, как необходимое и внутренне-единое.

Характерным и существенным отличительным признаком истории является тот факт, что объектом исторического изучения всегда бывает прошлое (конечно, в том смысле и с теми оговорками, которые указаны выше). Но прошлое историк непосредственно не дано и даже пережитое им существует в его сознании только, как убегающие и бледнеющие образы воспоминания, остатки прошлого. Историк открыт лишь один путь к погружению в минувшее — реальные остатки этого минувшего, видимо, оторванные от того единства, в котором они находились, и утратившие ясные связи с ним. Такие обрывочные остатки прошлого, переживающие себя в настоящем и связующие нас с тем единством, в которое они входили прежде, и называются «историческими источниками». Это вещественные остатки былой культурной жизни: храмы, здания, статуи, надписи, рукописи, обычаи и обряды, в неизменности хранимые религиозным культом, частным и общественным бытом; это, далее, давно возникшие рассказы и легенды, донные передаваемые из уст в уста, старые сказки, пословицы, исторические песни и предания; это — плоды культурного труда прежних поколений: разного рода литературные произведения, акты и договоры, наконец записи наблюдений современников над социальной жизнью, летописи, хроники, мемуары и исторические труды. Весьма трудно дать исчерпывающую классификацию исторических источников; к ней мы здесь и не стремимся, намечая лишь существенные для нас пункты.

Если источник является частью прошлого, оторванной от своего единства, но связующей его с нами, познание источника не что иное, как познание самого прошлого. Через источник, как часть минувшего, мы вживаемся в единство этого минувшего и, познавая часть, в ней уже познаем и целое. Поэтому принципиально работа над источником ничем не отличается от всякой иной работы историка; реально — это та же самая историческая работа со всеми ее особенностями, а благодаря обычной конкретности источника, так сказать осязаемости в нем самого прошлого, изучение источника лучшая и, может быть, даже необходимая школа для всякого занимающегося историей. Во всяком случае, оно должно служить основой и исходным моментом научного занятия историей, другого же

занятия ею, кроме научного, нет. При достаточном понимании и правильной оценке источников, как частей прошлого, сами собою бледнеют и теряют силу жалобы на субъективность и ненадежность по сравнению с методами естественных наук метода исторического, жалобы столь характерные для французских методологов, пытающихся спасти научность истории предъявлением к ней ригористических и зачастую совершенно невыполнимых требований.

В наиболее благоприятном для историка случае источник дает ему непосредственное отражение прошлого. Так, храм или статуя выражают эстетическое мировоззрение своих создателей, позволяют воочию убедиться в их технических средствах и с несомненностью заключать к некоторым общим чертам социальной организации в данную эпоху. Внимательно изучая такой источник, мы достигаем уже восприятия или, в худшем случае, предвосхищения некоторого единства, окончательнее и полнее всплывающего перед нами при сопоставлении свидетельств данного источника со свидетельствами других, входивших в ту же систему. Принцип единства является руководящим критерием в отборе и понимании всей системы свидетельств, с каждым новым свидетельством приобретающей все большую полноту и убедительность. На том же принципе единства основывается, в конце-концов, доверие к свидетельству источника о принадлежности его именно к данной эпохе или отнесение его к ней, когда он сам безмолвствует, так называемая датировка, достигаемая очень часто лишь посредством долгих и тщательных сопоставлений. Им же определяются, как мы сказали, и понимание источника (интерпретация) и оценка степени его достоверности и его подлинности (критика). Все эти операции, обычно различаемые в трактатах и учебниках по методологии, на самом деле неразрывно переплетены друг с другом. Нельзя подвергать источник «внешней» или «внутренней» критике, в то же самое время его не толкуя или не интерпретируя, и обратно, нельзя интерпретировать и критиковать вне времени и пространства, т. е. не датируя. Но все рассмотренные процессы мыслимы только на почве связи их и источника со всею совокупностью наших знаний о данной системе или единстве, а потому являются не чем иным, как восприятием и пониманием этого единства.

Мы брали простейший случай, когда источник, непосредственно отражающий социально-психический процесс, всецело относится к изучаемой нами эпохе. Но он может, как конкретное явление, относиться сразу к нескольким эпохам. Так, хранящиеся в Мюнхенской Глиптотеке эгинские статуи отражают и эпоху их возникновения и эпоху реставрировавшего их Торвальдсена. Созидаемый рядом поколений храм свидетельствует о ряде веков; один и тот же лист рукописи несет в себе и следы соскобленных букв античности, и рукопись XVIII в., и приписки на полях («маргинальные глоссы») XV-го. Разумеется, если объектом нашего изучения является довольно длительный процесс, тот же многовековой собор может быть для нас единым конкретным источником, отражающим само развитие. Но если наше внимание сосредоточивается лишь на одном из моментов этого развития, нам приходится от единого конкретного источника отвлекать нечто реальное, связанное только с изучаемым нами единством. Так возникают новые, иногда чрезвычайно сложные и трудные проблемы критики, интерпретации и датировки. Конечно, сравнительно легко учесть добавленное или искаженное грубою рукой неумелого реставратора. Но большое искусство, тонкое критическое чутье и крайняя осторожность потребны для того, чтобы в каком-нибудь сохранявшемся от прошлого обычае, «пережитке», или в переходящей от поколения к поколению легенде отделить все наслоения ряда эпох и, выделив, датировать первоначальное зерно. Слишком часто подобная задача оказывается неосуществимой.

Однако, источник не всегда является только простым бессознательным и бесстрастным «отражением» факта. Всегда будучи таким отражением, он часто содержит в себе «заявление» или «заявления» его автора или авторов. Подобными источниками являются какой-нибудь оригинал законодательного акта, договор, публичный или частно-правовой, расписки, квитанции, надписи в честь бога, святого или какого-либо героя, выражающие отношение к нему, и т. п. Вся эта категория источников сближается с уже рассмотренною нами по близости своей к историческому факту и, следовательно, по своей надежности; но отличается от нее новым моментом — ролью и значением автора источника. Как источники «говорящие», такие «заявления» несравненно богаче материалом, чем простые отражения, в связи с чем стоят своеобразные трудности из интерпретации и перехода от них к их

окружению. Эти «заявления» принято обозначать особым термином «документов» или «документальных источников», иногда с выделением в особый разряд «актов», и противопоставлять их заявлениям автора о своих наблюдениях, как источникам «литературным». Не лишним является отметить, что надежность «документальных» источников часто приводит к преувеличению их значения. Нельзя забывать, что «документ» надежен и важен, как таковой, а, например, не заключенными в нем наблюдениями или сообщениями» кто станет решать вопрос о виновности по приговору инквизиционного суда? Историк, если хочет, чтобы выводы его были «документальным», должен опрашивать документ лишь в пределах его компетенции: иначе он пользуется им не как документом, а как литературным источником. С другой стороны, опасно быть поклонником формы. В иных случаях литературный источник надежнее документа, именно: поскольку мы рассматриваем первый, как отражение.

Задача познания при посредстве источников осложняется еще тем, что сравнительно немногие из них непосредственно отражают прошлое и ограничиваются простыми заявлениями. Напротив, наиболее важные и конкретные свидетельства оказываются для историка опосредствованными. Источник сообщает нам о том или ином факте, в то же время непосредственно отражая другие стороны прошлого. Надпись или рукопись в качестве материала, очертаниях букв, манере письма и т. д. отражая технические средства и психику эпохи, рассказывает нам о тех или иных событиях. Предание, отражая образ мыслей и чувствований своей эпохи, еще и передает нам о ней нечто конкретно-фактическое. В этих случаях мы сталкиваемся с записью наблюдателя (возьмем опять простейший случай), подверженного возможности самых разнообразных ошибок и во время наблюдения, и во время воспоминания о виденном, и во время самой записи. Сверх того, наблюдатель в сообщении своем мог руководиться желанием скрыть, прикрасить или исказить истину. Все эти обстоятельства ставят историку, критику и интерпретатору новые, очень сложные и тонкие проблемы. Однако, средством к их разрешению остается тот же самый исторический метод, описанный нами, в искусных руках достаточно острое и надежное орудие. Мы оцениваем общую достоверность и надежность наблюдателя на основании всей совокупности наших знаний о нем, т. е. путем выяснения его индивидуальности, и об его эпохе, данной нам в ее «среднем человеке» и типических представителях. Мы толкуем и повергаем критике интересующие нас отдельные сообщения того же наблюдателя в системе знания о нем и о включающем его в себя единстве группы и эпохи в связи с сообщениями других источников. Следует отметить, что и здесь, как вообще в понимании исторического процесса, очень ничтожная роль принадлежит всякого рода «социологическим» обобщениям и схемам. Так, мало помогает изучение ошибок наблюдения вообще и в свидетельских показаниях, в частности. Еще меньше пользы от общего учения о характерах. Объяснение этого факта заключается в характере исторического исследования вообще, в его конкретности и сосредоточенности на индивидуальном, которое не подчиняется никаким общим законам, ибо нет закона без исключения, а таковым может быть именно данный случай. К тому же чисто-исторический метод скорее приводит к более прочным и определенным заключениям.

Дальнейшим осложнением работы по источнику является тот случай (причем, опять-таки, вполне совместимо сосуществование его в данном конкретном источнике с уже рассмотренными нами), когда автор источника, не являясь наблюдателем, сообщает о наблюдениях других, наблюдениях, известных ему из первых, или из вторых, либо третьих рук, по устной или письменной передаче. Иначе говоря, здесь нас отделяет от изучаемого факта не один, а два или даже более источников, из которых непосредственно нам дан лишь один. Сообщения о наблюдениях и свидетельствах других могут распространяться одинаково и вширь — на современное автору, и вглубь — на прошлое для него. В последнем случае ряд незаметных переходов сближает автора источника с историком, что и позволяет нам относить сразу и к той и к другой категории таких писателей, как Фукидид, Тацит, Оттон Фрейзингенский и т. д. Однако, необходимым условием включения данного исторического труда в категорию сообщающих источников является наличие только в нем наиболее близких к факту сообщений о нем; в смысле непосредственно отражающего действительность источником должен быть назван всякий исторический труд.

Из нашего краткого обзора ясно, насколько трудна классификация источников. Конкретный источник многогранен: он сразу может отражать прошлое, сообщать наблюдения других над современными ему и минувшими событиями. Очевидно, на основе установленных выше различий нельзя классифицировать конкретных источников, а только данные источников, естественно распадающиеся на: 1) непосредственные отражения прошлого, 2) заявления автора источника (напр., законодательные акты, манифесты, договоры и т. п.), 3) сообщения автора источника о его наблюдениях, 4) сообщения его о наблюдениях других, лично ему известных, 5) сообщения из вторых и третьих рук о современном автору, 6) такие же сообщения о прошлом.

Что касается до классификаций самих конкретных источников, — ни одна из них не может быть признана удовлетворительной. Классификация по материалу позволяет разделить их на очень большие группы: 1) вещественных, 2) письменных и 3) устных, причем первая и вторая группа находят друг на друга (напр., надписи, рукописи и т. п.). В пределах каждой из этих трех групп возможны дальнейшие подразделения. Так, Э. Бернгейм, выделив в особую группу «остатки», делит «традиции» на: 1) вещественную (статуи, картины, карты), 2) устную (рассказы, легенды, анекдоты, поговорки, исторические песни и былины), 3) письменную (исторические надписи, генеалогические таблицы, календари, летописи, биографии, мемуары и т. д.). К «остаткам» он же относит: 1) остатки в собственном смысле слова, т. е. телесные остатки (кости, черепа, кухонные остатки и т. д.), язык, состояния и учреждения (законы, обычаи, игры), продукты труда (сосуды, монеты), деловые акты, письма и проч.; 2) памятники-надписи, памятники в собственном смысле слова, грамоты. Пожалуй, наиболее удобно классифицировать источники, исходя из так называемых вспомогательных исторических дисциплин (*Hilfswissenschaften*), сосредоточивающихся обычно на определенной группе источников. Эти дисциплины не все в одинаковой степени определились, но ряд из них уже выделился. Такова изучающая папирусная палеология, изучающая надписи эпиграфика (с подразделением ее по диалектам или наречиям), дипломатика, исследующая акты, и палеография, — рукописи, нумизматика и сфрагистика (монеты и печати) и пр. Вместе с археологией все эти науки изучают преимущественно внешнюю, вещественную сторону источников.

Даже краткое ознакомление с источниковедением убеждает в том, что и в нем работа историка покоится на тех же принципах, которые выясняются из анализа исторического процесса и его изучения. Это станет еще очевиднее, если подчеркнуть тот факт, что историк никогда не имеет дела с единичным, оторванным ото всего фактом. Его работа, заключающаяся в поисках единства, всегда основана на сопоставлении целого ряда источников и свидетельств, связи между которыми он вскрывает. Поэтому-то совершенно бесполезны споры о том: надежно ли показание о факте одного источника и свидетельствует ли против факта молчание о нем современников. Эти споры бесполезны, так как единичные факты для историка неинтересны, а связь того или иного факта с данным единством обосновывается вовсе не свидетельством о нем одного или двух источников, но целою системою фактов.

В предшествующем изложении указано на неразрывную связь всех критико-научных операций, производимых над источниками — внешней и внутренней критики, интерпретации и датировки. Однако, все же можно отметить некоторые стадии научной работы с соответствующим преобладанием того или иного из приемов. Приступая к изучению какого-либо вопроса, прежде всего необходимо выяснить круг нужных для этого источников, «найти» их, для чего надо ознакомиться и с историческими сочинениями, касающимися данного вопроса, и со специальными указателями, перечисляющими эти сочинения («литературу вопроса») и источники. Все такие операции обозначаются термином «эвристики». Очертив круг своих источников, историк приступает к их критике и интерпретации (герменевтике), неотделимым, по существу друг от друга. Однако, и здесь обычен подход к источнику прежде всего со стороны «внешней критики», т. е. определения подлинности источника, его даты, места происхождения, автора и отношения к другим источникам. Из внешней критики вырастает и применяется параллельно с нею «внутренняя», устанавливающая путем того же сопоставления источников и анализа данного отношения его к занимающим внимание историка фактам (к единству изучаемого

процесса). В процессе же критики и сопоставления источников окончательно выясняется их понимание или истолкование (интерпретация), завершаемое процессом научно-исторического изложения. Такова внешняя схема исторической работы, схема, отнюдь не предусматривающая всего конкретного многообразия исторических приемов и их сочетаний и вовсе целиком и в изображенной последовательности не применяемая в каждом отдельном случае. Но конкретные приемы исторической работы излагать бесполезно: они лучше всего понимаются и усваиваются в самом ее процессе.

Примечания автора

1. Под «теорией истории» следует разуметь науку, которая изучает сущность и свойства исторического процесса и познания его, в отличие от «философии истории», изучающей те же вопросы и сам исторический процесс в связи с Абсолютным.
2. При этом понятие развития, как выяснится далее, практически и временно ограничивает поле исторического изучения. Для историка человечество важно лишь постольку, поскольку оно социально-деятельно (т. е. создает культуру) или культурно. Таким образом можно говорить о некультурных народах, как о «неисторических»: в них мы не усматриваем развития и связи с единым историческим процессом. С другой стороны, вполне естественно, что круг «неисторических» народов условен и установление его зависит от наших знаний о них и об их отношении к «культурному» или «историческому» человечеству.
3. Ср. Влад. СОЛОВЬЕВ. Идея человечества у Августа Конта, 1898. Собрание сочин. (2-е изд.), т. IX, с. 172—193).
4. ЗИММЕЛЬ Г. Проблемы философии истории. М. 1898 (гл. I).
5. Приходится даже сталкиваться с еще более неожиданными и мнимыми проблемами, например — о влиянии Возрождения на гуманизм или гуманизма на Реформацию.
6. С этой точки зрения весьма поучительна выдвигаемая Ксенополом, как основной принцип исторического исследования, теория «серий». (XÉNOPOL A. D. La théorie de l'histoire. P. 1908).
7. Ср. КАРЛЕЙЛЬ Т. Герои и героическое в истории. СПб. 1891; МИХАЙЛОВСКИЙ Н. К. Герои и толпа. Полн. Собр. Сочин. т. V; КАРЕЕВ Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд. СПб. 1914; СОЛОВЬЕВ Влад. Оправдание добра. ч. III, гл. IX. (Собр. сочин. т. VIII, 2-е изд.). Обзор новейшей литературы см. Н. BERR. La méthode statistique et la question des grands hommes.— Nouvelle Revue, 1894; KISTIAKOYSKY W. A. Gesellschaft und Einzelwesen.
8. См. MEDICUS. Kant's Philosophie der Geschichte. 1902; LASK. Fichtes Idealismus und die Geschichte. 1902; BARTH P. Die Geschichtsphilosophie Hegel's und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann. 1890; GOLDFRIEDRICH. Historische Ideenlehre in Deutschland. 1902.
9. См. КАРЕЕВ Н. И. Историология, гл. XIX; ХВОСТОВ В. М. Теория исторического процесса. М. 1914; GROTFELT. Geschichtliche Wertmaßstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historikern und im Volksbewusstsein. 1905; ГАРТМАНН Л. М. Об историческом развитии. 1911; КАРЕЕВ Н. И. Собр. сочинений, т. I и «Основные вопросы философии истории». 1883.
10. Ср. «l'homme général», «l'homme temporaire» Лакомба (LACOMB P. De l'histoire considerée comme science. P. 1894).
11. Подробнее о «среднем человеке» и «типе» см. КАРСАВИН Л. П. Основы средневековой религиозности. СПб. 1915. Введение.

Драгоценности раннего средневековья в Западной Европе

А. Я. Шевеленко

В Западной Европе VI—XI вв. драгоценностям как одной из составных частей материального общественного бытия была присуща многофункциональность. Изучая археологические находки и музейные экспозиции, вникая в текст письменных источников, рассматривая иллюстрации в манускриптах, мы постигаем, что драгоценности использовались тогда как личные украшения и как элементы обстановки, демонстрировали богатство или принадлежность их владельцев к определенному сословию. Их применяли ради достижения различных целей: психологического воздействия, состязательных, игровых, гадательных, религиозных. Они были средствами ценностного накопления, самоудовлетворения, повышения личной привлекательности и общественного авторитета, нередко обозначали конкретные события прошлого либо возможные в будущем, символизировали собой посмертное почитание, являлись счастливыми талисманами или предохраняющими от злых чар амулетами. Практически не существовало тогда такой сферы социального бытия, в которой драгоценности не играли бы определенной роли.

Гамма этих предметов повышенной ценности менялась от столетия к столетию и от одной общественной прослойки их владельцев к другой в зависимости от качественных показателей самих драгоценностей, их природной редкости, спроса на них и преходящей моды, от объективных возможностей их изготовления и субъективных возможностей приобретения. Их ассортимент постепенно расширялся и улучшался, хотя случались и спады в развитии. А исходный уровень был выше там, где в V—VI вв., после смены античного общества раннесредневековым, сохранилось больше древних ремесленных традиций и где в смутное время Великого переселения народов уцелела городская жизнь.

Производство драгоценностей, равно как любых других изделий художественного ремесла, зависело от ряда факторов. Сказывались принятые издавна нормы, наличие нужного сырья и освоенных методов его обработки, а также творческой рабочей силы с ее трудовым опытом и профессиональными знаниями. Влияли и определенные социально-политические условия, создававшие благоприятную либо неблагоприятную среду для спроса, изготовления, сбыта и потребления каких-то ценностей. Чистое сырье или полуфабрикаты приобретались мастерами на рудниках, приисках и промежуточных инстанциях — у других ремесленников, владельцев шахт, моряков, случайных частных лиц, посредников, купцов, даже у грабителей. Нередко нам остаются неведомыми стадии пути, который прошла та или иная вещь, и мы сталкиваемся с ней в самом конце этого пути, когда ее, допустим, подарили кому-то. Если дар был совершен храму, то он фиксировался записью, являющейся ныне для нас указателем. Многочисленными примерами могут служить описания даров римской церкви от верующих, учтенные в перечне «*Liber pontificalis romanus*»¹.

Драгоценности в собственном смысле термина изготавливали златокузнецы и ювелиры, чья

Шевеленко Анатолий Яковлевич — кандидат исторических наук.

работа порой не совпадала и разделялась, а порой сочеталась в одних руках. Такие, особенно более искусные, специалисты чаще встречались в V—VI вв. у романских народов, обладавших прямым древнеримским наследством. У других обитателей Западной Европы — кельтов и германцев, пришедших туда гуннов и алан — умелых мастеров было меньше. Поэтому у них сначала преобладали довольно грубые изделия с фигурным и геометрическим орнаментом, с безвкусно разбросанными по поверхности и дурно отшлифованными альмандинами, изредка с филигранью и инкрустацией. Многие доставались им грабежом и затем частично перерабатывались. Иное клали для использования «на том свете» в могилы, вырытые на месте боевой гибели или попутно, в ходе переселения. Таковы произведшие сенсацию монеты и украшения, найденные в 1653 г. в турнской гробнице короля салических франков Хильдерика I Меровинга (482 г.), завоевывавшего Северную Галлию. Подобные, маскирующие обстоятельства находок затрудняют локализацию ремесленных центров и научную классификацию предметов².

Культура уцелевшей от разгрома варварами Восточной Римской империи оказывала тогда заметное воздействие на Западную Европу. Проявлялось это и в сфере ремесла. Балканские и североафриканские серебряные изделия V—VI вв. часто копируют малоазийско-элладские. Такое влияние легко прослеживается на вещах, силой позаимствованных у прежних хозяев и переместившихся к другим владельцам, например на плашке, принадлежавшей вандалскому королю Гелимеру (530 г.). А в Италии, Испании и Галлии завоевателями перенималось на месте древнеримское искусство *opus interrasile*: гравировка на подвесках и застежках, иногда даже штемпельная.

У захвативших значительные области этих стран лангобардов, вестготов и бургундов тогда же распространяется изготовление дорогих вещей по индивидуальному требованию. Одна из известнейших — панихидная чаша бургундского короля Сигизмунда (524 г.). Заказы личного свойства, помимо королей и военных вождей, поступали еще и от церковников, вроде уговора о предметах для литургии, выполненных по просьбе настоятеля храма св. Маврикия Агонского в Гельвеции (650 г.). Такие раннефеодальные деятели порой не искали на стороне, а организовывали для своих нужд собственные златокузнечные мастерские, чьи дошедшие до нас работы хранятся сейчас в музейных коллекциях. Типичными считаются венцы, принадлежавшие как будто бы женщинам герцога Свинтилы (631 г.), и толедский набор украшений вестготского короля Реккесвинта (649 г.). Почти всем драгоценностям той поры присуща характерная специфика: своеобразное сочетание отраженной в них разномастной символики — античной, варварской и раннехристианской³.

Во владениях Меровингов попадались изделия, происходившие из многих местностей Европы. Подобное смешение присуще, например, сокровищам знатной Теодолинды (627 г.). Что касается работ местных ремесленных центров Галлии, то славились инкрустации из монастырской мастерской св. Дионисия. Временный ренессанс античных достижений наблюдался при Каролингах, вплоть до конца I тысячелетия. Это сказалось на более изощренной теперь церковной утвари, работах из слоновой кости (вроде изящного футляра для дамских принадлежностей Беатрисы Капет, 1000 г.) и из порфирного камня, шедшего на вазы. Если раньше при художественном обрамлении икон использовались абстрактные христианские символы, то теперь изображаются конкретные Отцы церкви. Среди личных вещей, дошедших до нас, назовем колоритно инкрустированный кубок злейшего врага Карла Великого — баварского герцога Тассилона III (788 г.), богато украшенный ларец самого Карла, незаурядно изготовленный подвесной кошель саксонского эделинга Видукинда (807 г.)⁴.

В ювелирном искусстве государства Каролингов сложились и локальные «подшколы», каждая со своими отличиями: северогерманская готовила эмали с фигурками животных; фландрская, а вслед за ней рейхенауская внедряли золотую краску в миниатюрах; судетская выпускала дорогие амулеты против волшебства. В середине IX в. наладили изготовление исключительно ценных книжных переплетов; впечатляют переплеты регенсбургского кодекса св. Эммерана (870 г.) и псалтири западнофранкского короля Карла Лысого. Обильнее стали испещрять драгоценностями алтари, среди которых выделяются уготованный храму алтарный стол герцога Каринтии Арнульфа (конец IX в.) и алтарная боковина в миланской церкви св. Амвросия⁵.

Дальнейшее развитие художественного ремесла привело к новому размежеванию и становлению самостоятельных златокузнечных школ. В Германии оттонианским работам было присуще сильное разнообразие типов изделий, используемых материалов и технических приемов. К высшим достижениям оттонианцев причисляются обрядовая чаша в тульском монастыре св. Гозлина (962 г.), золотая мадонна городского храма в Эссене (980 г.), орнаментированная многофигурная кафедра Сионского собора в долине Роны, крест местного владыки Эгберта в Маастрихте (977 г.), выполненный по указу императора Генриха II бамбергский

алтарь (1014 г). Оттонские мастера блеснули и при изготовлении либо отделке украшений высокопоставленным женщинам; выделяются майнцский набор из 20 искусных вещей для супруги императора Конрада II Гизелы (1027 г.) и близкая по теме коллекция для супруги императора Генриха III Агнесы (1046 г.)⁶.

Гильдесгеймская мастерская, сложившаяся в XI в., отличалась дорогими бронзовыми изделиями: статуэтками святых, рельефами на церковных кафедрах и дароносицах, широко экспортировавшимися латунными бляхами с эмалью, чернью и драгоценными камнями. Северогерманские мастерские производили грубые эмали, серии процессуальных принадлежностей и личные вещи; особенно известны крестики графини Гертруды (1077 г.) и коронные сокровища династии Вельфов.

В италийской Кампании славилась монтекассинская мастерская аббата Дезидерия (1058—1087 гг.), распространявшая серебряные кресты и бляхи с изображением Иисуса. Из Сицилии вывозились спиральные филигранные и покрытые жемчугом вкладыши. Наконец, зарождается самая знаменитая — венецианская школа; *opus veneticum* охватывал все отрасли ювелирного дела и художественного ремесла и отличался неповторимым своеобразием и отменным качеством. А выше всего ставилось впоследствии венецианское стекло. Утонченные приемы его обработки и использования уходят корнями именно в раннее средневековье. Существует версия, что когда аквилейские вены, убежав от Атиллы, и потом беглецы от лангобардов начали постепенно осваивать 118 островов адриатических лагун и возводить песчаные насыпи, то еще тогда они как следует познакомились со свойствами кварцевых и известковых разновидностей речного и дюнного песка, легшего в физическую основу будущего местного стекольного дела⁷.

В Северной Испании, вне зоны мавританского влияния, сохранялись в целом каролингские традиции. Там были популярны кресты с изображениями ангелов и надписями в чью-либо честь, например в честь короля Альфонса II Чистого (808 г.), святых из Сантьяго (874 г.), короля Рамиро (902 г.), овьедской Победы (908 г.). С XI в. появляются украшения так называемого позднеберийского стиля на церковных кубках, имитирующие созданное в римской Испании. Эти кубки хранятся в леонской церкви св. Исидора, сиросском аббатстве св. Доминика, национальном хранилище королевы Урраки. Приходившие на поклонение в Сантьяго-де-Компостела, к захороненным останкам апостола Иакова, северные пилигримы торговали там драгоценностями из Франции и Нидерландов. Господствовавшая в Португалии мануэлинская художественная школа не отличалась собственным направлением и практиковала смешение многих стилей, причем предпочитала не сочетать драгоценные камни с вещами из благородных металлов⁸.

Переломный этап в златокузнечном деле наметился в связи с освоением новых, достаточно насыщенных месторождений серебра. В VIII в. заложили эльзасские рудники Маркирхе, с 922 г. добывали серебро в саксонских рудниках Миттвайды и Франкенберга, с 968 г. — в гарцской шахте Раммельсберга; позже к ним добавились недра эрцгебиргского Фрайберга. В результате открылась возможность наладить выпуск неизвестных ранее изделий. В их числе — украшенные черным серебром шкатулки, серебряные карандаши для иконописцев, чистое толченое серебро для применявших серебротерапию лекарей, серебряные нитки для отделочного шитья, ковровые вставки из серебряной проволоки. Затем возникают очень крупные златокузнечные мастерские в Нюрнберге и Аугсбурге⁹.

Уже в раннее средневековье златокузнецы применяли на практике весьма разнообразные, с вариантами в разных местах, производственные приемы. Расширился диапазон изделий, среди которых появились всевозможные реликвии, обкладки, плакетки, задвижки, дорогие кувшины и крышки, канделябры и решетки, сундучки и ковчеги, рамки и статуэтки. Постепенно определялось типовое членение изделий из благородных металлов на пластинчатые, чеканенные, гравированные, цепочечные, эмалевые и сканированные. Становились более регулярными их поставки во дворцы и храмы, города и на ярмарки. Первые монетные дворы (Мелле в государстве Каролингов, Кельнский в оттонской Германии и др.) осуществляли не только выпуск монеты, которая тогда сама по себе являлась драгоценностью, но и надзор за чистотой золота и серебра. Иногда к монетным дворам приспособлялись мастера, быстро преобразовывавшие новенькие монеты в украшательные мониста¹⁰.

Как отмечалось выше, златокузнецы часто являлись сразу и ювелирами в широком понимании термина. Но существовали также ювелиры в узком толковании, работавшие преимущественно с драгоценными камнями, а уж потом занимавшиеся их обрамлением или отдававшие их для того в другие руки. Этим мастерам изначально покровительствовала христианская церковь, исходившая из того, что в Священном Писании упомянуты 17 библейских и 12 апокалиптических драгоценных камней. Такие ювелиры отличались даже внешне.

Например, в Англии позже они носили при церемониях белые или алые рубахи, в иных местах имели особую прическу. Из их рядов вышел ряд прелатов. Известнейший — первый аббат Солиньякский и епископ Нуайонский Элигий (590—660 гг.). Он основал Лиможскую ювелирную школу, традиции которой сохранялись веками, а лично трудился как ювелир для меровингских королей Дагоберта I и Хлодвига II. Будучи впоследствии канонизирован католической церковью, св. Элигий считался покровителем всех ювелиров¹¹.

Искусство отделки драгоценных камней, постоянно совершенствуясь, было отражено в средневековых справочниках — лапидариях. Там упоминаются драгоценные камни первого значения (алмаз, сапфир, рубин, хризоберилл, александрит, изумруд, шпинель), второго значения (топаз, аквамарин, светлый берилл, красный турмалин, альмандин, опал, циркон), полудрагоценные (гранат, бирюза, не красный турмалин, горный хрусталь, халцедон) и, наконец, самоцветы. Впрочем, применялись также камни, не попавшие в градацию, которая к тому же не оставалась неизменной¹².

В VII—VIII вв. передавались из рук в руки и перекупались уцелевшие издревле византийско-египетские «камни Абрахаса». Это были амулеты с символическими знаками, выполненные на гелиотропе. Во время Крестовых походов попали из Палестины в Западную Европу «соломенные пучки». Так называли по их внешнему виду изделия из полосатых камней — агата, сердолика, яшмы. Потом в Европе их копировали. Что касается первых средневековых изделий местного происхождения, то таковы инталии: драгоценные камни с глубокой резкой на них, например с изображением Алариха II (Северная Италия, 507 г). Тогда же стали вырезать на популярной стеклопасте контуры львов, гепардов и драконов, а мастера Нижнего Рейна, уже обособлявшиеся от южного влияния, выпускали украшения «альзен» — темно-голубые круглые стекляшки¹³.

В Галлии меровингские ювелиры работали преимущественно с альмандинами, пиропами и гранатами. В IX в. установилось господство каролингской школы, для которой характерны инталии на хрустале с изображением распятия или знатного лица. Резали также рог и черепаховые панцири, высекали мелкую пластику из слоновой кости, скоблили мрамор. В украшениях место сугубо условных картинок, присущих предыдущим столетиям, занимают более реалистичные. Если инталии делали на одноцветных камнях, то с начала II тыс. появляются выпуклые камни с рельефами на слоистых ониксе и агате. Шлифовали тогда изделия пемзой, кварцем и мыльным камнем. Для точной шлифовки уже с VI в. использовали редко и трудно получаемый алмазный порошок. Благородные металлы шлифовали агатом. Стариннейшая европейская форма слабо обработанного драгоценного камня — кабошон: купол, выглядевший согласно принятым правилам как застывшая капля свиного жира. Но тогдашние мастера, довольно примитивные, еще не умели учитывать должным образом твердость, спайность, преломляемость и все многоцветье минералов¹⁴.

Использовавшимся минералам неизменно сопутствовали символы. Придавалось определенное значение природе, количеству, форме и расположению камней. Для конкретных людей, согласно их месяцам рождения и знакам Зодиака, заказывались и выбирались строго определенные камни. Лицам разных сословий, общественного положения и рода занятий тоже полагались различные камни. Разделение соблюдалось и в зависимости от намечавшихся мероприятий и иных персональных обстоятельств. Так, привозимый из далекой Индии диамант (им называли и бесцветный алмаз, и полученный после его обработки сверкающий бриллиант) считался камнем Солнца, благоприятным для родившихся под знаком Весов и плохим для Овнов, несчастливым для покупателей и счастливым для получивших его в дар, очень вредным при наличии пятен или трещин, лечащим безумие и внутренние кровоизлияния¹⁵.

Голубой сапфир добывался в Гельвеции. Он слыл талисманом мудрецов, укрепителем власти сюзеренов, камнем Юпитера, полезным для Водолеев и неблагоприятным для Львов, помогающим только добродушным, но зато лишаящим веселья. Красный рубин из Чехии именовался камнем Марса, символом богатства и величия, желательным для корон и скипетров, считался в толченом виде панацеей, был полезен родившимся в июле, а злых людей превращал в подлинных демонов. Желтый хризоберилл из Южной Азии сулил удачу игрокам и носился против проказы. Зеленый александрит, поступавший издали через Русь, нес благоприятствие Рыбам и был скверен Девам, а своих владельцев делал миролюбивыми. Зеленоватый смарагд (изумруд), привозимый из Египта, назывался покровителем всякого плодородия, природного и человеческого, хорошим для Дев и плохим для Рыб, оберегающим моряков, а будучи оправлен в золото — вообще от всякой заразы. Изумруды особо ценили как камни в стене «небесного Иерусалима». Довольно рано шлифовкою научились превращать их, как и светлые бериллы, в *lapides ad legendum* (камни для чтения), предшествовавшие очкам. Лал

(розовая шпинель), добывавшийся в Швеции, помогал от болей в пояснице и порождал во владельцах любовные чувства. Разнообразные толкования, суеверия, приметы и легенды сопровождали и другие драгоценные камни¹⁶.

За их обретение еще на сырьевой стадии развертывалась порой нешуточная борьба. Очень дорогие камни выменивались на различные материальные блага, включая оброки; использовались как разменная ценность при политических спорах, служили орудием интриг и причиной раздоров; дарились владыкам, чтобы снискать их расположение. Об отдельных редких камнях передавались из уст в уста вести, приобретающие иногда характерное общественное значение. Заинтересованные лица — знать, купцы, посланцы ювелирных школ — пристально следили за появлением в обиходе особо ценных экземпляров. Для этого пытались даже как-то контролировать места их добычи: желтоватого топаза и красноватого граната — в Высоких Татрах, синеватого аквамарина — в Провансе, золотистого хризолита — в Силезии, беловатого опала — в Венгрии, многоцветного гиацнта — в малодоступной Норвегии, горного хрусталя — в Альпах, черного агата — на Сицилии, ясписа (яшмы) — в разных точках Германии, янтаря — в Дакии и Прибалтике. Между прочим, янтарь шел не только на украшения. Из светлых его кусков вырезали пластинки, которые шлифовали для увеличительных луп. При известной неопределенности границ, присущей раннему средневековью, на одни и те же заповедные места оказывалось много претендентов, так что люди гибли не только за металл, но и за минералы. Не следует думать, что тянули руки лишь к «добрым» драгоценностям. Стремилась заполучить и пользовавшиеся дурной славой, например шерл (черный турмалин) — камень ведьм, циркон — камень злых колдунов, гематит — камень чародеев, которым чертили на земле каббалистические фигуры¹⁷.

Любимцем высшего духовенства всегда оставался сиреневый аметист. Он, в частности, мешал опьянению. Папы римские, употребляя вино, держали обычно за щекой так называемый папский аметист, округло отделанный. У епископов имела твердая традиция носить перстни с очень крупными аметистами, а на столе помещать бокал из аметистового стекла или рюмку, высверленную в целом аметисте. Несколько иначе относились к оливковому аметисту, который охранял влюбленных, и зеленоватому (кошачий глаз), служившему стражем тайной любви. Католические священники, вынужденные к безбрачию, встречались со своими избранницами, надевая перстень с кошачьим глазом¹⁸.

Охарактеризуем некоторые особенно важные, комбинированные либо наиболее часто встречавшиеся, драгоценности той эпохи. Их вершину занимали короны. Уже у лангобардских королей они были золотыми. При Карле Великом их впервые начали украшать драгоценными камнями. Применялись и женские короны (с легкой, порфиристооблаченной руки Евдокии Константинопольской, перед 460 г.), нередко заменявшиеся венцами. Постепенно корона обрела вид диадемы, орнаментированной пластинчатыми флеронами. Первая императорская корона была изготовлена не для Карла Великого, как иногда полагают, а для Оттона I рейхенаускими мастерами в 962 году. В отличавшейся от нее деталями королевской короне центр занимало золотое яблоко — символ всякой христианской монархии, а меж дужек стали нашивать с XIII в. пурпурные полосы (впервые — у Эдуарда I Плантагенета). Герцогская корона имела пять дужек и обрамление горностаевой лентой спереди, на обычной княжеской изгибались три дужки¹⁹.

В ряду корон особняком стояли папские. Еще не определившиеся постоянной формой ранее, они с середины IX в. представляли собой венцы с матерчатым верхом. В XI в., усилиями сторонника папской теократии Григория VII Гильдебранда, они превратились в двойные, что обозначало сочетание светской и духовной власти. Добавим попутно, что тремя столетиями позже они стали тройными, похожими на персидскую митру, соединенную с двойной короной, и лежащими на обвитых туникою двух скрещенных ключах, открывавших врата в земные храмы и царство небесное. Трехчастие обозначало, что церковь являлась силой страждущей во Христе, воинственной по отношению к иноверцам и всепобедительной; триединство, символизирующее Троицу, указывало также на власть церкви над мирами небесным, земным и подземным. Эти метаморфозы во внешнем виде короны отражали эволюцию самой папской власти.

Обещупотребительными драгоценностями служили кольца и перстни. Простонародные до нас практически не дошли. Что касается колец знатных людей, то от I тыс. известны франкские медные с личными печатками, широкие бронзовые папские с изумрудами, золотые епископские с аметистами, женские кольца супружеской верности (мужчины тогда их не носили), именовавшиеся галльскими литургические для священников. В конце I тыс. появляются кольца с государственными печатями, феодальные разных степеней с личными монограммами, а также вручавшиеся сеньорами их вассалам инвеститурные и с заговорными надписями

амулетные. С начала II тыс. встречаем бесконечное разнообразие колец для лиц неодинаковых сословий, происхождения, этнической принадлежности, профессий и пристрастий, для разных сезонов года, возрастов жизни, месяцев рождения и пальцев. Средневековые легенды и предания наполняются рассказами о волшебных кольцах ²⁰.

Браслеты изготавливались гладкие, фигурные и витые, сплошные и составные. Широкие гладкие браслеты со звездочками носили звездочеты, с укреплявшим выносливость хризолитом надевали гонцы-сороходы. Золотые, серебряные, бронзовые, деревянные, роговые и костяные гребни оставались любимым женским украшением, но их, судя по могильным находкам, носили порою и мужчины. Встречались гребни с зубьями в один, два и три ряда, чистые и с орнаментом. Литургические вставлялись в волосы при богослужении (впервые — у Лупа Санского, 613 г.). Потом священники начали украшать их драгоценными камнями (впервые — у Гериберта Кельнского, 1021 г.). Церемониальные гребни использовались при коронации и введении в епископат, монашеские подвешивались ниже выстриженных тонзур на цепочках.

Специально изготавливались драгоценные гвозди для художественной имитации распятия, а также для кладовых, ибо согласно поверью сундуки, забитые тремя золотыми гвоздями, недоступны ворами. Этнические отличия имелись у драгоценных застежек. Так, у алеманнов они были серебряными, с хитрой зацепкой; у норвежцев — тоже серебряными, но с булавкой; у франков и готов — с накладным хомутиком; на Балканах — накладными, в виде фигурок животных. Серебряную проволоку пилили на шпильки; если на них выпарапывали закливание, то такими в магических целях протыкали изображение врага. Драгоценные серьги висели в I тыс. преимущественно на ушах мужчин и были традиционными у моряков, горцев и уборщиков мусора. Постоянно носили на равных шейные украшения и мужчины, и женщины. Из раннесредневековых некрополей археологами заимствовано множество ожерелий, собранных ныне в замечательные коллекции. Лучшими считаются хранимые в римском Национальном музее и флорентийском Музее серебра ²¹.

Некоторые тогдашние драгоценности, сейчас являющиеся обычными вещами, отражают специфику эпохи. Назовем служившие ходовой валютой брикеты соли, бронзу (лишь немногие храмы могли позволить себе в то время иметь бронзовые колокола), интарсятуру (мозаичные камешки с рисунками), зеркала (простонародье гляделось в лужи, лохани с водой или куски отполированного колчедана), «агатовое» стекло с подцветкой (изготовленные из него кельнские конические питьевые сосуды шли на экспорт, а в Лоршском монастыре с IX в. хранятся «агатовые» головы святых), пурпурную краску, мыло. Пурпурную краску изготавливали во Франции из цветного секрета желез атлантикоокеанской улитки-багреца, в Италии — из средиземноморской иглянки, на Ближнем Востоке — из привозной индоокеанской багрянки. Разрезанных и высушенных улиток кипятили с солью в свинцовом котле, потом дополнительно обрабатывали. Из 10 тыс. моллюсков получался 1 г красителя, ценившегося дороже золота. Вместо мыла в начале средних веков использовали песок либо восковую пасту с загустевшим сальным раствором, а первое содовое мыло, произведшее фурор, изготовили в Марселе IX века. Магнаты посылали за ним специальные экспедиции. В старом городе Массилии, в боковом подвале крипты (подземной часовни) действовала мыловарня, а на площади возле церковного баптистерия (крещальни) торговали редким изделием.

Драгоценности оказали по-своему исключительное и весьма разностороннее воздействие на психологию и быт средневековых людей как яркий компонент их материальной и духовной культуры.

Примечания

1. DUCHESNE, abb. Etude sur le Liber pontificalis. P. 1877.
2. PÉRIN P. Collections mérovingiennes. P. 1982.
3. ZEIP H. Die Grabfunde aus dem spanischen Westgotenreich. Brl. — Lpz. 1934.
4. BOURNON F. Histoire de la ville et du canton de Saint-Denis. P. 1892; DURLIAT M. Die Kunst des frühen Mittelalters. Freiburg. 1987.
5. Le livre au Moyen Age. P. 1988; REGGIORI F. La basilica di S. Ambrogio. Firenze. 1945.
6. SCHADE G. Deutsche Goldschmiedekunst. Lpz. 1974.
7. VARI A. Le origini di Venezia. Firenze. 1964.
8. ESTEPA C. El nacimiento de Castilla y León. Valladolid. 1985.
9. BLAIR C. (gen. ed.). The History of Silver. Lnd. 1987; VILAR P. Gold und Geld in der Geschichte. München. 1984.

10. OATES PH. *The Story of Western Furniture*. Lnd. 1981; GRIERSON PH. *Monnaies du Moyen Age*. Fribourg. 1976.
11. STEINGRÄBER E. *Der Goldschmied*. München. 1966.
12. BLACK J. A. *A History of Jewels*. N. Y. 1974.
13. WENTZEL H. *Gems and Glyptics*. In: *Encyclopedia of World Art*. Vol. VI. N. Y. a. o. 1962.
14. FRIESS G. *Edelsteine im Mittelalter*. Hildesheim. 1980.
15. DAVIES G. *Diamond*. Bristol. 1984.
16. SCHUMANN W. *Edelsteine und Schmucksteine*. München. 1981.
17. BRUTON E. *Legendary Gems or Gems That Made History*. Radnor. 1986.
18. EVANS J. *A History of Jewellery, 1100—1870*. Lnd. 1953.
19. KUGLER G. J. *Die Reichs-Kronen*. Wien. 1986. Именно после коронации в Риме Оттона I императором немецкие ювелиры возвели себе в правило, как они говорили, работать для трех К: Kaiser, Kirche, Kapital (император, церковь, богатство) (*Silber und Gold: Augsburger Goldschmiedekunst für die Höfe Europas*. München. 1994. S. 17).
20. WARD A. u. a. *Der Ring in Wandel der Zeit*. München. 1981; BATTKЕ H. *Geschichte des Ringes*. Baden-Baden. 1953.
21. CAME R. *Argenti*. Milano. 1964.

Кто был первым в Европе военным атташе

В. В. Похлебкин

Во всех учебниках международного права и в истории европейской дипломатии сообщается, что институт военных атташе был впервые введен в европейский дипломатический обиход по постановлениям Венского конгресса в 1815 г., а первыми странами, которые обменялись между собою военными атташе, были Австрия и Россия. Однако военные атташе были введены гораздо раньше, в середине XVII в., и первым военным атташе в мире стал швед, причем, что весьма примечательно, совершенно единолично, поскольку другая сторона, Россия, своего военного атташе в ответ не назначила, так что пальма первенства принадлежит в этом отношении Швеции.

Как же удалось Швеции утвердить столь односторонне чрезвычайно важный наблюдательный пост в России и когда конкретно это случилось? История этого вопроса, достаточно запутанная и непростая, относится ко времени русско-шведской войны 1656—1658 годов. Цель этой войны состояла для России в том, чтобы вернуть земли, потерянные по Столбовскому миру 1617 года. Россия хорошо подготовилась в военном отношении и вначале имела большие успехи: в первые же месяцы войны русские войска заняли большую часть Прибалтики — Южную Эстонию, всю Лифляндию и почти вплотную подошли к Риге. Однако, оставшись на зиму в незнакомой и враждебной стране, русские войска не смогли взять Ригу штурмом и постепенно были оттеснены от города, а затем, разбитые почти наголову, отошли к Динабургу. Потери, понесенные русской армией, были чудовищны: 8 тыс. человек убитыми, 6 тыс. пропавшими без вести, втрое больше — ранеными. Для войска, находящегося вдали от России, эти потери оказались непосильными. Шведы захватили 56 русских полковых знамен и 800 русских транспортных судов с запасами продовольствия и боеприпасами. В результате царь вынужден был в одностороннем порядке прекратить войну, дав приказ об отводе войск в Россию.

Затем начались трудные для России дипломатические переговоры о заключении мира с вмешательством в них в качестве посредника французского посла в Стокгольме Жака де Миньера, услуги которого русские отвергли, предпочитая вести непосредственный спор со Швецией. Результатом переговоров стали следующие соглашения: Московский протокол (21 мая 1658 г. парафирован, 11 июня 1658 г. подписан) и Валиесарский договор (Плюсемюндское соглашение) (20 декабря 1658 г. парафирован, 21 декабря 1658 г. подписан).

Однако ратификация этих соглашений задержалась на целые полгода; Карл X Густав подписал ратификационную грамоту лишь 6 июня 1659 г., хотя это был, пожалуй, самый выгодный договор, который когда-либо заключала не только Швеция, но и какая-либо другая держава с иностранным государством. По этому неравноправному соглашению Швеция могла сохранять мир всего лишь три года, в то время как Россия не имела права воевать со Швецией целых двадцать лет. Тем не менее Валиесарский договор был непрочным, ибо устанавливаемая

Похлебкин Вильям Васильевич — кандидат исторических наук.

им русско-шведская граница квалифицировалась как временная, и уже одно это обстоятельство заставило обе стороны вскоре приступить к новым мирным переговорам. Они завершились подписанием новой серии документов: Томмсдорфский протокол 29 сентября 1659 г., Святогорский протокол 23 ноября 1659 г. (Пюхастекюльский протокол), Эрвелейский протокол 15 марта 1661 г. и, наконец, Кардисский мирный договор 21 июня 1661 года.

Но когда все эти изнурительные для обеих сторон трехлетние дипломатические баталии завершились, возникла неожиданно новая проблема: как гарантировать эти договоренности и кто фактически будет за них отвечать?

Дело в том, что король Карл XI Густав был в это время ребенком, он родился 24 ноября 1655 г., и регентшей была его мать — Гедвига Элеонора. С точки зрения русской стороны ратификация ею Кардисского мира была недостаточна не только потому, что договор касался очень серьезных территориальных и пограничных вопросов, а она была плохо сведущей в этих делах, но и потому, что само ее положение регентши носило ярко выраженный временный характер и будущий король при совершеннолетию мог бы отказаться от всех обязательств, которые он лично не давал и не санкционировал. Этот аргумент был признан шведскими дипломатами логичным и законным, а потому было решено, что Кардисский мир ратифицирует целая коллегия, виднейшие люди в высшем управлении Швеции. Поэтому 30 сентября 1661 г. ратификацию мирного договора подписали, помимо Гедвиги Элеоноры, также Пер Брахе, Ларс Каге, Клас Бьелкеншерна, Магнус Габриэль Делагарди, Густав Бонде и секретарь Гелленшерна. Эта шведская грамота была вручена 24 февраля 1662 г. царю Алексею Михайловичу в Москве. Русская же ратификация (царя) была доставлена в Стокгольм позднее — только 22 апреля 1662 года. Таким образом, обычного одновременного обмена ратификационными грамотами, который требуется по дипломатическим канонам, не состоялось. Нарушение этой маленькой формальности в данном случае привело к колоссальному скандалу. И если бы его не случилось, то и не случилось бы назначения в Россию первого в истории европейской дипломатии шведского военного атташе.

Когда ратификационные грамоты прибыли в Москву и в Стокгольм, то обе стороны начали сличать тождественность их с копиями и проверять адекватность перевода с русского языка на шведский и наоборот — таков был обычный порядок. И каково же было удивление шведского Риксрода и русского Посольского приказа, когда обнаружилось, что текст статьи 20 значительно отличается в своей русской и шведской версиях. А статья эта была важной — она касалась передачи пленных, которые находились на чужбине уже более пяти лет. В шведском тексте было записано, что возвращаются все пленные с обеих сторон, русский же текст статьи 20 гласил, что шведы, принявшие православие в период плена и женившиеся на русских женщинах, остаются в России. Сколько могло быть таких пленных, никто не знал, и в Стокгольме забеспокоились, видимо, зная, что шведские солдаты еще в 30-летнюю войну доказали в Германии, насколько им трудно устоять вдали от родины от женских соблазнов, независимо от того, будь это немки, датчанки, польки или же русские. Глава шведской делегации барон Бенгхт Хорн заявил, что он на подписание статьи 20 в таком виде согласия не давал. Разразился скандал. Риксрод решил отказаться от выполнения всех условий Кардисского мира целиком, требуя срочного его пересмотра. Чтобы заставить русскую сторону пойти на это, шведские межевые послы, приехавшие в июле 1663 г. для демаркации границы, отказались ее проводить и, разорвав отношения со своими русскими коллегами, уехали 23 декабря 1663 г. в Стокгольм.

Постепенно обе стороны успокоились. Вспомнили, что состав дипломатических миссий за долгое время переговоров менялся неоднократно, что переговоры велись в разных географических точках, что, наконец, сам факт ратификации договора со шведской стороны большой представительной коллегией как бы спровоцировал снижение контроля и ответственности каждого из ратификаторов, которые фактически передоверили всю черновую работу по подготовке текста договора и его перевода клеркам. Русские послы представили свои статейные списки переговоров, то есть свои черновики записи хода переговоров, в которых отражалось мнение противной стороны и из которых было совершенно ясно, что шведы сами подписали и согласились с тем, что православные шведские солдаты должны остаться в России.

Все это вместе взятое побудило шведских государственных деятелей и дипломатов приняться за более серьезное изучение проблемы пленных шведов в России и с этой целью просить царя о разрешении ознакомиться с положением пленных шведов на месте. В конце концов стороны договорились: вопрос о репатриации шведских пленных из России был решен практически, путем создания в Москве постоянной военной миссии — своего рода военного атташата во главе с военным комиссаром, полковником Адольфом Эвершёльдом (также именуется в русских дипломатических актах и статейных списках Эбершильдом¹).

Шведская военная миссия работала в Москве с 10 апреля 1663 г. по 16 июня 1665 г. и регистрировала шведских пленных, оказавшихся в разных районах России, то есть выявляла их местожительство, устанавливала возраст, фамилию, звание, реальное семейное положение и материальные условия, а также занималась прямым приемом тех шведов, которые разными путями добирались до Москвы, узнав о существовании Комиссии Эвершёльда. В результате часть шведов добровольно осталась в России, связав свою судьбу с новыми семьями.

Считаясь первоначально военной, а не дипломатической миссией, Комиссия Эвершёльда жила на своем собственном коште. Только с 28 февраля 1663 г. был решен вопрос о придании ей дипломатического статуса, и с этого момента она стала снабжаться бесплатным царским (государственным, казенным) довольствием, транспортом и необходимой рабочей силой.

Эту дату — 28 февраля 1663 г. — и можно, следовательно, считать официальной датой, знаменующей создание в России (и тем самым в Европе) первого военного атташата, обладающего дипломатическим статусом, признанным страной пребывания.

Завершив свою текущую работу по выявлению и учету пленных шведов в России, миссия переросла в постоянный военный атташат. С 16 июня 1665 г. по 27 февраля 1667 г. она возглавлялась новым военным атташе — генералом Иоганном фон Лилиенталем. С этих пор шведские военные атташе стали назначаться в Россию только в ранге генерала или адмирала — задолго до того, как этот ранг был признан «нормальным» в отношении глав военных миссий при великих державах в XIX веке.

Швеция, таким образом, была первой державой в мире, которая практически ввела в дипломатический обиход, причем, в одностороннем порядке, миссию военного специалиста-дипломата, осуществляющего в мирное время надзор за состоянием вооруженных сил соседней державы, своего потенциального противника, опередив официальное введение этого чина в общеевропейскую дипломатическую практику почти на полтора столетия.

Конечно, сыграла тут роль шведская напористость, но все же главным провоцирующим моментом явились своеобразные условия России, без которых ни самой идеи, ни тем более практики военного атташата никогда бы не возникло. Подтверждением этого стало появление, опять-таки в России, в 90-х годах XVII в. еще одного военного атташе — на сей раз представителя дружественной России державы, который в бумагах Посольского приказа числился как «бранденбургского курфюрста генерал и воинской комиссар»². Этот дипломат-военный был послан в Москву фактически в качестве доброжелательного военного советника Русского правительства и имел своей основной задачей наблюдать за уровнем и объемом подготовки войск иноземного строя, которой занимались профессиональные наемники, в большинстве своем немцы, а отчасти и прямые земляки бранденбургского атташе. И вновь побудительным мотивом явились своеобразные русские обстоятельства и конкретная просьба царского правительства к бранденбургскому курфюрсту.

Таким образом, к концу XVII в. в России было уже два иностранных военных атташе, за которыми признали дипломатический статус и которые, правда, порознь, осуществляли весь объем функций, возлагаемых на современных военных атташе: контроль за военной деятельностью страны пребывания, за состоянием ее армии, и в случае дружественных отношений — содействие советами, консультацией или информацией укреплению военной мощи союзного государства³.

Примечания

1. Разница эта с точки зрения русского языка «небольшая» и как будто бы обнаруживаемая лишь в произношении, с точки зрения шведского — колоссальная, ибо речь может идти о совершенно различных фамилиях, а следовательно, и о разных исторических личностях.
2. ПСЗ I. Т. 3: 1689—1699 гг., с. 271.
3. Кстати, все необходимые документальные материалы по этому периоду были не только многократно исследованы русскими и советскими историками в архивах России и Швеции, но и почти все они опубликованы. Сошлюсь на известнейшие публикации: ЯКУБОВ К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М. 1897; Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сб. док. М.-Л. 1960. Кроме того, существовал еще дошедший до верстки, но не опубликованный сборник документов «Русско-шведские отношения в XVII в.», составленный Ю. В. Курсковым и Э. Рухмановой в 1959 году. Более того, все исследователи, работавшие в области русско-шведских отношений XVII в., от Якубова до советских историков — И. П. Шаскольского, А. И. Юхта, Е. В. Чистяковой, Ю. В. Курсова, Э. Рухмановой, равно как и их руководителей М. П. Вяткина и А. С. Кана,

неоднократно просматривали, редактировали и документальные сборники, и статьи, посвященные различным сторонам отношений России и Швеции в XVII в., написанные вышеуказанными историками. Но никто из них никогда не обратил внимания на вопрос, которому посвящено данное сообщение. Ибо все они никогда не пытались выходить за пределы той узкой темы, которой была посвящена та или иная статья, а это были в основном вопросы либо торговли, либо правовых отношений (порубежные споры, перебежчики и т. д.). И именно это послужило причиной того, что исследователи прошли мимо важного исторического факта.

К тому же историки, встретив, например, имя определенного деятеля в одном обличии, а затем — в другом, не идентифицировали эти имена, а воспринимали их как совершенно различные. Так, уже у Якубова Эвершэльд упоминается под 1648 г. как Адольф Эберс, торговый приказчик шведского подворья в Новгороде. У Шаскольского и Юхта мы вновь встречаем по сути дела того же самого Эвершэльда под фамилиями Эберс, Эберсон, Эдверсон, Эбершильдт и даже Адольф Иванов, Одольф, причем, разумеется, и в различных должностях: приказчика, резидента, шведского комиссара и, наконец, шведского посланника в Москве (коим он, впрочем, никогда не был, а был главой военной миссии). То, что один и тот же человек может за четверть века сделать карьеру от приказчика до полковника и дипломата, почему-то в голову никому не приходило.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Из истории международного туризма

А. Ю. Александрова

История туризма уходит корнями в глубокую древность. Достаточно ранние сведения о зародышевых формах туристской деятельности в Европе и на Ближнем Востоке относятся еще к эпохе античности. Греки и римляне регулярно совершали дальние морские и сухопутные путешествия в военных, торговых, познавательных и даже развлекательных целях. Это стало возможным благодаря наличию общественных условий, связанных со стабильностью международной обстановки в рамках ойкумены: политическая устойчивость, обеспечившая безопасность путешествий; общий экономический подъем, интенсивное развитие торговых контактов, формирование общепринятой в Средиземноморье и прилегающих областях денежной системы; наличие разветвленной дорожной сети. Путешествия постоянно были связаны с дальней торговлей. А в Римской империи она достигла такого уровня, что охватывала территории от Британии до Индии и Китая, от Северной Европы до Восточной Африки. Становление новых торговых путей сопровождалось освоением неизведанных земель, а не только военными столкновениями и экспансией; тем самым расширялось и туристское пространство. Торговым контактам сопутствовал обмен культурными ценностями; шло и сближение этносов.

Особое значение приобрело постоянное дорожное строительство — характерная черта экономической жизни древнего Рима. Римляне были мастерами дорожного дела. Некоторые их достижения в прокладке дорог оставались непревзойденными полторы тысячи лет. Дороги постоянно расширялись и благоустраивались, вдоль них устанавливались столбы с указателями, сторожевые заставы, почтовые станции и постоялые дворы (прообраз современных отелей). Постепенно в Римской империи возникла достаточно густая и хорошо организованная транспортная сеть. Она позволяла при острой необходимости покрывать большие расстояния за короткий срок. Ради нужд администраторов, военачальников, купцов и путешественников создавались перечни дорог и итинерарии — дорожные путеводители, предшественники бедекеров. Последние получили свое название после того, как в 1827 г. немецкий книготорговец К. Бедекер организовал в Кобленце издательство по выпуску путеводителей для путешественников и туристов. При этом он использовал, в частности, и античный опыт составления таких справочников. Особенно известно «Описание Эллады» древнегреческого писателя Павсания (II в. н. э.) в 10 книгах. Этот автор, уроженец Лидии, сам побывал в Италии, Сардинии, Корсике, Аравии, Сирии, использовал труды ряда античных историков и географов и рассказал о множестве памятников архитектуры и искусства Средней Греции и Пелопоннеса¹.

Одним из условий развития путешествий являлось наличие состоятельного слоя населения — высших государственных лиц, аристократии, просто свободных богатых людей, которые располагали официальными возможностями или личными средствами и могли посвятить часть свободного времени поездкам ради познания и просто для удовольствия. Высшие слои греко-римского общества усматривали радость досуга не в элементарной

Александрова Анна Юрьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник географического факультета Московского университета им. М. В. Ломоносова.

праздности, а в отсутствии жесткой необходимости зарабатывать на жизнь, что открывало двери для занятий научной деятельностью и наслаждения искусством. В императорскую эпоху многие римляне совершали путешествия в Египет, чтобы осмотреть пирамиды — гигантские гробницы фараонов. Имели место массовые перемещения свободных граждан во время Олимпийских игр — крупнейшего и уникального в ту пору события спортивной и культурной жизни.

Пользовались популярностью уже тогда климатические курорты, идея организации которых сохранилась в веках. Археологами раскопаны, в том числе на берегах Черного моря, многие римские термы и бальнеологические сооружения. Крупным путешественником и «по совместительству» туристом был древнегреческий историк Геродот. Ряд экскурсий совершили ученые, сопровождавшие Александра Македонского в его походах. Важные сведения о незнакомых странах и чужеземных народах черпали купцы и туристы из «Географии» Страбона (7 г. н. э.) в 17 книгах и «Германии» Тацита (98 г. н. э.)².

Великое переселение народов, падение Римской империи, последовавшие за ними политическая нестабильность и экономический спад послужили причиной свертывания первых туристических начинаний. Любые поездки, а не только праздные, были тогда крайне опасны. Лишь отважные люди, искатели приключений или лица, которых понуждала необходимость, решались отправиться в дальний путь в ту пору. С возникновением средневековых государств, принесших позитивные перемены в политической и социально-экономической жизни общества, постепенно восстанавливаются дальние поездки не только в государственных целях или по вынужденным обстоятельствам. Тем не менее, о действительном переломе в сфере туризма можно говорить лишь применительно к позднему средневековью и раннему новому времени.

С конца XVI в. стал пользоваться популярностью в Англии гран-тур — поездка состоятельных молодых людей на континент, чтобы получить там законченное образование. Гран-тур играл и репрезентативную роль. Одним из условий признания веса и значения человека в обществе служила обязательная поездка на Средиземноморье, к истокам современной европейской цивилизации. Путешествие ради посещения исторических и культурных мест Франции и Италии, приобщение к великим творениям античного искусства было рассчитано на два-три года. Молодые люди отправлялись за границу, часто в сопровождении домашних учителей и слуг, имея при себе рекомендательные письма. Маршрут путешествия выбирался заранее. Он начинался обычно в провинциальном французском городе, куда редко заезжала англоговорящая публика, так что юноши легче совершенствовали свой французский язык. Предпочтение отдавалось Страсбургу, Дижону и Лиону, которые одновременно являлись очагами старинной культуры и занимали такое положение, что оттуда можно было совершать непродолжительные туры в другие места Франции, а также Германию и Швейцарию.

Во Франции эти лица старались освоить кодекс поведения высшего сословия, познакомиться с правилами хорошего тона, научиться красиво одеваться и танцевать, вести дружескую беседу, правильно относиться к женщинам своего круга. Но хорошие манеры — лишь внешняя оболочка человека. Важнее его внутренний мир, интеллект и чувства. И, чтобы еще более повысить общий культурный уровень, юноши продолжали свои турне уже в Италии. Пребывание там считалось квинтэссенцией гран-тура: на общепризнанных мировых эталонах художественности формировались эстетический вкус и чувство прекрасного. Приобретались и дополнительные знания. Программа посещения Италии была содержательной и включала ознакомление с достопримечательностями Турина, Милана, Флоренции, Рима, Вероны. Путешественники осматривали руины древних Помпей, восторгались оперой в Неаполе, принимали участие в венецианском карнавале. Насыщенные экскурсиями дни нередко сменялись ночами с довольно бурными амурными похождениями. После пребывания в Италии гран-тур считался завершенным. Молодые люди возвращались на родину, чтобы получить доступ в высший свет и любой салон³.

Гран-тур был, конечно, недоступен основной части английского населения. Поездка на континент на несколько лет была дорогим удовольствием. Только состоятельные семьи могли расходовать до четырех тыс. ф. ст. в год на проживание и обучение за границей. Социальная база путешествий расширяется со второй половины XVII века. А «золотое время» гран-тура приходится на XVIII в., особенно на последние его 30 лет. Теперь такая поездка больше не являлась привилегией аристократии. Представители экономически окрепшей буржуазии и состоятельных слоев творческой интеллигенции хлынули на континент. Их тяга к путешествиям и туризму обрела идеологическое оформление в философии Просвещения. Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо доказывали необходимость и важность дальних поездок как предпосылки правильного воспитания человека. Деятели Просвещения и сами часто и много путешествовали. Пребывание в разных странах и городах позволяло познакомиться с порядками, бытом, нравами, духовной культурой других народов. Такого рода туры содействовали познанию жизни и расширяли общественный кругозор⁴.

Именно в XVII—XVIII вв. в Англии возникает термин «туризм» как производное от «тур». Естественно, путешествия англичан вплоть до XIX в., равно как идентичные поездки древних греков и римлян, трудно отнести к туризму в современном его значении, тем более что они не оказывали существенного воздействия на экономику государств. То был прообраз туристской деятельности, тот социально-экономический «одноклеточный организм», который со временем превратился в важную отрасль народного хозяйства. А современный туризм со своей структурой, материально-технической базой, методами работы и органами начал складываться в XIX веке. Процесс его формирования, длящийся по сей день, был порожден промышленным переворотом, возникновением индустриализированных обществ в Западной Европе и Северной Америке. Техническое перевооружение сферы труда, основанное на систематическом применении машин, и крутая ломка общественных отношений дали мощный импульс развитию подлинного туризма⁵.

Особую роль сыграли коренные изменения на транспорте, быстрое развитие механизированных железных дорог и водных средств сообщения. В 1807 г. на р. Гудзон появился первый в мире колесный пароход «Клермонт». В 1814 г. англичанин Дж. Стефенсон применил паровоз, в 1825 г. была проложена первая железная дорога. В 1835 г. общая протяженность железных дорог в мире составляла 2,5 тыс. км. К 1900 г. она увеличилась почти в 250 раз и достигла 617 тыс. километров. Но возникали и помехи. Неистовая кампания против железных дорог велась одно время в английской прессе. Она увенчалась даже физической расправой над строителями. Напомним также, что министр финансов России Е. Ф. Канкрин примерно тогда же заявил, что железные дороги «подстрекают к частым путешествиям без всякой нужды и, таким образом, увеличивают непостоянство духа нашей эпохи». Его поддерживали многие влиятельные лица. Подобные препоны задерживали и развитие туризма⁶.

Туристская деятельность активизировалась и с ростом скоростей передвижения. Первые русские путешественники по железной дороге вспоминали: «Туда ехали мы с умеренной скоростью 21 версту в 32 минуты, но оттуда 22 минуты: почти по версте в минуту, то есть по 60 верст в час... Страшно подумать!.. Много деловых людей настолько страдали от быстрого переезда из Манчестера в Ливерпуль или Лондон, что нередко забывали цель своей поездки, и им приходилось писать домой, чтобы узнать, зачем они поехали»⁷. Рост скоростей передвижения сводил к минимуму влияние фактора отдаленности, улучшил транспортную доступность курортных мест посещения. Дорога становилась менее утомительной, поездка — более удобной и приятной. Определенное значение для роста туризма приобрела и комфортабельность средств сообщения. Преимущество рельсовых путей перед грунтовыми дорогами проявлялось со всей очевидностью во время путешествий по странам с бездорожьем.

Касалось это и России. Вплоть до XVIII в. иностранные послы, чтобы добраться из Москвы в Петербург, задерживались порой до двух месяцев в пути из-за дикой грязи или сломанных мостов, неделями ожидали сменных лошадей на почтовых станциях⁸. А на бревенчатой мостовой городов еще и в XIX в. «бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз... небережливый ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка»⁹.

Железные дороги, уже по свидетельству самых первых пассажиров, обеспечивали ровное движение, почти без толчков, так что можно было читать и писать. Значительно улучшилось качество обслуживания пассажиров в пути. Пассажирские вагоны, первоначально представлявшие собой повозки без крыши с установленными поперек скамейками, были усовершенствованы, прежде всего в США с их изнуряющей протяженностью перевозок и повышенными требованиями к комфорту со стороны пассажиров дальнего сообщения. Конкуренция, развернувшаяся между железнодорожными компаниями за клиента, привела к появлению в 70-е годы XIX в. спальных вагонов первого класса, роскошно оборудованных, с организацией питания в пути. Отныне дальние расстояния не являлись препятствием для туристов и других путешествующих лиц¹⁰.

Одним из ключевых вопросов развития туризма была безопасность передвижения. Борьба за безопасность рельсового пути началась еще до испытания первого паровоза. Выявилось, что поездка на железной дороге безопаснее, чем при ямской гоньбе по неблагоустроенным гужевым дорогам, примерно в 15 раз. Чтобы единожды попасть в железнодорожную катастрофу, нужно ездить в курьерском поезде, не выходя из вагона, 100 лет. Стремительно рос и объем пассажироперевозок. В 1825 г., при открытии линии Стоктон — Дарлингтон, кроме груза поезд перевез 450 пассажиров, а только за один 1881 г. услугами железнодорожного транспорта воспользовались 623 млн. человек¹¹.

Но одновременно сложилась новая проблема. Железнодорожный транспорт как сфера прибыльного вложения капитала вскоре был поделен между многими компаниями, что существенно осложнило передвижение пассажиров, в первую очередь дальнего сообщения. Совершить путешествие по дорогам нескольких компаний они могли только при наличии

проездных билетов на каждый участок пути в отдельности. Потребность в единой транспортной системе, а также определенные требования к условиям проживания и увеселениям на отдыхе вызвали к жизни специализированные предприятия по организации туров, включающих в себя также комплекс услуг.

Организованный туризм к середине XIX в., прежде всего в Англии, уже был фактом. Краснодеревщик из Дербишира Т. Кук организовал в 1841 г. первую коллективную экскурсионную поездку на поезде для активистов Общества трезвости (он был баптистом). Затем он стал экскурсионным агентом в Лестере и открыл в 1851 г. бюро путешествий «Томас Кук и сын».

Начав с проведения групповых экскурсий по выставкам Лондона и городов континентальной Европы, это бюро постепенно расширило сферу своей деятельности: увеличило количество поездок, освоив новые туристские рынки (США, Египет, Палестина и пр.), занялось размещением экскурсантов, выпуском путеводителей и периодической туристской литературы, рекламными кампаниями, банковскими операциями и обменом иностранной валюты. В 1854 г., по подобию бюро Кука, К. Ризель в Берлине открыл первое немецкое бюро путешествий. И во второй половине XIX в. в туристские бюро и фирмы возникли во многих странах¹². В России первая туристская организация появилась в 1885 г. в Петербурге — «Предприятие для общественных путешествий во все страны света». В 1898 г. в Люксембурге была основана первая туристская организация международного значения — Международная лига туристских организаций. С 1919 г. функционирует Международный туристский альянс. Но туризм в XIX в. был еще преимущественно аристократическим.

Средние слои общества, на которых изначально ориентировались Кук и Ризель, стали основными потребителями туристских услуг лишь в XX веке. На непродолжительное время законодателем моды в туризме и путешествиях оказались рантье, живущие на проценты от ссуды денежного капитала или на дивиденды от ценных бумаг. Не связанные с прямой производственно-деловой активностью, они располагали свободным временем и финансовыми средствами, достаточными для туристских поездок. В 1899 г. доход английских рантье, составивший 90—100 млн. ф. ст., пятикратно превысил доход страны от внешней торговли самой торговой из тогдашних стран.

Большой популярностью пользовался в XIX в. отдых на бальнеологических и приморских курортах Европы. «Тут была почти вся «fine fleur»..., существа, находящиеся на самой высшей вершине современного образования, ...вся знать и моды образцы»¹³. Так характеризовал русский писатель избранное общество Баден-Бадена в 1862 году. Баден-Баден в Германии, Спа в Бельгии, Бат в Великобритании, а также Канн и Ницца во Франции — в недавнем прошлом рыбацкие деревни или селения, едва различимые на карте, получили известность как международные центры лечебного туризма. Смешение архитектурных стилей и красок, мелодичные звуки музыки, разносившиеся из павильонов, концерты, спектакли и балы, показ мод одежды и первых автомобилей, игорный бизнес, увеселительные прогулки и многое другое придало им уже в начале XX в. неповторимый колорит.

Аристократический характер тогдашнего туризма проявлялся и в сезонности пребывания на курортах. Период с октября по май был основным курортным сезоном. Его проводили на Средиземноморском побережье Франции. Спрос на тот или иной курорт, в зависимости от времени года, диктовался и целесообразностью. Чрезмерно горячее летнее солнце делало отдых на Лазурном берегу неблагоприятным, и посещение его летом считалось у знати и богачей дурным тоном. Летние месяцы им рекомендовалось проводить на северных широтах или в горных районах. К прежним курортам добавились Виши, Экс-ле-Бен, Биарриц. Совершались частые поездки на побережье Атлантического океана, в Савойские Альпы и Шамони. Для охоты туристы останавливались в загородных резиденциях. Межсезонье проводили на альпийских озерах (Аннеси, Лаго-Маджоре, Женевское), а дальние поездки совершали в Грецию и Египет¹⁴.

Первоначально аристократическому характеру туризма соответствовали средства размещения — дворцово-парковые комплексы. Во французской Ривьере они появились в 1830-е годы. Сразу после этого началось освоение ее в качестве крупнейшей рекреационной зоны Европы. В 1834 г. лорд Бруэм, направлявшийся на отдых в Италию, задержался в пути из-за эпидемии холеры и остановился в Каннах, в единственном тогда постоялом дворе на почтовой станции. Благодатный климат и прекрасный вид, открывавшийся с холма, поразили его. Лорд решил купить там участок земли и вскоре построил виллу «Луиз-Элеоноль». Вокруг постепенно начал формироваться английский квартал, и в 1855 г. 40 английских семей знатного происхождения провели в Каннах зимний сезон. С 1870 по 1875 г. в Каннах построили 450 вилл, 1449 загородных резиденций и 45 отелей. Дворцы в мавританском стиле соседствовали здесь со швейцарскими домиками типа «шале», английские виллы с элементами замковой архитектуры уживались с классическими загородными домами¹⁵.

Дворцово-парковые комплексы с конца XIX в. постепенно замещаются отелями категории «люкс». Мелкие и средние гостиницы существовали и прежде, но они не могли обеспечить уровень комфорта, который отвечал бы элитарным требованиям. Напомним строки из Гоголя: «Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверь в соседнее помещение, всегда заставленную комодом»¹⁶. Самый первый отель-люкс открыл в 1893 г. Ч. Риц в Риме. В 1898 г. идентичные гостиницы появились в Париже, в 1899 г. — в Лондоне, в 1907 г. — и в Каннах. Различия между постоянными дворами и крупными отелями в конце XIX в. по уровню сервиса были столь разительными, что можно говорить о настоящем перевороте в гостиничном хозяйстве и в международном туризме вообще.

В XX в. международный туризм вступил в фазу зрелости, приобретя организованный и массовый характер. Он стал одним из типичных проявлений современности. Коснемся статистики туризма. В 1992 г. в зарубежных турпоездках побывало 476 млн. человек против 14 млн. в 1947 году. Если за 40 послевоенных лет население планеты удвоилось, то численность международных туристов увеличилась в 19 раз. Публикуются специальные туристские карты: бонитировочные, с оценкой условий и предпосылок развития туризма; показывающие зависимость между местными ресурсами и туристскими потоками; с туристским районированием. Широко выпускается туристское снаряжение.

Доходы от международного туризма выросли с 7 млрд. долл. в 1960 г. до 279 млрд. долл. в 1992 году. Они составляют ныне треть доходов от торговли нефтью, 40% доходов от торговли сельскохозяйственной продукцией и превосходят в 2,3 раза официальную помощь развивающимся странам. Туризм дает сейчас около 6% мирового валового продукта, обеспечивая занятость свыше 100 млн. трудящихся, то есть каждого 15-го работника. Ежегодные вложения в индустрию туризма в виде строительства зданий и оборудования достигли 550 млн. долларов (7% от общей суммы капиталовложений). На долю международного туризма приходится 6% объема мирового экспорта и треть мировой торговли услугами. Ежегодные темпы прироста международного туризма сохраняются на уровне 4%¹⁷. Сегодня в документах межпарламентских конференций и всемирных совещаний подчеркивается, что туризм — одна из основных сторон деятельности человека, неотъемлемая часть жизни национального общества и международного сообщества в целом. Его воздействие на людей, экономику и окружающую среду приобрело такие масштабы, что впору говорить о туристской революции.

Примечания

1. ПАВСАНИЙ. Описание Эллады. Тт. 1—2. М.-Л. 1938—1940. О нем см.: BENGTON H. Griechische Geschichte. München. 1960.
2. СТРАБОН. География. Л. 1964; ТАЦИТ. Соч. Тт. 1—2. М.-Л. 1969. О них см.: АРСКИЙ Ф. Н. Страбон. М. 1974; КНАБЕ Г. С. Корнелий Тацит: время, жизнь, книги. М. 1981.
3. BURKART A. J., MEDLIK S. Tourism: Past, Present and Future. Lnd. 1976.
4. ВНАТИА А. К. Tourism Development: Principles and Practices. New Delhi. 1982.
5. GUIBILATO G. Economie touristique. Dences. 1983.
6. Экономическая история зарубежных стран от 70-х годов XIX в. до настоящего времени. Ч. 2. Киев. 1961, с. 7; Экономическая история СССР и зарубежных стран. М. 1978, с. 249.
7. ВИРГИНСКИЙ В. С. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М. 1949, с. 254.
8. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Курс русской истории. М. 1923, с. 153-154.
9. ГОГОЛЬ Н. В. Собр. соч. в 7-ми тт. Т. 5. М. 1985, с. 104.
10. ГУМИЛЕВСКИЙ Л. Железная дорога. М. 1946, с. 83.
11. Его же. Железная дорога. М. 1943, с. 20, 76.
12. Энциклопедия туриста. М. 1993, с. 133.
13. ТУРГЕНЕВ И. С. Соч. Т. 7. М. 1981, с. 250.
14. GUIBILATO G. Op. cit., p. 22.
15. WACKERMANN G. Le tourisme international. P. 1988, p. 44.
16. ГОГОЛЬ Н. В. Ук. соч., с. 7.
17. Открытый мир, 1991, № 6—7, с. 8; УВАРОВ В. Д., БОРИСОВ К. Г. Международные туристские организации. М. 1990, с. 230—231; Notes et études documentaires, P., 1992, № 4951.

Роль седьмого корпуса Н. Н. Раевского в Бородинской битве

Ю. Л. Епанчин

Несмотря на обширность литературы о Бородинском сражении многие факты этого центрального события Отечественной войны 1812 г. остаются малоизученными. Практически не предпринимались исследования действий отдельных воинских контингентов в указанной битве. Между тем без разрешения подобной задачи затруднительно дать четкий анализ хода и итогов противоборства двух великих противников.

7-й пехотный корпус Н. Н. Раевского оказал существенное влияние на исход грандиозного сражения; имя его начальника закреплено в топонимике местности. Однако в военно-исторических описаниях действия этого боевого соединения никак не характеризуются. Получается, что целый корпус буквально исчез с поля битвы. Тогда как в центре сражения на виду противоборствующих армий разыгралась схватка, которая представляла собой кульминационный момент и вовсе не ограничивалась простым изгнанием горстки французов с батареи Раевского. Во-первых, ее захват был не самоцелью для противника, а лишь этапом в решении основной задачи — прорыва русского центра. В связи с этим контрудар войск 7-го корпуса, спланированный Раевским, не позволил Е. Богарне развить достигнутый успех и ввести вовремя в прорыв основные силы. Во-вторых, большинство исследователей упускает из виду, что отбитие Курганной высоты являлось не окончанием, а началом ожесточенной схватки в центре, в которой приняли участие крупные массы войск под руководством М. Б. Барклая де Толли, Раевского, А. П. Ермолова и Богарне при участии самого Наполеона.

Активные действия Барклая по укреплению русского центра, перемещения войск, произведенные им в разгар сражения, отражены в отечественной историографии. Одновременно с атакой батареи Раевского южнее нее нанесла удар французская конница Л.-П. Монбрена, который приняли на себя войска 4-го корпуса, выдвинутые на это место Барклаем, и 4-й пехотной дивизии принца Евгения Виртембергского. Атака корпуса Раевского на дивизию Морана была поддержана Сибирским и Иркутским драгунскими полками из 3-го кавалерийского корпуса К. А. Крейца. Левее кургана по приказу Барклая двинулась вперед дивизия Евгения Виртембергского.

Контратака войск Раевского и ее результаты получили отражение во французских источниках. Ф. Сегюр указывал, что после отбития батареи «русские, ободренные этим, не довольствуясь больше защитой, пошли в атаку. На том пункте сражения сосредоточилось все, что может дать военное искусство, сила и безумная отвага»¹. Ж. Шамбре констатировал: «Моран с большим трудом удерживался на равнине против значительно превосходящих сил. Евгений чувствует необходимость ему помочь немедленно; он посылает Жерара на правый фланг, Брусье — на левый, в резерве оставляет королевскую гвардию сзади по центру и Груши сзади справа». Эти войска атаковал «генерал Крейц с 3 драгунскими полками: Сибирским, Оренбургским и Иркутским, поддержанными огнем конной батареи... и замедлил наступление непри-

---

Епанчин Юрий Леонидович, г. Саратов.

ятельской пехоты». Наполеоновский офицер А. Фоссен отмечал в своем дневнике, что «вражеская кавалерия бросилась в атаку, прорвала нашу линию, захватила орудия и пленных; наша же кавалерия должна была уступить»².

Войска 12-й и 26-й дивизий (из корпуса Раевского) вместе с егерями продолжали наступать, тесня дивизии вице-короля. Обе стороны несли громадные потери. Только у подножия Курганной высоты французы потеряли около 3 тыс. человек. Находившаяся на кургане батарея рота подполковника Шульмана, почти полностью потерявшая свою прислугу, была сменена конно-артиллерийской ротой полковника А. П. Никитина. Центр армий стал также местом ожесточенной артиллерийской дуэли. «Здесь с обеих сторон пушечный и ружейный огонь был неумолкаем». Русский центр обстреливало до 200 вражеских орудий. В свою очередь А. Коленкур свидетельствовал: «Страшная артиллерийская канонада изрыгала смерть повсюду; русская пехота делала новые усилия, чтобы отбить потерянную территорию. Большой редут обстреливал наш центр адским огнем». Он же указывал, что в ходе натиска русских на корпус Богарне «часть гвардии... заняла позиции с таким расчетом, чтобы поддержать его в случае необходимости, если усилилось бы отступательное движение, к которому он один момент был принужден. Но наша артиллерия остановила наступательный порыв неприятеля, который тщетно в течение долгого времени старался удержаться на месте под огнем убийственной канонады»³.

По словам Сегюра, в ходе этой схватки «понадобилось все искусство принца Евгения и то чувство, благодаря которому для всегдашних победителей самая мысль о признании себя побежденными кажется невыносимой. В каждой дивизии по несколько раз менялись генералы. Вице-король переходил от одной дивизии к другой, перемешивая мольбы с упреками и главным образом напоминая о прежних победах»⁴. Даже французский император счел обстановку критической. «Наполеон, извещенный об опасности, угрожающей его центру, подвигает гвардейскую пехоту, чтобы она была в возможности, в случае нужды, подкрепить. Однако же русские шли вперед, медленно, поражаемые самым сильным огнем артиллерии, какого, может быть, ни одно войско не испытывало. Их конница атаковала несколько раз батареи и некоторыми даже овладела. Но прикрывавшая их французская конница возвратила батареи. Наконец эта масса грозной пехоты, претерпевая несметные потери, умерила свое движение, потом остановилась. Это опасное для французов предприятие, так хорошо обдуманное, не удалось от медленности»⁵. С русской стороны аналогичной точки зрения придерживался Л. Л. Беннигсен: «Но эта смелая и стремительная атака не могла быть достаточно поддержана нашей артиллерией и сделалась для нас бесплодной, вследствие сильного артиллерийского огня французов, а также благодаря их свежим войскам, направленным единственно на эту одну батарею»⁶.

Выводы, которые можно извлечь из приведенных высказываний, выходят за рамки сложившейся традиции описания Бородинского сражения. Согласно ей, главной причиной задержки почти на три часа новой атаки на батарею Раевского признавался рейд конницы Ф. П. Уварова и М. И. Платова. Однако, по оценке некоторых исследователей и самого М. И. Кутузова, эта диверсия «не имела такого успеха, какого ожидали»⁷. Вместе с тем совершенно упускается из виду, что французские войска просто были не в состоянии начать новую атаку сразу после удара, нанесенного им войсками 7-го корпуса. Именно этот контрудар Раевского, выпадающий из поля зрения наших историков, в совокупности с укреплением центра, проводившимся Барклаем, и последовавшим рейдом Уварова и Платова был воспринят противником как начало контрнаступления Кутузова: «Кутузов подает назад свой левый фланг и с отборным своим войском принуждает вице-короля отступить к своему центру — движение, исполненное с поспешностью. Временно победитель левого крыла французов Кутузов идет против нашего центра и заставляет его отступить»⁸. Таким образом, действия корпуса Раевского внесли дезорганизацию в ряды противника, принудили его занять оборону и дали возможность русской армии укрепить свои позиции.

Можно утверждать, что Раевский показал себя очень талантливым, смелым и инициативным полководцем. Пока же приходится констатировать, что его действия замалчиваются или трактуются совершенно превратно и даже оскорбительно для памяти прославленного героя⁹.

Примечания

1. Цит. по: БУЛГАКОВСКИЙ Д. Г. Отголоски старины об Отечественной войне. СПб. 1912, с. 23.
2. CHAMBRAY G. Histoire de l'expédition de Russie. Т. 2. Р. 1839, р. 69; БОГДАНОВИЧ М. И.

- История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 2. СПб. 1859, с. 198; VOSSEN A. Tagebuch über den Krieg in Russland 1812. Marburg. 1892, S. 7.
3. КОЛЕНКУР А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. М. 1943, с. 133.
  4. БУЛГАКОВСКИЙ Д. Г. Ук. соч., с. 23.
  5. CHAMBRAY G. Op. cit. Т. 2, р. 73.
  6. БЕННИГСЕН Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев. 1912, с. 75.
  7. КОЧЕТКОВ А. Н. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения. — Военно-исторический журнал, 1963, № 12, с. 42.
  8. Слова генерала Сарразена. Цит. по: ЛИПРАНДИ И. П. Пятидесятилетие Бородинской битвы. М. 1867, с. 53.
  9. Так, сценарист В. И. Романов в своей повести о Раевском его действия в Бородинской битве оценивает уничижительно: «растерялся», «спасовал», проявил «ротозейство» (РОМАНОВ В. И. Генерал нежного сердца. М. 1989, с. 42—45).

Теоретические искания западных историков (заметки на полях книги П. Берке)

Р. Е. Кантор

Две книги, посвященные состоянию современной историографии¹, привлекли внимание специалистов. Первая — «Новые перспективы историописания» — вышла в 1992 г. под редакцией видного английского специалиста по истории культуры и исторической науки Питера Берке. Она содержит серию очерков об основных направлениях в современной мировой исторической науке; особый интерес представляют две статьи самого Берке: открывающая сборник — «Увертюра: новая история, ее прошлое и будущее» и заключающая его — «История событий и возрождение нарратива». Вторая книга «История и социальная теория» (1993 г.), написанная Берке, посвящена теоретическим проблемам, с которыми столкнулась современная историография.

Главная ценность этих книг состоит в том, что они взвешенно и объективно рассматривают возможности и трудности существующих в мировой историографии направлений, течений и школ. Особенно важно, что авторы оценивают их не с точки зрения некоторых привнесенных извне абстрактных теорий и концепций, но пытаются постигнуть внутреннюю логику развития самой исторической науки, осмыслить реальный историографический опыт. При этом они исходят из твердого убеждения в самоценности исторического научного знания, в том числе и теоретического. Собственно, выявление роли теоретических знаний в историческом исследовании — главная линия в обеих книгах. Основные трудности, мешающие развитию исторической науки, как в целом, так и отдельных ее направлений, авторы напрямую связывают с недостаточной разработанностью теоретических проблем исторического процесса и его познания.

Различные направления «социальной истории», получившей развитие в рамках «новой исторической науки», во многом обогатили историографию — и по предмету, и по методам исследования — достижениями смежных обществоведческих (и иных) наук. Но одновременно получил развитие и ряд опасных для исторического знания тенденций, в первую очередь, фрагментация исторических исследований. Теоретическое осмысление изучаемых процессов и явлений нередко подменяется при этом апелляцией к заимствованным из других обществоведческих наук умозрительным, абстрактным схемам и концепциям, а подчас и игнорированием необходимости такого осмысления.

Берке подчеркивает, что вопрос о месте и роли теории в историческом исследовании всегда был весьма актуальным, поскольку именно теоретическое осмысление прошлого и делает историю наукой. Даже простое описание отдельных событий, а тем более исторического процесса, требует осознанного историком выбора сюжета, темы, источников, продуктивной постановки проблемы исследования, оценки трудов и выводов предшественников, определенного подхода к пониманию роли и места изучаемых событий, взаимосвязи между ними, говоря шире, познания смысла истории.

Кантор Рувим Ехананович — член редколлегии журнала «Вопросы истории».

В плане историописания этот вопрос (крайне актуальный для современных российских историков) сводится к следующему. Как и на какой основе формируется историческая концепция? Какова роль теории на различных стадиях конкретно-исторического исследования? Способна ли историческая наука сама выработать такую теорию и в какой степени она привносится в историческую науку извне, из других наук (например, философии и социологии)? Каково соотношение общей теории исторического процесса и частных проблемно-тематических, концептуальных и методологических разработок? Какую роль играет в историческом познании интуиция историка-профессионала?

В условиях, когда необычайно расширилось поле исторического исследования, теория развития общества на разных уровнях последнего приобрела особенно большое значение для синтеза всех обществоведческих наук. Берке заявляет о своей приверженности тезису Ф. Броделя о «тотальной истории», в том смысле, что описание прошлого должно «выявлять связанность различных сфер человеческих усилий» (II, с. VIII).

Коллективную монографию составили очерки: «История снизу», «Женская история», «Заморская история», «Микроистория», «Устная история», «История чтения», «История образов», «История политической мысли», «История тела». «В отличие от многих авторов (в том числе и российских), определяющих сущность «новой исторической науки» как поли- или междисциплинарность (т. е., в основном, в плане методики исследований), Берке исходит из характеристики ее предметного исследовательского поля. Здесь на первом плане — изучение «образа жизни» и представлений людей о самих себе и о других («менталитета»). Правомерно было бы подчеркнуть и такую существенную черту «новой исторической науки» как ее сосредоточенность на социальной истории, пристальное внимание к личности, к поведению «обычных», «рядовых» людей. «Новые историки», в отличие от приверженцев традиционной, ранкеанской историографии, занимаются в основном изучением не политической истории в национально-государственных рамках, а темами, относящимися, с одной стороны, к мировой, глобальной истории, а, с другой, к «микроистории», локальной и т. п. Они стремятся охватить все сферы социальной и культурной жизни, всех людей, в ней участвующих. Экономическая история все теснее переплетается с социальной и культурной. Обращаясь к политической истории, они изучают поведение не только верхов, но и низов, влияние, оказываемое ими на политику, экономику, культуру и т. п. Да и само понимание культуры заметно расширилось, приобретя в значительной степени антропологический характер. Современную «новую историю» отличает, по мнению Берке, стремление к «расширению и фрагментации универсума» (II, с. 2), «культурный релятивизм», интерес к «структурной истории», народной культуре, обычному праву, исторической альтернативности, попытка учесть различные масштабы исторического времени.

За рамки традиционного, ранкеанского политического нарратива историки стремились вырваться уже давно. Сам термин «новая история» появился еще в 1912 г., у американского историка Дж. Робинсона, довольно близко подошедшего к «тотальной истории» (в броделевском понимании этого термина). Особенно устарелой стала выглядеть ранкеанская парадигма во второй половине XX века в связи с усложнением социальных процессов, деколонизацией, развитием феминистского движения, обострением экологических проблем, кризисом ряда утвердившихся в предыдущие годы идеологий. Методологический кризис в историографии потребовал по-новому поставить вопрос о субъекте истории, о скудности и формализме принятого в традиционной историографии категориального и терминологического аппарата, недостаточной системности в подходе к историческому синтезу, предвзятости в выборе исторических источников. «Новые историки» хотят проникнуть в более глубокие слои культурных и социальных процессов, что требует овладения структурным подходом к исследованию прошлого, выявления истинных «агентов истории», объективного определения иерархии приоритетов, диктующих их поведение и выбор.

Берке обращает внимание на определенное противоречие, с которым сталкиваются историки — между социально-структурной детерминацией поведения людей и свободой их выбора. В той мере, в которой структурный подход игнорирует эту свободу выбора, он придает историческому процессу фаталистический и даже провиденциалистский характер. Готовность некоторых историков положить в основу исторического объяснения поведение отдельных социальных групп, хотя и допускает определенную свободу выбора, но не снимает проблем, связанных с особенно выявившейся в последние годы неадекватностью материалистического и детерминистского объяснения поведения людей (как коллективного, так и индивидуального). Традиционный — в общем позитивистский — подход к проблеме исторического синтеза практически исчерпал себя. Фрагментация, присущая современной «социальной истории», не случайна.

Большое внимание уделяет Берке вопросу о современном историческом нарративе. Этот вопрос автор связывает с проблемой исторического синтеза, которую так и не сумела решить «новая историческая наука», заплатившая дорогую цену за расширение поля «исторического универсума» и междисциплинарность (I, с. 18). Разветвление исторических исследований — процесс, по мнению Берке, неизбежный и прогрессивный, поскольку способствует прибавлению исторического знания, совершенствованию исследовательской методики. Но параллельно, настаивает он, должно идти интенсивное развитие связей между «субдисциплинами»; основополагающая в историческом повествовании событийная канва не должна вытесняться анализом структур, как и не ограничиваться изложением сюжетов политической истории.

Новейшая историография отмечена стремлением преодолеть указанную трудность на пути переплетения различных линий и уровней исследования прошлого, в первую очередь структурного и событийного за счет «нарративных форм анализа и аналитического нарратива» (там же, с. 19). Категория культуры, становящаяся базисной в новом историческом синтезе, воплощает в себе целостное отношение к историческому процессу. Эта категория занимает важное место и в книге Берке. Он подчеркивает обширность вариантов определения содержания данной категории и одновременно указывает на трудности, связанные с определением этого содержания. Вряд ли продуктивны попытки заменить социальную историю культуры культурной историей общества. Важнее сосредоточиться на самой проблеме взаимосвязей и взаимозависимостей существующих между культурой и обществом, на механизме восприятия данным обществом и разных слоев, его составляющих, того нового, что возникает в сложной сфере культуры.

Неудовлетворенность сведением объяснения исторического процесса исключительно к событийному ряду высказывалась на всем протяжении пути, пройденного исторической наукой. Вместе с тем историки вновь и вновь возвращались и возвращаются к нарративной форме изложения результатов своих исследований. Фактически структуралисты и нарративисты расходились в своих подходах к определению значимого в историческом процессе, определяющего его ход и социальные изменения. Первые указывали на наивность традиционного нарратива. В свою очередь, нарративисты указывали на статичность аналитических построений структуралистов.

Берке считает, что историческое повествование должно быть «сгущенным», «густым», «углубленным» («thickening») (I, с. 240). Этот нарратив, в отличие от традиционного, описательного предполагает соединение, синтез повествования об изменениях, происходящих в социуме, с их структурным анализом, призванным раскрыть причины их обусловившие. «Событие», пишет автор, как и «структура» — это крайние фланги в «целом спектре возможностей, но не следует забывать и о середине этого спектра» (I, с. 237). Он призывает историков избегать субъективизма, вовлеченности в стихийный «поток сознания». События прошлого невозможно воспроизвести «так, как они действительно происходили», гораздо важнее осветить их с различных точек зрения, раскрыть альтернативные варианты их интерпретации (там же, с. 239). Берке ощущает (хотя и специально не разбирает этот вопрос) недостаточность позитивистского подхода к историзму (как методу исторического познания), ограничивающемуся генетической и синхронистической линиями исследования. Он понимает значение исторического опыта, важность раскрытия альтернатив, выявляющих и раскрывающих себя в последующей истории.

Термин «сгущенный», «углубленный» нарратив ввел американский антрополог К. Гиртц² при описании типа культуры как исторической целостности. В таком повествовании последовательное изложение исторических событий должно совмещаться с раскрытием осознанных намерений действующих лиц, аналитической характеристикой политических и социальных структур, механизма влияния их на поведение людей.

Определились варианты сочетания структур и событий. Микронарративный, рассматривающий поведение человека в его социальной среде, предполагает изучение функционирования структур на уровне повседневного поведения и обычаев рядовых людей в процессе назревания конфликтных ситуаций, во всевозможных социальных драмах. Этот подход ограничен по своим научным возможностям, поскольку не всегда и не в полной мере раскрывает сложные связи макро- и микроистории, локальных событий с главными детерминантами развития общества в целом. Историческое повествование, сосредоточенное вокруг личности и поведения «заурядного» героя, как, например, в романах В. Скотта, конкретно воспроизводит жизнь и социальную среду данного общества, но при переходе к их объяснению возникают проблемы, связанные, в частности, с возможной социальной пассивностью данной личности, многоголосицей реальной исторической действительности,

прихотливостью переплетения в ней многих личных судеб. Ретроспективное освещение событий (от настоящего к прошлому) позволяет лучше ощутить, как «давит» прошлое, как оно сказывается в поведении людей. Наиболее перспективно, однако, рассмотрение смысла того или иного событийного ряда на основе принципиальных характеристик, присущих данной культуре, т. е. раскрытие того, как и почему люди воспринимают и понимают эту культуру и изменения, в ней происходящие, как они в соответствии с ней (или вопреки ей) действуют. Таким образом, в основе «сгущенного» нарратива лежит раскрытие диалектики взаимоотношений событий и структур.

Структуралисты должны признать роль и место событий в структурировании общества, они должны проникнуться пониманием изменчивости социальных структур. Нарративисты должны сосредоточиться на анализе взаимоотношений между событиями и культурной средой, т. е. на механизме социальных изменений. Берке считает, что нарративная история не только сохранила свою жизненность, но и доказала свою способность плодотворно сочетаться со структурным подходом, который в свою очередь существенно обогащает нарратив (как и сам обогащается в процессе этого взаимодействия), открывая простор для возникновения и развития новых форм (и жанров) историописания.

Преподаватель Йоркского университета Д. Шарп пишет об «истории снизу», т. е. о том, как ее видят «рядовые» люди, каковы их участие и роль в историческом процессе. Обычно возникновение этого направления связывают с социальными конфликтами и идеологическим кризисом 50—60-х годов, и при этом игнорируют логику развития самой исторической науки, «социальной истории», стремление современных историков более широко и полно охватить реальную историю общества. Не случайно, что данное направление, получившее распространение в историографии многих стран, продолжает существовать и поныне. Однако представители этого направления столкнулись с серьезными трудностями. Сказываются и скудость источников, повествующих о поведении «рядовых», односторонность и политическая тенденциозность подхода ряда исследователей, их субъективизм в выборе объектов исследования, фрагментаризация последних и многое другое. Основная же проблема заключалась в методологической эклектичности, в отсутствии серьезной теоретической базы для «концептуализации» историками своих наблюдений, неспособности осуществить целостный анализ данного исторического социума. Это ощущали и наиболее серьезные историки, относившие себя к этому направлению. Э. Томпсон пытался осмыслить место народной культуры в общем контексте социальной эволюции. Э. Хобсбаум также подчеркивал общесоциальную значимость выступлений «рядовых». По мнению Шарпа, «история снизу» полезна в «определенном контексте», а именно — при условии взаимодействия с другими подходами и при том, что это направление откажется от претензий на то, чтобы превратиться в «новую ортодоксию» (I, с. 38) и освободится от политической ангажированности.

К сходным выводам приходит и принстонский преподаватель Джоан Скотт, которая пишет о «женской истории». Это направление оформилось как самостоятельное в связи с подъемом феминистского движения и вначале как политическая тенденция. Однако вскоре стало ясно, что история женщин, их роли в развитии общества, как и история семьи, рода, пола, которым традиционная историография не уделяла достаточно внимания, заслуживают специальной теоретической разработки. Это — неотъемлемая составная часть социальной истории и теории.

То же можно сказать и об «микроистории» (автор очерка — венецианский профессор Джиованни Леви). Хотя, на первый взгляд, речь идет всего лишь о масштабах исторического исследования, вскоре стали очевидны и важные методологические аспекты общего характера, поскольку постижение «смысла истории» не может исключать изучения поведения личностей и малых групп, если не желает быть «сверхупрошенно-функциональным» (I, с. 97). Необходимо определить историческую значимость, реальную роль всех субъектов исторического действия, в том числе на семейном и личностном уровне. Историк важно понять, как люди реагировали на «вызовы» социумов и институтов более высокого уровня, как и почему они выбирали ту или иную линию поведения. Продуктивно с этой точки зрения стремление «микроисториков» вырваться из тисков «генерализации и количественной формализации» исторического процесса на любом его уровне, освободить исследовательскую процедуру от «академического авторитаризма». «Микроистория» предполагает использование различных «ключей» к познанию прошлого, в том числе и знаковых, символических и иных, позволяющих объяснить поведение людей в системном контексте. «Микроисторики» стремятся не подгонять события, факты, поведение людей к той или иной теоретической схеме, но к тому, чтобы выявить в первую очередь противоречивость их поведения, несоответствия его данной системе. Это-то и побуждает «микроисториков» менять угол зрения при

рассмотрении исторического процесса, сосредотачиваться на отдельных локальных событиях, связанных с местной культурой. Трудности этого направления во многом связаны с неразработанностью теории исторической науки. В данном случае к особенно актуальным следует, по-видимому, отнести проблему соотношения общего, особенного и индивидуального.

О «заморской истории» пишет профессор Лейденского университета директор Института истории европейской экспансии Хенк Весселинг. Если раньше при изучении неевропейской истории главное внимание привлекала колониальная политика европейских держав, то теперь на первый план все больше выходит собственная история народов Азии, Африки и Латинской Америки, причем изучаемая не только с точки зрения европейцев, не посредством приложения европейских моделей к истории народов, населяющих эти континенты, а в плане осмысления неевропейских цивилизаций самих по себе, раскрытия самосознания и самоидентификации их носителей, в контексте системного мироцелостного подхода, свободного от европоцентризма. Особая роль принадлежит при этом молодым историографиям развивающихся стран. Пожалуй, основная трудность для этого направления заключается в том, чтобы освободиться от укоренившейся привычки при рассмотрении «заморской истории» ставить во главу угла непременно соотношение ее с европейской, поиск сходств и отличий. Все больше обнаруживает себя стремление исследователей к тому, чтобы выявить собственный цивилизационный вклад этих народов в мировую историю, направленность и уникальность их исторического процесса и ту роль, которую играли в этих регионах духовные, природные и личностные факторы.

Европоцентристская трактовка мировой истории переживает упадок и по причинам, связанным с внутренней логикой развития исторической науки. Особое значение имеет в данном случае развитие в последние годы миросистемного подхода³. Принцип миросистемности стимулирует теоретические поиски при определении роли и места отдельных цивилизаций в мировой истории. Весселинг уделяет большое внимание разбору миросистемной концепции американского ученого И. Уоллерстайна⁴, испытавшего значительное влияние Ф. Броделя. Уоллерстайн исходит из того, что проблемы деколонизации и преодоления отсталости и зависимости «заморских» стран и народов могут быть решены только в глобальном контексте, во всемирно-исторической перспективе. «Системный поворотный пункт» мировой истории он относит ко второй половине XV — первой половине XVI века. Полностью же мировая система созрела в XVI—XVII веках. Она предполагает существование мирового, международного экономического порядка, международное разделение труда, наличие системы взаимоотношений между «ядром», полупериферией и периферией. Промышленная революция усилила разрыв между уровнями их развития. Однако Уоллерстайн возражает против приоритетного акцента на различиях между доиндустриальным и индустриальным колониализмом, против преувеличения роли фактора международной торговли. Прибыль, извлекаемая из слаборазвитых стран, особенно, если учитывать отсталость их транспортной и коммуникационной инфраструктуры, не в состоянии была покрыть стоимость промышленных капиталовложений.

Весселинг считает, что проблема взаимовлияния метрополий и колоний требует дальнейшей теоретической разработки. Без этого нельзя раскрыть реальное влияние Запада на «заморские территории» после промышленной революции и показать действительные масштабы жертв, понесенных покоренными народами от колонизаторов. За пределами традиционной парадигмы имперского колониализма остаются долговременные последствия колониальной политики и капитальных вложений, сделанных метрополиями, — развитие экономической инфраструктуры, усовершенствование транспорта и системы управления и связи, образования и здравоохранения. «Свести экономический баланс колониализма чрезвычайно трудно. И не только из-за нехватки данных, но по причине (нерешенности) теоретических проблем» (I, с. 84), подчеркивает Весселинг. Он считает, что концепция так называемой «неформальной империи», более широкая, чем традиционная трактовка империализма, побуждает исследователя полнее рассматривать все многообразие социальных и политических форм и ситуаций, складывающихся на «заморских территориях». «Империализм рассматривается как система сотрудничества между европейскими и неевропейскими странами. Модификация форм империализма — результат изменений в условиях этого сотрудничества» (I, с. 85). Соответственно, считает он, и деколонизация может рассматриваться как поворот к «неофициальному империализму». В послевоенной историографии получила также распространение концепция «развития недоразвитости» (т. е. углубления отсталости периферии в мировой экономической системе). Общий вывод Весселинга состоит в том, что «заморская история» не

может быть сведена к истории европейской экспансии, она включает в себя собственную — экономическую, социальную, политическую, культурную — историю народов Азии, Африки и Латинской Америки. Это — «особая форма мировой истории» (I, с. 88).

В своей монографии Берке рассматривает главным образом проблему соотношения истории с социальной теорией, которую он не сводит исключительно к традиционной социологической проблематике, но имеет в виду все теоретические аспекты социальных изменений на разных уровнях и в разных сферах жизни общества. Исторической науке необходимо теоретически самоопределиться, если она не хочет утратить свой научный статус и социальную значимость. Речь при этом идет не просто о более полном, но о системно-целостном подходе к историческому процессу, «выявлении связей между полями, в которых прилагаются усилия людей» (II, с. VII). Вот почему в поисках ответа на вопрос: «в чем польза социальной теории для историков и истории для социальных теоретиков» (там же, с. 2), нельзя ограничиваться общими социологическими схемами, но следует обратиться к частным моделям и методам, пригодным для конкретно-исторического исследования прошлого.

Историки по-разному относятся к социальной теории. Одни пытаются найти в ней некую единую, общую, всеохватывающую схему исторического процесса, другие — более или менее успешно — стремятся вырваться из пут, неизбежно накладываемых любой социологической схемой на живую ткань исторической реальности. Но так или иначе, каждый серьезный исследователь прошлого придерживается своей теоретической парадигмы, своей системы ценностей, своего взгляда на исторический процесс. На практике историки обращаются к разным теоретическим комплексам, теориям, моделям и концепциям, которые наиболее соответствуют их конкретным исследовательским целям.

Естественное для обществоведения стремление к генерализации исторического процесса, структурно-системному анализу не должно быть — применительно к исторической науке — реализовано за счет игнорирования результатов конкретно-исторического исследования прошлого — во всем его многообразии и уникальности. Заметим, однако, что своеобразие и уникальность каждого общества могут быть выявлены только при сопоставлении его с другими обществами, а это предполагает неизбежную генерализацию исторического процесса в более или менее широких рамках, наличие определенной категориальной базы для подобного сравнения.

Тождество исследовательского поля, как и взаимосвязанность общего, особенного и индивидуального в социальной жизни, диктует необходимость широкого, открытого и свободного от предвзятостей диалога между историками и социологами. Во взаимном их отчуждении виноваты, считает Берке, обе стороны. С этой точки зрения представляют интерес три периода в истории обществоведения: середина XVIII в., середина XIX в. и двадцатые годы XX века. В XVIII в. социальные теоретики (Ш. де Монтескье, А. Фергюссон, Дж. Миллер, А. Смит) пытались осмыслить и охарактеризовать «гражданское общество». Их интересовали вопросы становления социальных систем, типы общественного устройства. В свою очередь, историки — Ю. Мозер, Э. Гиббон, Ф. Вольтер и др. — обращались к вопросам социальной истории. В XIX в. историки больше занимались государственными институтами и политической историей, что по-видимому было связано со становлением национальных государств и «ранкеанской революцией» в историографии. Но и тогда некоторые историки обращались к сюжетам, относящимся к социальной истории (Г. М. Тревельян, Т. Б. Маколей, Дж. Р. Грин, Н. Д. Фюстель де Куланж).

В XX в. социологи, увлекшиеся структурным и структурно-функциональным подходами, хотя и теряют интерес к прошлому, к событийной истории, хронологии, историческим личностям и т. п., не могут окончательно разорвать связи с историей (о чем свидетельствует, в частности, теория экономических циклов Н. Кондратьева). В историографии же усиливается социально-теоретическое направление (К. Лампрехт, В. Вундт, Фр. Ратцель), представители которого изучают деятельность масс, используя методики других обществоведческих наук, учитывают роль и взаимодействие общества с природной средой, полнее охватывают разные сферы человеческой деятельности (Фр. Дж. Тернер, Дж. Х. Робинсон). Они выступают за «научную историю», против сведения ее к описанию политических событий (Л. Февр, Ф. Бродель).

Заметное развитие получает сравнительно-исторический подход, особенно под влиянием трудов Дюркгейма и Вебера. Берке предостерегает от абсолютизации этого подхода, поскольку он способен породить соблазн исходить из посылки о якобы неизбежной и единой для всех обществ поступательной смене стадий их эволюции. При этом игнорируются ее альтернативные варианты. На практике это ведет к европоцентризму, когда Запад рассматривается как эталон и норма развития обязательных для всех стран феодализма и капита-

лизма, и даже к этноцентризму, поскольку за базу для сопоставления можно принять любой этнос. Трудности сравнительно-исторического подхода связаны в основном с выбором сравниваемых объектов и определением базы (единицы, по Берке) для их сопоставления (II, с. 26).

Важная роль в современном историческом познании, принадлежит «моделям» и «типам», т. е. таким интеллектуальным конструкциям, которые упрощают историческую реальность в целях выявления общих, повторяющихся черт и свойств в жизни различных социумов. И дюркгеймовская модель социальных изменений, делающая акцент на социальных связях и сцеплениях, и марксова модель, упирающаяся на противоречия и конфликты, страдают односторонностью. В любом обществе присутствует и то и другое. Тем более, что в чистом виде модели и типы не существуют. К тому же и сами они, как и отражаемые ими объекты, претерпевают изменения. Проблема соотношения категорий «структура» и «процесс» в той или иной форме стоит перед исторической наукой на всех этапах ее развития и решение в каждом случае зависит от господствующего на том или ином этапе понимания «смысла истории». В этой связи Берке указывает на противоречивость и ограниченность современной клиометрической историографии: не всегда удачны выбор данных, определение рамок и структур исследуемых групп, нередко игнорируется то, что не поддается количественной характеристике. Сомнительна продуктивность этой методики при изучении мотивов поведения людей.

Использование историками понятийно-категориального аппарата, которым оперируют социальные теоретики — феодализм, капитализм, класс, социальная мобильность, социальная роль, общественный статус, престижное потребление и символический капитал, патронаж и коррупция, центр и периферия, гегемония и сопротивление, менталитет и идеология, коммуникации, устное и текстуальное восприятие, миф и реальность — также рассмотрены в книге Берке. Историки, замечает он, стараются не увлечься этой терминологией, исходя из того, что каждая эпоха вкладывает в эти понятия свое содержание и смысл. Социологи же подчеркивают, что накопление исторического опыта позволяет последующим поколениям лучше понять жизнь своих предшественников, чем те сами себя понимали; перечисленные выше категории, по их мнению, помогают углубить это понимание.

Категория «социальная роль» может помочь в определении поведения данного лица в конкретной социальной структуре, если, разумеется, оперировать ею «более точно и системно» (II, с. 47), без излишней морализации и эмоциональности, а главное — в реальном социальном контексте. Взаимодействуя с социальными теоретиками (в частности, с социантропологами), историки смогли полнее раскрыть множественность функций внутрисемейных связей (там же, с. 54). Социальная теория помогла увидеть в семье прежде всего «моральную общность, в том смысле, что члены ее сами идентифицируют свою принадлежность к данной группе людей и связаны с ней эмоционально» (там же). Социальные общности не могут рассматриваться исключительно с точки зрения внутреннего консенсуса и солидарности; необходимо учитывать их внутреннюю гетерогенность и даже конфликтность. Социальная иерархия не исчерпывается описанием положения слоев в данной социальной пирамиде.

Марксова категория «класс» продуктивна, если рассматривать группы людей, как исполняющие некоторые общие социальные функции в процессе производства. Но при этом она упрощает характеристику этих общественных групп, поскольку уходит от анализа внутриклассовых противоречий, положения и роли маргинальных для данного «строения» классов и сообществ. Кстати, у самого Маркса, замечает Берке, этот термин весьма многозначен. Категорию «класс» историки применяют чаще всего при исследовании индустриального общества. Там же, где классовая модель неэффективна для определения социального статуса и гражданской принадлежности человека или группы людей, используются другие категории, например, «сословия». Вебер считал, что «классы», это группы людей, чьи жизненные интересы связаны с их положением в системе рыночного хозяйства, а «сословия» — такие статусные группы, чье положение в обществе определяется их личными — действительными или приписываемыми им — заслугами, происхождением и т. п. (это проявляется прежде всего в образе жизни).

Марксисты и веберисты по-разному относятся к проблеме социального неравенства и взаимоотношениям общественных групп. Первые делают акцент на конфликтах, вторые на гармонии разделяемых людьми общих ценностей. Но в обоих случаях явная тенденция к упрощению проблемы, поскольку само содержание категории «социальное неравенство» исторично, оно зависит от стадии развития общества. Классовый и сословный подходы взаимно дополняют друг друга (II, с. 63).

Категории «патронаж» и «коррупция» рассматриваются автором в совокупности, поскольку предполагают функционирование социально-политической системы, основанной на личных отношениях между неравными по своему положению группами людей — «патронами» и «клиентами». Изучение этих отношений помогает понять распределение «ролей» и «правила игры» в данном обществе на определенной стадии развития.

Обращаясь к категории «власть», историки испытывают трудности, связанные с характеристикой механизма принятия решений, определением роли харизмы и ее специфики в данной политической культуре, способов манипулирования массами. Не получила пока еще достаточно полного и ясного раскрытия сама категория «политическая культура». Берке определяет ее как совокупность «политических знаний, идей и чувств, имеющих хождение в данном месте и в данное время». Она включает в себя «политическую социализацию», т. е. средства и символы, при помощи которых эти знания, идеи и чувства передаются от одного поколения к другому (II, с. 77).

Автор обращает внимание на то, что взаимосвязи между культурой господствующей элиты и народной культурой — в зависимости от социальной структуры данного общества — могут носить как комплиментарный, так и конфликтный характер и, соответственно, рассматриваться в терминах «социального контроля» и «культурной гегемонии». Необходимо учитывать характер «культурной гегемонии»: насколько этот фактор используется правящим классом сознательно, или он действует как «латентная рациональность» (II, с. 86), имеет ли место сопротивление «культурной гегемонии», или налицо компромисс между правителями и управляемыми.

Категорию «харизма» Вебер определял как «определенное качество отдельной личности, воспринимаемой благодаря своим достоинствам, как неординарная, наделенная чуть ли не сверхъестественными, сверхчеловеческими качествами, и уж во всяком случае исключительной силой или возможностями» (II, с. 89). Данную категорию Берке рассматривает в связи с категорией «социальное движение» и при этом замечает, что одни только харизматические свойства лидеров не могут объяснить происхождение и особенности социальных движений: необходимо учитывать и характеристику самих этих движений, готовых принять (или отвергнуть) данную харизму. Надо различать движения, инициирующие перемены в обществе и представляющие собой реакцию на уже совершающиеся изменения (более распространенные).

В последнее время историки все чаще обращаются к различным, заимствованным у социальных теоретиков, категориям, связанным с характеристикой духовной жизни общества: этосу, ментальности, идеологии. Особенный интерес для Берке представляет категория «ментальность», которая делает акцент на коллективных имплицитных представлениях людей (так сказать, здравом смысле), присущих данной культуре, на внутренней системной их логике, на том, как они отражаются в осмыслении людьми исторического опыта, а равно и в их коллективных иллюзиях (II, с. 93). В процессе их исследования обнаружились серьезные проблемы, которые необходимо решить на теоретическом уровне: насколько и почему устойчив или, напротив, изменчив менталитет, какова его структура, что определяет специфику отношений между традиционными и благоприобретенными представлениями в разных обществах, каковы «логическая» и «дологическая» формы менталитета, каковы взаимоотношения между ним и идеологией.

Здесь автор обращает внимание на многозначность категории «идеология»: то ли это синоним мировоззрения, то ли — уничижительное противопоставление представлений, навязанных сверху, личным убеждениям. Так или иначе, но каждую идеологию можно рассматривать как «легитимизацию» определенной социально-политической системы. Для Л. Альтюссера, идеология это «воображаемое отношение индивидуума к реальным условиям его существования». Без теоретической разработки содержания категорий «менталитет» и «идеология», их взаимоотношений и реальной роли невозможно проникнуть в содержание харизмы, осмыслить «социальную сцепленность», присущую каждому конкретному обществу.

Далее Берке останавливается на роли языка как «статусного символа» (Т. Веблен) в восприятии и перетолковании субъектом идей, на роли мифов в коммуникативной сфере. Автор предостерегает историков от излишней мифологизации истории, увлечения архетипами и т. п., когда пережитое осмысливается в терминах, позаимствованных из другой эпохи, из другого ряда исторических событий (II, с. 102—103).

Затем Берке переходит к разбору «центральных проблем», главных «интеллектуальных конфликтов», обозначившихся в социальной теории и имеющих значение для историков. На первом плане стоят проблемы идеологического характера: оппозиция между «идеей функ-

ции» (структурой) и ролью «человеческого фактора» (субъекта, делателя истории); взглядом на культуру, как на «суперструктуру» и восприятием ее как действующей силы реального исторического процесса; между оценкой исторического факта как реального знания о прошлом, либо как искусственной конструкции историка.

Центральной для историка является функция изучаемой им социальной системы или отдельных ее институтов, в совокупности своей обеспечивающих ее «равновесность». Несмотря на то, что ситуация в историографии осложнилась в связи с влиянием на нее феноменологии, структурализма, герменевтики, постструктурализма и т. п., традиция функционального исторического анализа, присущая любому историописанию, не только не угасла, но получила второе дыхание, даже обрела стимулы к дальнейшему развитию в рамках структурно-функционального подхода, нацеленного на синтез, взаимообогащение этих двух подходов к изучению истории, исторической причинности, динамики социальных систем. Однако одностороннее увлечение функциональным подходом несет в себе искушение игнорировать социальные изменения, характерные для данного общества, его историзм, роль социальных конфликтов, личные мотивы поведения исторических деятелей. Нет необходимости полагать, что каждый общественный институт несет позитивную функцию, как и утверждать, что существование данного института неизбежно необходимо для того, чтобы в этом обществе проявила себя та или иная функция. Функциональное объяснение исторического процесса не заменяет другие виды исторического объяснения; оно скорее их дополняет. Необходимо правильно учитывать обстоятельства, не имеющие «функционального эквивалента» (II. с. 108). В структурно-функциональном подходе рассматривается комплексное взаимодействие многих институтов (структур), системно-культурных образований, а не только «архитектуральная метафора», например, система базиса и надстройки, как у марксистов.

Структурный анализ данного социума необходимо соединять с анализом историческим, т. е. учитывать происходящие в нем изменения (см. II. с. 113). Именно поэтому историкам и социальным теоретикам следует совместно обсудить ряд методологических проблем, связанных, в первую очередь с соотношением исторического детерминизма и свободного выбора, осуществляемого субъектами исторического процесса. Ни функциональный, ни структурный подход (каждый в отдельности) не смогли разобраться с теоретическими аспектами социальных изменений. Берке же рассматривает категорию «социальные изменения» в широком смысле, т. е. не только как изменение структур, в том числе и взаимоотношение основных классов, образующих данное общество, но и как изменение всех компонентов жизни и развития общества — его политической организации, экономики и культуры. Он перечисляет основные теоретические модели «социальных изменений»: линейные (иудео-христианские варианты философии истории), «модернизационные» (социологические и экономические), циклические (у теоретиков эпохи Ренессанса и, добавим, века Просвещения, а также у О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Кондратьева). Некоторые теории акцентируют внутренние факторы изменений и описывают развитие общества в терминах «органических метафор» (рост, эволюция, разложение), иные выделяют внешние факторы (заимствование, подражание, распространение за пределы данного социального организма).

В историографии наибольшее распространение получили теории Маркса и Спенсера. У последнего ударение делается на эволюционном характере социальных процессов, постепенно накапливаемых в самом социуме эндогенных изменениях. Часто этот эволюционный процесс описывается в терминах «структурной дифференциации», т. е. как движение от простого к сложному, от «бессвязной однородности» к «конкретной разнообразности». Собственно эта модель и была воспринята Дюркгеймом и Вебером. Т. Парсонсу и другим теоретикам не составило труда соединить эти идеи. В результате появилась модель «модернизации».

Современные социальные теоретики испытывают большие трудности при объяснении социальных изменений на основе идеи прогресса. Эволюционные модели не учитывают альтернативности, многолинейности, локального своеобразия развития различных обществ (особенно ярко это обнаруживается при перенесении традиционных западных моделей прогресса на страны «третьего мира»).

Многочисленные примеры, содержащиеся в обеих книгах, убеждают в необходимости в полной мере учитывать не только тенденции прогресса, но и объективно оценивать роль тенденций децентрализации, распада, упадка и застоя, которые также присутствуют в истории человечества, не говоря уже о разном понимании тенденции и самой направленности социальной эволюции в разные эпохи в разных социумах. Термины «модернизация», «раннее новое время», «постиндустриальное», «постмодернистское»,

«позднекапиталистическое» общество и т. п. внутренне противоречивы. Их надо использовать исторически, поскольку и «современность», и «модернизация», и «прогресс» по разному понимались каждым поколением людей (II, с. 137).

Берке полагает, что эволюционный подход (в духе Спенсера) оправдан при рассмотрении данного общества как изолированного от других, т. е. без учета его взаимодействия с другими обществами. Но многие социальные изменения были спровоцированы внешними факторами, являлись результатом встречи и взаимодействия разных культур. Не укладываются в эволюционную схему и многие природные факторы. Спенсеровская модель дает искаженное представление о механизме социальных изменений, как якобы плавном прогрессивно-эволюционном, автономном или «подражательном» движении общества.

Марксова модель социальных изменений в некоторых отношениях сходна со спенсеровской: та же идея последовательной смены общественных форм, подчеркивание значимости эндогенных факторов и внутренней динамики способа производства. Но марксисты признают и возможность регресса — рефеодализацию в Испании, «второе издание крепостничества» в Восточной Европе. Валлерстайн исходит из взаимозависимости социального развития в центре и «развития недоразвитости» на периферии мировой системы. Не отрицают марксисты и роль экзогенных факторов (взаимосвязи изменений, совершающихся в разных обществах), они признают многонациональный характер мировой экономики.

Но вместе с тем марксистскому пониманию истории присуще внутреннее противоречие. Экономический детерминизм не согласуется с революционным волюнтаризмом. Отсюда расхождения в среде самих марксистов по вопросу о соотношении политических событий и социальных изменений. Марксистов критикуют за неспособность удовлетворительно объяснить развитие доиндустриальных обществ, раскрыть роль демографических факторов, за их склонность переносить подход к событиям XIX века на историю ранних веков, недостаточный учет значения неклассовых социальных связей.

«Ни одна из моделей социального развития так и не смогла удовлетворить всех историков полностью — в силу различия и разнообразия их профессиональных интересов» (II, с. 147). Они пытались — с большим или меньшим успехом — соединить в своих подходах идеи разных социальных теоретиков.

Берке рассматривает свою работу как попытку найти среднее место между «некритическим порывом к новому подходу и слепым следованием традиционной практике» (II, с. 164). Для историков трудность (очевидно даже главная!) состоит в выборе такой социальной теории, которая бы с наибольшей эффективностью содействовала решению конкретной исследовательской задачи. Берке заранее отвергает возможные обвинения в эклектизме своего подхода к теоретическому историческому исследованию. Если иметь в виду «не более чем поиск идей в разных местах, то я готов признаться в том, что являюсь эклектиком. Быть открытым для новых идей, откуда бы они ни исходили, быть способным применить их в каких-то собственных целях, найти способ проверить их жизненность, — вот что можно считать признаком как хорошего историка, так и хорошего теоретика», заключает свой труд Берке (II, с. 165).

Примечания

1. *New Perspectives on Historical Writing*. University Park. 1992; Burke P. *History and Social Theory*. Ithaca. 1993 (в дальнейшем сноски на эти книги в тексте с обозначением: первая — I, вторая — II).
2. См. GEERTZ C. *Thick Description: Towards an Interpretative Theory of Culture*. — *The Interpretation of Culture*. N. Y. 1973.
3. См.: ЧЕШКОВ М. А. Мирозелостность и история. — *Вопросы истории*. 1995, № 2.
4. WALLERSTEIN I. *The Modern World System*. N. Y. 1974.

D. M. GLANTZ, J. HOUSE. When Titans Clashed. How The Red Army Stopped Hitler. Lawrence. University Press of Kansas. 1995. 414 p.

Д. ГЛАНТЦ. Дж. ХАУС. Когда столкнулись титаны. Как Красная Армия остановила Гитлера.

Тема новой книги американских историков — основателя и бывшего руководителя Бюро по иностранным исследованиям армии США, редактора «The Journal of Slavic Military Studies», члена Российской академии естественных наук Дэвида М. Глантца и преподавателя Гордон-колледжа в шт. Джорджия Дж. М. Хауса — Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Авторы уже многие годы занимаются проблемами советской военной истории и опубликовали ряд значительных трудов на эту тему¹.

В годы холодной войны, жесткого противостояния двух сверхдержав исследования западных ученых, посвященные Красной Армии, имели прежде всего прикладной характер. Для многих американских военных и государственных деятелей было ясно, что военная доктрина Советского Союза во многом основана на опыте успешных и неудачных операций советских вооруженных сил в годы второй мировой войны. Представить себе ясную картину событий тех лет и получить наиболее ценные материалы о боевых действиях Красной Армии в 1941—1945 гг. было одной из главных задач американских военных исследователей. Такого рода работы готовились и публиковались в расчете на слушателей военных академий, для оперативно-тактических занятий командиров и штабов вооруженных сил США. Донести в этих условиях правду о «Восточном фронте» до массового читателя было весьма сложной задачей в силу политических, идеологических причин, а также и из-за недоступности многих архивных материалов.

Сегодня, когда рассекречены многие документы, которые широко используют отечественные историки, и для западных ученых появилась реальная возможность более глубоко и пристально изучить историю борьбы с гитлеровскими захватчиками. Книга Глантца и Хауса не является лишь коррекцией или дополнением к известным трудам А. Кларка, А. Ситона, А. Верта и др. Она представляется новым этапом в развитии американских исследований, когда ученые стремятся более объективно оценить военные усилия Советского Союза в годы второй мировой войны. Авторы используют новейшие российские публикации, основанные на архивных документах, а также германскую оперативную документацию.

Первые главы книги посвящены становлению, реорганизации и подготовке Красной Армии в предвоенный период. Авторы останавливают свое внимание на особенностях советской военной теории 20—30-х годов, оснащении войск новой боевой техникой, структурных и кадровых вопросах.

В отдельном разделе рассматриваются последствия репрессий против командного состава в 30-х годах. Оценивая уровень боевой готовности Красной Армии середины 30-х годов авторы считают, что если бы вооруженные силы Германии и СССР столкнулись именно в то время, то Красная Армия имела бы значительное преимущество над своим противником (с. 10). Однако, к 1940 г. под влиянием неправильных выводов, сделанных из опыта боев в Испании и Финляндии, а также вследствие сталинских репрессий возможности РККА и, в частности, механизированных соединений, сильно сократились (с. 12—13).

Рассматривая события первого периода Великой Отечественной войны (июнь 1941 — ноябрь 1942 гг.), авторы практически повторяют обобщения и выводы о причинах поражений Красной Армии летом и осенью 1941 г., содержащиеся в российских публикациях конца 80—90-х годов. Интересно сравнение выводов, сделанных по этому этапу войны советским и германским военным руководством к весне 1942 года. Сталин, считают они, убедил себя, что уже сумел переломить ход войны, и начал расширять наступление на всех направлениях огромного советско-германского фронта. Это оказалось не под силу уставшим и поредевшим войскам. Гитлер же не хотел признавать того факта, что войска вермахта устояли зимой 1941—1942 гг. не благодаря его приказу «стоять насмерть», а скорее из-за того, что сами русские хотели сделать в то время больше, чем смогли. Кроме всего прочего, успех люфтваффе в снабжении окруженных и обойденных немецких частей в р-не Холма, Спас-Демянска и южнее Вязьмы, создали у Гитлера неправильное представление о возможностях довольно слабой немецкой транспортной авиации, что позднее послужило одной из причин катастрофы под Сталинградом (с. 97).

Авторы выделают битву под Москвой как событие, которое не только опрокинуло стратегические расчеты германского командования разбить Красную Армию в 1941 г., но и положило начало осуществлению на практике умело разработанной в 30-е годы советской доктрины «глубокой операции», которая предполагала высокую концентрацию сил на направлении главного удара. В декабре 1941 г. командующий Западным фронтом Г. К. Жуков приказал образовать в полосе фронта ударные группы, чтобы сконцентрировать немногие имеющиеся в его распоряжении полноценные части против слабых участков немецкой обороны. Так, 10 армия (командующий генерал-лейтенант Ф. И. Голиков) сосредоточила усилия на прорыве германской оборонительной линии южнее Москвы, что

дало возможность 1 гв. кавкорпусу П. А. Белова развернуть наступление через прорыв и развить обозначившийся успех на этом участке фронта. Такого рода действия плюс свежие войска из восточных регионов СССР позволили контрнаступлению под Москвой достигнуть определенных результатов. Однако к январю 1942 г. размах советского наступления сузился, а недостаток подвижных соединений Красной Армии не позволил преследовать и уничтожать отступающие германские части. Многообещающее советское контрнаступление отбросило немцев от Москвы и прилегающих к ней районов, однако не достигло тех стратегических целей, на которые рассчитывало Советское Верховное Командование.

Директива Ставки № 03 от 10 января 1942 г. практически повторяла приказ Жукова, отданный месяцем раньше. От всех командующих фронтами и армиями требовалось использовать для наступления ударные группы и применять их на узких участках фронта. Тем самым достигалось подавляющее превосходство в силах на определенных участках германской обороны. В сочетании с различными мерами по введению противника в заблуждение относительно направления главного удара, такая тактика послужила причиной того, что вскоре немецкие офицеры утвердились во мнении о якобы полном превосходстве русских в живой силе на всех участках фронта (с. 99—100).

Своеобразной изюминкой книги является анализ малоизвестных операций советских армий. Подробно освещается операция «Марс» Калининского и Западного фронтов против группы армий «Центр» в ноябре-декабре 1942 года. Авторы дают свою, оригинальную оценку усилиям советских армий в районе городов Белый, Ржев, Сычевка в период, когда на южном фланге Восточного фронта завершилось окружение войск фельдмаршала Ф. Паулюса. Они отмечают, что хотя позднее операция «Марс» объяснялась советскими историками попыткой отвлечь немецкие силы от переброски в район Сталинграда, масштаб и жесточенность наступления советских армий указывают на то, что главная цель состояла в том, чтобы разгромить группу армий «Центр». Возможно первоначально она имела даже большее значение, чем операция «Уран». Не случайно именно Жуков лично координировал действия Калининского и Западного фронтов. В конечном итоге советское командование, по мнению авторов, намеревалось во второй стадии наступления окружить немецкую 9 армию в районе Ржев-Сычевка и уничтожить основные силы группы армий «Центр» в Ржевско-Вяземском выступе. При условии успеха операции «Марс» советское командование намеревалось провести следующую операцию — «Нептун» или «Юпитер». Успех операции «Уран» на юге, где Ставка сосредоточила теперь свое внимание, скоро затмил провал этого наступления, который стал и «самой крупной неудачей» Жукова (с. 136—137).

Говоря об особенностях советской военной стратегии во второй период Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 — декабрь 1943 гг.), авторы отмечают эволюцию мышления советских военачальников, их способность учиться на собственных ошибках. Успешное контрнаступление фельдмаршала Э. Манштейна в феврале-марте 1943 г. убедило большинство советских генералов в том, что на будущее они должны ставить перед собой более умеренные и реалистичные цели, вместо того чтобы пытаться закончить войну в ходе одного решительного наступления на всем фронте (с. 158).

В книге дан подробный анализ практически всех успешных наступательных операций Красной Армии в третьем периоде войны (январь 1944 — май 1945 гг.). Авторы считают, что особенностью этого этапа было заметное снижение качества ее пополнения, поступавшего из освобожденных районов Западной Украины и Белоруссии. В результате этого советские стрелковые части уже не обладали той силой, которую имели в предыдущий период войны. Неопытность призывников, их неподготовленность к эффективным боевым действиям компенсировались массированным использованием пехоты, поддержанной артиллерией и другими средствами огневого воздействия на противника (с. 218).

Особое место в книге занимает освещение битвы за Берлин. В исследовании был использован не только большой материал, накопленный советскими и зарубежными историками, но и собственный анализ этой операции, а также самые новейшие работы российских ученых, основанные на недавно рассекреченных архивных документах о соперничестве командующих 1-ым Белорусским и 1-ым Украинским фронтами во время штурма Берлина. Представляются несколько спорными выводы о результатах артподготовки и применения Жуковым зенитных прожекторов в ночь на 16 апреля 1945 года. Авторы считают, что 143 прожектора — «неожиданный прием Жукова» — больше ослепляли самих атакующих (с. 263). Однако эти эпизоды не могли, по мнению авторов, заслонить того факта, что битва за Берлин стала шедевром советского военного искусства.

Авторы полагают, что в ходе войны произошла довольно странная трансформация армий противоборствующих сторон. Вермахт превратился в конце концов в некое образование сходное с Красной Армией образца 1941 г., в то время как последняя стала по своей сущности ударной силой «блицкрига» — доктрины, реализованной и развитой на практике советской теорией «глубокой операции». Если в 1941—1942 гг. индивидуальная инициатива на полях сражений являлась отличительной чертой командиров германской армии, то в 1943—1945 гг. они постепенно утратили это преимущество, тогда как советские генералы и офицеры получили реальную возможность в полной мере проявить свой талант (с. 286—287).

Оценивая способность Красной Армии завершить войну и в том случае, если бы союзники не открыли второй фронт, авторы утверждают, что от 12 до 18 месяцев были бы необходимы советским вооруженным силам для разгрома противника. Однако, подчеркивают они далее, в этом случае советские солдаты закончили бы бои скорее всего на Атлантическом побережье Франции. Это был вполне возможный вариант развития событий, несмотря на огромные бедствия, выпавшие на долю советского народа в 1941—1945 годах. Авторы книги указывают, что территория, захваченная гитлеровцами в эти годы являлась эквивалентной территории США от Восточного побережья до реки Миссисипи (с. 285).

В заключении авторы пишут: «Во время празднования 50-летней годовщины высадки союзников в Нормандии в 1994 г. один американский журнал опубликовал на обложке фотографию генерала Дуайта Эйзенхауэра, одновременно наградив его титулом человека победившего Гитлера. Если кто-либо и заслужил подобный титул это отнюдь не Эйзенхауэр, а Жуков, Василевский или возможно сам Сталин. Более пра-

вильным было бы сказать, что Красная Армия и многонациональное советское общество вынесли на себе львиную долю борьбы против Германии» (с. 282—283).

Было бы полезно перевести эту книгу на русский язык, чтобы она стала известной широкому российскому читателю.

М. Ю. МЯГКОВ

Примечания

1. GLANTZ D. Soviet Military Deception in the Second World War. Lnd. 1989; ejusd. From the Don to the Dnepr: Soviet Offensive Operations, December 1942 — August 1943. Lnd. 1991; ejusd. Soviet Military Operational Art: In Pursuit of Deep Battle. Lnd. 1991; ejusd. The Military Strategy of the Soviet Union: A History. Lnd. 1992; HOUSE J. Towards Combined Arms Warfare: A Survey of XXth-Century Tactics, Doctrine and Organization. Fort Leavenworth. 1984; Selected Readings in Military History. Vol. 1. The Red Army, 1918—1945. Fort Leavenworth. 1984.

СССР — Польша: механизмы подчинения. 1944—1949. М. АИРО — XX. 1995. 380 с.

Данная публикация документов подготовлена совместными усилиями российских и польских ученых и архивистов и издана одновременно на русском и польском языках¹ (в Польше, впрочем, вышел более широкий вариант этой книги).

Сборник охватывает период острой внутриполитической борьбы в Польше. Составители включили в него неопубликованные ранее документы из архивов ЦК ВКП(б), главным образом, отдела международной информации. Во второй половине 40-х гг. название отдела неоднократно менялось, но смысл его работы оставался прежним: обеспечение связи советской правящей верхушки с коммунистами-эмигрантами, находившимися в годы войны в СССР, и с зарубежными компартиями. В ЦК ВКП(б), и в частности, в указанный отдел стекалась самая разнообразная информация, что и получило отражение в книге.

Среди авторов публикуемых документов польские коммунисты, находившиеся в годы войны в СССР (Я. Берман, Х. Минц, С. Радкевич и др.), лидеры действовавшей в условиях гитлеровской оккупации Польской рабочей партии (В. Гомулка, Б. Берут и др.), в послевоенный период вошедшие в партийно-государственное руководство страны, а также видные функционеры международного коммунистического движения (Г. Дмитров, Д. Мануильский и др.), высокопоставленные сотрудники аппарата ЦК ВКП(б) (М. А. Суслов, Л. Баранов, В. Григорьян и др.), МИДа (посол СССР в Польше

В. Лебедев), высшие офицеры госбезопасности, работники политуправлений советской армии, корреспонденты «Правды» и ТАСС.

Преобладают в сборнике документы советского происхождения: докладные записки, донесения, сообщения, обзоры, справки, содержащие не только информацию о некоторых сторонах политической, экономической, идеологической и религиозной ситуации в Польше и тактики коммунистов, но и определенную первичную аналитическую обработку, оценку сообщаемых сведений. На основе документов отделов ЦК ВКП(б) составлялись проекты принципиальных политических решений политбюро и постановлений правительства по широкому кругу вопросов советско-польских отношений. Публикация документов, охватывающих большой отрезок времени, позволяет сделать вывод о нарастании информированности советского руководства о положении дел в Польше. Составителям удалось приоткрыть политическую «кухню» многих ключевых событий, связанных с историей возникновения народной Польши.

Документы сборника подтверждают прямое участие Москвы в становлении послевоенного польского государства и весьма активную роль в этом процессе польских коммунистов. Суть отношений двух стран, политики и целей СССР и польских коммунистов составители определили как действие «механизмов подчинения» Польши Советскому Союзу. Представляется, однако, что

столь жесткое и однозначное толкование сути и целей советской политики в отношении Польши, а также процесса становления в этой стране коммунистического режима не является абсолютно бесспорным. Главной целью СССР было обеспечение собственной безопасности. Очень важную роль в реализации этой цели должно было сыграть создание вдоль советских границ «пояса» союзных дружественных государств. Польша была ключевым звеном этой концепции. Нельзя отрицать, что советская сторона использовала при решении этой задачи применительно к Польше «механизмы подчинения» и даже подавления силой оружия. И все же совокупность конкретных политических и иных мер и приемов была гораздо более сложной. Разве не были задействованы в советской политике и политике польских коммунистов такие факторы, как освобождение Польше от фашизма? Да и палитра социальных позиций и политических ориентиров в Польше была тогда весьма пестрой и далеко не однозначно антисоветской. Коммунисты использовали «механизмы» привлечения и убеждения. В разоренной гитлеровцами стране и обнищавшем за годы войны обществе многие верили в обещания коммунистов (это видно, например, из мемуаров М. Раковского).

Материалы сборника отражают общность понимания национально-государственных интересов двух стран и теснейшее взаимодействие советских правящих кругов и верхушки польских коммунистов. Совместными усилиями они строили союзное СССР польское государство. Споры нет, возникало государство зависимое, с ограниченным суверенитетом. И все же, зависимость и подчиненность — понятия не идентичные.

Эту зависимость от СССР демонстрируют особенно документы за 1944 г., которые помогают воссоздать более подробную и отчетливую историю возникновения в Москве Центрального бюро коммунистов Польши, Штаба партизанского движения в Польше, налаживания контактов Москвы с подпольной ППР, участия Москвы в формировании органов новой власти. К 1944 г. относятся 28 из 58 включенных в сборник документов (в польском варианте — 44 из 73).

Представляют интерес советские документы, отражающие борьбу двух течений в руководстве ППР: сторонников скорой и всеобщей сталинизации режима во главе с Берутом и тех, кто поддерживал Гомулку, ориентировавшегося на использование условий переходного общества и концепцию «польского пути» к социализму (письма Берута в ЦК ВКП(б) от 10 апреля 1944 г. и Гомулки Сталину от 14 декабря 1948 г., а также докладную записку отдела внешней политики ЦК ВКП(б) Суслову от 5 апреля 1948 г.).

Документы позволяют проследить динамику советской политики в отношении Польши в 1944—1948 г., историю разрешения конфликта в руководстве польской партии и смены политического курса

в коммунистическом движении, ставшей необратимой в 1948 году. Важное место с этой точки зрения среди названных документов занимает вышеупомянутая записка, адресованная Сулову. Составители считают, что вряд ли сейчас можно ответить на вопрос: кем был инициирован этот документ — отделом внешней политики, имело ли место «задание» сверху, или же данный «заказ» поступил из Варшавы? Вопросы эти далеко не праздные.

Ответы на них можно получить, если не ограничивать поиск одной страной, а взять материалы по другим странам Восточной Европы. Из документов, хранящихся в РЦХИДНИ, известно, что в марте — апреле 1948 г. тому же Сулову и практически теми же людьми были направлены еще три документа аналогичного содержания, касавшиеся руководства компартий Югославии, Чехословакии и Венгрии². Характер критики Й. Б. Тито, М. Ракоши и К. Готвальда, больше похожей на обвинения, подборка «компромата», лексика, внутренняя организация текста делают эти документы «близнецами». Это значит, что они составлялись по прямому указанию советских «верхов». Готовилась смена лидеров, возглавлявших компартии в период реализации концепции «национального пути» к социализму. Усилиями Москвы готовилось изменение политического курса, происходила переориентация на ортодоксально-догматическое течение в самих компартиях стран региона. На этом фоне и конфликт с Югославией и снятие Гомулки выступают как звенья одной цепи в политике советского руководства.

В этой связи вызывают размышления предложенные составителями сборника хронологические границы публикации. Если январь 1944 г. действительно стал рубежом в развитии страны и высказанная во вступлении на этот счет аргументация может быть даже усилена, то рубеж 1949 г., на наш взгляд, для данной публикации не является столь безусловным. Составителям следовало бы ограничить свою публикацию 1948 годом.

Авторы предисловия связывают 1949 г. со «вступлением Польши в фазу полной сталинизации» (с. 6). Строго говоря, 1949 г., действительно, открывает новый этап в послевоенной истории как Польши, так и всего региона. Наступало время приближения к «классической сталинизации». Нельзя не согласиться с мнением польского историка и члена редколлегии рецензируемого издания А. Пачковского, который назвал первые послевоенные годы (1944—1948) в Польше временем, когда в общественном устройстве существовало еще много элементов, «не соответствующих советской модели тоталитарного государства». Он определил общественный строй 1944—1948 гг. как «скорее некую переходную систему, позволяющую снизить издержки — внутренние и внешние — великой трансформации», а завершение этого перехода обоснованно связал с возникновением

ПОРП в декабре 1948 года³. Документы ЦК ВКП(б), Совета министров и МИД СССР дают основания рассматривать 1949 г. как принципиальный рубеж, с которого началась новая фаза развития Польши.

В 1949 г. заметно изменились характер документов, их целевые установки, тональность, лексикон и, что особенно важно, из числа партнеров почти полностью исчезли политики некоммунистического спектра. Широким фронтом развернулось, в том числе и в Польше, буквальное копирование советского опыта. И эта специфика просматривается во включенных в сборник документах за 1949 год.

Научную ценность сборника существенно повышают высоко профессиональные комментарии к документам.

Составители не претендуют на освещение всех сторон советской политики в Польше; вместе с тем содержание сборника дает возможность отечественным и зарубежным историкам оценить информированность советских правящих кругов, их способность учесть конкретную ситуацию в Польше, реальные возможности и доктринальные постулаты коммунистов.

В польский вариант сборника не включены, к сожалению, некоторые принципиально важные документы, публикуемые в российском издании. Мы имеем в виду записку Мануильского Димитрову от 24 февраля 1944 г., точнее, приложенный к ней текст телеграммы в Польшу, и письмо Гомулки Сталину от 14 декабря 1948 года. В первом из названных доку-

ментов речь идет о звучащем из Москвы предостережении польским коммунистам, что их позиция может «создать ложное впечатление, что ППР ведет курс на советизацию Польши, чего нет на самом деле и не должно быть» (док. № 7). Письмо Гомулки является не только отражением политического и гражданского мужества убежденного сторонника «польского пути» к социализму, но и прямым свидетельством перемены стратегического курса коммунистического движения в 1948 г. по инициативе ЦК ВКП(б). Таким образом, эти документы, — ключевые для понимания периода 1944—1947 гг. в истории Польши и поворота 1948 года. Их отсутствие в польском издании «смазывает» динамику во внутривнутриполитическом развитии Польши во второй половине 40-х годов.

А. Ф. НОСКОВА

Примечания

1. Polska-ZSRR. Struktury podległości. Dokumenty KC WKP(b). 1944—1949. Warszawa. 1995.
2. См. MURASCHKO G., NOSKOWA A., WOŁOKITINA T. Das Zentralkomitee der WKP(b) und das Ende der «nationalen Wege zum Sozialismus». — Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 1944.
3. PACZKOWSKI A. Półwieku dziejów Polski. 1939—1989. Warszawa. 1995, s. 238, 249.

Протоколы Центрального Комитета Конституционно-Демократической партии. 1905—1911 гг. Т. I. М. Прогресс-Академия. 1994. 528 с.

Введение в научный оборот протоколов ЦК кадетской партии поможет решению двуединой задачи: определить подлинное место и историческую роль главной либеральной партии России и преодолеть догматизм в понимании проблемы роли пролетариата в двух российских буржуазно-демократических революциях.

Данная проблема в трудах большинства советских историков приобрела ярко выраженную догматическую форму. Эти исследователи доказывали, что, если на Западе пролетариату возможно и нужно было готовить себя к осуществлению гегемонии, то русский пролетариат с самого начала был гегемоном революции и оставался таковым вплоть до Октября 1917 года. Но правда заключается в том, что на нисходящем этапе революции 1905—1907 гг. кадетская партия сумела подчинить своему идейному влиянию большую часть крестьянства, некоторые слои пролетариата, городских обывателей. В. И. Ленин прямо указывал, что весной и летом 1906 г. во главе народа встала либерально-монархическая буржуазия. Наступил, говорил он, кадетский период русской революции¹.

В первом томе предполагаемого шеститомного издания протоколов ЦК и зарубежных групп Конституционно-демократической партии опубликовано 174 документа (протоколы и протокольные записи) за период с октября 1905 г. по ноябрь 1911 года. Часть протоколов — «глухие» (октябрь — декабрь 1905 г., лето 1907 г.). С января по начало апреля 1906 г. сохранилась лишь постановляющая часть протоколов, записи обсуждений отсутствуют. С 1908 г. протоколы ЦК кадетской партии стали оформляться стенографически и полнота их значительно повысилась.

Представленные научной общественности документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (фонд 523). В них отражена деятельность ЦК кадетов по подготовке партийных съездов, вопросы стратегии в политической деятельности и тактики партии в избирательных кампаниях, деятельность Государственной Думы, ее конструирование. Например, на заседаниях 22 и 26 апреля 1906 г. был решен вопрос об образовании парламентского комитета партии. Периодически

ЦК заслушивал доклады своих членов по различным вопросам. Так, 19 сентября 1906 г. были заслушаны доклады П. Н. Милюкова о положении партии и общественном настроении, В. Д. Набокова о I Государственной Думе и о положении в ней кадетов, Н. А. Гредескула — о Выборгском воззвании. Подавляющее большинство протоколов опубликовано впервые. Несколько ранее, в 1990—1992 гг. протоколы периода первой российской революции были опубликованы В. В. Шелохаевым и Д. Б. Павловым в журнале «Вопросы истории»².

Протоколы освещают попытки кадетов легализовать свою партию, найти компромисс с правительством, обозначить свои отношения с соседями «слева» и «справа» в освободительном движении. Например, из протоколов явствует, что вся политика кадетской партии во II Думе была направлена на реализацию собственного лозунга «Беречь Думу!». При этом стратегический план ЦК предусматривал новую попытку компромисса с П. А. Столыпиным. На заседании ЦК 31 января 1907 г. А. С. Изгоев предложил следующий план. «Наша программа, — говорил он, — целиком не осуществима. Необходим компромисс. Мы будем соглашаться с теми группами, которые признают оппортунизм. Если левые против этого, мы будем заключать союзы с правыми». 9 февраля при обсуждении доклада Милюкова о тактике партии в Думе Л. И. Петражицкий выступил с призывом демонстрировать умеренность. И 16 февраля ЦК решил оставить лозунг ответственного министерства, но прибавить к нему требование министерства, пользующегося доверием большинства. Из этого вытекало, что при согласии Столыпина на ряд уступок кадетам, его министерство могло бы опираться на доверие думского большинства, т. е. кадетов.

Опубликованные документы отражают не только историю кадетской партии, но и содержат бога-

тую информацию о деятельности других политических партий.

Итак, выпущен I том. Перед учеными-публикаторами еще три группы документальных материалов, хранящихся в упомянутом фонде. Во-первых, это документы думской фракции кадетов, состоящие, главным образом, из протоколов заседаний, часто проходивших совместно с ЦК партии. В протоколах отражен весь круг вопросов, обсуждавшихся в связи с предстоящими заседаниями Государственной Думы: тактические и организационные вопросы, предварительное обсуждение законопроектов, вносимых фракцией, межфракционные отношения и т. д. Вторая группа материалов — документы партийных съездов и конференций и переписка по их организации. Третья группа — переписка ЦК с местными организациями. Она охватывает почти всю Российскую империю. Главная тема — положение местных организаций кадетской партии, их деятельность и влияние на массы. Особый интерес представляют переписка с петербургской и московской организациями, включающие в себя отчеты о деятельности московского отдела ЦК, протоколы заседаний агитационной комиссии московской организации, протоколы заседаний Петербургского городского комитета, материалы предвыборных кампаний в обеих столицах.

В. В. КОРНЕВ

Примечания

1. См. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 14, с. 107; т. 16, с. 34, 111, 121.
2. Протоколы ЦК с октября 1905 по сентябрь 1906 г. были опубликованы, хотя и не полностью, в журнале «Красный архив» (1931. Т. 46).

История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.).

М. Международные отношения. 1995. 448.

Создание многотомного коллективного труда по истории внешней политики России было задумано более десяти лет назад академиком А. Л. Нарочницким, не успевшим ее осуществить. В настоящее время работа над пятитомником «Внешняя политика России (конец XV в. — 1917 г.)» ведется в Институте российской истории РАН.

Первая половина XIX в. богата интереснейшими и важнейшими для Европы событиями, в которых Россия принимала самое непосредственное участие. Этот период достаточно хорошо разработан в русской дореволюционной и советской историографии, богат документальными материалами, среди которых особое значение име-

ет многотомная публикация документов МИД СССР.

Как сказано в предисловии, авторы ставили своей задачей исследовать историю внешней политики России, опираясь на факты, документы и труды предшественников; проанализировать внешнеполитические программы и дипломатические акции Петербурга, проследить переплетение и взаимодействие различных направлений внешней политики России, выделив, как особо важный, Восточный вопрос. Авторы считали необходимым «внести коррективы в отличающиеся тенденциозностью определения, оценки, выводы, а также осветить забытые или все еще мало известные события, факты, имена» (с. 7).

Книга привлечет внимание специалистов по проблемам внешней политики России, хотя у них возникнут свои замечания и соображения о том, как было бы лучше построить изложение, отобрать материал и т. д. Но положительные качества книги заметит каждый читатель. Изложение выдержано в едином стиле, содержит яркие, иногда «нетрадиционные» характеристики императоров, ряда государственных деятелей и дипломатов — К. Меттерниха, К. В. Нессельроде, И. Каподистрии, А. Чарторьского, А. Ф. Орлова, А. С. Меншикова и др. Особенно интересна глава, посвященная трагедии Крымской войны (В. Н. Пономарев). Авторам удалось сочетать освещение внешнеполитических акций и особенностей российской дипломатии на различных этапах с характеристикой международных отношений, складывавшихся в Европе.

Европейская политика России заняла основное место в томе. В отдельную главу выделены отношения с государствами Средней Азии, Китаем, Японией и США. Это представляется обоснованным, поскольку связи Петербурга с данными регионами и странами были еще малоактивными и несколько обособленными от политики в отношении европейских стран. Глава эта содержит интересный и малоизвестный фактический материал, показывающий неуклонное расширение сферы внешней политики России на протяжении XIX века.

Менее обоснована конструкция книги при изложении политики России в Восточном вопросе, то есть в отношении Османской империи и балканских народов. Политика России на Балканах и Ближнем Востоке была на протяжении всей первой половины XIX в. важной составной частью международных отношений в Европе, одним из главных предметов противоборства России с западными державами. Поэтому излагать это направление российской дипломатической активности целесообразнее было бы хронологически, в общем потоке европейской политики. В большинстве случаев такой принцип выдержан, исключая главу «Россия и восточный кризис 20-х годов». Это приводит к ненужным повторениям. Спорно и само выделение 20-х годов в отдельный период. Если учитывать общий комплекс российской внешней политики, а также события внутренней истории (восстание декабристов, приход к власти Николая I), не лучше ли было бы провести грань между 1825 и 1826 годами?

В период наполеоновских войн политика России в отношении Османской империи, на Балканах и в Восточном Средиземноморье занимала, хотя и не первостепенное, но достаточно важное место в русско-французском противоборстве. Эта тема хорошо разработана в нашей историографии. Поэтому вызывает удивление, что данная проблематика почти отсутствует в главах, посвященных началу XIX века (А. Н. Сытин). В них достаточно квалифицированно анализируются отношения России с европейскими державами в эпоху Наполеона, но не

говорится о присоединении Грузии и других событиях, связанных с русской политикой на Кавказе и в отношении Персии, о создании греческой Республики Семи Соединенных островов и разработке при активном участии российских деятелей ее конституции; политике в отношении Первого сербского восстания; об экспедиции адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море и т. д.

Излагая историю русско-французских переговоров в Тильзите и подготовки свидания двух императоров в Эрфурте, автор утверждает, что при обсуждении Восточного вопроса и судьбы турецких владений в Европе русская сторона добивалась лишь разграничения сфер влияния на Балканах. Такого рода предложение действительно фигурировало в инструкциях Александра I для ведения переговоров. В них даже выдвигалась идея «реорганизации управления» в Дунайских княжествах, Сербии, Турецкой Албании и бывших владениях Венеции в Адриатике, т. е. о предоставлении этим территориям автономии. Но это совсем не исключало стремления царизма к территориальной экспансии. Переговоры на этот счет велись в Тильзите и после него, а в Эрфуртскую союзную конвенцию было включено условие о присоединении к России Финляндии, Молдавии и Валахии.

Вопреки собственной декларации авторам не удалось в полной мере использовать и оценить труды своих предшественников, в частности исследования А. Л. Нарочницкого (он упомянут лишь в связи с изложением международных отношений на Дальнем Востоке), труды Е. В. Тарле и А. З. Манфреда по периоду наполеоновских войн. Не встречаются в книге упоминания и ссылки на работы А. М. Станиславской, среди которых книга «Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798—1807», в которой проанализирован широкий круг проблем, касающихся не только Средиземноморья, но и всей внешней политики России, ее отношений с европейскими державами; книгу А. Ф. Миллера «Мустафа паша Байрактар» — об Османской империи и русско-турецких отношениях начала XIX в.; статьи А. Л. Шапира, Н. И. Казакова и других авторов. Забыто последнее в советской историографии исследование Л. А. Зака о дипломатической борьбе после крушения империи Наполеона, а также переведенная на русский язык книга итальянского историка Дж. Берти «Россия и итальянские государства эпохи Рисорджименто».

И в других главах политика России на Кавказе, в отношении Персии излагается довольно скупо. Зато политике в отношении балканских народов, Османской империи уделено достаточно внимания. Заметим, однако, что говоря о поддержке царским правительством национально-освободительного движения подданных султана, необходимо учитывать, что оказывалась она главным образом при подготовке и во время русско-турецких войн, но не в годы, когда Россия придерживалась курса на продление существования «слабого соседа».

В частности, в 30-е годы основные усилия направлялись не на «поддержку освободительного движения православных народов Балкан» (с. 324), а на укрепление российских позиций в этом регионе. Можно было бы также подчеркнуть, что наиболее благоприятной для балканских народов особенностью политики России в Восточном вопросе было стремление добиться постепенного выделения из состава Османской империи небольших национальных государств. Мыслилось, что это будет происходить не в результате народных движений, а постепенно, дипломатическими средствами, путем предоставления и расширения автономных прав отдельным национальным территориям. В этом по-видимому выражалось понимание неизбежности перехода к национальному принципу государственности, которому предстояло заменить принцип династический. Политика Петербурга в отношении балканских народов не всегда была одинаковой, но конечной целью ее, тайной или явной, было разрушение империи османов. Благодаря дипломатическим акциям и войнам России с Турцией уже в первой половине XIX в. процесс создания независимых национальных государств на Балканах стал необратимым.

Ряд важных и сложных проблем поднят во вводной главе, названной «Экономические и политические реалии эпохи Александра I и Николая I» (О. В. Орлик). Среди этих проблем — цели и последствия российской внешней политики, государственные, классовые и национальные интересы, которые она должна была обеспечивать. Этот круг вопросов разрабатывался в нашей историографии, например в трудах А. В. Фадеева и Е. И. Дружининой. Вполне обоснованным можно считать заключение Орлик, что царизм, расширяя границы империи, стремился удовлетворить претензии господствующих классов — дворян-помещиков и молодой буржуазии. При этом в завоеванные царизмом земли шла «вольная» крестьянская колонизация. Автор делает вывод о переплетении «сословных и общенациональных задач в политике России», что проявилось при «формировании границ на Кавказе, урегулировании с Турцией вопроса о режиме

Черноморских проливов», определении дальневосточной границы. Вместе с тем признается, что «русское правительство, как и правительства других европейских держав», проводило имперскую политику (с. 16—18).

К сожалению, во вводной главе не затрагивается сложный и достаточно спорный вопрос о существовании упомянутых выше «общенациональных задач», об их отличии от классовых (сословных) и государственных интересов. Хотелось бы также получить краткие сведения о том, как и почему изменялись направления российской территориальной экспансии. Ведь после окончания наполеоновских войн, приобретения Финляндии, польских земель, Бессарабии фактически была выполнена задача расширения границ государства на запад и юго-запад. В частности, уже после Венского конгресса (а не пятнадцатью годами позже, как сказано во вводной главе) Петербург не проявлял заинтересованности в продвижении на Балканы. Но с этого времени усилилось стремление расширить границы империи на Кавказе, несколько позднее в Средней Азии, а в отношении владений в Северной Америке проявлялась пассивность.

Такие перемены, как представляется, были следствием учета российскими государственными деятелями (несмотря на противодействие экстремистски настроенной части их) реальных возможностей, экономических и политических интересов страны, как и краха наполеоновской империи. Создавать «мировую державу» царизм не хотел. Но все же задача создать благоприятный для России режим проливов, договориться о судьбе владений Османской империи в случае ее распада не раз выдвигалась в ходе дипломатических переговоров.

К книге приложено много иллюстраций, но, к сожалению, отсутствует карта территориальных изменений Российской империи в первой половине XIX века.

В целом авторы и редакторы успешно выполнили свою трудную задачу.

И. С. ДОСТЯН

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XIII, вып. I. М. Наука. 1992. 480 с.

Данный выпуск содержит материалы за первую половину 1713 года. В него вошли 513 документов. В основной части выпуска напечатаны письма и бумаги, написанные или отредактированы Петром I — всего 249, (включая дубликаты и трипликаты), 28 писем только упоминаются, т. к. их тексты не обнаружены, хотя указания на них имеются в ответных письмах Петру I и других источниках.

Все документы расположены в строго хроно-

логическом порядке. Открывается публикация письмом Петра I к датскому королю Фредерику IV от 15 декабря 1712 г. и завершается отредактированным Петром I текстом Адрианопольского мирного договора с Османской империей от 13 июля 1713 года.

Большинство важнейших государственных вопросов решалось в петровское время на личном уровне, чем и объясняется преобладание писем

в данной публикации. Остальные документы — указы, инструкции, резолюции на вопросные пункты, военные диспозиции, а также дипломатические акты — полномочные и верительные грамоты, тексты договоров и др.

Основное место в сборнике занимают материалы, связанные с Северной войной, вступавшей в рассматриваемый период в новую фазу. После Полтавского сражения, в котором было нанесено поражение основным силам сухопутной армии шведов, на повестку дня встает задача срочного строительства мощного военно-морского флота на Балтике, где еще господствовала Швеция. В начале второго десятилетия XVIII в. российский балтийский флот практически не располагал линейными силами. Первые 50-пушечные линкоры еще строились, а фрегаты, построенные в первом десятилетии, уже утратили боеспособность. В короткое время ответственные верфи не были способны обеспечить нужды флота, поэтому Петр I принимает решение — закупать корабли за границей, что было поручено еще в 1711 г. русскому кораблестроителю Ф. С. Салтыкову. К 1713 г. значительное число военных кораблей было уже закуплено и необходимо было доставить эти корабли в Россию. Этому вопросу посвящена переписка Петра I с Салтыковым, русским послом в Дании Б. И. Куракиным и морскими офицерами И. А. Синявиным и А. Рейсом. Двое последних непосредственно осуществляли проводку кораблей до Ревеля. Операция была успешной. Из всех закупленных кораблей только один попал в руки шведов, остальные благополучно дошли до места и составили ядро Балтийского корабельного флота.

План кампании 1712 г. в Померании выполнен не был, не удалось осуществить десант в Швецию. Союзные войска смогли овладеть только городами Штаде и Бремен. Военные действия 1713 г., как свидетельствуют публикуемые документы, развернулись в Голштинии: русские войска преследовали армию генерала М. Стенбока. Зимой 1713 г. под Фридрихштадтом шведам было нанесено сокрушительное поражение. От окончательного краха их спасло только то, что голштинский герцог, нарушив нейтралитет, впустил их в крепость Тонинген. Петр I отбыл в Россию, поручив осаду А. Д. Меншикову. После длительной осады крепость, наконец, пала. В мае 1713 г. Стенбок сдался в плен, его армия перестала существовать. Летом русско-саксонские войска последовательно овладели о. Рюген и г. Штеттин, что и завершило кампанию в Померании. Русская армия отбывает в Россию, оставив здесь 6-тысячный корпус. Переписка Петра I с Меншиковым и другими военачальниками весьма полно освещает эти события.

Особый интерес представляют вопросные пункты должностных лиц с резолюциями Петра I. Исполнители монаршей воли, даже такие высокопоставленные как Меншиков, часто не решаясь действовать самостоятельно, стремились получить у Петра I разъяснения по тем или иным вопросам.

Овладению Финляндией Петр I придавал большое значение. План кампании 1713 г. предусматривал совместные действия сухопутных войск, галерного и корабельного флотов. Финляндская кампания 1713 г., о которой свидетельствуют опубликованные документы, в целом была успешной. Русские войска взяли Гельсингфорс и Або, заняли значительную часть Финляндии. Сухопутная мощь Швеции была значительно ослаблена.

Ряд материалов сборника связан с заключением Адрианопольского мирного договора. После неудачного Прутского похода Россия всеми силами пыталась удержать Турцию и Крым от военных действий на стороне Швеции.

Многие документы посвящены другим направлениям дипломатической деятельности России — установлению более тесных, в том числе и брачно-династических отношений с германскими государствами, попыткам сохранить Северный союз, а также воздействовать на ход Утрехтского конгресса. Политическая расстановка сил в Европе после окончания войны за испанское наследство была далеко не безразлична для России. Не исключалась возможность заключения мира со Швецией, по поводу чего Россия консультировалась со своими союзниками.

В выпуске содержатся документы, связанные с комплектованием армии и флота, рекрутскими наборами, разработкой военного законодательства, строительством военных кораблей на отечественных верфях.

Помимо военно-дипломатической тематики можно выделить группы документов, связанные с внутренними преобразованиями (указ Сенату об изменении местного управления в связи с учреждением должностей ландратов и др.); с хозяйственными и торговыми вопросами (в частности, о запрещении вывоза некоторых российских товаров через Архангельск, для того чтобы оживить торговлю в балтийских портах, или о дальнейшем развитии Санкт-Петербурга).

Большую часть книги занимает раздел «Примечания», в котором содержатся выполненные на весьма высоком профессиональном уровне комментарии к каждому публикуемому в основной части документу. Кроме того, практически по каждому петровскому документу приведены сопутствующие тексты, написанные корреспондентами Петра I.

Огорчает малый тираж этого издания — 1150 экземпляров (тираж предыдущего выпуска составлял 6300 экземпляров), а также крайне медленные темпы подготовки очередных томов. Издание «Писем и бумаг» осуществляется с перерывами с 1887 года, а предыдущий сборник (второй выпуск двенадцатого тома) вышел из печати в 1977 году. При таких темпах для завершения публикации понадобится еще не менее ста лет.

Б. В. КОЛОБОВ

Доктор исторических наук Э. Л. Нитобург (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН), специалист по истории негритянского населения США обратился к теме, пока еще слабо и фрагментарно разработанной в нашей историографии. Между тем в жизни афроамериканцев США религия и церковь занимают особое место.

В комплексном историко-этнографическом исследовании рассматриваются наиболее крупные проблемы, связанные со становлением, развитием и спецификой афроамериканской церкви США, ее роли в адаптации и формировании этнического самосознания американских негров. В настоящее время афроамериканская церковь представлена и христианскими и нехристианскими верованиями, хотя очевидное предпочтение отдается христианству, которое вынуждены были принять предки современных афроамериканцев — черные рабы, привезенные в Северную Америку в XVII—XVIII веках.

В английских колониях рабы, как правило, становились объектом внимания местной церковной администрации или отдельных религиозных деятелей, но обращение их в христианство не имело массового характера. Христианизацию рабов сдерживала прорабовладельческая позиция колониальных церквей. Существует мнение, которое автор книги явно не разделяет, что квакерская община была исключением, выступления же отдельных ее представителей против рабства были не чем иным, как голосами «пророков, вопиющих в пустыне»¹.

Некоторые сдвиги в процессе христианизации афроамериканцев наметились в результате «Великого пробуждения» 1726—1756 гг. — широкого евангелического движения за возрождение религии, послужившего стимулом для развития миссионерства, в том числе и среди рабов. Однако первое «Великое пробуждение» являлось по преимуществу «белым феноменом». Второе «Великое пробуждение» 1795—1835 гг., происходившее уже после Войны за независимость, ставило перед собой цели более широкие, а именно — евангелизацию населения всего Северо-американского континента, включая негров. Особую активность в осуществлении евангелизаторских планов проявляли баптисты и методисты, заботившиеся помимо прочего и о создании независимых негритянских приходов. Таким образом, второе «Великое пробуждение» обозначило начало широкой христианизации негров и формирования христианской афроамериканской церкви. Подчеркивая принципиально важное значение этого евангелического движения для афроамериканцев США, автор замечает, что оно способствовало «пробуждению у них не только религиозного сознания, но и зачатков группового самосознания» (с. 24).

Накануне Гражданской войны 1861—1865 гг. негритянская церковь активно выступает против

рабства. В книге подробно рассмотрено, как крепла эта церковь, показана ее роль в аболиционистском движении. Особое внимание обращено на деятельность негритянских приходов, руководимых Африканской методистской епископальной церковью (образована в 1816 г.) и Негритянской баптистской церковью (образована в 1825 г.). Реакция белой церкви на изменения в религиозной ситуации была неоднозначной: в то время, когда часть духовенства (особенно на Севере) ратовала за автономию негритянских приходов, большинство священников предпочитало, как пишет автор, «цензурированную христианизацию», т. е. организацию религиозной жизни рабов под контролем рабовладельцев. Создававшиеся в 30—50-х гг. XIX в. в южных штатах плантационные миссии содействовали реализации этой цели. Для опровержения прорабовладельческих и антинегритянских аргументов, выдвигавшихся белой церковью, негритянские церкви и их лидеры, как отмечают автор, широко использовали доктрины «Великого пробуждения» и, в первую очередь, идею «всеобщего спасения».

Представляет интерес анализ содержания и характера религии рабов. Многие наблюдения и выводы Нитобурга существенно дополняют исследования американских ученых (Р. Парка, Э. Ф. Фрэнзера, М. Херсковица, Ю. Дженовезе, А. Рэбото и др.). Автор рассматривает религию рабов как феномен, возникший в результате взаимовлияния двух культур — американской и африканской. В черном христианстве органически сплелись христианская мифология и элементы традиционных африканских верований. Трудно не согласиться с автором, что без этой религии «рабы по всей вероятности, оказались бы жалкой неорганизованной и отчаявшейся массой, полностью изолированной от американской культуры» (с. 80). Сложившийся в южных штатах на основе этой религии «невидимый институт христианства» помогал рабам не только адаптироваться к существующим условиям, но и способствовал, как указывает автор, появлению у них «чувства коллективной идентичности и становлению группового социально-расового самосознания» (с. 102).

Ликвидация рабства в США породила новые проблемы для негритянской церкви. Гражданская война принесла черным рабам свободу, но следом за тем — усиление расовой дискриминации и сегрегацию, в том числе и в религиозной сфере. Ответом на это явился небывалый рост численности негритянских церковных организаций и сепаратистские действия черного духовенства. Последние во многом провоцировались белыми протестантскими священниками, в большинстве зараженными англосаксонским расизмом и требовавшими разделения американского христианства по расовому признаку. К началу XX века это разделение в основном завершилось.

Автор прав, называя период с момента окончания Гражданской войны в США до начала первой мировой войны «критическим» в истории афроамериканской церкви. Указанный период характеризовался обострением межрасовых отношений в американском обществе, что похоронило надежду черных на получение ими равных с белыми прав в религиозной сфере, вызвало усиление сепаратистских и появление национальных тенденций, ставших определяющими в дальнейшем развитии афроамериканской церкви.

Значительный интерес представляет рассмотрение положения афроамериканской церкви в период между двумя мировыми войнами. «Великая миграция» в 1915—1940 гг. с юга и быстрая урбанизация темнокожего населения осложнили и без того не простую конфессиональную обстановку в городах США. Большинство черных переселенцев, вырванных из привычных условий существования и лишенных постоянной пастырской поддержки и внимания своей церкви, оказалось в руках «пророков» и руководителей разного рода сект и культов, в основном пятидесятнических. К концу 30-х годов черная община, особенно в городах Севера, «была буквально перенасыщена церквами всех типов и толков» (с. 148). Усилившаяся в годы экономического кризиса расовая дискриминация привела к дальнейшему росту сепаратистских и националистических настроений, в том числе и среди верующих афроамериканцев. Крайними формами выражения этих настроений в религиозной области явились черное мусульманство и черный иудаизм, идеологи которых настаивали на отрицании христианской системы ценностей и отказе от всех элементов «белой» американской культуры.

В послевоенные десятилетия, показано в книге, во многом изменилось как социально-экономическое положение, так и общественное сознание темнокожего населения США. У значительной части афроамериканцев эти изменения усилили осознание своей принадлежности к североамериканской нации и своего права на равенство с белыми во всех областях жизни. Сильным противовесом этим настроениям явились сепаратистские лозунги черных националистов, призывавшие негров отказаться от отождествления себя с американцами. Идеологическое размежевание, которое окончательно определилось в негритянском движении к середине XX в. не позволило афроамериканской

церкви выступить единым фронтом в борьбе за гражданские права в 50—60-е годы. В книге указывается, что лишь одна десятая часть черного духовенства активно участвовала в движениях протеста. Совместным действиям препятствовала как националистическая пропаганда черного мусульманства, так и приспособленческая позиция ряда лидеров черного христианства, находившихся под влиянием расистов «белой» Южной баптистской конвенции. Активная роль в решении ключевых проблем освободительного движения в тот период принадлежала интеграционистскому течению, наиболее видным лидером которого стал баптистский пастор М. Л. Кинг.

Автор справедливо считает, что своими успехами в области завоевания гражданских, а затем и реализации политических прав, негритянское движение второй половины XX в. во многом обязано религиозным деятелям и религиозным организациям, ставящим во главу угла вопрос о социокультурной ассимиляции и интеграции афроамериканцев. Отмечая положительные результаты участия афроамериканской церкви в общественно-политических движениях XX в., Нитобург вынужден констатировать, что в самих религиозных институтах процессы расовой интеграции развиваются весьма медленно, и большинство верующих афроамериканцев по-прежнему идентифицирует себя с характерными для афроамериканской общины религиозными традициями. И тем не менее, по заключению автора, «черная церковь продолжает выполнять свою историческую роль адаптивного механизма для потомков африканских рабов в США» (с. 246).

Солидное исследование Нитобурга вносит значительный вклад в разработку афроамериканской темы, и в американистику в целом, во многом благодаря своей религиозоведческой направленности. Религия, этот, по словам С. Н. Булгакова, «универсальный факт человеческой жизни» в последнее время все чаще привлекает внимание историков, осознающих, как правильно заметил автор, что в истории религии находит «отражение история самих людей» (с. 5).

А. А. КИСЛОВА

Примечания

1. См. DRAKE Th. E. Quakers and Slavery in America. New Haven. 1950, p. 34.

История Древнего Рима. Изд. 3-е, перераб. и дополн. М. Высшая школа. 1993. 366 с.

Одна из сильных сторон этого учебника, написанного В. И. Кузициным, И. Л. Маяк и О. И. Савостьяновой, — наглядность изложения материала.

Книга богато иллюстрирована портретами римских политических деятелей, изображениями произведений античного искусства, предметов быта, таб-

лицами, схемами и реконструкциями, что помогает составить достаточно полное представление о римской цивилизации и ее вкладе в становление современного мира. Кстати, своей информационной насыщенностью учебник выгодно отличается от некоторых зарубежных изданий аналогичного назначения¹.

Во вводной части при характеристике источников по истории древнего Рима учтены результаты новейших (70—80-е гг.) археологических исследований на территории, принадлежавшей некогда Риму. Обзор историографии начат с XIX в., т. е. с того времени, когда история древности окончательно оформилась как наука (в первом издании этот обзор начиная с сочинений средневековой Европы и древней Руси).

Большим плюсом здесь является объективный подход к оценке роли научных школ, направлений и отдельных ученых. Подчеркнуты сильные стороны современной зарубежной науки об античности. Должное место в истории отечественной и мировой науки наконец отведено М. И. Ростовцеву (с. 22сл.).

При обзоре древнейшей истории Рима анализируется историческая основа легенд и мифов. Находки в последнее время микенской керамики и известные по табличкам линейного письма «Б» слова, вошедшие в латинский язык, трактуются как следы попыток греков-ахейцев закрепиться в районе Тибра в конце II тыс. до н. э. К числу наиболее удачных мест книги относится характеристика организации провинциального управления у римлян (с. 86), роли Юлия Цезаря в римской истории (с. 170), принципата Августа (с. 186—200).

Книга, однако, не свободна от известных противоречий и погрешностей. Так, события, приведшие к падению царской власти в Риме, трактуются то как «заговор аристократов» (с. 48), то как «восстание местного населения» (с. 58). Точка зрения, согласно которой «Ганнибал в Италии был оставлен на произвол судьбы своим правительством» (с. 85), является данью устаревшим представлениям, поскольку доказано, что на протяжении всей II Пунической войны в карфагенском руководстве доминировали сторонники Баркидов (правда, для действенной помощи своему полководцу у Карфагена просто не хватало ресурсов²).

Разделяя высокую оценку деятельности Юлия Цезаря, можно все же усомниться в том, что он «не дал развиваться в душе жестокости, мести и ненависти» (с. 170). Поведение Цезаря действительно контрастировало с обычным образом действий победителей в гражданских войнах конца Римской рес-

публики, но диктовалось это в первую очередь популистской целесообразностью и отнюдь не обходилось без исключений (кампании 46 и 45 гг. до н. э.).

Представляется преувеличенным значение, придаваемое столичному люмпен-пролетариату как постоянному источнику «пополнения огромной наемной армии» (с. 196). Уже при Августе воинский (причем принудительный) набор в самом Риме проводился лишь в исключительных случаях (6 и 9 гг. н. э.) и энтузиазма у населения не вызывал.

Трактовка причин устранения императора Домициана выглядит противоречивой: если на с. 215 утверждается, что «в 96 г. потерявший всякую популярность правитель был убит в собственном дворце», то на следующей странице справедливо констатируется, что преемник Домициана, Нерва, «должен был считаться с интересами преторианцев и армии, в которой династия Флавиев и сам Домициан... пользовались популярностью».

В учебнике имеется ряд неточностей, впрочем, очень немногочисленных. Провинция Германия была создана не при Августе, как указано на с. 199, а лишь при Домициане. Император Траян был уроженцем не провинции Италика (с. 217), а испанского города с таким названием (провинция Бетика или Дальняя Испания). Колония, основанная на месте Иерусалима (с. 228), именовалась Элия Капитолина. Плавтилла, жена императора Каракаллы, была дочерью не Марка Аврелия (с. 304), а префекта претория Плавтиана. Эдикт Деция, положивший начало массовым репрессиям против христиан, все же нельзя считать распоряжением «о преследовании христиан по всей Империи» (с. 310). В действительности это была мера, призванная укрепить лояльность всего населения Римской державы по отношению к центральной власти (в условиях острейшего кризиса), но она не имела подчеркнуто антихристианской направленности³.

Суммируя сказанное выше, можно заключить, что новое издание учебника по истории древнего Рима вполне соответствует своему назначению.

В. Н. ПАРФЕНОВ

Примечания

1. См., например: BORDET M. Précis d'histoire romaine. P. 1991.
2. КОРАБЛЕВ И. Ш. Ганнибал. М. 1976, с. 156, 290сл.
3. См.: СЕРГЕЕНКО М. Е. Гонение Деция. — Вестник древней истории, 1980, № 1.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Возвращаясь к напечатанному

Ленинградская группа рабочей демократии

Демократическая партия, о которой написал А. И. Тарасов в журнале «Вопросы истории» (1995, № 7), была не первой и не единственной антисоветской организацией в СССР. Полагаю, что и до войны и после нее существовало немало других оставшихся нам не известными антисоветских организаций. За 20 лет до возникновения в Москве Демократической партии в Ленинграде сформировалась группа студенческой молодежи социал-демократического направления, сначала именовавшая себя Ленинградской группой революционной молодежи (ЛГРМ), а впоследствии — Ленинградской группой рабочей демократии (ЛГРД). А в 1949 г. я встретил на этапе две дискутирующие между собой группы организованной молодежи из техникумов Астрахани и Орджоникидзе (Владикавказ). Одна из них была религиозной — баптистской, другая, именовавшаяся «Свободная мысль», — политической, антисоветской. В столыпинском вагоне, по пути в Оренбург, я беседовал с юным участником, возможно, лидером этой группы, сыном Медведя, бывшего до убийства С. М. Кирова уполномоченным УГБ по Ленинградской области. Меня удивила тогда литературная эрудиция этого юноши: в то время он был уже знаком с творчеством Н. С. Гумилева, которого у нас тогда не печатали.

ЛГРМ сформировалась в 1927 г. из пяти человек, впоследствии в разное время мне удалось привлечь к работе еще пятерых, не знакомя их с первой группой, а по принципу конспиративной цепочки, разбитой в свою очередь на два звена. В первой группе состояли, кроме меня, тогда студента второго курса Ленинградского университета, двое студентов Политехнического института, уже получивших в школьные годы боевое крещение — арест за расклеивание антисоветских листовок, сы-

новья профессоров Всеволод Шатров и Алексей Сенакевич, еще не поступивший в институт и познакомивший меня с ними Алексей Пичугин, тоже прошедший арест за участие в Северном союзе социалистов-революционеров, и позднее присоединившийся к нам Дмитрий Шаблювский, который только что окончил среднюю школу. С нами постоянно контактировал, хотя и не числился формально членом группы, бывший лет на пять старше нас, уже заканчивающий ленинградский Институт народного хозяйства Евсей Давидсон. С 1929 г. он работал по организации системы технического образования в Ленинграде.

Свои политические убеждения мы изложили в небольшой «Декларации ЛГРМ», в которой существовавший у нас экономический строй характеризовался как государственный капитализм, а политический — как фашистский, аналогичный бывшему тогда еще только в Италии. Впрочем, эту декларацию мы не размножали. Первым нашим относительно «массовым» выступлением было составление и распространение агитационных листовок в октябре 1928 г., когда начался «ударный квартал» первой пятилетки. Обыгрывая этот официальный термин, мы писали о том, что едва начался этот квартал, как советская власть больно ударила по рабочему классу. В дальнейшем, в течение первой пятилетки мы составили и распространили еще несколько таких листовок о закреплении рабочих, об ухудшении жизненного уровня, о ликвидации многих социальных завоеваний и фактическом аннулировании прогрессивного трудового кодекса 1923 года. Автором всех листовок был Шатров, исключенный в 1929 г. одновременно с Сенакевичем с четвертого курса Политехнического института за открытое выступление на общестуденческом собрании в институте против со-

циальной и экономической политики советского правительства.

Листовки размножали довольно кустарно: писали под копирку на очень тонкой бумаге по пять-шесть экземпляров, но с приметными конспирации — в перчатках и с помощью чертежных трафаретов, печатными буквами, чтобы не проявить особенности индивидуального почерка, и раскладывали их в простые конверты, с использованием и копиров, в которых, глядя на свет, можно было ясно прочесть тот же текст. При двойной переписке у пятерых получалось до сотни экземпляров. Затем в 10—11 час. вечера разъезжались по разным районам города, поднимались по этажам и на пустынных площадках бросали эти конверты с листовками в квартирные ящики в дверях. В условное время появлялись все в зале Октябрьского вокзала и, не подходя друг к другу, убеждались в том, что никто из нас не задержан.

В 1934 г. Шатров написал проект нашей программы, в которой была более обстоятельно развернута совокупность наших политических убеждений. Ее стержень — система гарантий против перерождения государственной власти. В отличие от ортодоксальной социал-демократии, кроме требования политической и хозяйственной демократии, мы делали ударение в программе-максимум на прямой рабочей демократии, то есть на обязательном участии всего управленческого класса в общем производительном, и тогда еще в основном физическом, труде. Отсюда и новое название группы — Ленинградская группа рабочей демократии.

Одно из теоретических обоснований этого требования можно найти в статье Ф. Энгельса «К жилищному вопросу» (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 18, с. 215—216). Оно, конечно, далеко от актуальных практических задач как той, так и нашей современности, но важно как принцип, характеризующий наше представление о подлинном социализме и об одной из необходимых гарантий от перерождения государственной власти (не «директор от станка», а «директор у станка»).

Шатров написал три экземпляра этой программы, которую мы активно обсуждали, внося стилистические поправки и дополнения по существу. Увы, именно на этом этапе нашей деятельности я и Станислав Пиненков были арестованы на основании показаний Бориса Лихтермана, тогда как из остальных четверо были арестованы независимо один от другого, в разные последующие годы, а трое погибли на фронтах Отечественной войны.

Привожу своеобразный именной указатель членов Ленинградской группы рабочей демократии, чтобы полнее и конкретнее осветить их судьбу.

Шатров Всеволод Владимирович (1908 г. рожд.). Исключен в 1929 г. из ленинградского Политехнического института за выступление на общестуденческом собрании против антирабочей политики правительства. Был призван в армию и на-

правлен в воздушные силы Балтфлота, в Кронштадт, где оставался и на сверхсрочной службе в качестве электротехника. Он был нашим основным теоретиком, автором проекта программы, листовок и нескольких рукописных статей, в том числе «Об авторитете» и некоторых других, изъятых у нас при обыске, которые, возможно, сохранились в архивах государственной безопасности. Он погиб в августе или сентябре в 1941 г. в боях у Невской Дубровки.

Сенакевич Алексей (1908 г. рожд.). Одновременно с Шатровым исключен из Политехнического института за выступление против экономической политики советского правительства. Сразу завербовался на Кузнецкстрой, где работал в качестве инженера. Погиб на фронте в Отечественную войну.

Пичугин Алексей Николаевич (1908 или 1909 г. рожд.). В свои школьные годы (1925) подвергся аресту по делу Северного союза социалистов-революционеров. Поступил в 1929 г. в Ленинградский химико-технологический институт. У него на квартире (12-ая Красноармейская ул., д. 6, кв. 37) проходили первые наши собрания. Женившись, он почти перестал принимать участие в деятельности группы. Был арестован после войны. Умер в Ленинграде после освобождения из заключения.

Шаблювский Дмитрий (ок. 1909 г. рожд.). Учился в морском, или в каботажном, техникуме. Через него мы отправили за границу несколько писем с рассказом о положении в Советском Союзе, в том числе моему другу Исааку Франку, учившемуся на юридическом факультете Ковенского университета, в редакцию английской газеты «Daily Herald» с протестом против деятельности англо-советского комитета и др. Шаблювский попал в заключение во время войны или до нее и погиб в лагерях.

Давидсон Евсей Григорьевич (ок. 1902 г. рожд.). Был беженцем в первую мировую войну в Самарской губ., в г. Бузулуке. В 1920 г. он возглавлял разрешенную тогда в Бузулуке легальную молодежную фракцию «Поалей Цион», но когда во время выборов на губернский съезд учащихся старших классов комсомольцев во всех средних школах провалили, его и других избранных с ним на съезд, и евреев и русских, арестовали под предлогом незаконности организации «Поалей Цион». На съезд поехали выделенные горкомом (тогда еще укомом — уездным комитетом) комсомола, остальных арестованных через несколько дней «за неимением достаточных улик», как сообщалось в местной газете «Коммунистическая жизнь», освободили, а Давидсона и секретаря организации Юлию Комиссарову отправили в чекистский подвал в Самару, где и продержали два месяца. В 1930 г. Давидсон окончил в Ленинграде Институт народного хозяйства. Одновременно уже на последнем курсе работал по организации всесоюзного заочно-

го рабочего политехникума (ВЗРП), затем преобразованного в ЛИЗО (Ленинградский институт заочного обучения), сначала замдиректора, а потом директором. После расформирования этого института перешел работать в сектор заочного обучения ЛАДИ (Ленинградского автодорожного института). У Давидсона была в это время прекрасная библиотека, в которой мы тогда могли знакомиться с изданиями Централхива, например, стенографическими отчетами Учредительного собрания, первого съезда Советов, книгами К. Каутского, Р. Гильфердинга и др. Давидсон погиб в Отечественную войну на Воронежском фронте.

Корнилов Петр Николаевич (ок. 1906 г. рожд.). Мой однокурсник из г. Мичуринска (Козлова) Тамбовской области. Писал стихи, но продвинуть их в печать не удавалось. После окончания университета он работал литконсультантом. Попал в заключение до войны, освобожден после нее. Умер в Ленинграде в конце 60-х или начале 70-х годов.

Ершов Петр (ок. 1907 г. рожд.). Мой однокурсник из Нижегородской области. В начале 30-х годов пытался перейти финляндскую границу, чтобы попасть в Испанию. Его заключение тогда оказалось недолгим, поэтому наши контакты с ним были непродолжительными. А после того как по окончании следствия в апреле 1935 г. меня перевели из одиночки на Шпалерной в общую камеру, в которой через решетчатую дверь было видно ведомых мимо по коридору заключенных из соседних камер, я узнал среди них Ершова. Но ни сути предъявленных ему обвинений, ни времени ареста, ни дальнейшей его судьбы мне узнать не удалось.

Пиненко в Станислав Николаевич (ок. 1909 г. рожд.), из Самары. Он работал техническим редактором многотиражки в какой-то военной академии. Мой единственный одноделец. Вел себя на следствии очень мужественно. Когда следствие по нашему делу окончилось и нас 2 апреля следователь Дмитриев вызвал из разных одиночных камер, чтобы объявить, что дело направляется в суд, нам дали ознакомиться с протоколами допросов. Из них я узнал, что Пиненков на всех неоднократных допросах отвечал: да, у меня сложились антисоветские убеждения, были единомышленники, но какие-либо показания на эти темы я давать отказываюсь. Поскольку заваленные в то время делами о троцкистах и террористах судебные инстанции отказались, вероятно, разбирать наше дело, оно было направлено в Особое совещание НКВД, которое вынесло заочно приговор по три года исправтрудлагерей, что тогда уже считалось «детским» сроком. Сколько лет ему пришлось фактически отбывать и пережил ли он заключение, я не знаю. Дважды я с ним случайно встречался на этапах — в знаменитом Мариинском распреде в ноябре 1936 г., когда нас направляли на Дальний Восток, меня из 2-го сельскохозяйственного отделения Си-

блага, а его со строительства Чуйского, или Горношорского, тракта, а затем в мае 1937 г. в пос. Бира Еврейской автономной области (ЕАО) Хабаровского края. Я был там несколько месяцев бесконвойным, работал секретарем начальника финчасти XI отделения Дальлага и встретил подконвойную партию заключенных, среди них был Пиненков. Удалось перекинуться парой фраз. Их отправляли из пос. Каменка, боюсь, что на Колыму. Через кассира я передал ему махорку.

Лихтерман Борис Александрович (ок. 1904 г. рожд.), юрисконсульт Ленинградского морского порта. Полагаю, что он попал в заключение по какому-нибудь бытовому или служебному преступлению, например, за растрату, и тогда донес на нас двоих. Других он и не знал. Никаких его показаний к нашему делу приобщено не было, но устно следователи при допросах ссылались и на его показания.

Я, Шварц Григорий Моисеевич (1908 г. рожд.) из г. Бузулука бывшей Самарской губернии. Окончил в 1930 г. историко-лингвистический факультет Ленинградского государственного университета по отделению русского языка и литературы. До своего ареста работал в системе заочного технического образования в качестве инструктора и преподавателя (консультанта-рецензента) по русскому языку. Арестован был 19 февраля 1935 г. транспортным отделом Ленинградского управления госбезопасности, вероятно, потому, что последним местом моей работы был Ленинградский институт инженеров водного транспорта (ЛИИВТ), да и виновник нашего ареста Лихтерман был тоже работником транспортной системы. В течение полутора месяцев меня содержали в одиночке (без прогулок и передач) и допрашивали, приблизительно, 17 раз — следователь Дмитриев и начальник п/отдела Нейштадт, а один раз — начальник отдела Перльмутр и прокурор. На все вопросы, касающиеся политических убеждений, я отвечал откровенно, и они протоколировали цитатами из проекта нашей программы. Например: «Ваше отношение к Октябрьской революции? — Октябрьская революция не оправдала надежд трудящихся и не осуществила целей, поставленных партией большевиков. — Цель Вашей деятельности? — демократизация режима». Но основная часть вопросов была связана с личностью Шатрова, рукописи которого под псевдонимом «М. Данилов» были отобраны у нас при обыске. Большой досуг в одиночке позволил мне сочинить историю о том, что я с ним познакомился случайно, сидя рядом в театре, и встречались мы в условленном месте, в кафе, подлинной фамилии и адреса его я не знаю, и мне известна только его кличка, но час, место встречи и его кличку я назвать отказываюсь — так я приготовил себе путь к отступлению. После дюжины подобных допросов с угрозами применения ко мне «прогрессивной» системы («Мы шпионов раскалывали!») я назвал адрес кафе на Невском близ

Госиздата, время выдумал также — последнее воскресенье каждого месяца в 6 час. вечера, кличка мне пришла в голову — Михаил Кошевой. Одновременно я обдумывал план самоубийства.

Не знаю, как они поверили всей этой басне, но меня продержали лишний месяц (март) в одиночке, чтобы отвезти на Невский в кафе на свидание с Михаилом Даниловым: Кошевым. Дали мое пальто, пенснэ, перед входом в кафе Нейштадт в шинели остался снаружи, а мне и Дмитриеву дал по несколько рублей. Дмитриев сел за другой столик. Я заказал себе невероятное количество пончиков, кофе и прочего. Вероятно, своим бледным видом поразил официантку и посетителей. Разумеется, никто из ожидавшихся не появился. На обратном пути Нейштадт угрожал мне: «Вы нас дурачили! Теперь получите за все!» Но на другой день следователь Дмитриев задал всего один вопрос для протокола: чем я объясняю, что Данилов-Кошевой не пришел на свидание. Я ответил, что только тем, что, не встретив меня в феврале в кафе, он понял, что я арестован.

В мае нам объявили, что суд отклонил рассмотрение нашего дела, и оно передано в Особое Собрание НКВД, которое вынесло приговор в июне по ст. 58, пп. 10—11: 3 года исправтрудлагерей. Срок я отбывал в 1-м и 2-м отделении Сиблага и в XI отделении Дальлага. По окончании срока я был заключен в июне 1938 г. в следственный изолятор

и после 18-дневной голодовки и выздоровления в ноябре был осужден выездной сессией спецколлегии областного суда ЕАО в пос. Бира по ст. 58, п.10 за антисоветскую агитацию в лагерь на семь лет и три года поражения в правах. Отбывал дальнейшее заключение в Дальлаге (на лесоразработках) и с 1941 г. — в Омлаге (на строительстве авиазавода и в сельхозе).

После освобождения из лагеря в сентябре 1945 г. в числе «директивников», отбывших срок по 58 ст., я работал сначала без права выезда из Омской области в сельхозе и на Омском судоремонтном заводе, а получив паспорт в августе 1946 г., возвратился в родной город Бузулук. Здесь до 1949 г. работал в качестве преподавателя русского языка и литературы, затем — счетоводом и школьным библиотекарем. 30 июля 1949 г. был вновь арестован и после полугода предварительного заключения в Бузулуке и Оренбурге был на основании прежней судимости отправлен в ссылку в Красноярский край в Больше-Улуйский район, где в течение пяти лет, до сентября 1954 г., работал в колхозах счетоводом (на трудоднях).

По возвращении из ссылки в Бузулук работал на счетной работе, а затем 15 лет — школьным библиотекарем. С 1973 г. на пенсии. Реабилитирован в октябре 1989 года.

Г. М. Шварц, г. Бузулук.

«Всего же более убогих не забывайте...»

Именно к милосердию и к реальной деятельности призывали в течение веков эти известные слова из «Поучения Владимира Мономаха». История российская свидетельствует о том, что представители различных сословий отдавали свои средства, силы, время и энергию нуждающимся, организовывали благотворительные общества, открывали детские приюты, богадельни, больницы. Но этого было явно недостаточно.

Очень типичной для конца XIX в. представляется мне история создания земской больницы в с. Петровское Рузского уезда Московской губернии.

Я живу в этом селе и работаю врачом-лаборантом в местной, бывшей земской, больнице. Всегда интересовалась историей, а года три тому назад занялась краеведением, в частности, историей земской медицины, историей местных земских лечебных заведений. Стала работать в архивах и нашла там много интересных материалов. В 1996 г., как свидетельствуют документы, хранящиеся в Центральном историческом архиве г. Москвы — ф. 65, оп. 7, д. 60; оп. 11, д. 268; ф. 17, оп. 102, д. 100; ф. 1, оп. 2, д. 2233 и др., Центральном государственном архиве Московской области — ф. 2129, оп. 1,

д. 20; ф. 6760, оп. 1, д. 288; ф. 660, оп. 1, д. 221 и др., и специальная литература, к которой в первую очередь относятся «Труды губернских съездов врачей Московского земства», хранящиеся в Российской государственной библиотеке в Москве, нашей больнице исполняется 100 лет.

Съезды земских врачей оказали большое влияние на развитие земской медицины. 1-й съезд врачей Московского земства состоялся в 1876 г.; на нем была принята программа развития и совершенствования земской медицины, решались главные вопросы: «участковость», «стационарность», ежегодная отчетность. В этом же году Рузский уезд был разделен на два санитарных участка — Рузский и Никольский; каждым участком заведовал земский врач. В Никольском участке имелось три фельдшерских пункта, один из которых был открыт в нашем селе Петровском.

В отчете врачей за 1876 г. особо нездоровых местностей в Рузском уезде не отмечено. Из эпидемических болезней зафиксированы брюшной тиф, оспа, скарлатина, дифтерит, но развития они не имели. Для родовспомогательной помощи земство имело двух акушеров — одна при городской (в г. Руза) больнице, другая — в с. Ни-

кольском. Но дело это находилось в жалком положении: крестьяне обращались к акушерке только при неправильных родах, и таких случаев было за 2 года всего 15. Оспопрививанием занимались все фельдшеры.

В 1877 г. в Рузском уезде по-прежнему одна больница — в г. Руза, на 50 кроватей. Однако бурное развитие капитализма в России в послереформенный период укрепило материальную базу самоуправления и создало определенные предпосылки для решения социальных вопросов, в частности строительства больниц. Проходит тяжелое время в земской медицине, и в бедных уездах открываются сельские больницы: в 1878 г. — Воскресенская Звенигородского уезда; в 1879 г. — Солнечногорская Клинского уезда, Глазовская Можайского уезда; в 1880 г. — Серединская Волоколамского уезда. Таким образом, благодаря лучшим земским и врачебным силам, которые заправляли медицинским делом в Московской губ., развивается земская стационарная медицина.

В документах встречается упоминание о том, что Петровский участок охватывает две волости — Мамошинскую и Васильевскую, фельдшер — в с. Петровском. На пяти фельдшерских пунктах Рузского уезда и в Рузской больнице имелись все необходимые лекарства. Они приобретались в Москве в аптеке Керстана — он делал скидку 7% против своего каталога. Микстуры и пластыри готовили в городской больнице.

Рузское уездное земское собрание вновь и вновь ходатайствует перед губернским об устройстве лечебницы в уезде — особенно она необходима в северном, наиболее бедном районе уезда. 5 октября 1880 г. очередное земское собрание вновь возобновило ходатайство. Граф В. А. Шереметев, предводитель рузского дворянства, председатель земского Собрания, жертвует в своем имении Покровском необходимое количество земли, уездное земство выделяет 4 тыс. руб., губернское земство — 20 тыс. руб. — вот оно, результативное единение усилий благотворителей и государства!

Летом 1882 г. началось строительство лечебницы, а осенью она уже приняла первых больных «на кровати». С этого времени были упразднены и два фельдшерских пункта как ближайшие к Покровской лечебнице, один из них — в нашем селе. Фельдшера же переводят в Покровскую лечебницу, там же — место его жительства. В определенные числа он объезжает пять селений; в первый день — наше село Петровское. Врач же, помимо разъездов фельдшера, ежемесячно в определенное число также посещает наше село, где ведет прием больных. С июля 1883 г. до июля 1885 г. врачом и фельдшером оказана помощь 2662 больным, а всего было зарегистрировано 3610 посещений.

У земского собрания забота об улучшении санитарного дела была постоянной. В 1885 г. на

8-м съезде врачей Московского земства Рузский уезд выдвигает новый проект санитарной организации в уезде — предлагает устроить врачебный пункт в с. Петровском на Волоколамском шоссе или в другом селении, ближайшем к с. Петровскому. К будущему врачебному пункту предполагается причислить 56 селений Васильевской и Мамошинской волостей, входящих в Покровский медицинский участок. 1887 г. — 9-й съезд врачей Московского земства вновь обсуждает вопрос об устройстве добавочной сети лечебниц. Статистические данные за 1885 г. относительно непомерно высокой смертности свидетельствуют о том, что санитарные и экономические условия, в которых живет население Рузского уезда, крайне неблагоприятны.

В 1891 г. в Московской губ. появилась холера. Принимаются экстренные меры для борьбы с эпидемией. В 1892 г. губернское земство субсидировало 187 тыс. руб. для устройства временных наблюдательных пунктов, служивших дополнением к существующим постоянным лечебницам. Ими заведовали врачи или студенты-медики последних курсов. Всего предложено организовать в Московской губ. 28 пунктов, один из них — в с. Петровском.

В нашем селе временный врачебный пункт был открыт 1 сентября 1892 года. Заведовать им был приглашен врач Московского воспитательного дома Э. Р. Тепфер, живущий при селении Кореньки, в одной версте от с. Петровского. В помощь ему была командирована фельдшерица. На нашем участке было три случая холеры в д. Дуплево — один человек умер, двое выздоровели. 1893 г. — Московская губерния вновь готова к борьбе с холерой. Утверждена Московская губернская санитарно-исполнительная комиссия. На заседании 13 апреля решено открыть 89 дополнительных врачебных пунктов с 1 мая. У нас, в с. Петровском, пункт был открыт в конце июня, закрыт к 15 сентября.

При обзоре состояния врачебно-санитарной организации в уездах Московской губ. за период 1885—1894 гг. даются такие данные: общая смертность по губернии на 1 тыс. человек — 42,7, в Верейском, Можайском, Рузском уездах — 47,5—54,6, то есть крайне высокая. Детская смертность — 35,8 из 100 родившихся; в вышеуказанных уездах — 42,7—48,7 из 100 родившихся.

На 13-м съезде врачей Московского земства в 1895 г. вновь ставится вопрос о крайней нужде во врачебной помощи в северном и южном районах Рузского уезда. Задача эта была решена в марте 1896 г. — устроены два новых земских врачебных участка: Петровский, с центром в с. Петровском на Волоколамском шоссе, и Апальцинский.

Итак, 100 лет назад в с. Петровском был открыт врачебный пункт. Разместился он первоначально в наемном здании. Снята была большая крестьянская изба (бывший постоялый двор). Квартира

врача от амбулатории была отделена капитальной стеной. Состояла эта квартира из двух маленьких комнат и кухни. Сама амбулатория имела довольно удовлетворительные комнаты для кабинета врача и аптеки, но очень маленькую ожидальню. В общем помещение можно было признать удовлетворительным, потому что ничего лучшего в данном месте найти было нельзя. Врач имел подготовленную к врачебной деятельности помощницу — фельдшерицу-акушерку. Во время отъезда врача она его вполне заменяла. Для нее был снят угол в крестьянской избе в нашем же селе.

Произошла важная перемена в уезде — постановление Земского собрания об отмене платы за амбулаторное печение. И еще перемена — врач имеет среди недели один свободный день от приема больных. Земские медики в труднейших условиях провели огромную созидательную работу — врачебный участок явился основной организационной формой земской медицины. За 1898 г. в Петровской лечебнице побывало 5323 человека, в 1899 г. — 7626.

В 1899 г. был возбужден вопрос о постройке амбулатории в с. Петровском. Строилась она всем миром. Губернское земство выделило на это 4,5 тыс. рублей. Крестьяне с. Петровского отвели под постройку больницы 3 дес. земли близ своего села, а две волости — Васильевская и Мамошинская — завезли все строительные материалы бесплатно. Строительный совет Управы выбрал строительную комиссию, поручив ей наблюдать за постройкой, а присмотр за работами возложил на участкового врача и члена Управы. К концу 1900 г. строительство амбулатории с квартирой фельдшерицы, дома врача и сарая было закончено и из наемного здания амбулатория была переведена в собственное. В 1901 г. земство, испросив новую ссуду в 5 тыс. руб., приступило к постройке при Петровской лечебнице госпиталя и других служб.

Благодаря энергичному участию гласного и члена Санитарного совета Рузского земства Д. В. Муранова и участкового врача Е. А. Курманалеевой идет постройка лечебницы согласно плану. И 19 февраля 1902 г. состоялось ее открытие. Здесь еще нет заразного барака, нет родильного отделения, нет водопровода, но происшедшее в Рузском уезде развитие земской медицины уже дает надежду, что лечебница будет доведена до благоустройства. Квартира фельдшера в Петровской лечебнице состояла из комнаты и кухни при амбулатории, а для акушерки — точно такая же в здании госпиталя. Оба помещения были отделены от общего здания капитальными стенами и имели отдельные входы. Квартира фельдшерского персонала имела: кровать, комод, по два стола, 4—5 стульев или табуретов, умывальник и лампу. Отопление и освещение — даровое, от лечебницы. Фельдшерский персонал «продовольствовался» за свой счет, продуктов из больницы не брал. Отдельного помещения для сиделок не было, помещались

они в палатах. Ночью спали на ларях-диванах в коридоре; в них же сиделки убрали свое постельное белье. Дворник, кухарка, прачка помещались в людской при кухне. «Продовольствовалась» прислуга на земский счет.

Вопрос о продовольствии больных впервые был поставлен на 13-м съезде земских врачей в 1895 году. Делом продовольствия больных занимались врач (закупает продукты и осуществляет общий надзор) и одно из лиц младшего медицинского персонала (отпускает продукты кухарке и следит за распределением порций больным, выдачей хлебов и т. п.). Только в некоторых лечебницах с 1901 г. появилась должность экономки, или смотрительницы, для заведования хозяйством.

Обыкновенно больные получали пищу в палатах и ели, сидя на кроватях. Ложки были деревянные, у заразных больных они всякий раз уничтожались. Любопытен перечень основных продуктов питания больных: мясо 1-го и 2-го сортов, телятина, баранина, сепедки, снятки, молоко, русское масло, кашное сало, яйца, ржаная мука, гречневая крупа, картофель, чай, сахар. Кормили больных три раза в день, четвертый — чай между обедом и ужином. Для слабых больных давали кофе с молоком — по назначению врача. Хлеб выдавали и черный для всех (обычно его выпекали при лечебницах) и белый — к завтраку и обеду. На обед — два блюда, преимущественно щи и каша (или жареный картофель). Ужин отдельно не готовился, ели больные то же, что и в обед.

К 1902 г. в Петровской лечебнице было 6 коек, всего три палаты — общие; врач — один, акушерка — одна, фельдшер — один, сиделка — одна, кухарка, прачка, дворник — трое. К 1907 г. в Петровской лечебнице был построен инфекционный барак. Всего коек — 12 (в общем госпитале — 6, в инфекционном бараке — 6). Увеличился и штат лечебницы. Жизненные неудачи и неурядицы коснулись и нашей больницы: оказалось, что она выстроена на низком сыром месте, появился грибок, сначала поразивший дом врача, где были сменены провода, а затем — и госпиталь, что потребовало уже капитального ремонта. Госпиталь был обшит тесом, оштукатурен и окрашен. В госпитале из одной палаты сделана операционная, которую выкрасили масляной краской, другая маленькая комната была отведена под родильную, в ней же помещались послеоперационные больные.

К 1910 г. были отремонтированы амбулатория и квартира фельдшера, к ней пристроена квартира акушерки из комнаты и кухни. Обшит тесом заразный барак. Выстроена новая, на месте сгоревшей, баня и прачечная с комнатой для уборки белья, в ней же и сушится зимой белье. Построен погреб для хранения овощей. Ассигнована 1 тыс. руб. на ремонт дома врача и предполагается постройка родильного приюта, на сумму, полученную от губернского земства. Ремонт и постройка Петровской больницы сделаны частью на пожертвован-

ные деньги, строительные материалы пожертвованы местными крестьянами и помещиками.

В 1913 г. в сентябре состоялся 18-й — последний съезд врачей Московского земства. На нем врачи услышали о новых улучшениях в Рузском уезде: Петровская и Апальцинская лечебницы увеличились на две кровати. В Петровской выстроен родильный барак 12x12 аршин, состоявший из родовой, послеродовой и ванной. Исправлен фундамент, расширена ожидальня, прирублена кухня, вся усадьба обнесена тесовой решеткой. Штаты работников возросли. Однако что касается право-

вого и материального положения медицинского и служилого персонала в лечебницах Рузского уезда, то не было градационных прибавок к жалованию, и так скудному, научных командировок и систематических отпусков для отдыха.

В истории Петровской лечебницы есть, безусловно, интересные страницы и в последующие десятилетия. Сегодня наша больница, созданная совместными трудами земских властей, благотворителей, местных жителей, успешно продолжает свою деятельность.

*В. А. Андреева, с. Ново-Петровское
Истринского р-на Московской области.*

Contents

The Political Archives of the Twentieth Century: I. I. Zhilinskij. The Blockade Diary (Autumn 1941 — Spring 1942). Articles: L. I. GINTSBERG. Looking Through the «Special Files» of the Politburo of the VCP(B); V. I. KUZISHCHIN. Labor Ethics and Antique Polis. Historical Profiles: A. P. BOGDANOV. Mikhail Vasiljevich Skopin-Shujskij. Historians on Time and Themselves: Ju. A. POLJAKOV. The Spring of 1949. Publications: Correspondence of Right-Wingers and Other Materials on Their Activities in 1914—1917. Theoretical Heritage: L. P. KARSVIN. An Introduction to History. People. Facts. Events: A. Ju. ALEXANDROVA. From the History of International Tourism; Ju. L. EPANCHIN. The Role of N. N. Raevskij's the 7th Corps in The Battle of Borodino. Contributions: A. Ja. SHEVELENKO. The Treasures of Early Middle Ages; V. V. POKHLEBKIN. Who Was the First Military Attaché in Europe. Reviews on Books: R. E. KANTOR. The Western Historians' Quest for Theory (Marginalia on P. Berke's Study); D. Glantz, J. House. When the Titans Clashed. How The Red Army Made Hitler Stop; The USSR — Poland: the Mechanism of Bringing into Subjection. The Minutes of the Central Committee of the Constitutional-Democratic Party, 1905—1911; A History of Russia's Foreign Policy. The First Half of the Nineteenth Century (Beginning From Russia's Wars Against Napoleon to the Paris Peace of 1856); Correspondence and Papers of the Emperor Peter the Great; E. L. Nitoburg. The Afro-Americans' Church in the USA; A History of Ancient Rome. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 8, 1996

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер., 1/2

Телефон: 209-96-21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 15.07.96. Подписано в печать 20.08.96. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,05. Тираж 10.200. Заказ 1793. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала „Вопросы истории“»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16